Психолог Элизабет Лофтус смело выступила против преступных, корыстных интересов, продемонстрировав, как легко подделываются воспоминания и как эта фальшивка выдается жертве за абсолютную истину.

Ричард Докинз

18+

МИФ ОБ УТРАЧЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

КАК ВСПОМНИТЬ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Элизабет Лофтус

Элизабет Лофтус

Миф об утраченных воспоминаниях. Как вспомнить то, чего не было

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 159.953
ББК 88.3

Лофтус Э.

Миф об утраченных воспоминаниях. Как вспомнить то, чего не было / Э. Лофтус — «Азбука-Аттикус», 1994

ISBN 978-5-389-13308-2

«Когда человек переживает нечто ужасное, его разум способен полностью похоронить воспоминание об этом в недрах подсознания – настолько глубоко, что вернуться оно может лишь в виде своеобразной вспышки, “флешбэка”, спровоцированного зрительным образом, запахом или звуком». На этой идее американские психотерапевты и юристы построили целую индустрию лечения и судебной защиты людей, которые заявляют, что у них внезапно «восстановились» воспоминания о самых чудовищных вещах – начиная с пережитого в детстве насилия и заканчивая убийством. Профессор психологии Элизабет Лофтус, одна из самых влиятельных современных исследователей, внесшая огромный вклад в понимание реконструктивной природы человеческой памяти, не отрицает проблемы семейного насилия и сопереживает жертвам, но все же отвергает идею «подавленных» воспоминаний. По мнению Лофтус, не существует абсолютно никаких научных доказательств того, что воспоминания о травме систематически изгоняются в подсознание, а затем спустя годы восстанавливаются в неизменном виде. В то же время экспериментальные данные, полученные в ходе собственных исследований д-ра Лофтус, наглядно показывают, что любые фантастические картины в память человека можно попросту внедрить.«Я изучаю память, и я – скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики – корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования». (Элизабет Лофтус)

УДК 159.953
ББК 88.3

ISBN 978-5-389-13308-2

Содержание

Элизабет Лофтус, Кэтрин Кетчем Миф об утраченных воспоминаниях. Как вспомнить то, чего не было

КоЛибри®

* * *

Посвящается научным принципам, которые требуют, чтобы любые притязания на «истину» сопровождались доказательствами

Эта книга, безусловно, вызовет много споров: сторонники теории вытесненных воспоминаний увидят в ней кощунство, другие станут аплодировать той рассудительности и сдержанности, с которой автор подошла к столь деликатной теме.

Kirkus Reviews

Описания «терапевтических» методов, используемых для восстановления воспоминаний, представляют собой пугающее обвинение в адрес представителей этой расцветшей буйным цветом индустрии.

The New York Times Book Review

Вступление

Собирая информацию для этой книги, мы побеседовали с сотнями людей – обвинителями и обвиняемыми, психотерапевтами, адвокатами, психологами, психиатрами, социологами, криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов. Мы прочли тысячи страниц академической и научно-популярной литературы и статей на тему памяти, психотерапии, психологических травм и способов от них оправиться. Истории, описанные в этой книге, основаны на воспоминаниях людей, в жизни которых произошли различные драматические события, а также на наших собственных воспоминаниях об этих историях. Некоторые сцены и разговоры мы представили в виде диалогов, чтобы нагляднее передать важные идеи или упростить повествование, некоторые письма и прочие текстовые материалы мы перефразировали (в особенности письма Меган Паттерсон в главе 10), а тексты судебных протоколов и показания свидетелей – местами отредактировали, чтобы сделать материал более простым для чтения и понимания.

Мы старались избегать влияния типичных предрассудков и опираться на известные и не подлежащие сомнению факты, тем не менее наша интерпретация событий прошлого наверняка содержит неточности. Хотя во время работы над книгой мы всеми силами стремились к балансу и справедливости суждений, мы могли неправильно вспомнить или по ошибке неточно воспроизвести некоторые факты. Мы заранее приносим извинения за любые искажения воспоминаний, оставшиеся после всех стадий редактуры и доработки, которые включает в себя процесс написания и публикации книги. Надеемся, что читатели нас поймут и простят.

Имена некоторых людей были изменены по их просьбе для сохранения конфиденциальности. В таких случаях имя при первом упоминании выделяется курсивом.

Ну и наконец, мы выражаем благодарность и отдаем дань уважения многочисленным талантливым и преданным своему делу психотерапевтам, которые помогают жертвам инцеста и сексуального насилия справиться с последствиями полученной травмы и научиться жить с долговременными воспоминаниями о ней. Они, без сомнения, поймут, что наша цель – не забросать психотерапию обвинениями, а показать, каковы ее слабые стороны и что можно улучшить, чтобы более эффективно помогать тем, кто обращается к специалистам за помощью в решении своих проблем. Мы – не психотерапевты, и любая высказанная нами критика основана на собранной нами информации и нашем собственном опыте в области изучения памяти.

Мы просим наших читателей помнить о том, что эта книга – не рассуждение о том, насколько реально или ужасно насилие над детьми и инцест.

Эта книга – рассуждение о памяти.

Проктор. От посторонних глаз можно спрятать даже дракона с пятью головами. Но ведь его никто не видел.

Пэррис. Ваше превосходительство, мы как раз и собрались здесь для того, чтобы обнаружить то, чего никто не видел.

Артур Миллер. Суровое испытание[1]

[1] Здесь и далее эта пьеса цитируется в переводе Ф. М. Крымко и Н. Г. Шахбазова.

1
Ткань наших снов

И мы сами, и реальность, в которой мы живем, – это реальность нашей психики, представляющая собой лишь (обратите внимание на это унизительное «лишь») продукт поэтического воображения, ни на секунду не перестающего работать. Мы и впрямь живем во времени сновидений, мы и впрямь сотканы из ткани наших снов.

Джеймс Хиллман. Мы потратили сотню лет на психотерапию, а мир стал только хуже (We've Had a Hundred Years of Psychotherapy – And the World's Getting Worse)

Ширли Энн Соуза была идеальным ребенком – «самой милой, чудесной, прекрасной девочкой на свете», как вспоминает ее мать. В старших классах Ширли Энн играла в команде по софтболу и была капитаном команд по баскетболу и волейболу. Она состояла в Национальном обществе почета[2] и окончила школу, заняв девятнадцатое место в своем выпуске по количеству баллов.

После выпуска Ширли Энн устроилась работать в психиатрическую клинику и пошла учиться на фармацевта. Позднее, в возрасте двадцати одного года, она была жестоко изнасилована. После нападения ее оценки резко ухудшились. Она перевелась в другой университет, поближе к дому, и родители купили ей машину, чтобы она могла навещать их по выходным. Меньше чем через год, летом 1988-го, на Ширли Энн снова напал насильник, а в августе 1989-го он был обвинен в применении физического насилия и нанесении побоев и приговорен к полутора годам тюремного заключения.

Сеансы психотерапии, казалось, помогали Ширли Энн справляться с чувством горя и ярости, но ее мучили непрекращающиеся кошмары. В этих ужасных снах над ней надругалась ее мать, у которой был пенис, ее брат принуждал ее заниматься с ним сексом, а отец – насиловал сзади распятием. С помощью своего психотерапевта Ширли Энн попыталась проанализировать и истолковать эти кошмары. Однажды утром в июне 1990 года она, в порыве внезапного и шокирующего озарения, поняла, что именно пытались сообщить ей сны: ее родители насиловали ее, когда она была ребенком, и в попытке защитить себя она подавила воспоминания об этом. Ширли Энн немедленно позвонила своим сестрам – родной и сводной, и стала умолять их держать детей подальше от бабушки с дедушкой – Реймонда Соузы, вышедшего на пенсию монтера, работавшего в компании Massachusetts Electric, и Ширли Соузы, которая работала медсестрой.

Страх стал распространяться, словно чернила, пролитые на промокательную бумагу. Ширли Энн, ее сестра Шерон и сводная сестра Хизер прочли книгу Элен Басс «Мужество исцеления: руководство для женщин, переживших сексуальное насилие в детстве» (The Courage to Heal). Как они узнали, «если вы не помните, как вас насиловали, вы не одиноки». «Многие женщины ничего об этом не помнят, и некоторые не вспомнят никогда. Это не значит, что они не были жертвами насилия».

Опросники и списки симптомов подтвердили их опасения. Встревожившись, они поговорили со своими детьми и повели их к психотерапевтам, чтобы поставить диагноз и назначить лечение. В ноябре 1990 года психотерапевт пятилетней *Синди* заметил, что информация, которую сообщала девочка, «повторялась и была несколько запутанной…», и сделал вывод,

---

[2] Национальное общество почета (National Honor Society) – организация в США, в которую входят хорошо успевающие ученики. – *Прим. перев.*

что «присутствует давление со стороны матери». Спустя несколько недель мать Синди сменила психотерапевта и повела дочь к специалисту по проблемам сексуального насилия над детьми. На первом же сеансе терапевт поставил Синди диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» – классический признак пережитого сексуального насилия. Когда четырехлетней *Нэнси* стали сниться кошмары с пугающими существами, в которых она узнала своих бабушку с дедушкой, девочка стала ходить на сеансы к тому же психотерапевту.

На основе воспоминаний, описанных их детьми и внуками, Реймонду и Ширли Соуза были предъявлены обвинения. Прокурор сразу же предложил им следующее: если они согласятся признать свою вину, их освободят без тюремного срока. Супруги Соуза отказались, и была назначена дата слушания.

Во время судебного заседания, которое проходило почти через три года после того, как Ширли Энн начали сниться кошмары, Нэнси рассказала, что бабушка с дедушкой заставляли ее трогать их гениталии, «целиком засовывали ладонь» в ее влагалище и даже засовывали в него «свою голову». Она описала механизм размером с комнату, которым ее бабушка с дедушкой управляли, нажимая на какую-то кнопку. У этого механизма были руки, которые «делали ей больно». Согласно показаниям Синди, ее бабушка и дедушка засовывали пальцы в ее влагалище и анус, сажали ее в огромную клетку в подвале, заставляли пить отвратительное зеленое зелье и угрожали, что воткнут ее матери в сердце нож, если она кому-нибудь расскажет.

Несмотря на полное отсутствие вещественных доказательств, 12 февраля 1993 года суд вынес приговор Реймонду и Ширли Соуза (каждому из них на тот момент был 61 год) за множественные случаи сексуального насилия, посягательства на половую свободу и побои. Если их апелляция будет отклонена, они проведут от девяти до пятнадцати лет в тюрьме из-за воспоминаний, которых не существовало до тех пор, пока взрослой женщине не приснился плохой сон.

2
Странное время

Тревожно наше время, сэр. Никто уже не имеет права сомневаться, что силы тьмы завладели Сейлемом. Слишком много доказательств. Вы согласны, сэр?
Артур Миллер. Суровое испытание (слова преподобного Джона Хейла)

Зачастую величайшим врагом правды оказывается вовсе не ложь – преднамеренная, продуманная и бесчестная, а миф – живучий, убедительный и эфемерный.
Джон Кеннеди

Я – психолог-исследователь, и всю свою жизнь посвятила изучению памяти. Вот уже двадцать пять лет я провожу лабораторные исследования, курирую студентов магистратуры, пишу книги и статьи, путешествую по миру, посещая конференции и делая выступления. На моем счету много исследовательских работ с заголовками вроде «Искажения воспоминаний под воздействием ложной информации», «Концептуальный анализ механизмов обработки информации в человеческом мышлении» и «Эффект дезинформации: изменения воспоминаний, спровоцированные информацией, полученной после запоминания произошедшего события».

Я считаюсь довольно авторитетным специалистом в том, что касается гибкости нашей памяти. Я сотни раз давала показания во время судебных слушаний, когда судьба человека зависела от того, поверят ли присяжные свидетелям, которые устремляют на обвиняемого указующий перст: «Это он. Я его видел. Он это сделал». Я встаю за свидетельскую кафедру и пересказываю известные мне научные истины, предупреждая судей, что наша память нестабильна и крайне подвержена внешнему влиянию, что она подобна панорамной грифельной доске, на которой можно бесконечно писать, раз за разом стирая написанное. Я стараюсь впечатлить присяжных, рассказывая о том, как уязвим наш разум, насколько он по своей природе подвержен внешнему воздействию. Я придумываю метафоры, стараясь как можно лучше передать суть. «Представьте, что ваш разум – это чаша, наполненная чистой водой. Теперь вообразите, что каждое воспоминание – это чайная ложка молока, которое смешивается с водой. В мозге любого взрослого человека хранятся тысячи таких смутных молочных воспоминаний… Кто из нас сумел бы отделить воду от молока?»

Эта метафора мне особенно нравится, поскольку она опровергает распространенное представление о том, что воспоминания якобы хранятся в определенной части мозга, словно компьютерные диски или хрустящие папки из желтой бумаги, тщательно рассортированные и уложенные в картотечный ящик. Воспоминания не лежат в одном месте, терпеливо ожидая, когда их оттуда вытащат. Они дрейфуют по разуму человека скорее как облака или пар, а не как нечто осязаемое. Хотя ученые не любят использовать слова вроде «дух» или «душа», я должна признать, что воспоминания в большей степени принадлежат сфере духовного, чем к физической реальности. Перистые и слоистые облака воспоминаний существуют – как ветер, или дыхание, или поднимающийся пар, но если попытаться потрогать их, они растворяются в воздухе и изчезают[1].

Такой взгляд на память оказалось нелегко популяризировать. Нам дорого наше прошлое, ведь люди, места и события, хранящиеся, словно святыни, в храме нашей памяти, формируют и определяют то, что мы называем своим «я». Если мы признаем, что наши воспоминания – это капли молока, смешивающиеся со снами и фантазиями, то как же мы сможем и дальше

притворяться, будто знаем, что на самом деле реально, а что – нет? Кто из нас готов поверить, что наша связь с реальностью столь условна, а сама реальность непостижима? Но ведь мы знаем о ней только по своим воспоминаниям, которые так ненадежны.

Нет, все это слишком смахивает на научную фантастику, какие-то фокусы-покусы, какую-то магию… а мы, люди, предпочитаем иметь дело с реальным, физическим, материальным. Мы хотим, чтобы у нас под ногами была надежная земная твердь, и пускаем толстые корни в мягкую почву истории, оплетая ими то, что мы называем правдой. От всякой неоднозначности нам не по себе.

Я знаю, почему моя работа вызывает у людей протест, какие страхи и предрассудки лежат в основе этой неприязни. Я знаю, почему люди предпочитают поверить свидетелю, который говорит: «Он это сделал. Это был он». Я с пониманием отношусь к потребности человека *обладать* прошлым, то есть превращать его в собственную правду. У меня есть и свои причины желать, чтобы прошлое было стабильным и недвижимым, а не утекало из-под ног, словно зыбучие пески.

Но память снова и снова поражает меня своей ошеломительной доверчивостью, своей готовностью подобрать мелок внушения и закрасить темный уголок прошлого, без каких-либо возражений отдать старый, потрепанный лоскуток воспоминаний в обмен на новый, блестящий кусочек, благодаря которому все становится чуть ярче, чуть чище и аккуратнее. В ходе моих экспериментов, в которых за более чем двадцать лет поучаствовали тысячи людей, я проделывала удивительные вещи с их памятью: они вспоминали несуществующие разбитые стекла и магнитофоны, вспоминали усы у чисто выбритого человека и кудри – у человека с прямыми волосами, вспоминали знак «уступи дорогу» вместо знака «стоп» и молоток – вместо отвертки, вспоминали сарай – довольно заметное сооружение – на фоне пасторального пейзажа, где на самом деле не было никаких построек. Мне даже удавалось внедрить в память испытуемым ложные воспоминания о людях, которых никогда не существовало, или о событиях, которые никогда не происходили.

Все эти усилия позволили мне создать новую парадигму памяти, отойдя от привычной модели видеопроигрывателя, в рамках которой воспоминания интерпретируются как абсолютная истина, и противопоставить ей реконструктивную модель, в рамках которой они интерпретируются как творческое соединение фактов и вымысла. Мне удалось изменить мнение некоторых людей, помочь безвинно осужденным избежать тюремного срока, вдохновить людей на новые исследования и спровоцировать несколько жарких споров. Вот какими были мои планы на жизнь: работать не покладая рук, разрабатывать исследования, завоевывать гранты, выступать, обучать магистрантов – и все это в надежде, что проделанная мной работа вселит в людей любопытство и интерес к процессу образования воспоминаний и поспособствует распространению здорового скептицизма по поводу того, может ли быть какое-либо воспоминание, или даже небольшой его отрывок, абсолютно правдивым.

Однако недавно весь мой мир перевернулся с ног на голову. Я вдруг осознала, что, пока я тут и там сыплю аббревиатурами вроде ДРИ, РМЛ, ПТСР, СРН, DSM–IV[3], мои коллеги смотрят на меня озабоченно и удивленно. Мне приходится отвечать на письма с угрозами и защищать свой труд от растущего количества все более враждебной критики. Мои подругифеминистки обвиняют меня в предательстве. Коллеги-профессора открыто интересуются, не отказалась ли я от научных методов.

Пока заявки на получение грантов копятся в углах моего безнадежно захламленного кабинета, я провожу день за днем, разговаривая по телефону с незнакомцами, обвиненными

[3] Диссоциативное расстройство идентичности, расстройство множественной личности, посттравматическое стрессовое расстройство, сатанинское ритуальное насилие, IV издание Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (публикуется Американской психиатрической ассоциацией). – *Прим. перев.*

в самых омерзительных преступлениях, какие только можно себе представить. Они шлют мне длинные, эмоциональные письма, рассказывая о самых интимных деталях своей жизни. Их письма начинаются, казалось бы, заурядно:

«Моя семья – на грани распада».

«У меня очень серьезная проблема».

«Мне крайне необходимо побольше узнать о ваших исследованиях».

Но последующие абзацы быстро раскрывают истинные масштабы катастрофы.

«За неделю до того, как мой муж скончался после восьми месяцев борьбы с раком легких, – пишет женщина из Калифорнии, – наша младшая дочь (ей 38 лет) заявила, что он ее насиловал, а я ничего не сделала. Это разбило мне сердце, ведь это *полнейшая* ложь».

«Мне семьдесят пять лет, перед тем как выйти на пенсию, я работал акушером, – пишет мужчина из Флориды, – и моя сорокадевятилетняя дочь хочет отсудить у меня миллион долларов, заявляя, что я насиловал ее в раннем детстве и подростковом возрасте».

«Четыре года назад наша двадцативосьмилетняя дочь внезапно и без всяких причин обвинила нас в том, – пишет женщина из Мэриленда, – что мы подвергали ее сексуальному насилию и принуждали к инцесту, в частности, что ее насиловал отец, когда ей было три месяца, что я много раз насиловала ее в очень раннем возрасте и что над ней неоднократно надругался один из ее двух братьев. Это сущий кошмар, мне кажется, будто разум моей дочери подменили, что это какой-то другой человек».

«Пожалуйста, помогите нам, – пишет женщина из Канады. – Мы были нормальной, заботливой семьей, и хотим снова стать нормальными».

Мужчина из Техаса пишет следующее: «Наш младший сын учится в семинарии, и в рамках обучения он прошел интенсивный двухнедельный курс психологических консультаций. Вскоре после этого он обвинил меня и мою жену в том, что мы не защитили его от сексуального насилия, и более того – насиловали его сами. Он говорит, что воспоминания об этом всплыли в его памяти, как пузырьки воздуха».

Каждая из этих историй – а их у меня сотни – началась с того, что некий взрослый человек зашел в кабинет психотерапевта, ища помощи в преодолении жизненных проблем. В каждой из этих историй присутствуют обнаруженные во время сеансов терапии воспоминания о сексуальном насилии, которому человек якобы подвергался в детстве. В каждой из этих историй человек ничего подобного не помнил, пока не начал посещать сеансы. И в каждой из этих историй трагически распадается чья-то семья.

Я кладу телефонную трубку, убираю письма в папки и откидываюсь на спинку стула, глядя в окно и гадая, как люди выносят такие страдания, должно ли это быть частью моей работы и где найти время, чтобы заняться всеми просьбами. «У вас есть какая-либо дополнительная информация или данные о том, как помочь семье вроде нашей?» – интересуются авторы писем. «Может быть, вы знаете о каких-нибудь группах поддержки, где оказывают помощь родителям, чей ребенок хоть и жив, но все равно что умер?» «Может быть, у вас есть какая-нибудь литература, в которой рассказывается о феномене ложных воспоминаний?» «Куда нам обратиться, кто может помочь нам, как это случилось?»

Раньше я представляла себе время как твердую, незыблемую реальность – час на то, чтобы прочесть статью в научном журнале, три – чтобы написать отзыв, полтора часа на семинар, три дня на конференцию, два – на судебное слушание. Но теперь время утекает сквозь пальцы и меня с головой накрывает волна чужого горя и просьб о помощи.

*** * ***

Если бы я только знала, какой станет моя жизнь – исступленные мольбы по телефону, слезные признания, параноидальные теории заговора, жуткие истории о сатанинском сексу-

альном насилии, пытках и даже убийствах – быть может, я предпочла бы поскорее скрыться за безопасными стенами своей лаборатории? Нет. Ни за что. Ведь мне повезло оказаться в самом центре одной из великих драм нашего века, наполненной такими страстями и муками, что куда там древнегреческой трагедии. Разве не поражают воображение эти истории о гипнотическом трансе, о садистских ритуалах и кровавых жертвоприношениях? В подобной драме Эдип мог бы взойти на сцену и почувствовать себя как дома, и то же можно сказать про Медею, Гамлета, Макбета. А также преподобного Самуэла Пэрриса, Джона Проктора, Абигайль Уильямс и прочих обвинителей и обвиненных из Сейлема. Зигмунд Фрейд и Карл Юнг нашли бы предостаточно материала для своей работы в этих историях об инцесте, похоти и запретных желаниях.

Марк Твен однажды сказал: «История не повторяется, она рифмуется». А по словам Гегеля – того еще пессимиста,– «история учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». То, что происходит сейчас, в последнее десятилетие XX века, уже происходило раньше, в других культурах и в другое время. Это великое повествование складывается из отдельных частей, но остается чем-то большим, чем их сумма. И оно поднимает вопросы, которые преследуют людей уже не одну тысячу лет.

Современная психотерапия свела главный вопрос – «Кто я?» к другому вопросу – «Как я стал таким?». Многие психотерапевты говорят, что, если мы хотим понять, кто мы и почему мы такие, нам следует вернуться в детские годы и выяснить, что происходило с нами в то время. Если мы чувствуем боль, нам говорят, что на то должна быть причина, а если мы не можем ее найти, значит, мы недостаточно глубоко заглянули. И мы продолжаем искать правду среди воспоминаний, которые у нас сохранились и которые мы потеряли.

И тогда мы сталкиваемся с феноменом нашей психики, называемым «вытеснением воспоминаний». Это понятие основано на идее, что человеческий разум способен защищаться от эмоционально тяжелых воспоминаний, удаляя из сознания часть информации об этом опыте и связанных с ним эмоциях. Спустя месяцы, годы или даже десятилетия, когда разуму будет проще справиться с «вытесненными воспоминаниями», их можно по кусочкам вытащить наружу из сырой могилы прошлого, изучить и тщательно проанализировать, словно древние свитки, на которых записана правда.

Те, кто в это верит, заявляют, что, хотя травматические воспоминания похоронены очень глубоко, эмоции, погребенные вместе с ними, просачиваются в нашу сознательную жизнь, отравляя наши отношения с другими людьми и подрывая чувство собственного «я». Именно поэтому мы должны возвращаться в прошлое, раскапывать погребенные воспоминания и вытаскивать их на свет божий. Только таким образом, лицом к лицу встретившись с мрачной правдой о своем прошлом, мы можем понять ее, узнать, принять и отпустить.

Скептики указывают на реконструктивную природу памяти и просят предъявить доказательства и подкрепить эту теорию фактами. Как, спрашивают они, мы можем быть уверены, что давно утерянные воспоминания представляют собой факты, а не вымысел, если доказательств этому нет?

Я изучаю память, и я – скептик. Но рассказанное в этой книге гораздо более важно, чем мои тщательно контролируемые научные исследования или любые частные споры, которые я могу вести с теми, кто яростно цепляется за веру в вытеснение воспоминаний. Разворачивающаяся на наших глазах драма основана на самых глубинных механизмах человеческой психики – корнями она уходит туда, где реальность существует в виде символов, где образы под воздействием пережитого опыта и эмоций превращаются в воспоминания, где возможны любые толкования.

3
В состоянии транса

Я сама не понимала этого. <…> Вот я смотрю на нее и слушаю, как она все отрицает и отрицает, и вдруг пронизывающий холод пополз по моей спине, волосы на голове зашевелились, комок застрял в горле, и я услышала голос, пронзительный, – это был мой голос. И тогда я все вспомнила… все…

Артур Миллер. Суровое испытание (слова Мэри Уоррен)

Он усадил ее на заднее сиденье своего пикапа 1965 года выпуска и заставил смотреть, как он достает карманный нож и вспарывает брюхо рыбине. «Это мерзко!» – воскликнула она, скорчив гримасу ужаса и отвращения при виде того, как рыбьи внутренности вываливались на пыльную техасскую землю. Он улыбнулся и вытер окровавленные ладони о джинсы. Одной рукой он расстегнул ремень, а другой грубо толкнул ее в грудь, прижав ее тело к сиденью. Она не отрываясь смотрела на испещренный пятнами воды потолок и думала о том, как выглядят ее ноги, торчащие из салона. Они казались какими-то странными, толстыми из-за набухших кровью мышц, тяжелыми и отделенными от ее тела, и они постепенно немели.

Он задрал ей платье, и она почувствовала прикосновение к своему животу чего-то острого и теплого. Сильно надавив, он разрезал ее живот от груди до лобка. Она в ужасе закричала и вскинулась, уверенная, что сейчас увидит, как ее внутренности падают на проржавленный пол пикапа, прямо как кишки мертвой рыбины. Он засмеялся, ударив тупой стороной лезвия по ладони («Думала, что я тебя порезал, да?»), бросил нож и расстегнул ширинку – все это в считаные секунды. Потом была знакомая боль и толчки, чувство, будто тебя раздирают на части, нагревшаяся искусственная кожа сиденья под ее пятой точкой и странное ощущение, будто она витает в воздухе и сверху смотрит на всю эту сцену, которая всегда выглядела и ощущалась ею одинаково.

Когда все закончилось, они поехали назад, мимо техасских нефтяных месторождений, и вокруг не было ничего, кроме палящего солнца, клубов пыли и ее дяди, улыбающегося при мысли о какой-то известной ему одному шутке.

Линн Прайс Гондольф навсегда запомнила этот день, когда дядя ее изнасиловал: ей было шесть лет. У нее остались и другие похожие воспоминания о том, что случалось в последующие годы: конкретные и детальные картины ласк, содомии[4], садистских издевательств и даже пыток. Двадцать лет спустя она все еще помнила, как теплое окровавленное лезвие ножа прикоснулось к ее животу. Она помнила, какого цвета были ее сандалии, помнила мозоль на пятке, помнила раскаленное добела небо и пыль, скрипевшую на зубах. Перед ее внутренним взором все еще стоял мертвый, неподвижный глаз распоротой рыбины… прямо как у нее, думала она, поднимаясь вверх и глядя сверху на двигающееся туда-сюда тело дяди и на беспомощную, зажатую под ним девочку со свисающими из двери ногами. Шли годы, но воспоминания по-прежнему оставались в ее памяти, словно незваные гости, которые даже не собирались искать другое место для ночлега.

Через тринадцать лет после того, как дядя в последний раз ее изнасиловал, Линн подняла телефонную трубку и набрала номер местной психиатрической клиники. Она весила на двадцать килограммов больше нормы, потому что вот уже много лет страдала от расстройства пищевого поведения и в огромных количествах поглощала вредную еду, а потом принимала

---

[4] В США под содомией понимается любая анальная или оральная пенетрация как с лицом своего, так и с лицом противоположного пола. — *Прим. ред.*

диуретики, слабительное и сироп из рвотного корня, чтобы очистить желудок. Каждый приступ булимии усиливал испытываемые ею угрызения совести и чувство вины. Ее мучила депрессия, тревога, ее переполняли стыд и усталость оттого, что она не могла контролировать собственное тело. Она хотела быть «нормальной». Все это она объяснила терапевту, который ответил на ее звонок. Он выслушал ее, немного помолчал, а потом сказал:

– Послушайте, Линн… вас когда-нибудь насиловали?

– Да, – ответила она, удивившись, как умело врач сделал выводы о ее прошлом на основе описанных симптомов. Она вкратце рассказала, что с ней сделал дядя.

– Это делал только он?

Она засмеялась:

– Его было вполне достаточно.

Линн начала ходить на сеансы психотерапии на той же неделе, и с самого начала ее психотерапевт стремился выяснить как можно больше деталей о насилии, которому она подверглась в детстве. Он настоял на том, чтобы она в мельчайших подробностях вспомнила, что именно произошло в пикапе, плоть до описания размера и формы пениса ее дяди. Ей приходилось снова и снова переживать болезненные воспоминания. В конце второго или третьего сеанса терапевт начал вкрадчиво расспрашивать ее о родителях.

– Где находились ваши родители во время этих случаев насилия? – спрашивал он. – Разве они не знали, что дядя вас насиловал?

– Я никогда им не рассказывала, – отвечала девушка, – они узнали только в этом году.

– Вы уверены? Только подумайте, Линн… представьте себе, сколько раз вы уезжали вместе с ним – сколько всего было отдельных случаев, двадцать, тридцать? Что, по мнению ваших родителей, происходило, когда ваш дядя вас куда-то увозил на машине?

Линн с ним спорила.

– Они не знали, потому что я им не говорила. Мне было слишком стыдно. Они жили в нищете, оба работали по двенадцать часов в день без выходных, им, кроме меня, надо было кормить троих детей. Они просто полагали, что, раз я старшая, я сама смогу о себе позаботиться и скажу им, если кто-то сделает мне больно.

– Все, чего я хочу, – так это чтобы ты подумала, – сказал он мягким, утешающим голосом. – Попробуй представить себе этот эпизод. Ты была маленькой девочкой, тебе было всего шесть лет. Уезжала куда-то со своим дядей на несколько часов и возвращалась вся грязная, потная, должно быть, до смерти испуганная. Ты наверняка плакала, капризничала, плохо себя вела, цеплялась за мать. Ты и правда думаешь, что они ничего не замечали? Только подумай, Линн. Старайся вспомнить, что именно произошло.

Она стала думать об этом. Спустя какое-то время она уже не могла думать ни о чем другом. Психотерапевт продолжал подталкивать ее к тому, чтобы она просеивала свои воспоминания, и предложил ей завести ежедневник и регулярно заниматься самогипнозом, расслабляясь, глубоко дыша и пытаясь представить, что могло случиться в ее детстве. Через несколько недель интенсивной терапии и «духовных поисков» она сдалась.

– Возможно, вы и правы, – сказала она. – Возможно, они действительно знали[1].

Ее психотерапевт снова сменил тему.

– Если твои родители знали, – сказал он, – почему они ничего не сделали?

Она пожала плечами, после чего он решил поставить вопрос немного по-другому:

– Теперь, когда мы выяснили, что они знали и ничего не предприняли, чтобы это остановить, не стоит ли нам задаться вопросом: не были ли они частью происходящего? Возможно ли, что твой отец, или мать, или они оба тоже тебя насиловали?

Она снова начала обороняться. Может быть, они не хотели об этом думать. Может быть, они знали, но не хотели в это верить. Может быть, они не знали, как меня защитить. Может

быть, они просто сделали все, что было в их силах, даже если они не сумели меня защитить, не сумели остановить насилие. Они были не идеальны, но они сделали все, что могли.

Она попыталась опять перевести разговор на свое расстройство пищевого поведения.

– Мне все еще трудно из-за того, что я не чувствую контроля над ситуацией, – сказала она. – Похоже, как будто я просто не могу перестать бесконтрольно есть, а потом промывать желудок.

– Ты пытаешься выблевать воспоминание, – сделал вывод психотерапевт. – Как только ты вспомнишь правду, потребность очищать желудок сразу пройдет, и проблемы с питанием постепенно исчезнут.

– Мои родители меня никогда не трогали! – сказала Линн, внезапно разозлившись.

– Линн, Линн, – ответил он раздраженно-терпеливым голосом, которым родитель мог бы разговаривать с непослушным ребенком, – твои симптомы слишком сильны и долговременны, чтобы я мог объяснить их насилием твоего дяди, каким бы ужасным оно ни было. Ты помнишь те события, ты осознала, что он с тобой сделал, и приняла это. Но твое расстройство пищевого поведения все еще никуда не уходит, ты все еще не чувствуешь контроля над своей жизнью и не понимаешь почему. Я уверен, в твоем прошлом должно быть еще что-то, что-то гораздо более страшное, с чем ты еще не столкнулась лицом к лицу.

Думай, говорил он ей, пиши, смотри сны, фантазируй. Покопайся в своем подсознании и вытяни оттуда эти воспоминания. Если только ты сможешь вспомнить, обнадеживал он девушку, тебе сразу станет намного легче.

Через месяц отчаянной погони за воспоминаниями, которая ни к чему не привела, Линн согласилась присоединиться к группе из восьми женщин для посещения еженедельных сеансов терапии вдобавок к индивидуальным приемам. «Здесь вы в безопасности, с людьми, которые о вас очень заботятся, – говорил психотерапевт женщинам, чьи проблемы варьировались от расстройств пищевого поведения и депрессий до последствий сексуального насилия. – Позвольте воспоминаниям вернуться, не бойтесь их. Если вы сможете восстановить эти давно утерянные воспоминания, они потеряют свою власть над вами, и вы снова обретете свободу быть собой».

Ему нравилось говорить о «калитке» человеческого разума. Якобы у всех в сознании есть маленькая калитка, словно закрытая на засов, который не позволяет болезненным и травматичным воспоминаниям войти в сознание. Когда мы чувствуем себя «в безопасности» – когда мы эмоционально подготовлены, не ощущаем физической угрозы и окружены людьми, которые о нас заботятся и хотят, чтобы мы поправились, – засов может отпереться сам собой, и воспоминания выплеснутся наружу. «Позвольте калитке открыться, – подбадривал он участниц группы. – Не бойтесь».

А Линн все же боялась. На самом деле она была смертельно напугана. Все, во что она верила, подвергалось сомнению. Она всегда знала, что мать и отец ее любили и защищали. Но почему же они не спасли ее от дяди? Неужели ее психотерапевт был прав? Неужели люди, которых она любила больше всех на свете, родители, которым она доверяла на протяжении многих лет своего детства и юности, неужели они ее насиловали? Но если они действительно ее домогались, значит, вся ее жизнь была построена на обмане и отрицании. Как она могла обманывать себя все эти годы? Как мог ее разум отторгнуть такие важные воспоминания?

Эти вопросы не переставая вертелись у нее в голове, и Линн начала думать, уж не сходит ли она с ума. Если она не знала правды о своем прошлом, насколько неадекватно она должна была воспринимать реальность? Если она не знала правды о собственных родителях, то как же она могла быть уверена, что понимает мотивы других людей? Если ее было так просто обмануть, кто еще мог этим воспользоваться?

Обеспокоенный непредсказуемыми перепадами настроения девушки и все более серьезными приступами депрессии, психотерапевт Линн направил ее к врачу, который прописал ей антидепрессанты и снотворное. Лекарства, казалось, помогали, но лишь во время сеансов тера-

пии, рядом со своим психотерапевтом и другими членами группы она чувствовала себя человеком, лишь во время сеансов она ощущала, что ее понимают и ценят. Казалось, психотерапевт точно знает, что происходит в ее голове. Он был таким уверенным и сдержанным, когда убеждал членов группы, что они раскроют тайну своего прошлого и что, когда это произойдет, все их проблемы решатся сами собой. «Вместе мы доберемся до правды, – твердил он, – и эта правда вас освободит».

К поискам правды участницы подошли со всей серьезностью. Восемь женщин садились в тесный круг и рассказывали свои истории, а психотерапевт словами подбадривал их, чтобы они вспоминали как можно больше деталей. Однажды на групповом сеансе Линн говорила в течение полутора часов, делясь подробностями того, как дядя ее насиловал. После одна из женщин разрыдалась. «Я понимаю, почему Линн так трудно, – всхлипывала она. – Для ее проблем есть достойная причина. А вот со мной что не так? Почему я так несчастна?»

Психотерапевт ее утешил: «Продолжай искать утерянные воспоминания. Что-то в твоем прошлом хочет заявить о себе. Продолжай прислушиваться, жди, наблюдай, фантазируй. Воспоминания придут».

Первое воспоминание вспыхнуло в сознании Линн, когда она ехала на машине в магазин. Она терпеливо ждала зеленого сигнала светофора, когда ее сознание внезапно заполнил образ мужчины, стоящего в углу темной комнаты. Это все, что она увидела. Будто кто-то взял выцветшую черно-белую фотографию, оторвал уголок и засунул ей в голову. Дрожа, она поехала обратно домой и позвонила психотерапевту.

– Ты узнаешь человека из воспоминания? – спросил тот.

– Я думаю, это мой отец, – ответила девушка. Пока они разговаривали, образ в ее сознании становился все более четким, более сфокусированным. – Да, да, я уверена: это мой отец.

– Что он делает?

– Он стоит в углу. Я вижу только его голову.

– А его туловище?

– Нет, только его голову в углу.

– Он двигается или как-нибудь жестикулирует?

– Нет, просто стоит там.

– Где ты? Сколько тебе лет? – в голосе ее психотерапевта слышалось волнение.

– Мне, наверное, где-то шесть или семь, – ответила Линн. – Похоже, я лежу на кровати или чем-то вроде того и наблюдаю за ним.

– Представь, что отец подходит к тебе, – предложил психотерапевт. – Вообрази, как он приближается к кровати. Можешь сказать мне, что происходит дальше?

Линн заплакала, когда оторванный уголок фотографии внезапно совпал с другим кусочком.

– Он прямо надо мной, – прошептала она. – Я чувствую, как он ко мне прикасается. Он трогает меня. Трогает мои ноги.

Еще один обрывок воспоминания встал на свое место, а к нему присоединился другой, потом еще один. Теперь она помнила все.

– Он раздвигает мне ноги. Стоит надо мной. Он лежит на мне. – Девушка бесконтрольно рыдала, а ее голос хрипел, когда она пыталась говорить сквозь слезы: – О боже, о боже, папа, нет, папочка, нет!

Несколько недель спустя появилось еще одно воспоминание. Линн разговаривала с группой о том, как в четвертом классе мама купала ее и накрутила ей волосы на твердые розовые бигуди.

– Она дергала мне волосы на шее, – вспоминала Линн. – Мне это жутко не нравилось. Больно было.

Ее психотерапевт хотел поговорить о купании.

– Случилось ли в ванной что-нибудь, что кажется тебе важным?

Линн ответила, что ничего не случилось, она помнила только бигуди и неприятное ощущение, когда ее дергали за волосы. Психотерапевт предположил, что она, возможно, подсознательно блокировала травматичное воспоминание.

– Подумай о том, что случилось в ванной, – сказал он. – Иди домой и подумай, попиши, пофантазируй, покопайся в своей душе.

Через три дня в сознании Линн вспыхнуло еще одно воспоминание. Она сидела в ванне. Мама мыла ей голову, а потом ее рука вдруг начала медленно и настойчиво двигаться вниз по груди Линн. Она начала массировать грудь Линн, а потом ее рука поползла вниз, трогая и ощупывая места, которые трогать нельзя.

Рассказывая об этом другим членам группы, Линн краснела от смущения и стыда.

– Твое тело вспоминает стыд, который ты испытала двадцать пять лет назад, – объяснил психотерапевт. – Телесная память – это явный признак того, что твое тело сохранило воспоминание в виде своеобразной физической энергии. Теперь, когда ты готова лицом к лицу столкнуться с прошлым, это забытое воспоминание спонтанно всплывает в твоей памяти, провоцируя сильную физиологическую реакцию. Ты чувствуешь то, что *должно быть* заново прочувствовано, как физически, так и эмоционально.

Не прошло и двух месяцев с того момента, когда Линн начала посещать сеансы, как психотерапевт предложил ей открыто поговорить с родителями о том, что на самом деле случилось в ее прошлом. Он обнадежил ее: лишь встретившись с ними лицом к лицу и открыто обсудив насилие, которому они ее подвергли, она сможет освободиться от гнета прошлого. Эта идея ужаснула Линн, но ее психотерапевт напомнил ей, что он будет рядом, в любой момент готовый помочь. Он настаивал на том, что очная ставка – единственный способ пройти через боль и избавиться от нее.

Линн позвонила родителям и сказала им, что проходит курс психотерапии для борьбы с расстройством пищевого поведения. Она объяснила им, что принимает по назначению врача три препарата от депрессии, тревоги и бессонницы и что чувствует склонность к суициду. Ее психотерапевт волнуется о ней и думает, что встреча с родителями может помочь. Согласны ли они приехать и встретиться с ней? Да, разумеется, ответили они, просто скажи когда, и мы приедем.

За неделю до «совместного сеанса» Линн попробовала отрепетировать встречу с родителями. «Ты слишком добра, – сказали ей другие участницы группы. – Тебе следует более напористо говорить о своих чувствах».

– Ты отрицаешь случившееся, – сказал ее психотерапевт, – потому что твой внутренний ребенок все еще предан родителям. Помни, они, несомненно, знали, что тебя насилуют, а если знали, значит, были соучастниками. Будь сильной и не отступай.

Линн пришла на сеанс со списком травм и проявлений насилия, которым ее подвергли родители. Для начала психотерапевт объяснил, что Линн была серьезно больна, что она уже многие годы страдала от расстройства пищевого поведения, а недавно у нее проявились симптомы большого депрессивного расстройства.

– Жизнь вашей дочери зависит от вас, – заключил он. – Пожалуйста, выслушайте внимательно и не перебивая все то, что она хочет вам сказать.

Линн зачитала свой список: «Вы меня никогда не понимали. Вы никогда по-настоящему меня не любили. Вы не приходили на мои баскетбольные матчи. Вас никогда не интересовало, как у меня шли дела в школе. Вы на меня кричали и шлепали меня. Однажды папа назвал меня коровой. Мой дядя насиловал меня, а вы ничего не сделали, чтобы его остановить».

– Мы не знали, что он тебя насилует, – сказал ее отец, с трудом выговаривая слова. – Но, возможно, нам следовало знать. Если бы мы знали, дорогая, мы бы защитили тебя.

– Пожалуйста, не перебивайте, – сказал психотерапевт.

Мать Линн плакала. Психотерапевт дал ей коробку носовых платков.

Линн продолжила зачитывать список. В самом конце она стала колебаться. Неделей раньше, на сеансе групповой терапии, она обсуждала с другими участницами травматичное воспоминание о сестре ее отца, женщине, которая то и дело попадала в психиатрические лечебницы. Когда Линн было примерно семь лет, тетя отвела ее в сторонку и сказала: «Твои родители поженились через две недели после того, как ты родилась. Это значит, что твой отец, может быть, вовсе даже не твой отец. Откуда нам знать, может, ты ребенок другого мужчины».

Обсуждая список, который Линн собиралась зачитать родителям, члены группы настояли, чтобы она рассказала матери и отцу о своих страхах. «Ты никогда не поправишься, если этого не сделаешь», – согласился ее психотерапевт.

Она написала на листке один простой вопрос. Глядя прямо в лицо отцу, Линн наконец выпалила: «Ты мой настоящий отец?»

Ее отец промямлил что-то вроде: «Думаю, да».

Линн встала и вышла из комнаты, а ее психотерапевт последовал за ней. В холле он крепко ее обнял. «Ты замечательно справилась», – сказал он. За закрытой дверью слышались сдавленные рыдания ее матери.

* * *

В течение следующего года Линн пять раз пыталась покончить жизнь самоубийством. После одной из таких попыток она двое суток провела в больнице. Она принимала сразу несколько препаратов, назначенных врачом, в том числе ксанакс для снижения тревожности, тиоридазин для контроля над навязчивыми воспоминаниями, литий для стабилизации перепадов настроения, зантак и сукральфат для лечения язв, темазепам для улучшения сна и пропоксифен от головных болей. Ее психотерапевт никак не мог поставить окончательный диагноз. Меньше чем за год у Линн диагностировали шизоаффективное расстройство, биполярное расстройство, большое депрессивное расстройство, невротическую депрессию, хроническое посттравматическое стрессовое расстройство, клиническую депрессию, диссоциативное расстройство, дистимическое расстройство и пограничную психопатию.

Состояние остальных женщин из ее группы тоже стремительно ухудшалось. Во время их первой встречи, после того как все представились и вкратце рассказали о своих проблемах, всего одна из участниц признала себя жертвой сексуального насилия. За три месяца еженедельных сеансов все женщины в группе вспомнили, что подвергались насилию со стороны одного или нескольких членов своей семьи. Все они оказались «жертвами».

После того как психотерапевт установил, что все женщины в группе были изнасилованы одним из родственников, он посоветовал им не приходить ни на какие семейные посиделки. «В вашей семье давно укоренилась система отрицания, – объяснил он, – и, лишь полностью прекратив контакты с родными, можно надеяться на выздоровление».

Как-то раз одна из женщин разрыдалась. «Я хочу поговорить с братом, – всхлипывала она. – Я так по нему скучаю. Пожалуйста, все, чего я хочу, – это позвонить ему и сказать, как сильно я его люблю».

«Это слишком опасно, – ответил психотерапевт. – Твой брат тоже не готов признать то, что с тобой произошло. Если ты попытаешься восстановить отношения с ним, то снова попадешь в ловушку отрицания. Ты сейчас слишком уязвима, тебе нужно окрепнуть. Запомни… теперь мы твоя семья. И мы единственные люди, которым можно доверять».

Когда члены группы получали письма или открытки от родственников, они приносили их на сеанс, чтобы прочитать и проанализировать. Линн зачитала группе записку от отца с подписью «С любовью, *папа*». После долгого обсуждения члены группы пришли к выводу, что папа Линн пытался убедить ее, что он и впрямь был любящим отцом, и тем самым заманить

ее обратно в семью. Ей посоветовали: держись от него подальше. Будь осторожнее. Не теряй бдительность.

Линн прикладывала все больше усилий, чтобы восстановить забытые воспоминания. Однажды психотерапевт Линн попросил ее закрыть глаза, глубоко дышать и расслабиться; через несколько мгновений он попытался «вернуть ее в детство», в тот день, когда она родилась. Линн закрыла глаза и сконцентрировалась, усердно пытаясь воскресить воспоминания о своем появлении на свет. Однако образы все не приходили. Психотерапевт подбадривал ее, настаивая, что надо продолжать стараться. «Если ты совсем не помнишь деталей, просто вообрази, как все должно было быть, – говорил он. – Представь утробу матери и себя – крохотного беспомощного младенца внутри ее, подумай, что ты должна была испытывать во время своего появления на свет».

Возвращение в прошлое не помогло воскресить похороненные воспоминания, и тогда психотерапевт начал применять другие способы. «Автоматическое письмо» было его излюбленным упражнением на сеансах групповой терапии. Психотерапевт начинал со стандартных расслабляющих техник: просил женщин закрыть глаза и глубоко дышать; когда в их сознании появлялись какие-либо мысли или образы (необычные или самые обыденные), они должны были описывать их в своих дневниках. Одна женщина на нескольких страницах описала сексуальное насилие, но закончила свой рассказ словами «Это все выдумка». Когда психотерапевт прочитал ее записи, он объяснил, что все жертвы сексуального насилия верят, будто их страдания «выдуманы», поскольку не могут признать, что все эти ужасы на самом деле произошли с ними. «Все жертвы отрицают случившееся с ними», – сказал он.

«Отрицание» стало дежурным словом, сразу вызывавшим отклик у всех присутствовавших – быстрый диагноз, который все объясняет. Если одна из женщин подвергала сомнению факт изнасилования, это значило, что она «отрицает случившееся». Психотерапевт объяснил, что на самом деле отрицание – всего-навсего очередное доказательство изнасилования. Если один из родителей, брат или сестра не верят вашему рассказу, обвиняют вас в том, что вы неверно истолковываете факты, или просят вас представить дополнительные доказательства, то они «отрицают случившееся».

Групповые сеансы становились все более непредсказуемыми и эмоционально хаотичными. Как правило, во время сеанса одна из участниц описывала «всплывавшие в ее голове» воспоминания о том, как отец, брат или дедушка насиловали ее и подвергали пыткам. Вокруг нее сидели три или четыре женщины и держались за руки, а по их щекам текли слезы. Стоявшая на другом конце комнаты женщина колотила по стене «битой столкновения» – мягкой резиновой дубинкой, пока еще одна сидела в углу и стонала, зажав уши руками, а третья сидела посреди комнаты на корточках и методично выдирала страницы из телефонного справочника.

Выброс адреналина, накал страстей, сильнейшая эмоциональная разрядка. Даже само пребывание в этой комнате, где концентрировалось такое напряжение и выплескивались такие откровения, вызывало зависимость, ведь только здесь можно было не сдерживаться и просто кричать, плакать, ругаться, вопить. Никто не заставит остановиться, повзрослеть, вести себя прилично, взять себя в руки. После полуторачасового сеанса мир казался участницам тихим, не стоящим внимания, почти поддающимся управлению.

* * *

В мае 1987 года у Линн появились суицидальные наклонности, и психотерапевт назначил ей лечение в стационаре психиатрической больницы. Три месяца спустя она все еще находилась там и была по-прежнему склонна к суициду, ее все еще тревожили жестокие и странные воспоминания, и она понимала, что сходит с ума. Казалось, будто каждое воспоминание об изнасиловании, содомии и пытках пожирает ее тающий разум. За несколько месяцев до этого

она оборвала все связи с семьей; а теперь у нее не осталось даже друзей, за исключением других участников групповой терапии. Она не работала вот уже полгода, ее машину изъяли за долги, а сама она была настолько накачана успокоительными, релаксантами, нейролептиками и снотворным, что ей казалось, будто ее жизнь состоит из сменяющих друг друга туманных видений.

Последней каплей стало адресованное психотерапевту девушки письмо из страховой компании, в котором говорилось, что компания не принимает последние диагнозы Линн, и, соответственно, любые связанные с ними требования будут отклонены. Психотерапевт пошел в палату Линн и прочитал ей письмо.

– Что ты теперь будешь делать? – спросил он голосом, в котором звучали нотки гнева.

– Не знаю, – тоскливо ответила Линн.

– Как ты собираешься оплачивать счета за больницу и лечение? – требовательно спросил психотерапевт.

– Понятия не имею. – Линн заплакала.

Он продолжал задавать ей те же самые вопросы: что ты собираешься делать? Как ты будешь выполнять свои обязательства? Куда ты пойдешь после выписки? Чувствуя себя отвергнутой человеком, которому она доверяла больше всех на свете, Линн наконец сказала: «Думаю, я должна буду пойти домой и сгнить там».

На следующий день в больницу приехали помощники шерифа с ордером на содержание под стражей для обеспечения безопасности, подписанным ее психотерапевтом и психиатром. На Линн надели наручники и отвезли ее в психиатрический диагностический центр на обследование, необходимое для приема в государственную психиатрическую больницу. Линн вспоминает этот диагностический центр как сущий ад. Мужчины и женщины бились головой об стену, открыто мастурбировали, мочились и испражнялись прямо на цементный пол. Крики ужаса сотрясали зловонный воздух. Линн сидела и рыдала в углу большой, заполненной людьми комнаты. Двенадцать часов спустя ее тело начало трясти в конвульсиях – проявление абстинентного синдрома. Когда она взмолилась о помощи, санитар велел ей прекратить рыдать и взять себя в руки. «Тебя точно отправят в психушку», – сказал он, глядя на нее с отвращением.

Когда санитар разрешил ей позвонить своему психотерапевту, она умоляла его подписать распоряжение о ее выписке.

– Я сделаю все, что угодно, все, – твердила она. – Я обещаю, я буду усердно работать, я найду способ заплатить вам, я сделаю все, что вы попросите.

– Прости, Линн, – сказал он. – Но что я могу сделать? У тебя нет работы, нет страховки, ты склонна к суициду. Я не могу просто позволить тебе пойти домой и убить себя. Единственный выход для тебя – это государственная психиатрическая больница.

Казалось, ее слезы тронули его.

– Это единственное решение, – сказал он. – Но я готов заключить с тобой сделку. Если ты согласишься остаться в государственной психиатрической больнице на два года, то после выписки я обещаю снова принять тебя в качестве пациентки.

– Я не могу лечь в государственную больницу, – плакала Линн. Ее тетю отправили туда насильно, и Линн помнила ее рассказы об окнах с решетками, о смраде, о нервно шаркающих по полу пациентах с диким взглядом. – Пожалуйста, помогите мне, умоляю, я сделаю все, что вы хотите, что угодно…

– Прости, – повторил психотерапевт и повесил трубку.

Три дня спустя к Линн пришел психиатр из государственной больницы. Ее сердце колотилось, а руки дрожали, когда она смотрела, как он читает ее медицинскую карту. Через минуту он поднял на нее глаза и сказал: «Вам нечего делать в психиатрической больнице». Он посоветовал ей вернуться домой и наладить свою жизнь, а затем подписал распоряжение о выписке.

Линн практически ничего не помнит о последующих неделях. Она помнит, как ее отвезли к другу и как она лежала в кровати не в силах уснуть, как она обливалась потом и дрожала от абстинентного синдрома, потому что у нее не осталось денег на лекарства. Еще она помнит, как звонила психотерапевту, к которому ходила семь лет назад, и молила его о помощи. Он согласился принять ее и отсрочить оплату до того момента, когда у Линн появятся деньги. Обеспокоенный ее абстинентным синдромом, он отправил девушку к терапевту, который назначил ей легкие транквилизаторы и дал бесплатные образцы препаратов.

Прошло несколько месяцев. Линн нашла квартиру, купила подержанную машину и устроилась работать программистом. Спустя какое-то время, когда воспоминания об изнасилованиях стали меркнуть, она решила, что сможет жить без препаратов, и поэтому стала участником программы для страдающих от алкоголизма и медикаментозной зависимости. Там случилось что-то странное. Ее попросили забыть о прошлом и наладить свою жизнь.

Что она собиралась делать сейчас, сегодня, в этот самый момент? Кураторы снова и снова задавали эти вопросы. Когда она сказала, что не может прекратить думать о прошлом, поскольку не знает точно, что именно с ней случилось, кураторы посоветовали ей прекратить искать причины ее нынешних страданий в детстве.

– Разве кто-то обещал, что жизнь не причинит тебе боли? Ну и что, что у тебя депрессия? – говорили они. – У всех бывают дни, когда мы чувствуем себя паршиво. Но мы встаем и идем на работу. Мы спим, едим, принимаем душ, причесываемся, выходим из дома и идем по улице. Ты должна двигаться вперед, шаг за шагом.

Линн не знала, что на это ответить. Раньше во время сеансов терапии ей говорили, что она не обязана заставлять себя что-то делать. Если она чувствовала себя подавленной, грустной или больной, если ей просто не хотелось ничем заниматься, ей советовали описать свои чувства в дневнике, выпустить пар, молотя кулаками по мебели, или позвонить психотерапевту, который поможет ей «разобраться со своими чувствами». А теперь кураторы велели ей прекратить попытки «исправить» себя и начать брать на себя «ответственность» за свою жизнь. Линн пыталась понять, что означает слово «ответственность».

Она пыталась понять, что с ней случилось во время сеансов терапии. Как появились все эти яркие пугающие воспоминания? Настоящие ли они? С течением времени они стали похожи на мультфильм, на цветную анимацию, которая постепенно теряла свою способность причинять боль. Проведя несколько месяцев в трезвом состоянии без каких-либо препаратов, Линн осознала правду. Все эти детальные воспоминания об изнасиловании, которому ее якобы подвергли родители, были не более чем порождением ее помутненного рассудка, одурманенного препаратами мозга. Она начала понимать, что эти выдуманные воспоминания формировались из ее страхов, мечтаний и желаний, смешавшихся с обрывками образов из реальной жизни. Огромные дозы препаратов, беспокойство по поводу сексуального насилия, паранойя, внушенная психотерапевтом, и массовая истерия группы – все эти факторы вместе способствовали образованию в ее разуме тревожного и полностью вымышленного мира. На самом деле именно воспоминания стали причиной ее травмы.

Что она сделала своим родителям? Как теперь посмотрит им в глаза? Эти вопросы причиняли ей физическую боль. Она очень хотела обнять их и попросить прощения, но не могла найти в себе мужества сделать это. Каждую неделю она звонила сестре, чтобы узнать, как идут дела у семьи. «Мама и папа безумно хотят тебя увидеть, Линн, – говорила сестра. – Они очень по тебе скучают». Однако Линн еще целых два года не могла побороть чувство стыда за то, как она с ними поступила.

Однажды боль от разлуки с родителями стала сильнее страха встретиться с ними. Она гостила у сестры, когда родители вошли в дом. Увидев свою дочь впервые за три года, они протянули к ней руки и крепко ее обняли, словно обещая больше не отпускать. Они никогда не просили Линн объяснить, что произошло, и не требовали извинений. У них было то, чего они

хотели, то, что в течение нескольких лет казалось им потерянным навсегда, – их дочь, живая и невредимая.

* * *

Вот это история, думаете вы… поразительная, странная, фантастическая. Возможно, у вас, как и у многих моих знакомых, возникли вопросы к Линн. Как так вышло, что она приняла эти воспоминания, хотя изначально настаивала на том, что они ложные? Было ли с ней что-то не так с самого начала – некая психическая слабость, психический изъян или неспособность отделять вымысел от реальности? Конечно, только слабый человек с большим количеством проблем позволит убедить себя в том, что вымышленные события действительно происходили в его жизни… И разве тот факт, что она была настолько уязвима и так легко поддавалась обману, уже не говорит о том, что в ее прошлом произошло что-то ужасное?

Или, может, вы думаете, будто все воспоминания, которые Линн восстановила во время терапии, на самом деле были реальными, если не в мелочах, то, по крайней мере, в общем? Неужели человеческое сознание способно создать такие яркие, эмоционально насыщенные образы из ничего? Возможно, позже Линн отказалась от обвинений не потому, что ее воспоминания не соответствовали действительности, а потому что она больше не могла выносить разлуки с семьей. Говоря уже знакомыми терминами, она снова стала отрицать случившееся.

Возможно, вы не готовы возложить вину на Линн: ей просто не повезло, что она попала к бестолковому и не в меру старательному психотерапевту. Не исключено, что проблема кроется в самой психотерапии: профессии, которая стала нашей новой религией и которая предлагает легкое и быстрое решение для сложных и в принципе нерешаемых жизненных проблем. Можно ли сказать, что, стремясь облегчить наши страдания, психотерапевты превратили все человеческие проблемы в симптомы, объясняя любую боль насилием и проповедуя ложную надежду на спасение благодаря возвращению утраченной невинности?

Как же все-таки разобраться в этой истории? Является ли Линн уязвимой и психически нездоровой личностью, чьи воспоминания дают хоть искаженное, но в целом верное представление о прошлом? Стоит ли винить ее психотерапевта? Что, если именно сеансы групповой терапии подлили масла в огонь? Что, если все эти депрессивные и зависимые женщины, подталкивая друг друга, невольно раздували костер выдуманных воспоминаний? Какие уроки мы можем извлечь из невероятных сюжетных поворотов этой истории о терапии, едва не разрушившей жизнь Линн?

4
Духи

Розыски духов приведут нас к гибели… Я боюсь, очень боюсь…
Артур Миллер. Суровое испытание (слова Ребекки Нэрс)

Я могу с уверенностью сказать, что Линн не единственная, кто пережил подобные страдания, ее психотерапевт – не единственный практикующий врач, который предлагает пациентам отыскать их потерянные воспоминания, а сеансы групповой терапии, которые она посещала, – это не единственное прибежище одиноких запутавшихся людей, способных за несколько месяцев превратиться в склонных к суициду «жертв» изнасилования, зациклившихся на красочных воспоминаниях о сексуальном насилии и садистских пытках.

Я разговаривала с пятью женщинами – Элизабет, Памелой, Мелоди, Лорой и Эрин, – истории которых очень похожи на историю Линн. Я думаю, справедливым будет сказать, что в основе каждой лежит одна и та же общая тема, одна и та же неприятная правда, и нам не нужно глубоко копать, чтобы ее найти. Депрессивные, тревожные или испуганные, эти женщины (в возрасте от семнадцати до тридцати пяти) пришли к психотерапевту за советом и консультацией. Памела и ее муж обратились за помощью к лицензированному социальному работнику из-за трудностей в семейной жизни. Мелоди попала в больницу из-за депрессии. Элизабет страдала от депрессии и проблем в браке. У Лоры было расстройство пищевого поведения. Эрин, страдавшая от клинической депрессии, начала посещать сеансы терапии в надежде улучшить отношения со своим отцом. «Я хотела быть ближе к нему, – объясняет она. – Я всегда злилась на него, потому что он уделял больше внимания моему старшему брату».

В первые несколько месяцев (а в двух случаях и в первый же час) психотерапевт задавал следующий вопрос: «Подвергались ли вы в детстве сексуальному насилию?» В случае Памелы это вообще было представлено как факт. «Я и мой муж посещали сеансы терапии два месяца, мы стали более позитивно относиться к нашему браку, у нас появилась надежда. Мы научились общаться друг с другом, выражать свои чувства и выпускать пар конструктивными способами. И потом, совершенно неожиданно, наш психотерапевт повернулся ко мне и сказал: «Ну так что, Памела, ваш отец насиловал вас?»

Первая реакция Памелы была типичной. «Меня точно водой окатили, – рассказывает она. – Я не понимала, о чем он меня спрашивает. Мне казалось, что он то ли спутал меня с другой клиенткой, то ли обвиняет во лжи, то ли еще что. Я рассказала ему, что не помню никакого сексуального насилия; мне такое даже в голову никогда не приходило. Он ответил, что это не имеет никакого значения, что это совершенно не важно. Возможно, объяснил психотерапевт, виной всему была “диссоциация”, которая выступает в качестве защитной реакции сознания. Он сказал, что он эксперт в области сексуального насилия, что работал с сотнями женщин, которые стали жертвами изнасилований, и на 95 % уверен, что со мной случилось то же самое. Он велел мне пойти домой и проверить, не смогу ли я что-нибудь вспомнить. Он сказал, что воспоминания сами придут ко мне, что они начнут появляться одно за другим, если только я разрешу себе вспомнить».

У каждой из этих женщин предположение о сексуальном насилии сразу вызвало череду разных эмоций. Первой реакцией был шок и недоверие. «Психотерапевт напрямую спросила, насиловал ли меня мой брат, – рассказывает Эрин. – Я сказала ей, что ни брат, ни кто-либо другой никогда меня не насиловал. “Ты уверена?” – спросила она. “Да, я уверена”, – ответила я. Тогда она посмотрела на потолок, будто сомневалась в моем ответе. У меня участилось

дыхание, а потом началась паническая атака. Я не могла справиться с эмоциями, вызванными этой мыслью».

Следующей реакцией было странное чувство облегчения, граничащее с надеждой. «Я чувствовала острую необходимость вспомнить все, что со мной случилось, чтобы мне стало лучше, чтобы я сумела в конце концов наладить свою жизнь», – говорит Мелоди.

«Может быть, этим объясняется моя боль и стрессовое состояние, – размышляли все эти женщины. – Может быть, поэтому я чувствую, что не управляю своей жизнью, страдаю от перепадов настроения, от депрессии и тревоги. Если я подвергалась насилию и если я сумею восстановить эти воспоминания, то, может быть, тогда все мои проблемы разрешатся, и я начну новую, более полноценную жизнь».

Женщины серьезно подошли к процессу восстановления воспоминаний. Они прочитали книгу Элен Басс и Лоры Дэвис «Мужество исцеления», откуда узнали, что многие люди, подвергшиеся в детстве насилию, не помнят об этом, а у некоторых воспоминания не восстанавливаются никогда. Но на самом деле воспоминания значения не имеют – по крайней мере, как способ доказать себе или кому-то еще, что вас действительно изнасиловали. Важно, что вы чувствуете. «Если вы думаете, что вас подвергали насилию и наблюдаете у себя соответствующие симптомы, значит, так и было».

«Я выучила “Мужество исцеления” наизусть, – говорит Эрин. – Раньше я постоянно носила ее с собой: когда шла на прием к врачу, когда работала няней, когда мы с друзьями куда-нибудь ходили: я боялась, что у меня в голове всплывет какое-нибудь воспоминание, и я знала, что книга поможет с ним справиться».

Эрин также выучила наизусть некоторые разделы из книги психотерапевта Сью Блум «Тайные жертвы» (Secret Survivors). На самой первой странице, перед титульным листом, она нашла раздел под названием «Список симптомов, проявляющихся у жертв инцеста». Он начинался со следующего вопроса и утверждения: «Вы отметили у себя большинство этих характеристик? Если да, то, возможно, вы – жертва инцеста». В список «характеристик» входила боязнь оставаться одному в темноте, ночные кошмары, негативное восприятие собственного тела, головные боли, артрит, нервозность у взрослых, боязнь потерять контроль, вина, стыд, низкая самооценка, ощущение, что сходишь с ума или сильно отличаешься от других.

«Я сравнивала себя с этим описанием, – рассказывает Эрин. – С каждым симптомом, который я находила (а нашлись практически все), у меня появлялось все больше доказательств, чтобы убедить себя, будто я была жертвой инцеста».

Эти женщины проработали в группе анонимных жертв инцеста 20 вопросов в рамках 12 этапов, что, как предполагалось, должно было привести их к правде. В том числе они отвечали на следующие вопросы:

> • Как вы думаете, вы умеете контролировать свои эмоции?
>
> • Бывает ли такое, что вы слишком остро реагируете или срываетесь на других в ситуациях, которые выводят вас из себя? Вы боитесь гнева?
>
> • Были ли в вашем детстве периоды, которые вы не можете вспомнить? Возникает ли у вас чувство, что «что-то произошло»? Случается ли вам вспоминать о насилии, не испытывая каких-либо эмоций?
>
> • Имеются ли у вас проблемы с алкоголем, наркотиками, расстройство пищевого поведения, мигрени или боли в спине?

Казалось, все совпадало, но куда же тогда делись воспоминания? Мелоди десятки раз перечитывала «Мужество исцеления». «Я почти ничего не делала, только читала книгу “Мужество исцеления”, плакала, страдала от депрессии и злилась, – объясняет она. – Я испробовала все “методы” из книги и прилагающейся к ней рабочей тетради, но все еще не могла вспомнить

ничего конкретного, хотя и была убеждена, что это произошло. Я все время думала об этом и усердно, изо всех сил пыталась вспомнить».

Памела садилась смотреть старые фотоальбомы, внимательно рассматривая каждый снимок в надежде, что изображение руки на ее плече или любимого в детстве платья в цветочек внезапно воскресит глубоко похороненные воспоминания.

Элизабет обращалась к Богу. «Я все время молилась, просто молила Бога вернуть мне воспоминания». Памела просила Бога о том же. «Я падала на колени и взывала к Господу: пожалуйста, верни мне мои воспоминания!»

Они с головой ушли в поиски и молитвы, потому что, как настаивали психотерапевты, их боль была настолько сильна, что ее могли объяснить только вытесненные воспоминания о причинившем травму насилии. «Пережитое человеком насилие всегда имеет не меньшее значение, чем его теперешние страдания, – твердили им. – Если ваша боль очень сильна, значит, и насилие было очень жестоким; а если вы этого не помните, значит, ваше сознание вытеснило воспоминания.

«Когда я начала посещать сеансы терапии, у меня были самые что ни на есть серьезные проблемы, которые причиняли мне реальную боль и разочарования, – пишет Лора. – У меня разрушились взаимоотношения с одним из самых важных для меня людей. Мне казалось, что моя жизнь полностью вышла из-под контроля. У меня были проблемы с внешним миром, которые причиняли мне много беспокойства, однако моего психотерапевта они не слишком интересовали. Он говорил о более *глубокой* боли, похороненной, «вытесненной». Доктор считал, что моя тяга к саморазрушению и смерти может иметь лишь одно объяснение: мой разум вытеснил нечто ужасное и травматичное. А значит, меня спас бы только длительный курс терапии, гипноз и усердная работа».

Они так отчаянно хотели поправиться, чувствовать себя лучше, быть лучше, но их агония, казалось, лишь усиливалась. Поэтому они полностью отдались в руки терапевтов, перестав рассчитывать на собственную волю, разум и контроль. Жизнь Лоры настолько «переплелась и перепуталась» с жизнью ее психотерапевта, что она уже была не в состоянии думать самостоятельно. «Я думала так, как хотел он. Я верила в то, во что он хотел, чтобы я верила. Я становилась той, кем он хотел меня сделать».

«На столе психотерапевта стояла моя фотография, – вспоминает Эрин. – Во время каждого сеанса она несколько раз повторяла, что любит меня. Она объясняла это тем, что чувствовала, как мне не хватает заботы».

Когда психотерапевты предложили женщинам присоединиться к группе, чтобы им было проще восстановить утраченные воспоминания, они согласились попробовать, хотя некоторые из них поначалу сопротивлялись. «Я не хотела идти, – объясняет Лора, – но мой психотерапевт сказал, что я просто переношу страх перед своей семьей на группу. Он сказал, что я должна пойти». Психотерапевт Памелы посоветовал ей начать групповую терапию, чтобы преодолеть одиночество. «В группе ты встретишь много друзей, – сказал он. – И ты удивишься, какую работу можно проделать при поддержке других женщин».

Даже сам факт посещения групповых сеансов, казалось, ускорял процесс. «Я забросила все, кроме своей группы, – вспоминает Элизабет. – В группе все мы говорили об одних и тех же вещах: изнасилование в детстве, инцест, содомия, пытки. И мы все находили им подтверждение в словах друг друга. Мне всегда хотелось быть частью чего-то, и в группе я наконец обрела это чувство».

«Всех участниц моей группы объединяло одиночество, – соглашается Памела. – Мы все были одиноки, уязвимы и напуганы, и все отчаянно пытались что-нибудь вспомнить. Мне казалось, что потерянные воспоминания не могут не быть чем-то реальным, раз все эти женщины искали одно и то же».

В группе они опробовали несколько необычных приемов восстановления похороненных воспоминаний. Психотерапевт Лоры надеялся на такую процедуру, как «работа в состоянии транса». Он просил ее закрыть глаза, представить, что могло случиться в прошлом, а потом записать в дневник «все, что придет в голову». Предполагается, спонтанное письмо помогает установить связь с неосознанными воспоминаниями. Потом психотерапевт читал записи вслух. «Это было в реальности, – говорил он. – Эти события действительно происходили».

Если одна из участниц группы настаивала на том, что просто фантазировала или выдумывала, психотерапевт начинал с ней спорить. «Ты ничего не выдумывала, – говорил он. – Твоему разуму сложно принять ужасную реальность, и поэтому ты отрицаешь правду, чтобы защитить себя. Это воспоминания, и они реальны».

В одной из дневниковых записей Лора рассказывает о своих страхах по поводу того, что эти воспоминания могут оказаться настоящими.

> Мне трудно поверить в сны, которые мне снятся. У меня болят плечи и рука, болят так сильно, что мне приходится принимать обезболивающее. Реальная боль или воспоминания о ней? Может ли быть все настолько плохо, как мне снится? Могут ли мои сны иметь символический смысл? Можно ли плохие сны спутать с воспоминаниями? Почему никто ничего не замечал, почему всем было все равно? Я бы хотела выяснить, что действительно произошло, а что мне внушило телевидение, страшные истории и воображение. Реально ли это все или это просто какая-то игра, в которую со мной играет мой разум?

«Реально ли это все? Или я выдумываю?» – спрашивали женщины. «Нет, – мягко разубеждали их психотерапевты, – калечащее отрицание вместе с ненавистью к себе и чувством вины часто проявляются у жертв насилия. Сомнения и скепсис – это признак того, что воспоминания на самом деле существуют. Игнорируйте сомнения. Доверьтесь чувствам. Перестаньте отрицать произошедшее. Не ищите внешних доказательств, потому что в большинстве случаев их просто нет».

Женщинам чрезвычайно подробно рассказывали о том, у кого могут возникнуть вопросы или сомнения по поводу их воспоминаний. Самым очевидным объектом недоверия становилась семья пациента. «Ваши семьи приложили немало усилий для того, чтобы похоронить эти воспоминания. Они попытаются подвергнуть сомнению ваши слова, ведь они сами отрицают случившееся».

Слово «отрицание» повторялось без конца. Это считалось безусловным, неоспоримым фактом: жертвы отрицают случившееся, семьи отрицают случившееся, маньяки-педофилы отрицают случившееся. «Отрицание» – ответ на все вопросы. Если обвиненным членам семьи нечего сказать, так это потому, что они виноваты; если они утверждают, что невиновны, значит, они пытаются что-то скрыть; если их воспоминания отличаются от воспоминаний жертвы, то они отрицают случившееся. На любой вопрос находился ответ, и в нем всегда было слово «отрицание».

– Вся твоя семья отрицает случившееся, – сказал Эрин ее психотерапевт.

– Но подождите минутку, – ответила Эрин, чувствуя гнев и желание защищаться. – Вы так говорите, как будто уверены в том, что я жертва инцеста, хотя я до сих пор не знаю, что со мной произошло.

– Многие мои клиенты, пережившие инцест, не помнят, что с ними случилось, – ответил психотерапевт. – Большинство из них отрицают случившееся.

Если клиентка «отрицала случившееся», ей просто нужно было работать усерднее. Когда Элизабет усомнилась в необходимости тратить столько времени на поиск воспоминаний, которых вообще могло не существовать, ее психотерапевт ответил: «Тебе становится хуже, потому

что ты недостаточно стараешься». Когда Лора отказалась участвовать в некоторых сеансах автоматического письма, ее психотерапевт сказал, что она убегает от своих проблем. «Ты просто не хочешь много работать», – сказал он. Позже, когда у Лоры появилось воспоминание о том, как маленький мальчик накрыл подушкой ее лицо, когда она была младенцем, ее психотерапевт начал постоянно задавать один и тот же вопрос: «Когда ты примешь тот факт, что твой брат пытался тебя убить?» – пока она в конце концов не согласилась, что брат пытался ее задушить.

«Мои психотерапевты подталкивали меня и заставляли “вспоминать” все больше и больше, несмотря на то что у меня начали появляться симптомы психоза во время сеансов, – говорит Мелоди. – Я быстро теряла способность проводить грань между собственным воображением и реальными воспоминаниями».

Памела прикладывала огромные усилия, чтобы хоть что-нибудь вспомнить, поэтому ее психотерапевт попробовал новый подход. «Ты слишком сильно стараешься, – объяснил он. – Наберись терпения. Часто достаточно просто пройти терапию для того, чтобы запустить процесс восстановления. Воспоминания придут, когда ты будешь готова».

* * *

По мере того как внешнее и внутреннее давление на пациенток усиливалось, они все чаще не выдерживали такого напряжения. У Мелоди случился нервный срыв. Элизабет совершила попытку самоубийства. Брак Памелы начал разваливаться. Депрессия Эрин стала только усугубляться. Лору пожирал гнев, страх и подозрения. Они размышляли: есть ли на свете хоть один человек, которому они могли бы доверять?

Четверо из пяти женщин получали препараты от депрессии, гнева, тревоги и склонности к самоубийству. Мелоди принимала четыре различных препарата. Эрин выписали прозак. Лора пила снотворное, препараты от депрессии, препараты «для укрощения гнева, препараты практически от всего». Элизабет принимала лоразепам от тревоги и высокую дозу антидепрессанта тразодона, одним из побочных эффектов которого была сонливость, поэтому она спала по 15–20 часов в сутки.

Прошло совсем немного времени, прежде чем воспоминания начали вторгаться в их память, заполоняя ее. Сперва воспоминания всплывали внезапно, как неожиданные назойливые картинки или видения, нарушавшие привычный ход жизни. Они появлялись без предупреждения – пока женщины чистили зубы, пылесосили, отодвигали стул, чтобы сесть за обеденный стол, или дремали. Позднее, когда эти искаженные картинки (зловещая ухмылка, вытянутая рука, крик ужаса, женская грудь, эрегированный пенис, недоношенный плод) прочно оседали в их сознании, женщины начинали думать, что из этого было реальным, а что нет. Неужели они когда-то своими глазами видели эти жуткие, гротескные картины? Если нет, то откуда они взялись?

«Они реальны, – настаивал психотерапевт, – и это только начало». В группе и на индивидуальных сеансах женщины час за часом, неделю за неделей прорабатывали свои воспоминания, записывали, думали, размышляли, видели сны о них, обсуждали и анализировали их при любой возможности. Похожие на вспышки образы истолковывались как обрывки воспоминаний. Спустя еще какое-то время и после определенных усилий «воспоминания» становились отчетливыми и объемными. Изначально это были смутные, бесформенные образы, без четких деталей, теперь же они делались яркими и осязаемыми, и можно было даже разглядеть рисунок на обоях, ощутить текстуру одеяла или неприятное прикосновение колючей мужской бороды к нежной гладкой щеке.

«Я выполняла дома упражнения для глубокой релаксации и впадала в состояние транса, – рассказывает Эрин. – Но я переживала, потому что мои воспоминания отличались от описан-

ных в книге "Мужество исцеления", которые ранили так сильно, что жертвы не могли дышать. Мои больше были похожи на истории, действие которых разворачивалось у меня в голове».

Каждая из этих женщин в конце концов восстановила воспоминания о сексуальном насилии. Сначала в числе появляющихся в их сознании образов был только один насильник (чаще всего – отец, мать или брат), но затем добавлялись все новые детали о дядях, тетях, двоюродных братьях и сестрах, бабушках и дедушках, священниках, друзьях, соседях. Поначалу женщина вспоминала лишь прикосновения, ласки, но со временем образы множились, и в них появлялись проникновение, изнасилование и содомия. Рано или поздно в памяти некоторых женщин всплывали сатанинские обряды, садистские пытки, ритуалы с питьем крови и даже убийства.

По мере того как воспоминания становились все более материальными и тяжелыми, сбиваясь в огромную глыбу боли и ужаса, женщины в группе Лоры сближались друг с другом. Верность группе стала основополагающим принципом их жизни, а любые контакты с семьей считались грубым нарушением. «Меня постоянно порицали и критиковали за то, что я жила рядом со своей семьей», – говорит Лора. Еще одну женщину в группе Лоры психотерапевт постоянно убеждал в том, что ее родители были членами сатанинской секты и занимали там весьма высокое положение; психотерапевт верил, что, если она будет поддерживать с ними контакт, они убьют ее, ведь она выдала их секреты. Открытки с поздравлениями к дню рождения и Рождеству члены группы считали коварными попытками снова заманить их в секту, или, если эта затея провалится, хотя бы расшатать их психику и довести в конце концов до самоубийства.

Хотя Эрин не посещала групповые сеансы, психотерапевт подтолкнул ее к тому, чтобы съехать из родительского дома. «Она постоянно мне говорила, что я беспомощная, беззащитная, уязвимая маленькая девочка, – объясняет Эрин. – Эти слова снова и снова звучали у меня в голове».

Разорвав все связи с семьей, со всех сторон осаждаемые воспоминаниями, парализованные подозрениями и страхом, женщины цеплялись за своих психотерапевтов, как ребенок хватается за родителя в надежде на спасение. Они доверяли своим психотерапевтам больше, чем себе. «Я идеализировала его, – признается Памела. – У него были ответы на все вопросы. Он говорил со мной так, будто изнасилования были фактом, не подлежащим сомнению. Он вел себя так авторитетно, что я не доверяла самой себе. Я боялась самой себя».

«Он был экспертом, кандидатом наук, – объясняет Мелоди. – Я доверяла ему. Я полагала, что он должен быть прав».

«Она была моим личным гуру, – говорит Элизабет. – Я верила, что она поможет мне во всем разобраться».

«Она была моим спасителем, – утверждает Эрин. – Я полностью ей доверяла».

«Я доверяла этому человеку всей душой, – пишет Лора. – Я делилась с ним мечтами, признавалась ему в грехах. Он был для меня матерью, отцом, братом и сестрой, моим лучшим другом, мужем, молодым человеком, тем, кто принимает решения и делает выбор, моим учителем и священником. Он стал для меня *всем*».

* * *

По мере того как терапия продолжалась и женщин призывали накапливать ужасные воспоминания, ими завладевал страх и гнев. «Меня переполнял гнев, – говорит Эрин. – Я хотела бить стекло и рвать в клочья телефонные книги».

«Мой гнев был постоянным, – пишет Лора. – Я ехала на машине по улице и выбрасывала бутылки из-под кока-колы в окно. Когда они разбивались, это меня успокаивало. Однако чем больше гнева я выплескивала, тем злее становилась. Я постоянно испытывала ярость».

«Я получила инвалидность и стала жить на пособие, потому что вспышки воспоминаний не давали мне нормально работать, – говорит Мелоди. – Эти “воспоминания” становились все более шокирующими и жестокими, и я чувствовала себя все хуже с каждым сеансом терапии. У меня появились признаки диссоциативного расстройства идентичности. Во время терапии мои симптомы только усугублялись, в конце концов у меня случился нервный срыв и я попала в больницу».

Памела была настолько помешана на мысли об инцесте и сексуальном насилии, что стала избегать физического контакта со своими детьми. «Мне было страшно купать или обнимать их, я боялась, что извращенные образы из моего подсознания внезапно завладеют мной. Я заставляла себя прикасаться к своим детям, но чувствовала вину, и мне чудилось, будто люди наблюдают за мной, подозревая, что я их насилую. Мне было страшно выходить из дома, даже просто на улицу. Я сходила с ума».

Элизабет убедила себя, что она проведет всю жизнь в психиатрической лечебнице и что ее лишат родительских прав. Уж лучше умереть, думала она. Элизабет несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством с помощью таблеток, причем подсказки она черпала из медицинского справочника, лежащего на столе у ее психотерапевта.

Весь этот ужас закончился странным и непредсказуемым образом. В больнице, куда Мелоди отправили из-за нервного срыва, ее лечили двое психиатров, которые усомнились в том, стоит ли буквально интерпретировать воспоминания, не существовавшие до начала терапии. «Они помогли мне понять, что мои воспоминания были нереальны и представляли собой нечто вроде галлюцинаций или обрывков фантазий», – говорит Мелоди.

Элизабет проходила лечение у психиатра уже более трех лет, когда ей позвонили и сообщили об отмене сеанса. Причину не уточнили. Тогда Элизабет позвонила в офис психиатра и настояла на разговоре с ним. Он сказал, что, по его мнению, все члены группы «сговорились» против нее. И тогда Элизабет приняла очень сложное решение – прекратить любые отношения с группой. На следующий день она получила заказное письмо, в котором психиатр предложил ей увеличить прием препаратов и перенаправил к другому психотерапевту, чтобы не прервать курс терапии.

Эрин начала сомневаться в своих воспоминаниях, когда ей позвонила подруга детства. «Я знаю тебя с четырех лет и твои родители никогда тебя не насиловали, – сказала она. – Ты стала жертвой неправильного лечения. Я два года не получала от тебя вестей, какой психотерапевт заставит своего пациента игнорировать друзей?»

После этого телефонного разговора у Эрин началась паника. «Я все бросила ради этого, – думала она. – А что, если я купилась на обман?» Несколько месяцев спустя, работая вожатой в летнем лагере, она взяла одного из детей на прогулку по озеру.

«Вожатая, мне нужно кое-что вам рассказать, – сказала восьмилетняя девочка после долгого молчания. – Мой папа спит со мной».

Эрин повернулась и посмотрела на девочку, которая уставилась на дно лодки, крепко сжав руки. Ее лицо выражало полное отчаяние. Правда сильно потрясла Эрин. «Я не была такой же замкнутой, – подумала она. – Я не была в депрессии или в отчаянии. Я была счастливым ребенком». В этот момент озарения она поняла, что приняла чужую личность. Она не была жертвой инцеста.

Однажды утром священник Памелы заглянул к ней домой и внимательно выслушал ее длинную историю об изнасиловании и о том, как она это пережила. И священник ответил ей настолько мягко, насколько мог, что, по его мнению, психотерапевт ввел ее в заблуждение и назначил неверное лечение. «Прости, Памела, – сказал он, – но даже речи не идет о том, что тебе становится лучше, только хуже. Неважно, что случилось с тобой в прошлом, но это явно не лучший способ исправить положение».

Сначала Памела очень разозлилась на него и попыталась защититься, однако через пару часов, когда священник ушел, она впервые за много лет засмеялась. «Он дал мне разрешение покончить с этим», – понимает она теперь. Несколько дней спустя она рассказала психотерапевту о встрече со священником. Психотерапевт, убирая папку в шкаф, внезапно хлопнула дверцей. «Как этот человек смеет отрицать твою боль?» – сказала она.

Памела считает, что Господь ответил на ее молитвы неожиданным способом. «Я никогда не переставала молиться. Временами, когда мне казалось, что я так больше не могу, что мои страдания невыносимы, я падала на колени и взывала к Господу: защити меня, помоги мне, пожалуйста, верни мне мои воспоминания! Когда я молилась, в душе я всегда знала, что он мог бы сказать мне: «Потерпи, это скоро закончится». Я думаю, Господь дал мне ответ, но не такой, какого я ожидала.

* * *

Прошли годы. Элизабет, Памела, Мелоди и Эрин постепенно восстанавливают силы и душевное равновесие. Однако до полного выздоровления еще далеко. Все они жалеют о потерянном времени, о годах, проведенных в безуспешных попытках вспомнить прошлое, которого никогда не было. Они жалеют о том, что причинили страдания мужьям, детям, родителям и друзьям. Они с болью вспоминают о потерянной невинности и доверии, подаренном не тому человеку. И все они винят своих психотерапевтов.

«Я порвала с семьей из-за моего психотерапевта, – говорит Эрин. – Когда я бросила терапию два года назад, то извинилась перед своим отцом и братом, которых я обвиняла в сексуальных домогательствах. Они не винят меня в том, что случилось во время терапии, но я страдаю от ужасного чувства вины. На меня накатывают волны грусти и беспокойства, и мне часто кажется, что я потеряла контроль над своей жизнью».

«На эту терапию безвозвратно потрачены годы, и все это время я эмоционально дистанцировалась от своей семьи, – пишет Лора. – Мне сложно кому-либо доверять. Специалисты пугают меня до смерти. Наше с дочерью финансовое положение до сих пор шатко, мы практически потеряли дом. У меня нет машины. Я мать-одиночка и должна была эмоционально поддерживать свою дочь. Но я этого не делала. Вся моя энергия, вся моя жизнь были посвящены психотерапевту».

«Я потеряла работу, мой муж подал на развод, я лишилась семьи, – говорит Мелоди. – Я чувствую себя лучше с тех пор, как бросила терапию. Но все еще беспокоюсь и недоумеваю: как это могло со мной случиться?»

Элизабет борется с чувством отчаяния и проблемами с самооценкой. «Я чувствую себя глупой, обманутой, разгневанной. Как я могла позволить этому произойти со мной, с моей семьей, с моими детьми?»

Памела ей вторит: «Как это могло случиться?»

«Как отношения с психотерапевтом могли стать единственным приоритетом в моей жизни на четыре долгих года? – спрашивает Лора. – Как можно было продать душу обычному человеку?»

* * *

Ответы на эти вопросы продолжают ускользать от женщин, и они борются с чувствами стыда, смятения, печали и гнева. Они порицают себя за то, что с такой легкостью и готовностью доверились другому человеку. Они клянутся, что больше никогда не совершат такой глупости. И они боятся за других людей, наивно ищущих ответы на вопросы, на которые ответить невозможно.

По их словам, семьи «разбиваются вдребезги» из-за «неуместных советов» «бестолковых» и «чрезмерно старательных» терапевтов. «Невероятная преступная халатность» и «неэтичное непрофессиональное лечение» приводят к «бессмысленному разрушению» семей. Их друзья все еще не могут выбраться из «запутанного лабиринта лжи и обмана», они все еще находятся во власти «параноидальных иллюзий», навязанных психотерапевтом, все еще пребывают «в плену своих убеждений».

Возможно, самая жестокая ирония заключается в том, что Элизабет, Памела и Лора теперь вынуждены бояться собственных детей. Они знают, как легко довериться авторитетному человеку, когда ты настолько невинен и безгрешен, и как легко злоупотребить этим доверием. Недавно Элизабет вместе со своей двадцатилетней дочерью прочитала перечень симптомов пережитого инцеста из той самой книги. «Ты знаешь, мам, – сказала ее дочь, смеясь, – это описание подойдет и для меня, и для всех моих друзей».

«Мы потом смеялись над этим, – говорит Элизабет, – но тот разговор напугал меня. Как я могу знать, что моя дочь через десять, пятнадцать лет не обратится к своему прошлому и не задастся вопросом: а что *на самом деле* тогда случилось? Может, и она заподозрит, что у нее есть вытесненные воспоминания? Может, однажды она позвонит мне и скажет: “Мам, я была у психотерапевта и внезапно вспомнила…”»

Голос Элизабет прерывается. Она делает глубокий вдох. «Откуда мне знать, что однажды она не обвинит меня?»

5
Борода Господа и рога дьявола

Мы живем в расколотой надвое империи, где одни мысли, эмоции и действия исходят от Бога, а другие – те, что им противостоят, – от дьявола. Большинство людей не способны узреть мораль, не познав греха, так же как нельзя понять, что есть земля, если бы «небеса» не простирались над нею. Со времен 1692 года значительные, но поверхностные изменения стерли представление о бороде Господа и рогах дьявола, но мир все еще находится в тисках двух диаметрально противоположных абсолютов. Концепция единства, которая предполагает, что позитивное и негативное являются составляющими одной и той же силы, что добро и зло относительны, изменчивы и всегда связаны с одним и тем же явлением, – такое представление все еще свойственно лишь естественным наукам и меньшинству, которому удалось постичь смысл истории идей.
Артур Миллер. Суровое испытание

Массовые движения могут появиться на свет и распространиться без веры в Бога, но без веры в дьявола не могут никогда![5]
Эрик Хоффер. Истинноверующий

В области психотерапии что-то пошло не так, и, поскольку это что-то связано с воспоминаниями, я оказалась в самом центре дебатов, становящихся все более бурными и ожесточенными. По одну сторону находятся «истинноверующие», которые настаивают на том, что сознание способно вытеснять воспоминания, и которые не сомневаются в подлинности восстановленных воспоминаний. По другую сторону находятся «скептики». Они утверждают, что феномен вытеснения – это лишь гипотеза, до сих пор не доказанная и, в сущности, основанная лишь на домыслах и историях, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Кое-кто из наименее сдержанных скептиков называет разговоры о вытеснении воспоминаний «психомагией», «пусканием пыли в глаза» или попросту «ерундой».

Истинноверующие заявляют о своих высоких моральных принципах. Они настаивают, что ведут борьбу на передовой: защищают детей от сексуальных маньяков и помогают жертвам сексуального насилия во время трудного периода восстановления. Тут есть подтекст, о котором не говорят вслух, но который читается между строк: каждый, кто отказывается встать на сторону истинноверующих в их борьбе за восстановление правды о потаенном прошлом и включение термина «вытеснение» в официальное законодательство, это либо человек, который ненавидит женщин и детей, либо противник прогресса, либо и вовсе «нечисть», то есть практикующий педофил или сатанист.

Скептики пытаются уклониться от такого рода обвинений, говоря о том, что установление научной истины требует доказательств, однако и сами не боятся запустить в оппонента пару ядовитых стрел. По мнению самых прямолинейных и злоязычных скептиков, психотерапевты, специализирующиеся на восстановлении воспоминаний, работают с выдуманным миром, где существуют волшебная пыльца и мифические монстры. Пребывая в прискорбном неведении о современных исследованиях, применяя «грубый психиатрический анализ», довольствуясь неоправданно упрощенным подходом и занимаясь «инцестуальным взаимным цитированием»,

[5] Пер. М. М. Ланиной.

эти чересчур усердные врачи взращивают фальшивые воспоминания в сознании своих легко внушаемых клиентов, делают из них «пожизненных пациентов» и разрушают семьи.

Очевидно, что это нечто большее, чем просто научная дискуссия о способности разума похоронить воспоминания, а потом воскресить спустя годы. Вопросы, связанные с самим понятием «вытеснение», относятся к самым противоречивым темам когнитивной и клинической психологии. Среди них: роль гипноза в терапии и в судебных разбирательствах, сила внушения, теория о влиянии социума, очень популярные в последнее время диагнозы – посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и расстройство множественной личности (в DSM–IV используется термин «диссоциативное расстройство личности»), а также внутренний ребенок и неблагополучная семья, порнография, сатанинские культы, фабрики слухов, кампании в защиту нравственности, похищение инопланетянами, спровоцированная СМИ истерия и, конечно, нельзя обойти и вопрос политкорректности.

Я слышу свист пуль и ныряю в укрытие. Мои исследования, посвященные гибкости человеческой памяти, ставят меня в один ряд со скептиками, однако и к мнению истинноверующих я отношусь с пониманием. Я не хочу возвращаться в столь недавние времена, когда мольбы о помощи оставались неуслышанными, когда обвинения в сексуальном насилии автоматически причислялись к фантазиям, когда жертв обвиняли в том, что они принимают желаемое за действительное, и предпочитали не замечать. Но я также не могу игнорировать тот факт, что огромное количество фанатичных психотерапевтов сегодня не задумываясь взращивают ложные воспоминания в уязвимом сознании своих клиентов.

Я не думаю, что мир столь четко делится на черное и белое. Поэтому я настаиваю на том, что необходимо исследовать серые области, где царят неопределенность и противоречия, задавать вопросы, внимательно слушать, стараться разобраться в спорных и противоречащих друг другу точках зрения. Я отвечаю на письма истинноверующих, напечатанные мелким шрифтом на десяти страницах, я часами разговариваю с ними по телефону, я встречаюсь с ними в кофейнях в аэропорту и в ресторанах отелей, где они рассказывают мне свои истории и умоляют встать на их сторону.

«Разве вы не видите, какой вред наносите?» – спрашивают они. И настаивают: «Все достижения феминистского движения за последние двадцать лет будут уничтожены, если вы и иже с вами продолжите ставить под сомнение эти воспоминания».

«Если бы вы только могли увидеть всю ту боль, все те мучения, которые испытывает мой клиент, – умоляет меня какой-нибудь психотерапевт, – вы бы поняли, что эти воспоминания основаны на реальных, а не выдуманных событиях».

Я слушаю и пытаюсь сопоставить этот гнев и ту боль, которую я наблюдала в историях «обвиняемых». Лысеющий семидесятилетний мужчина протягивает мне письмо, которое он недавно получил от адвоката своей дочери. Он и его жена держатся за руки и терпеливо ждут, пока я читаю официально выглядящий документ с украшенным завитками тиснением наверху страницы: «Присяжные адвокаты».

> Уважаемый господин Смит, – так начинается письмо, – меня наняла Ваша дочь, которая намерена подать на Вас в суд за серьезный моральный ущерб, причиненный ей в детстве. Недавно она восстановила в памяти воспоминания о физическом и сексуальном насилии, которому ее подвергли Вы, ее отец, когда она была несовершеннолетней. Мы готовы урегулировать этот вопрос мирным путем при условии получения компенсации в размере 250 000 долларов. Если мы не получим от Вас ответ в течение четырех недель с даты, указанной в данном письме, мы подадим иск в суд и потребуем значительно большую сумму.

Обвиняемая мать показывает мне выцветшую фотографию ее «малышки» – самой младшей из ее пятерых детей, – которую она не видела больше трех лет.

– Она обратилась к психотерапевту за помощью после того, как ее жестоко избил муж-алкоголик, – объясняет мне эта седая женщина, бережно держа в руках фотографию тридцатилетней давности. – Пока она ходила на сеансы, она оставляла с нами двух своих маленьких детей. Но несколько месяцев спустя у нее начали появляться непроизвольные воспоминания о том, как ее насиловал отец, когда ей было всего пять месяцев. Она написала нам письмо, в котором сказала, что больше никогда не желает нас видеть. Она запретила нам видеться и общаться с внуками.

– Я не маньяк-педофил, – говорит обвиненный в насилии отец. По его щекам текут слезы. – Как моя дочь могла сказать обо мне такое? Откуда взялись эти воспоминания?

Я беру телефон и обзваниваю детей, которые обвиняют своих родителей в насилии, надеясь… на что? На примирение?

– Но я не могу закрыть глаза на правду, – говорят мне голоса на том конце провода.

– Он сделал то, что сделал, ему нужно признать это и попросить, чтобы я его простила.

– Я не несу ответственности за боль моих родителей.

– Люди должны верить словам детей.

– Мир – небезопасное место.

– Я всего лишь хочу защитить других детей.

– Правда подарила мне свободу.

– Родители врут, – краснея от гнева, говорит мне адвокат девушки, подвергшейся в детстве насилию. Она приводит часто повторяющуюся, но от этого не менее шокирующую статистику: каждая третья девушка подвергается насилию до достижения восемнадцати лет.

– Но эта статистика, – вежливо прерываю я ее, – основывается на широком определении сексуального насилия, которое включает в себя хватание за грудь или ягодицы, прикрытые одеждой, поглаживание по ноге и влажный непрошеный поцелуй, которым тебя на свадебном банкете одаривает какой-нибудь пьяный мужчина.

– Если вы сомневаетесь в статистике, – повышает голос моя собеседница, – почему бы вам тогда не посетить окружной центр для жертв насилия или приют для женщин, подвергшихся насилию? Эти женщины и дети – не статистика, а реальные люди, и их страдания тоже реальны.

Я перестала оспаривать статистику.

– Я не могу описать эту боль, – говорит мне обвиняемая мать. – Если ребенок умирает, ты учишься справляться с горем, но я каждое утро просыпаюсь в этом кошмаре и каждую ночь засыпаю с ним, и, пока я сплю, ничего не меняется.

– Я думаю, боже мой, неужели это и правда могло случиться? Неужели *я сам* вытеснил воспоминания об изнасиловании своих детей? – говорит ее муж, терпеливо ожидая своей очереди, чтобы облечь собственную боль в слова. – А потом я думаю: как можно такое забыть, как я мог касаться своих детей, а потом вытеснить все воспоминания об этом? Нет, нет, *нет*. Я не забывал, потому что этого никогда не было. Этого просто никогда не было.

Они смотрят на меня с мольбой во взгляде. *Вы понимаете? Вы мне верите?*

Одну из самых пронзительных историй рассказала мне тридцатилетняя женщина, которая по иронии судьбы имеет образование психотерапевта. Ее история, возможно, запутаннее большинства других, потому что в детстве она сама стала жертвой сексуального насилия.

> Я многое знаю о виктимизации, потому что сама была жертвой. Когда я училась в начальной школе, я подверглась сексуальным домогательствам. К слову, это были не мои родители. И еще: я никогда об этом не забывала, ни на один день. Но из-за глубокого чувства стыда, как и многие другие жертвы насилия, я молчала об этом больше двадцати лет.

> Затем однажды я рассказала об изнасиловании своей сестре. В конце концов она начала подозревать, что тоже была изнасилована. У нее не было никаких воспоминаний об этом, никаких зацепок, причин, лиц, имен, ни одного ничтожного доказательства. Она и еще одна моя сестра начали обсуждать свои идеи и подозрения. Они отталкивались от идей и чувств друг друга, и со временем начали видеть сны о том, как их насилуют.
>
> Они обвинили моего дедушку, дядю, а затем и отца. Их заявления становились все более абсурдными и теперь уже затрагивали нашу мать, моего старшего брата, дядьев, теть, двоюродных братьев и сестер, друзей и соседей. Мои родители стояли и смотрели, как их семья рушится, словно карточный домик, и ничего не могли с этим поделать.
>
> Мой шестилетний племянник, который вот уже больше года ходил на сеансы психотерапии к новому специалисту, потому что предыдущий не смог найти ни единого доказательства сексуального насилия, начал кое-что вспоминать. Он сказал, что моя мать, отец и старший брат, которого он не видел уже четыре года, его домогались. Через две недели после того, как мои родители оказались в списке тех, кто насиловал моего племянника, я приступила к работе психотерапевта. Я проработала три дня, и на четвертый день мой куратор позвал меня к себе в кабинет, чтобы сообщить, что мой племянник назвал имена других людей, которые якобы его домогались. Я была в их числе. Меня уволили в ту же секунду и отправили на допрос в органы опеки и в полицию. Расследование заняло почти четыре месяца, и лишь после этого мое доброе имя было восстановлено.
>
> Я сама была жертвой сексуального насилия, так что мне было бы легче, если бы меня застали с окровавленным ножом в руке рядом с трупом. Не проходит и дня, чтобы я не ощущала пустоту, оставшуюся на месте всего того и всех тех, кого я потеряла. Но глубоко в душе я знаю правду: я невиновна, и это факт, в котором не сомневаемся только я и Господь Бог. И этого никто не сможет у меня отнять.

«Эти люди отрицают случившееся», – возражают психотерапевты.

«Они используют тебя, – говорит мой друг. – Им нужны твои знания, чтобы каким-то образом подтвердить их правоту. Ты всего лишь игрушка в их руках».

«Тебе нужно выбираться из всего этого, пока ты не разрушила свою репутацию», – предупреждает другой друг.

* * *

Скептики велят мне перестать быть мямлей. «Это не тот вопрос, по которому можно занять нейтральную позицию», – говорят они.

«Некомпетентные психотерапевты ведут своих наивных пациентов, как скот на убой».

«Эти психотерапевты не просто дезинформированные, плохо обученные идиоты, – злится преподаватель социологии. – Они опасные фанатики, и их нужно остановить».

* * *

Обе стороны просят меня действовать осмотрительно. «Берегите себя, прошу», – пишет мне один психотерапевт.

«Будь осторожна», – предупреждает коллега.

«Смотрите в оба», – предостерегает журналист.

Автор анонимного письма с почтовой маркой небольшого города на Среднем Западе обвиняет меня в сотрудничестве с сатанистами. «Можете считать, что ваша работа сопоставима с действиями тех, кто отрицает существование концлагерей во время Второй мировой войны», – такими словами заканчивается это письмо.

«Это та специалистка по воспоминаниям, которая ненавидит детей?» – раздается в трубке мягкий женский голос.

«Мне есть что сказать о докторе Лофтус, – объявляет человек, дозвонившийся на местную радиопередачу. – Я думаю, она связана с группами крайне правых христиан, которые борются за восстановление патриархата…»

Я открываю газету и читаю новость о том, что мужчина, показания в защиту которого я давала на слушании по делу о педофилии, был жестоко убит. Двумя годами ранее Каару Сортланду и его жене Джуди были предъявлены обвинения в сексуальных домогательствах по отношению к трем детям в их детском саду. Одно обвинение было с них снято, а еще два судья отклонил, пояснив, что изначально дети отрицали сексуальное насилие и изменили свое мнение только после многочисленных психотерапевтических сессий и тщательных допросов следователей.

В ночь, когда Каара убили, он услышал шум рядом с домом и пошел разобраться, в чем дело. Его жена лишь услышала, как он закричал: «Я этого не делал!» Несколько мгновений спустя он уже лежал на посыпанной гравием подъездной дорожке, получив три выстрела в грудь из крупнокалиберного пистолета.

* * *

Я помню, как однажды – кажется, это было всего несколько лет назад – я сидела в кофейне отеля в Вашингтоне вместе с Гербертом Шпигелем, выдающимся специалистом в области психиатрии и гипноза, и Эдвардом Фришхольцем, молодым экспертом в области когнитивной психологии, который заведует своей клиникой в Чикаго. За кофе с булочками мы оживленно беседовали о памяти, СМИ и удивительном возрождении феномена, получившего название «вытеснение». Я пересказала несколько любопытных историй и обескураживающих судебных дел, в которых мне пришлось участвовать, и мы поговорили о безумии в СМИ, которое началось с опубликованных в журнале People статей о вытесненных воспоминаниях Розанны Барр Арнольд и Мэрилин ван Дербер, которая победила в конкурсе «Мисс Америка» в 1958 году.

Во время возникшей в разговоре паузы Эд откинулся на стуле и спросил: «Что там, по-вашему, происходит?» Под словом «там» он, разумеется, имел в виду реальный мир.

Мы были искренне удивлены и немного застигнуты врасплох. Тогда я еще не знала, куда заведет меня этот вопрос и насколько далеко позади останется безопасная башня из слоновой кости, где можно было спокойно заниматься наукой. Я помню, как немного нервно засмеялась, обнимая друзей на прощание, и как, торопясь на самолет, пообещала отправить им по электронной почте рукописи своих последних статей. Обычное дело. Но мой мир и моя жизнь уже тогда начали радикально и неотвратимо меняться.

* * *

Я хочу понять, «что там происходит». Я живу, дышу, ем и сплю с мыслями о вытеснении. Я поддалась этой навязчивой идее, потому что, по моему мнению, происходящее в реальном мире чрезвычайно важно для понимания того, как работает память и почему она может дать сбой. В последнее время я ощущаю готовность покинуть лабораторию и начать работу в

экспериментальной психологии, несмотря на всю ее сложность, поскольку считаю, что наука начинается со ставящих в тупик вопросов и с дотошного разбора совпадений и общих схем.

Что же такое вытеснение? Откуда берутся вытесненные воспоминания? Являются ли они подлинными обрывками забытого прошлого или это всего лишь «пыль в глаза» – картинки, которые возникают, когда в сознание уязвимого человека внедряется внушенная ему идея? Какими бы ни были ответы, эти вопросы крайне важны. Я полагаю, что феномен вытеснения воспоминаний подставляет нам зеркало, в котором мы можем мимолетно увидеть отражение своего собственного сознания. Если мы готовы заглянуть в него, отбросив предубеждения и предрассудки, возможно, нам удастся открыть глубинную правду о нашей потребности чувствовать себя частью чего-то, быть любимыми, принятыми, понятыми, о нашей потребности в исцелении.

В исцелении – от чего? Как говорится, вот в чем вопрос.

6
Правда, которой никогда не было

Когда теряешь того, кого любишь, этот человек продолжает меняться. И позже ты думаешь: это все тот же человек, которого я когда-то потерял? Может быть, ты потерял больше или меньше – десятки тысяч различных деталей рождаются в твоей памяти или воображении, и ты уже не знаешь, что из этого реальность, а что вымысел.
Эми Тан. Жена кухонного бога (The Kitchen God's Wife)

Память – это такая вещь, с помощью которой я забываю.
Объяснение ребенка

В своей книге «Что они несли с собой» (The Things They Carried) Тим О'Брайен выделяет два вида истины: истина случившегося и истина, заключенная в рассказе. Истина случившегося – это неоспоримая черно-белая реальность, где «во столько-то случилось то-то, затем случилось это, а потом то». Истина, заключенная в рассказе, – это ее красочная версия, которая вдыхает жизнь и свет в голый скелет прошлого, пробуждая мертвых, разжигая чувства, вдохновляя на поиск смысла.

Выдумывание историй о прошлом – это «способ заново воссоединить душу и тело или создать для душ новые тела», – объясняет О'Брайен. Описывая свою службу во Вьетнаме, он предлагает две версии своего прошлого, причем обе они «правдивы».

> Вот истина случившегося. Некогда я был солдатом. Было много трупов, реальных трупов реальных людей, но тогда я был молод и боялся на них смотреть. А теперь, двадцать лет спустя, мне остаются только безликая ответственность и безликое горе.
>
> А вот вам истина, заключенная в рассказе. Это был парень лет двадцати – худощавый, можно сказать, красивый. Он был мертв и лежал на красной глинистой тропе возле деревушки Ми Кхе. Челюсть была у него в глотке. Один глаз был закрыт, на месте другого зияла дыра в форме звезды. Я его убил[6].

Истории оживляют прошлое. Мы можем представить себя молодыми, снова пережить эмоции, которые мы когда-то испытывали (или которых избегали), мы можем сразиться с демонами, от которых раньше могли только сбежать, потому что были слишком напуганы, слишком молоды и слишком беспомощны, мы можем придумать новую развязку истории и даже воскресить мертвых.

Но есть одна загвоздка. Облекая плотью скелет истины случившегося, мы можем увлечься, попасть в плен наших собственных историй. Мы начинаем путать, где заканчивается истина случившегося и начинается истина, заключенная в рассказе, ведь последняя кажется более яркой, детальной и *реальной*, и именно она становится нашей реальностью. Мы начинаем жить в собственных историях.

Я помню одно лето, это было очень давно. Мне четырнадцать. Мы с мамой и тетей Перл поехали на каникулы в Пенсильванию к дяде Джо. Одним ясным солнечным утром я проснулась, а моя мама мертва – она утонула в бассейне.

---

[6] За основу цитирования взят перевод А. А. Комаринец.

Это истина случившегося. Истина, заключенная в рассказе, немного отличается. В мыслях я часто возвращаюсь к этому событию, и с каждым разом воспоминание становится все более материальным и осязаемым. Я вижу величественные сосны, ощущаю свежий запах смолы, чувствую зеленую от водорослей озерную воду на своей коже и вкус холодного чая со свежевыжатым лимонным соком, который готовил дядя Джо. Но сам момент смерти всегда оставался туманным и неясным. Я так и не увидела тело матери и не могла представить ее мертвой. Последнее, что я помню о ней, – как вечером накануне смерти она подошла ко мне на цыпочках, быстро обняла и прошептала «Люблю тебя».

Тридцать лет спустя, на праздновании девяностолетия дяди Джо, он рассказал, что именно я нашла маму в бассейне. После первого шока – «нет, это была тетя Перл, я спала, я ничего не помню» – воспоминания начали возвращаться – медленно и непредсказуемо, словно дымок, вьющийся над лагерным костром из сосновых бревен. Я видела себя – худенькую темноволосую девочку, которая смотрела на сверкающую голубую воду бассейна. Моя мама, одетая в ночную сорочку, лежала ничком на поверхности воды. «Мам? Мам?» – окликала я ее, повышая голос от ужаса. Я начала кричать. Я помню полицейские машины, их мигалки и носилки с чистой белой простыней, которую подоткнули под ее тело.

Конечно, все сходилось. Неудивительно, что меня всю жизнь преследовали обстоятельства смерти матери… воспоминания об этом всегда хранились в моей голове, просто я не могла до них добраться. Но теперь, когда я получила эту новую информацию, все встало на свои места. Возможно, это воспоминание, умершее и теперь вновь ожившее, могло объяснить мою одержимость искаженными воспоминаниями, мой маниакальный трудоголизм, мою жажду защищенности и безусловной любви.

За три дня мои воспоминания расширились и окрепли. Затем как-то рано утром мне позвонил брат и рассказал: мой дядя проверил факты и понял, что ошибся. Как оказалось, память его подвела. Он вспомнил (и другие родственники подтвердили это), что маму в бассейне нашла тетя Перл.

После этого телефонного разговора я осталась наедине со своим съежившимся воспоминанием, сдувшимся, как проколотый воздушный шарик, и чувством удивления оттого, каким доверчивым может быть даже самый скептический ум. Всего лишь одно случайно оброненное предположение, и я тут же начала охоту за призраками внутри себя, усердно пытаясь найти подтверждение этой информации. Когда мои воспоминания оказались выдумкой, я почувствовала странное желание вернуть себе правду-историю, такую яркую и динамичную. Это подробное, но полностью выдуманное воспоминание завораживало своей детальностью, проработанностью до мелочей, полным отсутствием неясных, туманных моментов. Я хотя бы знала, что случилось в этот день, в моем воспоминании были начало, середина и конец, по крайней мере, в нем все сходилось. Но когда оно исчезло, у меня осталось лишь несколько мрачных деталей, огромное количество пробелов и мучительная, бесконечная печаль.

* * *

Эйлин Франклин, рыжеволосая веснушчатая четвероклассница, и ее лучшая подруга Сьюзан Нейсон жили в Фостер-Сити, пригороде, где селились представители среднего класса, в 29 километрах к югу от Сан-Франциско. За пять дней до той даты, когда ей должно было исполниться девять лет, 22 сентября 1969 года, Сьюзан исчезла. Два месяца спустя ее тело нашли в лесу неподалеку от дороги на Халф-Мун-Бей, примерно в восьми километрах к востоку от Фостер-Сити. Ее череп был проломлен тяжелым предметом.

Около двадцати лет это убийство оставалось загадкой. А затем началась история, которая за одну ночь сделала термин «вытеснение» обыденным словом, а Эйлин Франклин – знаменитостью. Полиция предъявила обвинения Джорджу Франклину, которому на тот момент

был пятьдесят один год, в убийстве Сьюзан Нейсон. Единственным доказательством его вины были показания дочери, которая заявила, что стала свидетельницей убийства, но вытеснила воспоминания об этом из своего сознания на двадцать с лишним лет.

Это – истинно случившееся с Эйлин Франклин. Другие факты, столь же неоспоримые, будут раскрыты в этой истории о сексуальном насилии, убийстве и вытесненных воспоминаниях, но они так искусно переплетены с деталями рассказа о том, что случилось «в тридесятом царстве», что уже никто, даже сама Эйлин Франклин, не может сказать, что произошло на самом деле. Настоящая правда похоронена вместе с маленькой девочкой, убитой много лет назад.

* * *

Все началось в залитой солнцем комнате. Эйлин Франклин, красивая двадцатидевятилетняя женщина с длинными рыжими волосами, держала на руках своего двухлетнего сына и смотрела, как он с аппетитом ест из бутылочки. Ее дочь с двумя подружками сидела на ковре у ее ног в куче карандашей и раскрасок. Время от времени они подпевали детской песенке, звучащей из стереосистемы. Стояла солнечная калифорнийская зима, и, когда Эйлин выглянула из окна гостиной, она поняла, что на улице достаточно тепло, чтобы разрешить детям поплескаться в бассейне.

– Правда, мамочка? – Шестилетняя Джессика повернула к Эйлин милое веснушчатое личико, ожидая подтверждения. Солнечный свет пробивался сквозь шторы, подчеркивая пшеничный отлив в волосах Джессики и рисуя на полу замысловатые узоры из света и тени. В этот момент, когда она смотрела в глаза дочери, к ней вернулись воспоминания, и идеальный мир Эйлин Франклин погрузился в хаос.

В ее сознании промелькнула яркая картина[1]: Эйлин увидела свою лучшую подругу, восьмилетнюю Сьюзан Нейсон, сидящей на камне в лесу. Позади нее виднелся освещенный солнцем силуэт мужчины, держащего над головой тяжелый камень. Подняв руки, чтобы защитить себя от мужчины, который двигался в ее сторону, Сьюзан взглянула на Эйлин. В ее широко распахнутых глазах читался страх и беспомощность. Через несколько мгновений мужчина с силой обрушил удар на ее голову. Камень проломил череп Сьюзан, а Эйлин закрыла уши, чтобы не слышать, как разрывается плоть и трещит кость.

Эта вспышка заставила Эйлин поверить, что ей удалось восстановить контакт с забытым прошлым. Воспоминание, похороненное на двадцать лет – почти на две трети ее жизни, – вернулось без какого-либо предупреждения или предостережения и раскрыло ей ужасную правду: она стала свидетелем убийства своей лучшей подруги. Но это непроизвольное воспоминание раскрыло и другой жуткий факт: убийцей Сьюзан был Джордж Франклин, отец Эйлин.

* * *

На протяжении нескольких месяцев Эйлин пыталась избегать мыслей об этом воспоминании, но, несмотря на все ее попытки не впускать его в свое сознание, оно непрестанно возвращалось, обрастая подробностями. Эйлин стала бояться, что вот-вот потеряет рассудок. В конце концов она раскрыла свой секрет психотерапевту, который заверил ее в том, что она вовсе не сошла с ума. В итоге она решила поделиться этим со своим братом, тремя сестрами и матерью. В ноябре 1989 года, через десять месяцев после того, как к ней вернулось то воспоминание, Эйлин решила рассказать обо всем мужу, который настоял, чтобы она позвонила в полицию. После нескольких разговоров с сотрудниками прокуратуры округа Сан-Матео, во время которых Эйлин детально рассказала о произошедшем убийстве, помощник окружного

прокурора Марти Мюррей счел ее историю достаточно правдоподобной, чтобы начать расследование. Вести дело поручили детективам Роберту Морсу и Брайану Кассандро.

Двадцать пятого ноября 1989 года Эйлин Франклин вместе с Морсом и Кассандро села в своей гостиной, чтобы поведать им невероятные детали веселой прогулки, которая закончилась изнасилованием и убийством. Она помнила все очень четко: краски, звуки, текстуры, эмоции и разговоры, которые она воспроизводила слово в слово. Слушая, как Эйлин по порядку описывает мельчайшие подробности, лишь иногда спотыкаясь, детективы переглянулись. Каким бы удивительным это ни казалось, было похоже, что женщина говорит правду.

Она начала свой рассказ с событий раннего утра понедельника 22 сентября 1969 года, когда она училась в четвертом классе. Джордж Франклин вез Эйлин и ее сестру Дженис в школу на бежевом семейном фургоне «фольксваген», когда Эйлин вдруг заметила идущую по улице Сьюзан Нейсон. Она попросила отца подвезти Сьюзан. Эйлин вспомнила, что, когда Сьюзан запрыгнула в фургон, ее отец велел Дженис вылезти.

Джордж Франклин немного повозил Эйлин и Сьюзан по округе, а потом в какой-то момент остановился около начальной школы, где они учились, словно собираясь их высадить. Но вместо этого он сказал, что сегодня они прогуляют уроки. Они продолжили кататься и в конце концов направились к холмам у шоссе на Халф-Мун-Бей и там съехали с дороги в лес. Эйлин и Сьюзан немного поиграли, резвясь между кустов и деревьев, а потом залезли обратно в фургон. Они бегали туда-сюда от одноместных передних сидений к задней части фургона и прыгали на накрытой матрасом фанерной кровати.

Джордж Франклин забрался в фургон и стал играть вместе с ними на кровати. Эйлин была на переднем сиденье, когда ее отец забрался на Сьюзан сверху. «Отец навалился на Сьюзан, – рассказала Эйлин детективам, – ее ноги свисали с края кровати ближе к переднему сиденью. Он запрокинул ей руки, держа за оба запястья, и с обеих сторон локтями сжал… ее тело. Потом он начал… э-э… тереться об нее и двигаться толчками… и… э-э… он продолжал делать это, а я отошла от переднего сиденья и вернулась туда, где лежали они. Я посмотрела прямо в лицо Сьюзан и испугалась». Когда отец задрал Сьюзан платье, Эйлин увидела «под ним что-то белое», возможно подъюбник или сорочку.

Эйлин свернулась калачиком рядом с кроватью, а ее отец тем временем заканчивал со Сьюзан. Потом они со Сьюзан, которая теперь плакала, вылезли из фургона. Сьюзан подошла «к какому-то месту или возвышенности» и села. Эйлин осталась около машины, нагнулась и подняла упавший с дерева листок. Подняв взгляд, она увидела льющийся сквозь листву солнечный свет и отца, стоящего над Сьюзан с камнем в занесенной над ней руке: правой рукой и ногой он подался вперед. Сьюзан подняла глаза, скользнула взглядом по Эйлин и обеими руками закрыла голову. Камень с размаху опустился на нее. Эйлин закричала, услышав хруст раздробленной от удара кости.

Потом отец схватил ее, бросил на землю, прижал ее лицо к опавшей листве и сказал, что убьет ее, если она кому-нибудь расскажет, что ей все равно никто не поверит, что ее заберут и запрут в психушку. Когда она перестала кричать, он поднял ее на ноги и посадил к себе на колено. Он велел ей забыть о том, что произошло: все закончилось. Он взял из фургона лопату и начал копать. С помощью Эйлин он вытащил из машины матрас, проклиная ее за неуклюжесть. Она залезла в фургон, опустила голову и свернулась калачиком рядом с сиденьем. Раздвижная дверь захлопнулась, и они уехали. Она умоляла отца не оставлять Сьюзан, потому что ей будет страшно, и она замерзнет. Но он продолжал ехать дальше, игнорируя ее неистовые мольбы. Когда они приехали домой, Эйлин сразу пошла к себе в комнату и забралась в постель.

Когда Эйлин закончила свой рассказ, детективы подробно ее расспросили, и она ответила, упомянув еще больше поразительных деталей. Вокруг было много деревьев? Да, довольно много, три тонких деревца стояли зигзагом, а справа росло еще больше деревьев. По какой дороге они ехали? По проселочной, без асфальта. Кажется, во время одного из своих телефон-

ных звонков в полицию она упомянула что-то о кольце? Да, Сьюзан носила «серебряное кольцо с камнем… она закрыла руками голову», защищаясь от удара камнем.

На каком расстоянии от Сьюзан находилась Эйлин, когда ее отец подошел к девочке, держа в руках камень? Метров шесть. Когда он насиловал Сьюзан, он что-нибудь говорил? Он говорил «Сьюзи». Не «Сьюзан», добавила Эйлин, а «Сьюзи». Он был пьян? Да, он пил пиво из «металлической банки с этикеткой, на которой была нарисована гора и детали серебристого, рыжевато-коричневого и белого цвета». Что было на нем надето? Коричневые вельветовые брюки Levi's и шерстяной джемпер, а под ним – белая футболка с короткими рукавами и круглым вырезом. Какого цвета были его волосы? «Коричневато-рыжие с проседью». Сьюзан говорила что-нибудь, пока Джордж Франклин ее насиловал? Она говорила «нет», а потом «прекратите».

Беседа закончилась в 15:22, продлившись три часа. После того как текст записанного на магнитофон разговора был напечатан на бумаге, оказалось, что он занимает тридцать три страницы.

Детективы ушли от Эйлин Франклин в полной уверенности, что она говорила правду. Кольцо, камень, матрас, лес, окружавший место убийства, даже руки Сьюзан, которыми она пыталась укрыться от удара, – все совпадало с материалами дела.

– Ты ей веришь? – спросил Кассандро детектива Морса на обратном пути.

– Ага, – ответил Морс.

– Я тоже, – сказал Кассандро.

Через три дня детективы поехали в квартиру Джорджа Франклина в Сакраменто и сообщили ему о том, что ведут дело о нераскрытом убийстве Сьюзан Нейсон.

– Я в числе подозреваемых? – спросил Франклин.

Кассандро ответил, что да.

– Мне понадобится адвокат? – был его второй вопрос.

Однако окончательно детективов убедил третий вопрос Джорджа Франклина.

– Вы уже разговаривали с моей дочерью? – спросил он.

Детективы решили, что, будь он невиновен, он бы не стал вот так просто спрашивать, подозревают ли его в убийстве. Не стал бы он упоминать и свою дочь, если бы не боялся, что она им о чем-то рассказала[2]. Будь он невиновен, он испытывал бы замешательство, расстройство, страх. Но Джордж Франклин просто стоял как истукан, не показывая никаких эмоций, словно ждал, что они придут.

Двадцать восьмого ноября 1989 года Джордж Франклин был арестован по подозрению в убийстве Сьюзан Нейсон. Единственным доказательством его вины оставались воспоминания его дочери.

* * *

Когда летом 1990 года мне позвонил Даг Хорнград, адвокат, защищавший Джорджа Франклина, и спросил, не могу ли я выступить в роли приглашенного эксперта на заседании по делу его клиента, я, помнится, подумала: это самая странная история из всех, с которыми мне доводилось сталкиваться. Где же доказательства? Обвинения в убийстве обычно основываются на определенных объективных доказательствах (пятна крови, следы спермы, орудие убийства) или на ряде изобличающих косвенных улик. Но в данном случае расследование полагалось исключительно на правдоподобность воспоминания какой-то женщины о событии, свидетельницей которого она стала двадцать лет тому назад, восьмилетним ребенком, – воспоминания, которое, по-видимому, было бесследно утеряно и воскрешено лишь недавно. Насколько достоверным оно могло быть? Как обвинители могли выстроить дело против человека на основе воспоминания двадцатилетней давности, не подтвержденного никакими доказательствами?

Хорнград объяснил, что стороны обвинения и защиты собирались представить две версии случившегося. Сначала выступят обвинители и попытаются доказать свою правоту на основе того, что воспоминание реально. Если присяжные примут их аргументы, Джордж Франклин будет признан виновным. Адвокаты, выступающие в его защиту, попытаются доказать, что воспоминание нереально, что оно представляет собой результат смешения фактов (Сьюзан Нейсон была убита) и домыслов (Эйлин Франклин стала свидетельницей убийства). Я, как приглашенный свидетель-эксперт, должна буду объяснить, как работают основные механизмы формирования и искажения воспоминаний. Если воспоминание Эйлин ложно, откуда взялись все эти красочные и преимущественно точные детали? Откуда Эйлин могла знать столько фактов о том, как выглядело место преступления, и почему она была так уверена и так убедительно рассказывала о том, что случилось в тот день?

«Она рассказала полицейским что-нибудь, что могло быть известно лишь непосредственному свидетелю убийства?» – спросила я Хорнграда.

«Все детали, о которых она рассказала детективам, можно найти в газетных статьях, опубликованных, когда Сьюзан пропала, и два месяца спустя, когда было найдено ее тело», – ответил он. Он согласился выслать мне вырезки из газет и предварительное заявление Эйлин, чтобы я могла сравнить детали, упомянутые в ее заявлении, с фактами, о которых сообщалось в местной прессе.

Обвинители заявляли, что Эйлин были известны детали убийства, которых она никак не могла знать, если бы она не присутствовала на месте преступления. Если бы стороне защиты удалось доказать, что важные детали ее рассказа (камень, кольцо и матрас) широко обсуждались в СМИ и, следовательно, о них знал любой, кто читал газеты, смотрел телевизор или слушал чужие разговоры об убийстве, это бы означало, что Эйлин не сообщила полицейским ничего, о чем они не слышали раньше. Тогда обвинения, выдвинутые против Джорджа Франклина, основывались бы исключительно на предположениях и выводах, сделанных на основе «воспоминаний», которых, как призналась сама Эйлин, не было до того момента, пока она не посмотрела в глаза своей дочери и не «увидела» в красках всю сцену убийства. Если бы удалось найти все упомянутые ею детали в опубликованных статьях, не осталось бы никаких веских доказательств того, что убийцей был именно Джордж Франклин… А как можно вынести человеку приговор, если нет никаких доказательств его вины?

Газетные статьи многое прояснили. Детали, описанные Эйлин в ее предварительном заявлении, почти идеально совпадали с фактами об убийстве, упомянутыми в СМИ. Через три месяца после исчезновения Сьюзан ее тело было найдено под матрасом в густых зарослях кустарника у края крутой насыпи рядом с выездом на шоссе у водохранилища Кристал-Спрингс. У девочки был расколот череп, а на килограммовом камне, найденном на месте преступления, остались следы крови. На Сьюзан было голубое ситцевое платье, белые носки и коричневые кожаные туфли. Плетеное серебряное кольцо, которое она носила на правой руке, было раздавлено, а камень с него исчез – позднее его нашли члены поисковой группы.

Обо всем этом сообщалось в газетных статьях, опубликованных, когда было найдено тело Сьюзан. Но некоторые из этих повсеместно обсуждавшихся деталей оказались не совсем точными. На самом деле Сьюзан носила два кольца: серебряное индийское на правой руке и золотое с топазом – на левой. Автор одной из газетных статей перепутал их и написал, что камнем было инкрустировано серебряное кольцо. Двадцать лет спустя Эйлин сделала ту же самую ошибку в своем предварительном заявлении и рассказала о расплющенном кольце с маленьким камнем, которое Сьюзан якобы носила на правой руке.

Еще одним источником путаницы стал матрас, под которым нашли тело девочки. В одной газете упоминался матрас, а в другой верно сообщалось о пружинной кроватной сетке (которая, как оказалось, была слишком большой, чтобы уместиться в фургоне Джорджа Франклина). К моменту предварительного слушания, которое состоялось через полгода после того, как

Эйлин в первый раз беседовала с детективами Морсом и Кассандро, она поменяла «матрас» в своих показаниях на «штуковину»: «Он сгорбился над телом Сьюзан и начал закладывать его камнями. Мне показалось, что я видела, как он накрывает ее этой штуковиной».

«Камни», которыми Франклин якобы закладывал тело Сьюзан, упоминались в публикациях об убийстве. Один камень был найден в складках платья девочки, и еще один, побольше, – рядом с ее телом. По словам патологоанатомов, любой из них мог быть использован в качестве орудия убийства. Почему же Эйлин не упоминала о том, что убийца «закладывал Сьюзан камнями» ранее, когда она детально рассказывала обо всем детективам Морсу и Кассандро?

На предварительном слушании Эйлин также назвала другое время убийства, изменив утро на вторую половину дня. Джордж Франклин не мог подобрать Сьюзан Нейсон по дороге в школу, как ранее утверждала Эйлин, потому что тем утром девочка ходила туда пешком. Она вернулась домой где-то около трех часов дня, поздоровалась с мамой, которая шила платье к вечеринке по случаю дня рождения дочери, и спросила, можно ли ей пойти домой к однокласснице, чтобы забрать теннисные туфли, которые она оставила в школе. Сьюзан ушла из дома примерно в пятнадцать минут четвертого. Несколько соседей помнят, что видели, как она шла по тротуару.

Около четырех или половины пятого Маргарет Нейсон начала беспокоиться о дочери, которая была ответственной девочкой и никогда не забывала сообщать матери, где находится (и никогда не пропускала обед). Маргарет села на велосипед и поехала искать Сьюзан. Время шло, а дочери нигде не было, и Маргарет начала паниковать. Около восьми часов вечера Нейсоны позвонили в полицию.

После первого разговора с детективами Морсом и Кассандро Эйлин изменила свои показания о времени убийства, так чтобы оно соответствовало известным фактам. Она объяснила, что чем больше она представляла себе силуэт отца, загораживающий солнце, тем яснее осознавала, что убийство не могло произойти утром. Эйлин сделала вывод, что Сьюзан должны были убить ближе к вечеру, потому что помнила, как свет клонящегося к горизонту солнца пробивался сквозь листву. Хотя позднее она заявляла, что ее воспоминание изменилось в конце ноября или в декабре 1989 года, прокурору она сообщила об этих изменениях лишь 9 мая 1990 года, всего за две недели до предварительного слушания.

Эйлин также изменила свои слова насчет того, что в фургоне находилась Дженис. Первоначально она сказала детективам, что, когда ее отец остановился, чтобы подобрать Сьюзан, в «фольксвагене» сидела Дженис и что, когда Сьюзан забралась внутрь, Джордж Франклин заставил Дженис выйти. Однако в заявлении, сделанном перед прокурором 9 мая, Эйлин снова пересмотрела свои показания и заявила, что помнит Дженис на фоне поля около того места, где ее отец остановился, чтобы подобрать Сьюзан.

«Чем больше я на этом концентрировалась и старалась максимально отчетливо вспомнить, как именно все произошло, – говорила Эйлин на предварительном слушании, – тем больше я сомневалась в том, что Дженис была в фургоне. И чем больше я сомневалась, тем усерднее старалась сконцентрироваться, чтобы вспомнить эту деталь. Потом, спустя, я бы сказала, несколько недель, я просто… мне казалось все более очевидным, что я помнила ее стоящей около фургона, а сомневалась я лишь в том, сидела ли она внутри с самого начала. Я склоняюсь к тому, что она была снаружи. Не знаю, почему раньше мне казалось, что она сидела внутри».

* * *

Все эти добавления и исправления, которые Эйлин вносила в свой рассказ об убийстве, подтверждают то, что известно ученым о гибкости человеческой памяти. Воспоминания постепенно меняются, и чем больше времени проходит, тем больше накапливается искажений. Наш

разум непрерывно впитывает дополнительные факты и детали, а первоначальное воспоминание постепенно видоизменяется.

Воспоминание Эйлин показалось мне абсолютно нормальным. Разумеется, она помнила свою лучшую подругу и не могла забыть, что Сьюзан была зверски убита. Но что произошло с этими двумя основополагающими, незыблемыми фактами за двадцать лет? По меньшей мере существует вероятность того, что память Эйлин впитала в себя факты, почерпнутые из газет и телерепортажей, к которым приложились детали из повседневных разговоров, и все это соединилось во вполне осмысленную историю. Возможно, разум Эйлин взял за основу разрозненные факты о бессмысленном убийстве, смешал их с фантазиями и страхами, добавил немного сплетен и недомолвок и пришел к ложному выводу, что в тот день она находилась в лесу и видела, как ее отец изнасиловал и убил ее лучшую подругу. Разум Эйлин превратил истину случившегося в связное повествование с яркими деталями и моралью, то есть в истину, заключенную в рассказе.

Сторона обвинения утверждала, что этот рассказ – достоверное изложение событий, а тот факт, что Эйлин сначала все забыла, а потом внезапно вспомнила, они объяснили тем, что она якобы вытеснила эти воспоминания из сознания. По их мнению, расхождения в рассказах Эйлин вовсе не доказывали, что ее воспоминания ложные, просто их следовало немного подкорректировать.

Когда впервые возникла идея о вытеснении? В ноябре 1989 года, когда Эйлин позвонила в полицию, чтобы дать предварительные показания детективам Морсу и Кассандро, она ни разу не упомянула о «вытесненном» воспоминании. Когда детективы спросили ее, почему она решила выдвинуть обвинения против отца только сейчас, через двадцать лет после убийства, она объяснила, что в последнее время ее воспоминание стало более ярким, что теперь оно было «не таким смутным». Через несколько недель, беседуя по телефону с Марти Мюрреем, она заявила, что вспомнила детали убийства во время сеансов интенсивной терапии. В ходе записанных на магнитофон телефонных разговоров она несколько раз упоминала, что держала это воспоминание в секрете, потому что отец пригрозил убить ее, если она кому-нибудь расскажет об убийстве.

Однако в декабре 1989 года Эйлин рассказала прокурору Мюррею, что воспоминание лишь недавно появилось в ее сознании. Вскоре после этого разговора она дала два газетных интервью, в которых объяснила, что воспоминание об убийстве было «заблокировано» и вернулось к ней внезапно, словно «вспышка». Во время беседы с репортером из газеты Mercury, выходящей в городе Сан-Хосе, она сказала, что забыла о преступлении уже через несколько дней после того, как Сьюзан была убита, и ничего о нем не помнила до тех пор, пока воспоминания не начали возвращаться к ней вспышками. Она вспоминала, как еще ребенком проходила мимо дома Нейсонов и чувствовала, как ее тело внезапно заставляло ее обходить его стороной («своего рода телесная память»). Она не могла понять причин этой необычной физической реакции, объясняла Эйлин, до тех пор, пока все вытесненное воспоминание не вернулось целиком.

В интервью газете Los Angeles Times Эйлин заявила, что ее сознание «заблокировало» воспоминание об убийстве сразу же после случившегося, и, лишь когда ее начали преследовать воспоминания-вспышки, в том числе образ ее отца, стоящего над Сьюзан Нейсон с камнем в руке, она решила позвонить в полицию.

Что спровоцировало эти вспышки? Брат Эйлин, Джордж-младший, рассказал любопытную историю. Эйлин позвонила ему в августе 1989 года и пригласила его в гости. Вскоре после того как он приехал, Эйлин призналась ему, что посещала сеансы психотерапии, на которых ее гипнотизировали. На следующий день она рассказала брату, что, находясь под гипнозом, видела, как их отец убивает Сьюзан Нейсон. В сентябре 1989 года Эйлин рассказала об этом воспоминании своей матери и призналась, что оно всплыло во время сеанса гипнотерапии.

Всего несколько месяцев спустя Эйлин рассказывала уже другую историю. После того как ее отец был арестован и обвинен в убийстве, Эйлин позвонила брату и спросила, разговаривал ли он с адвокатами, выступающими в защиту Джорджа Франклина. Он признался, что общался с ними, и тогда она быстро изменила свой рассказ о гипнозе и попросила его, чтобы он помог ей подтвердить новую версию. Она объяснила, что воспоминание вернулось к ней в ходе обычного сеанса психотерапии, что никто ее не гипнотизировал. «Пожалуйста, – умоляла она брата, – если позвонят из полиции, ничего не говори им о гипнозе».

По мнению Хорнграда, осенью 1990 года Эйлин узнала, что суд не принял бы ее воспоминание в качестве доказательства, если бы стало известно, что оно всплыло под гипнозом. Насколько он понял, либо мать Эйлин, работавшая адвокатом, либо юрист из Лос-Анджелеса, с которым она консультировалась перед тем, как обратиться в полицию, посвятили ее в правовые тонкости. В Калифорнии, как и во многих других штатах, не принимались свидетельские показания, основанные на восстановленных под гипнозом воспоминаниях, поскольку неопровержимые данные исследований подтверждали, что в таком состоянии человек крайне подвержен внушению, и его воспоминания можно изменить или даже создать новые.

Во время предварительного слушания, состоявшегося в мае 1990 года, Эйлин призналась, что солгала брату и матери, когда рассказывала им про сеансы гипноза. По ее словам, она поступила так, чтобы они ей поверили, на самом же деле ее никогда не гипнотизировали. Эйлин также отрицала сказанное ее старшей сестрой Кейт. Согласно показаниям Кейт, Эйлин позвонила ей как-то в начале ноября 1989 года, всего за две недели до того, как обратиться в полицию, и сказала, что воспоминание об убийстве Сьюзан пришло к ней во сне. Она сказала сестре, что в последнее время ей часто снились кошмары и что она решила возобновить сеансы психотерапии. Вскоре после этого ей приснился сон, в котором она увидела, как ее отец убивает Сьюзан Нейсон.

Была ли сцена убийства, всплывшая в сознании Эйлин, воспоминанием-вспышкой, сном, или оно возникло под гипнозом? Как настаивали обвинители, эта сцена представляла собой всего-навсего обычное «вытесненное» воспоминание. Слово «вытесненное» означает, что Эйлин не просто забыла об этой истории или хранила ее в секрете. Из-за того что воспоминание об убийстве было потенциально травматичным для психики Эйлин, ее разум удалил его. Воспоминание бесследно исчезло и двадцать лет оставалось изолированным от сознания девушки. Если бы в эти годы кто-нибудь сказал ей: «Эйлин, а может быть такое, что ты видела, как Сьюзан была убита?» или еще более конкретно: «Твою лучшую подругу убил твой отец?» – она бы испытала шок и замешательство и стала бы все отрицать, и никакой проблеск воспоминаний не пошатнул бы ее уверенности. Воспоминания об убийстве испарились, канули в небытие и не подавали ни малейших признаков жизни.

* * *

«Вытесненные воспоминания»… За этими словами скрываются темные секреты и зарытые сокровища, комнаты, где все покрыто пылью и паутиной, а из углов слышатся подозрительные шорохи. Вытеснение воспоминаний – это одно из самых тревожных и в то же время романтических понятий в психологии памяти: *что-то происходит* – что-то настолько шокирующее и пугающее, что в мозге происходит короткое замыкание, и нормальная работа памяти нарушается. Целое воспоминание или его кусочек откалывается и прячется. Где? Никто не знает, но мы можем представить себе, как потрескивают электрические заряды и вспыхивают голубые искорки нейронов, пока воспоминание заталкивается в самые дальние и недоступные уголки сознания. Там оно и остается на целые годы, десятилетия, может быть, навсегда – изолированное и защищенное, застывшее в анабиозе. Удаленное из лихорадочно работающего сознания, оно дремлет.

Время идет. И вот *что-то происходит.* Солнечный свет пробивается сквозь листву. На полу лежит черный кожаный ремень, свернувшийся, словно змея. Кто-то бросает неосторожное слово или фразу, или внезапно повисает странное, но знакомое молчание. И вдруг воспоминание всплывает из глубины сознания – идеально сохранившаяся картинка, поднимающаяся над неподвижными водами когда-то скованного льдом озера.

Что заставляет лед растаять и позволить покоившемуся на дне воспоминанию снова проникнуть в сознание? Где оно пряталось все эти годы? И откуда нам знать, что это реанимированное воспоминание (пусть оно и выглядит, звучит и ощущается как настоящее) не представляет собой отравленную смесь фактов и вымысла, снов и фантазий, страхов и желаний?

Когда я начала изучать журнальные статьи и учебные пособия, ища в них ответы на эти вопросы, я наткнулась на ужасающее безмолвие. Казалось, будто сама тема вытесненных воспоминаний находилась в спячке около сотни лет с тех пор, как Фрейд впервые сформулировал теорию о защитном механизме, который оберегает сознание от болезненных эмоций и переживаний. Я просмотрела второе издание книги Роберты Клацки «Память человека» (Human Memory) и не обнаружила в указателе ни одного упоминания о вытеснении воспоминаний. Я изучила указатель к пособию Юджина Цекмайстера и Стенли Найберга о работе человеческой памяти – с тем же результатом.

В конце концов я отыскала кое-какую информацию о вытесненных воспоминаниях в книге Алана Бэддели. Один из самых выдающихся британских исследователей памяти, Бэддели рассказывает об убежденности Зигмунда Фрейда в том, что эмоции способны блокировать воспоминания. В качестве примера он приводит случай, произошедший с двадцатилетней женщиной, которая лечилась у Пьера Жане, современника Фрейда. Она страдала от проблем с памятью, вызванных длительной болезнью, а затем смертью ее матери. Бэддели считает чрезвычайно важным вопрос выбора и намеренного избегания и делает вывод о том, что «крайне сложно четко установить, когда пациент совершенно теряет доступ к болезненным воспоминаниям, а когда избегает их по собственной воле».

По мнению Бэддели, хотя существуют доказательства того, что эмоции сильнейшим образом влияют на память, доказательства вытеснения в реальной жизни «гораздо менее убедительны», а «продемонстрировать процесс вытеснения воспоминаний в условиях эксперимента… оказалось крайне сложно». Многие специалисты настаивают, что это явление действительно существует, однако «такие увещевания больше говорят об убеждениях самого увещевателя, чем о достоверности его слов. Если [человек] повсюду видит доказательства вытеснения воспоминаний, так может, как и красота, они существуют лишь в глазах смотрящего?».

Я обратилась к академическим клиническим исследованиям и просмотрела несколько широко известных книг об инцесте и вызванной им психологической травме. Изучая популярную книгу Джудит Льюис Герман «Инцест между отцом и дочерью» (Father-Daughter Incest), я не обнаружила термина «вытеснение» ни в указателе, ни в самом тексте. Я все-таки нашла несколько отсылок к явлению вытеснения в классическом труде Элис Миллер о последствиях детской травмы «Драма одаренного ребенка» (The Drama of a Gifted Child). Миллер подробно рассказывает о необходимости выяснять правду о собственной жизни, которая «скрывается в темноте прошлого». Однако Миллер, очевидно, имеет в виду, что, стремясь выяснить эту правду, мы ищем не буквальные, достоверные воспоминания, а сильные потребности и эмоции, которые сознание травмированных детей выталкивает, потому что они живут в среде, лишенной сочувствия и заботы. Во вступлении к своей книге она пишет: «Мы знаем на собственном опыте, что для излечения душевных заболеваний есть очень действенное и весьма эффективное средство: правдиво рассказать себе историю своего единственного и неповторимого детства и эмоционально вновь пережить ее». А на заключительных страницах она делает

следующий вывод: «Помочь пациенту эмоционально воспринять свою жизненную историю и осмыслить ее, чтобы обрести новые жизненные силы – вот основная цель психотерапии»[7].

На основании написанного Элис Миллер справедливо заключить, что, какую бы «правду» мы ни обнаружили в своих вытесненных или неосознанных воспоминаниях, она субъективно и по сути своей основана на эмоциях. Зигмунд Фрейд, впервые высказавший идею о вытеснении воспоминаний в своих трудах по психоанализу, также подчеркивал эмоциональную сущность этого явления. В представлении Фрейда вытеснение как защитный механизм позволяет отрицать или подавлять эмоции, потребности, чувства или намерения и избегать психологической «боли» (которая может выражаться в травме, тревоге, чувстве вины или стыда). В работе, опубликованной в 1915 году, Фрейд приводит ясную и емкую формулировку: «…сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания»[8].

Случай Элизабет фон Р., одной из самых известных пациенток Фрейда, приводится в качестве классического примера вытеснения воспоминаний. Во время сеансов у Фрейда Элизабет испытывала невыносимую физическую боль каждый раз, когда проявлялось ее подсознательное желание (в конце концов ставшее сознательным), чтобы ее любимая сестра умерла, а она смогла выйти замуж за ее супруга. Фрейд сравнивал поиск вытесненных идей и желаний с тем, как слой за слоем археолог раскапывает погребенный под землей город. Но эти психологические «раскопки» на территории вытесненных воспоминаний продвигались очень медленно, ведь пациенты отчаянно стремились вновь засыпать вырытую Фрейдом яму. Похороненные чувства и переживания, выражаясь словами Фрейда, «расположены *концентрическими слоями вокруг патогенного ядра* <…> чем глубже в эти слои погружаешься, тем труднее пациенту признавать подлинность возникающих воспоминаний, вплоть до того, что от воспоминаний, близких к ядру, он отрекается уже в момент их воспроизведения»[9].

Сны и запретные желания воспринимались как признаки того, что вытесненные воспоминания скоро выплывут наружу. Человек-волк, еще один известный пациент Фрейда, увидел несколько снов, прежде чем внезапно вспомнил, как его соблазняла сестра. А подавленное чувство сексуального желания, которое мисс Люси Р. испытывала по отношению к своему работодателю, по всей видимости, усилило ее истерические симптомы. В работе, опубликованной в 1893 году, Фрейд описывает разговор с мисс Люси:

> – Но если вы знали, что влюблены в директора, почему не сказали об этом мне?
>
> – Я же об этом не знала или, лучше сказать, не хотела об этом знать, старалась выкинуть это из головы, больше об этом не думать, и, кажется, в последнее время мне это удалось.

Фрейд использовал случай Люси Р. в качестве иллюстрации своей гипотезы о том, что для появления симптомов истерии «идея должна быть намеренно вытеснена из сознания». Таким образом, согласно первоначальному определению Фрейда, вытеснение может представлять собой процесс преднамеренного, умышленного выталкивания эмоций, идей или мыслей из сознания.

Мне стало интересно, что бы сказал Фрейд об Эйлин Франклин, которая заявляла о наличии у нее другого вида вытесненных воспоминаний – воспоминаний, которые были вытеснены

[7] Цит. по: *Миллер А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. И. В. Розанова, И. В. Силаевой. М.: Академический проект, 2001.

[8] Цит. по: *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.

[9] Цит. по: *Фрейд З.* Собр. соч. в 26 т. Т. 1. Исследования истерии / Пер. С. Панкова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2005.

из сознания совершенно *неосознанно.* Укладывался ли ее случай в теорию Фрейда или же представлял собой современное отклонение от его абстрактных представлений о работе человеческого разума? Продолжая искать информацию, я наткнулась на замечательную статью Мэттью Эрдели «Не будем обходить молчанием вытеснение воспоминаний: на пути к когнитивной психологии вытеснения» (Let's Not Sweep Repression Under the Rug: Toward a Cognitive Psychology of Repression). По мнению Эрдели, первоначальное представление Фрейда о вытеснении как о намеренном, осознанном акте полностью игнорируется современными теоретиками и практикующими врачами, которые настаивают на том, что вытеснение всегда действует как неосознанный защитный механизм.

> В отношении этого вопроса установилось почти полное единодушие… Считается, что все защитные механизмы без исключения действуют неосознанно. Это мнение столь широко распространено, что к настоящему моменту большинство теоретиков воспринимают его не как гипотезу, а как неотъемлемую часть определения этого явления.

Эрдели провел неофициальное исследование среди студентов, чтобы выяснить, насколько часто, как им самим кажется, они сталкиваются с вытеснением воспоминаний (осознанным или неосознанным). Восемьдесят пять из восьмидесяти шести студентов сообщили, что пользовались механизмом «осознанного вытеснения», определяемого как «удаление болезненных воспоминаний или мыслей из сознания с целью избежать психологического дискомфорта». Кроме того, большинство участников могли назвать особые конкретные *неосознанные* механизмы, которые они использовали для того, чтобы вытолкнуть те или иные образы из сознания. По словам Эрдели, «теперь они сознавали, что ранее неосознанно использовали эти способы защиты». Эрдели пришел к выводу о том, что «существуют почти всеобъемлющие доказательства вытеснения».

Итак, подумала я, что же мы имеем? На мой взгляд, то, что Фрейд использовал как метафору (поэтический образ эмоций и переживаний, похороненных в секретном, недоступном отделе разума), было истолковано буквально. Фрейд говорил о вытеснении аллегорично, используя замысловатую историю в качестве иллюстрации того, насколько непостижим и загадочен человеческий разум. Мы, современные люди, запутанные этой метафорой и склонные понимать все буквально, вообразили, что сможем просто взять бессознательное и разобраться в нем. И появилось утверждение, что целые воспоминания можно похоронить на многие годы, а затем вытащить на свет божий совершенно целыми и невредимыми.

Фрейда увлекали сложные взаимодействия сексуальных и агрессивных чувств, желаний, фантазий и импульсов, берущих начало в детстве, их способность оказывать патогенное влияние во взрослом возрасте (он всегда подчеркивал вытесненное *эмоциональное* содержание детских переживаний), однако современные психиатры отправились в путешествие за буквальной, фактической правдой. Мы поймали бабочку идеи, прикололи ее булавкой к стене и умертвили в ходе анализа. Неудивительно, что некоторым из нас интересно, почему она не летает.

Но по-настоящему серьезные проблемы начались, когда практикующие врачи решили изменить формат академических споров о природе вытеснения и обратиться к широкой аудитории. Так, Сью Блум в книге «Тайные жертвы» уверенно заявляет, что вытесненные воспоминания служат хранилищем неосознанных моделей поведения, типичных для всех жертв инцеста:

> У жертв инцеста складывается набор типичных моделей поведения, призванных хранить их секрет… эти модели не просчитаны и даже не осознаются ими. Они становятся автоматизмами и с годами почти превращаются в часть личности. Жертва отрицает, что ее насиловали, вытесняя воспоминания о травме. Это первое проявление «секрета»: инцест

> становится секретом, который человек хранит от самого себя. *Вытеснение в той или иной форме практически повсеместно проявляется среди жертв инцеста*.

Было продано более полумиллиона экземпляров книги «Мужество исцеления», которая стала своего рода библией для тех, кто стремится оправиться от пережитого насилия. Во вступлении к этой книге одна из ее создательниц, Элен Басс, уведомляет читателей о том, что у нее нет «академического образования в области психологии» и что «никакие из представленных в книге идей не основаны на психологических теориях». Дав такое предупреждение, авторы затем формулируют очень конкретные советы в отношении вытесненных воспоминаний: «Если вы не можете вспомнить конкретные случаи [насилия]… но все же чувствуете, что вы ему подвергались, вероятно, так оно и было». За этим непозволительным обобщением следует раздел под названием «Но я ничего не помню», в котором читателю рассказывают: его чувства могут служить доказательством того, что «что-то произошло», даже если воспоминания все еще не выплыли на поверхность.

> Вам может казаться, что вы ничего не помните, но часто бывает, что, когда человек начинает описывать свои воспоминания, проявляется целый спектр чувств, реакций и других воспоминаний. Чтобы сказать «меня насиловали», совсем не обязательно иметь воспоминания, которые могли бы служить доказательством в суде…

Идея того, что воспоминания об инцесте начинаются со смутных чувств или образов, которые в конечном счете сливаются в полноценные воспоминания, высказана также и в другой популярной книге для жертв инцеста, «Возвращая себе свою жизнь: надежда для взрослых жертв инцеста» (Reclaiming Our Lives: Hope for Adult Survivors of Incest). Авторы, Кэрол Постон и Карен Лисон, описывают опыт женщины, у которой были «вытесненные воспоминания» об инцесте и которая видела сны о маленькой девочке, катающейся на коньках по замерзшей реке. Во сне эта женщина отчаянно пыталась предупредить девочку о том, что сквозь лед пробираются монстры и змеи, жаждущие ее съесть. Но, как это часто бывает в снах, все ее усилия были напрасны. Через несколько дней пациентка начала вспоминать произошедшие с ней в детстве случаи инцеста. Теперь, когда у нее установились «доверительные отношения с психотерапевтом и с участницами группы для жертв инцеста, которые могли ее понять и принять», воспоминания полились потоком. «Обычно женщины не сразу связывают свои переживания с инцестом, – говорят авторы в завершение этой истории. – Иногда им годами не удается вспомнить, что произошел инцест: воспоминания каким-то поразительным образом приходят, когда жертва может с ними справиться».

В книге «Взрослые дети, пережившие родительское насилие» (Adult Children of Abusive Parents) Стивен Фармер связывает тяжесть пережитого в детстве насилия со способностью вытеснять соответствующие воспоминания. «Чем серьезнее было пережитое вами насилие, тем выше вероятность, что вы вытесните из сознания воспоминания о нем». Он предлагает несколько упражнений, призванных помочь читателям «приподнять завесу вытеснения».

Читая эти популярные книги для жертв инцеста, я обнаружила, что все они подталкивают меня к одному выводу: если что-то *кажется* вам реальным, значит, оно *и правда* реально, и к черту тот факт, что никаких воспоминаний (а уж тем более доказательств) у вас нет. Как и Фрейд, все эти авторы придают особую важность чувствам и эмоциям, но по другой причине: *поскольку они выступают в качестве симптомов,* свидетельствующих о том, что где-то в глубине подсознания спит воспоминание о насилии и ждет, когда его обнаружат. Если вы (читатель этих книг) думаете, что вас могли изнасиловать, и чувствуете ярость и горе, которыми так часто сопровождаются воспоминания о насилии, вас призывают ухватиться за эти эмоции, как

скалолаз за веревку, и, держась за них, спуститься по скользкому склону подсознания туда, где скрываются давно потерянные воспоминания.

Если пациент настаивает на том, что он ничего не помнит, психотерапевт предлагает ему бесчисленное множество креативных способов подстегнуть память. К примеру, рабочая тетрадь к книге «Мужество исцеления» содержит письменные упражнения для людей, которые считают, что пережили насилие, но не могут ничего вспомнить. Чтобы пробудить спящую память, задействуются чувства стыда или унижения.

> Если вы не помните, что с вами произошло, пишите о том, что вы помните. Или о любых имеющихся у вас воспоминаниях, которые сильнее всего связаны с сексуальным насилием, – к примеру, о том, как вы впервые испытали стыд или унижение… Начните с того, что есть. Обычно этот способ помогает найти что-то большее.

Даже ученые предлагают пациентам «угадывать» для того, чтобы вытащить наружу похороненные воспоминания. «Если пациент не помнит, что с ним случилось, предложение терапевта “угадать” или “рассказать историю” может помочь жертве насилия вновь обрести доступ к утерянному материалу», – пишет психотерапевт Карен Олио. Олио описывает опыт одной из своих пациенток, которая подозревала, что подвергалась сексуальному насилию, но не могла вспомнить каких-либо конкретных случаев. Однажды, находясь в гостях, она внезапно испытала сильную тревогу, увидев трехлетнего ребенка. Она не знала, что ее так расстроило, хотя сознавала свое желание сказать этой маленькой девочке, чтобы та не задирала платье. Когда во время сеанса ее психотерапевт попросил ее рассказать историю о том, что должно было произойти с этой девочкой, пациентка в конце концов, дрожа и рыдая, пересказала свои первые воспоминания о насилии. По словам ее терапевта, она использовала возможность рассказать историю, чтобы «обойти существующие в ее сознании блоки». Позже она «осознала, что на самом деле сама была той маленькой девочкой из ее рассказа».

Когда речь заходит о вытеснении воспоминаний, часто подчеркивается целительная сила памяти. Необычен случай Бетси, тридцативосьмилетней женщины, которая страдала от булимии, злоупотребляла алкоголем и периодически занималась членовредительством. В конце концов она оказалась в больнице после пьяного скандала. Поначалу она не считала, что в детстве подвергалась насилию, но после полугода психотерапии начала «вспоминать», как отец ставил ее на колени и заставлял заниматься с ним оральным сексом. Она также помнила, как отец угрожал, что «отрежет ей руки», если она кому-нибудь расскажет. По мнению психотерапевта, ее желание себя покалечить было отражением пережитой в прошлом травмы, проявлявшейся по мере того, как воспоминания о насилии проникали в ее сознание. Бетси постепенно оправилась и перестала наносить себе увечья. «Вновь обретая воспоминания о пережитом в детстве инцесте и обсуждая их с другим человеком, эта женщина углубила свою способность к интимному общению и эмпатии», – такой вывод сделал ее психотерапевт.

Некоторые психотерапевты, похоже, готовы считать любые утерянные и затем всплывшие воспоминания достоверными, какими бы странными они ни казались на первый взгляд. В научно-популярном бестселлере «Мишель вспоминает» (Michelle Remembers) Мишель Смит рассказывает о сеансах психотерапии, на которых ее регулярно гипнотизировали. Спустя несколько месяцев у нее начали появляться «воспоминания» о том, как мать запирала ее, когда ей было пять лет, и о дьявольских сборищах сатанистов. Мишель вспоминала кровавые ритуалы, которые проводил Малачи, одетый в черное санитар-садист, и песнопения и танцы десятков взрослых людей, которые зубами рвали на куски живых котят, разрезали пополам эмбрионов и размазывали их расчлененную плоть по ее животу, насиловали ее крестом, а потом заставляли мочиться и испражняться на Библию. После того как Мишель вспомнила этот и другие случаи ритуального насилия, она обнаружила у себя проявления так называемой «телес-

ной памяти», в том числе сыпь на шее, которую она и ее психотерапевт интерпретировали как отпечаток хвоста дьявола. В книге есть черно-белая укрупненная фотография сыпи Мишель с очень натуралистичным описанием: «Каждый раз, когда она вновь вспоминала, как хвост дьявола оплетал ее шею, на ней появлялось четко очерченное пятно сыпи в форме кончика его хвоста».

Авторы этих популярных книг редко предлагают читателю поискать какие-либо подтверждения или объективные доказательства достоверности восстановленных воспоминаний. На самом деле в популярной литературе ярко прослеживается идея о том, что требования представить доказательства лишь приносят жертве дополнительные страдания. Если пациент выражает сомнения в достоверности его воспоминаний, психотерапевту советуют оценивать эти события как нечто реальное и убеждать пациента в реальности насилия. Не важно, насколько несуразны его воспоминания и какими серьезными и потенциально вредоносными могут оказаться основанные на них обвинения: жертве говорят, что она не должна искать доказательства или подтверждения своим воспоминаниям. Как Басс и Дэвис пишут в «Мужестве исцеления»:

> Если ваши воспоминания о насилии до сих пор смутны, важно сознавать, что вас, возможно, станут расспрашивать, стремясь выяснить детали… Вы не обязаны никому доказывать, что вас насиловали.

Проблема и для обвинителя, и для обвиняемого заключается в том, как определить, чем является восстановленное воспоминание: точным отражением реальных событий, смесью фактов и вымысла или полной выдумкой. Психология, несмотря на все достижения последних ста лет, до сих пор не изобрела способа читать мысли. В отсутствие неопровержимых доказательств мы попросту не можем знать, как установить абсолютную «истину». Возможно, именно поэтому Зигмунд Фрейд, Элис Миллер и другие психологи-теоретики раз за разом настойчиво подчеркивали и подчеркивают до сих пор *эмоциональную* правдивость вытесненных воспоминаний, в противовес фактической достоверности их содержания.

Однако в 1970-е и 1980-е годы, когда тема инцеста вызывала острый интерес общества, руководствующиеся благими намерениями практикующие врачи стали ратовать за то, чтобы слепо верить в правдивость восстановленных воспоминаний. Объясняли они это необходимостью поддерживать атмосферу доверия между пациентом и психотерапевтом. К примеру, в одной академической работе, опубликованной в 1979 году, Элвин Розенфельд и его соавторы признают, что очень сложно оценить правдивость рассказов об инцесте, но предлагают психотерапевтам верить пациенту, поскольку недоверие может заставить его бросить сеансы и даже привести к психозу. Несмотря на то что «сложно узнать, является ли рассказ о насилии воспоминанием, выдумкой или смесью первого и второго», пишут авторы, психотерапевту все же следует оставаться «непредвзятым», поскольку «опаснее отмахнуться от реальности, приняв ее за выдумку, чем сделать наоборот». Предполагая, что рассказы пациента об инцесте соответствуют истине, психотерапевт создает «атмосферу доверия, в которой обвинения можно должным образом проанализировать и отбросить, окажись они ложными».

В ситуации личного, конфиденциального разговора пациента со специалистом не так важно, реально воспоминание или выдумано. Многие психотерапевты полагают, что, если пациент выздоравливает, в сущности, не принципиально, добился он этого, прорабатывая реальный травматичный опыт или травматичные фантазии. Если воспоминание нереально, но кажется человеку таковым, кто вправе сказать, что в некотором базовом, решающем смысле оно все же нереально? Любой лично переживаемый опыт содержит в себе эмоциональную правду-историю, важность которой невозможно и бессмысленно отрицать или преуменьшать.

Однако когда то или иное воспоминание почти двадцать лет спустя внезапно вновь вырывается наружу, не утратив своих красок, осязаемости, звуков, запахов и эмоциональной нагрузки, и на его основании человека обвиняют в убийстве, тогда к достоверности

этого воспоминания следует относиться не менее серьезно, чем к его юридическим последствиям. Эйлин Франклин, попавшая в круговорот неконтролируемых воспоминаний, без конца «видела», как насилуют и убивают ее лучшую подругу, вновь и вновь переживая в своей голове этот ужас. Учитывая, что речь шла о судебном разбирательстве и на весах лежала свобода человека, кто-то обязан был задать скептический вопрос: чем было это изобилующее деталями ужасающее воспоминание? Ночным кошмаром, признаком сумасшествия или настоящим, вырвавшимся из подсознания воспоминанием о событиях из далекого прошлого?

* * *

В качестве приглашенного свидетеля-эксперта со стороны обвинения должна была выступать доктор Ленор Терр – психиатр и клинический профессор, специалист по работе с травмированными детьми (она обрела известность благодаря работе с похищенными детьми в городе Чаучилла, Калифорния). Мне было любопытно посмотреть, как она объяснит феномен вытеснения воспоминаний. Я заказала ее недавно опубликованную книгу «Слишком страшно, чтобы плакать» (Too Scared to Cry) и прочитала ее от корки до корки. То, что я в ней обнаружила, меня удивило.

Определения феномена «вытеснения» я в книге не нашла (как и в большинстве академических публикаций на тему травмы и инцеста, этот термин даже не упоминался в указателе), однако мне встретилось определение к слову «подавление» – этот феномен был охарактеризован как «полностью осознанный и, следовательно, не являющийся защитным механизм». Подразумевает ли это, что вытеснение (которое Фрейд определяет как защитный механизм, с чем согласно большинство современных психиатров) – явление полностью бессознательное? Не похоже. Терр четко и ясно утверждает, что внезапные, стремительно развивающиеся события пробивают барьер защитных реакций ребенка и оставляют «удивительные, чрезвычайно отчетливые вербальные воспоминания, намного более детальные и долговременные, чем… обычные воспоминания». Лишь когда ребенок испытывает травматичные переживания или ужас в течение *продолжительного времени,* включаются его защитные механизмы и начинают влиять на процессы формирования, хранения и извлечения воспоминаний.

Как эта теория травм соотносилась с воспоминаниями Эйлин Франклин? Мне казалось очевидным, что случай Эйлин входил в категорию травм, вызванных «внезапными, стремительно развивающимися событиями», которые, по мнению Терр, должны были оставить в ее памяти глубокий и неизгладимый отпечаток. Терр довольно подробно говорит о природе травматических воспоминаний, а ее теории, казалось бы, подтверждают тот факт, что, если бы Эйлин Франклин видела убийство своей лучшей подруги, она бы его запомнила. «Переживания, связанные с ужасными событиями, оставляют устойчивый ментальный образ», – пишет Терр.

> …травматические воспоминания гораздо четче, детальнее и долговременнее обычных… Травмированные дети, как правило, не отрицают, что шокировавшее их событие произошло…

Меня особенно поразило, что Терр сравнивает разум травмированного человека с камерой, оснащенной дорогими линзами и устойчивой к коррозии пленкой:

> Воспоминание о травме – это снимок, сделанный при более ярком освещении, чем обычное воспоминание. При этом пленка, похоже, не разрушается так же быстро, как обычная. Используются лучшие линзы, которые способны ухватить мельчайшие детали – каждую линию, каждую морщинку, каждую веснушку.

Такой анализ совершенно не соответствовал результатам моей лабораторной работы по изучению разрушительных эффектов стресса и травмы. Я провела более двадцати исследований на эту тему, и большинство из них подтверждают теорию о том, что стрессовые переживания подрывают работу памяти. Давайте воспользуемся аналогией доктора Терр и представим, что наша память функционирует как дорогой фотоаппарат с высокочувствительными линзами и сверхпрочной пленкой. Далее предположим, что освещение всегда оптимально. Что происходит, когда человек испытывает стресс? Он может забыть плотно закрыть заднюю крышку фотоаппарата, и в результате пленка оказывается засвечена. Или же он отматывает пленку назад и забывает ее вынуть, снова и снова щелкая затвором и накладывая изображения друг на друга. Или забывает снять крышку с объектива. Или у него так сильно дрожат руки, что снимки получаются размытые и нечеткие. Или он фокусируется на одной центральной детали – скажем, на пистолете – и сохраняет воспоминание о ней, забывая все остальные подробности. Я имею в виду, что не важно, насколько качественно оборудование вашей памяти: испытывая стресс, человек часто забывает, как им правильно пользоваться.

Сторона обвинения утверждала, что мои лабораторные изыскания имеют мало отношения к реальной жизни. В ходе психологических экспериментов мы не похищаем участников и не подвергаем их пыткам. Мы не можем приставить к виску человека заряженный пистолет или попросить его поднять автомобиль весом в тонну, который вот-вот раздавит его ребенка. Мы не можем пригрозить участнику тем, что он потеряет любовь всей своей жизни, или заставить его испытывать постоянный неизбывный страх за свою жизнь. Ситуации, которые мы симулируем в лаборатории, не вызывают таких сильных переживаний, как многие травматические события реальной жизни.

Однако экспериментальные психологи могут исследовать базовые процессы формирования, хранения и извлечения воспоминаний, чем мы и занимаемся, а полученные нами данные, задокументированные и опубликованные, можно обобщить и применить к реальным жизненным ситуациям. Кроме того, как мне казалось, и результаты моих экспериментальных исследований, демонстрирующие, что стресс может негативно повлиять на точность и детальность воспоминаний, и описанные доктором Терр клинические случаи, показывающие, что травматические события создают «постоянные ментальные образы», говорили об одном: рассказ Эйлин Франклин нельзя считать достоверным и точным. Если воспоминание может ослабнуть и разрушиться под воздействием стресса (и, разумеется, времени), тогда почему картина, представшая перед Эйлин Франклин спустя двадцать лет, была столь поразительно красочной и детальной? Если, как заявляет Ленор Терр, травматические события оставляют четкие, детальные и долговременные воспоминания и если, как считает она же, травмированные дети «не склонны слепо отрицать» их реальность, тогда как Эйлин смогла вытеснить воспоминание об убийстве Сьюзан Нейсон из своего сознания почти на двадцать лет?

* * *

Запутавшись еще больше, я позвонила адвокату защиты Дагу Хорнграду. «Вы не в курсе, как доктор Терр планирует объяснять свои собственные недавно опубликованные утверждения о формировании постоянных неизгладимых воспоминаний у травмированных детей?» – спросила я.

Он был в курсе. Оказалось, что доктор Терр недавно дополнила свою теорию. В подготовленной к публикации академической работе она выделила два разных вида психических травм: травмы I типа и травмы II типа. Травмы I типа представляли собой переживания, вызванные коротким единичным событием. Они предположительно вели к появлению ярких, точных и неизгладимых воспоминаний. Травмы II типа вызывались многочисленными случаями или постоянными, непрекращающимися событиями. Термин «вытеснение» фигурировал именно в

описании этого, второго типа травматических переживаний, поскольку, согласно теории Терр, дети, неоднократно подвергающиеся насилию, учатся предчувствовать угрозу и защищаться, включая механизм диссоциации и вытесняя болезненные впечатления из памяти. Таким образом они избегают боли, которую вызывают воспоминания о непрекращающихся травматических переживаниях, и находят способ «нормально» существовать в неизменно стрессовой и жестокой среде.

Хорнград полагал, что сторона обвинения попытается соотнести эти теории с рассказом Эйлин Франклин. Обвинители заявят, что одиночное травматическое событие в жизни Эйлин (присутствие на месте убийства Сьюзан Нейсон) произошло на фоне непрекращающихся ежедневных травматических переживаний в доме Франклинов, включавших в себя физическое, эмоциональное и сексуальное насилие. Сторона обвинения собирала свидетелей, которые должны были дать показания о том, что Джордж Франклин и раньше насиловал свою жену и детей. Все эти сведения должны были сложиться в правдоподобный сценарий, который помог бы объяснить, почему разум Эйлин вытеснил воспоминание об убийстве ее лучшей подруги.

Теория Терр, безусловно, заинтриговала меня как гипотеза, но я не знала никаких официальных исследований, которые подтверждали бы идею того, что при сочетании этих двух типов травм механизм запоминания, характерный для второго типа, брал бы верх. Пытаясь найти выход из теоретического лабиринта, я начала понимать, что нет логичного способа выиграть этот спор. Результаты моих лабораторных исследований и экспериментов были бумажным щитом, которым я пыталась защититься от двуглавого дракона травматических воспоминаний. Как я могла бы побороть такого монстра?

Еще больше меня беспокоил тот факт, что сторона обвинения планировала связать предполагаемое сексуальное и эмоциональное насилие в доме Франклинов и убийство Сьюзан Нейсон. Не было ни единого криминалистического или научного доказательства того, что Джордж Франклин имеет отношение к убийству Сьюзан. Но если бы обвинителям удалось внушить присяжным, что Джордж Франклин был монстром, который насиловал собственных дочерей, то оставался бы один шаг до вывода, что он мог изнасиловать и Сьюзан Нейсон, а затем убить ее, чтобы обезопасить себя, и пригрозить единственному свидетелю произошедшего – собственной дочери, что он убьет и ее, если она заикнется хоть кому-нибудь о том, что случилось.

На самом ли деле Джордж Франклин бил свою жену, насиловал детей и вел себя как животное? В контексте этого слушания ответ не имел значения, потому что против Франклина не были выдвинуты обвинения в эмоциональном, сексуальном или физическом насилии. Ему были предъявлены обвинения в убийстве восьмилетней девочки. Педофил может быть монстром, но это еще не делает его убийцей.

* * *

В полном замешательстве я вернулась к книге Ленор Терр. Пытаясь проследить логику ее аргументов, я наткнулась на несколько ее интереснейших замечаний о Стивене Кинге, писателе, работающем в жанре ужасов. Почитав книги Кинга и проанализировав его интервью, профессор Терр выделила две главные травмы в его жизни: когда мальчику было всего два года, исчез его отец, а в четыре года он стал свидетелем трагедии на железнодорожных путях. По ее мнению, обе травмы все еще влияют на писателя («Стивен Кинг до сих пор страдает от последствий этих травматичных событий его детства»), о чем говорят его устойчивые симптомы: ночные кошмары, страхи, «чувство безнадежности при мыслях о будущем» и «активное отрицание».

Вывод об отрицании делается на основе неоднократных заявлений Кинга о том, что никакого инцидента на железнодорожных путях он не помнит. Вот версия произошедшего, описанная в его книге «Пляска смерти» (Danse Macabre):

> …дело было, когда мне едва исполнилось четыре года, так что меня можно простить за то, что я помню это происшествие только со слов матери.
>
> Семейное предание гласит, что однажды я отправился поиграть в соседний дом, расположенный вблизи железной дороги. Примерно через час я вернулся бледный (так говорит мать) как привидение. Весь остаток дня я отказывался объяснить, почему не подождал, пока за мной придут или позвонят по телефону и почему мама моего приятеля не проводила меня, а позволила вернуться одному.
>
> Оказалось, что мальчик, с которым я играл, попал под поезд (мой приятель играл на путях. А может быть, просто перебегал через рельсы; только много лет спустя мама рассказала мне, как они собирали части трупа в плетеную корзину). Мать так никогда и не узнала, был ли я с ним рядом, когда это случилось, произошло ли несчастье до моего ухода или уже после. Возможно, у нее были свои догадки на этот счет. Но, как я уже говорил, я этого случая не помню совсем; мне рассказали о нем через несколько лет[10].

Кинг настаивает, что не помнит, как его друга переехал поезд, но Ленор Терр считает, что его разум вытеснил страшное воспоминание. В подтверждение она заявляет, что четыре года – «это слишком много, чтобы говорить о полной амнезии из-за возрастной незрелости». Терр имеет в виду детскую амнезию – неспособность взрослых помнить события, которые происходили с ними до двух-трех лет. Поскольку Кингу было четыре, когда погиб его друг, а детская амнезия в основном заканчивается в три года, Терр настаивает, что он должен помнить хоть *что-нибудь*. Кроме того, продолжает она, Кинг демонстрирует несколько красноречивых симптомов, указывающих на то, что он был свидетелем этого несчастного случая: в тот день, много лет назад, он пришел домой бледный как смерть, отказывался разговаривать весь остаток дня, а сейчас, в настоящем, он постоянно заново проживает старую травму в своих полных ужаса романах, где описываются поезда, машинисты которых теряют управление, автомобили-убийцы и взрывающиеся пожарные гидранты. Она также находит доказательства в выдуманных персонажах Кинга из книг «Оно» и «Кладбище домашних животных» с их провалами в памяти и обрывочными воспоминаниями. Это, по мнению Терр, «ближе к реальному опыту автора, чем его автобиографическое заявление о полной амнезии».

Другими словами (если я правильно все это интерпретировала, поскольку я и правда слегка запуталась), несмотря на то что, по словам самого Стивена Кинга, он ничего не помнит об этом чрезвычайно травматичном событии, он, безусловно, видел, как его друга переехал поезд, поскольку у него проявляются симптомы, характерные для людей, переживших травму, и он постоянно воскрешает свои воспоминания (слишком болезненные для того, чтобы выразить их или признать) в литературных персонажах, которые сталкиваются с этой травмой вместо него.

Теория Терр казалась удивительно логичной, она все объясняла, и я никак не могла ее оспорить. Кто способен документально подтвердить, что Стивена Кинга там *не было*, когда погиб его друг? Пусть сам Кинг не помнит этого события, но где доказательства, что оно не случилось на его глазах? Те же аргументы можно с легкостью применить к делу Эйлин Франклин. Если Терр с полной уверенностью заявляла, что Стивен Кинг видел, как его друга переехал поезд (хотя и не помнит этого), поскольку у него есть определенные симптомы, тогда

---

[10] Пер. О. Э. Колесникова.

сколько всего она могла бы сказать об Эйлин Франклин, которая не только приняла ее теорию, но и попросила, чтобы Терр выступила в суде на ее стороне?

* * *

Разумеется, Терр приводила в пример Стивена Кинга, давая показания по делу Франклина. Она рассказала присяжным об одной реальной встрече: однажды ей довелось услышать разговор за соседним столиком в кофейне отеля. Мужчина объяснял, что ему необходимо убивать людей в своих книгах и фильмах, «потому что на самом деле это часть [его самого]». Тем мужчиной, конечно же, был Стивен Кинг. Терр обобщила суть истории для присутствующих на заседании: «Человек, переживший травму, никогда не перестанет так себя вести, теперь это его естественная модель поведения. И он может не осознавать, как она связана с травмой, но она существует, и человек продолжает ей следовать».

С помощью этой увлекательной истории Ленор Терр показала, что вытесненные воспоминания Эйлин Франклин, в сущности, не были чем-то из ряда вон выходящим. Поскольку Стивен Кинг все еще ничего не помнил, он не сознавал, что его повторяющаяся модель поведения была сформирована детской травмой, а вот Эйлин Франклин, которая восстановила свои травматичные воспоминания, смогла увидеть, насколько сильно они на нее повлияли. Писателя и домохозяйку объединяли трагические события из раннего детства – опыт настолько болезненный, что их разум заблокировал его, вытолкнув эти воспоминания в подсознание. В течение многих лет сохранялись только симптомы, навязчивые модели поведения, которые навсегда поставили на них клеймо с диагнозом – «переживший травму».

Этим диагнозом можно было объяснить все странности и специфические особенности личности Эйлин Франклин. Да, она соврала, что была под гипнозом… но это можно понять, ведь она *пережила травму*. Да, она употребляла наркотики и ее арестовывали за проституцию… но такое поведение объяснимо, ведь она *пережила травму*. Да, она не помнила об убийстве двадцать лет… но это защитная реакция, свойственная *пережившим травму*. Все, что защита могла сказать, чтобы подорвать доверие к Эйлин Франклин как к свидетелю, ничего не стоило назвать очередным симптомом первичной травмы, которая оставила глубокий и неизгладимый след на ее психике.

* * *

Я встала за свидетельскую кафедру во вторник 20 ноября 1990 года и на протяжении двух часов рассказывала о своих экспериментах, посвященных искажению воспоминаний. Я объясняла суду, что воспоминания со временем угасают, теряя детальность и точность. Слабые воспоминания постепенно становятся все более уязвимыми из-за информации, полученной после события, – из-за фактов, идей, умозаключений и мнений, которые воздействуют на свидетеля все это время. Я рассказала присяжным о ряде проведенных мною экспериментов, в ходе которых я показывала участникам шокирующий псевдодокументальный фильм об ограблении. Фильм существовал в двух версиях, в финале одной из которых ребенку стреляли прямо в лицо. Участники эксперимента, смотревшие версию с шокирующей концовкой, допускали гораздо больше ошибок в пересказе, чем те, кто смотрел версию без нее.

Я объясняла, что этот эксперимент демонстрирует, как искажения появляются на стадии формирования воспоминаний – когда происходит некое событие, и информация о нем откладывается в системе памяти. Другие исследования посвящены стадиям сохранения и извлечения воспоминаний – тому, что происходит, когда вас просят вспомнить о чем-то спустя какое-то время. Сотни экспериментов, в которых приняли участие десятки тысяч человек, показы-

вают, что полученная после события информация способна внедряться в первичное воспоминание, загрязняя, искажая и подменяя его содержание.

Я описала проведенный мной эксперимент, в ходе которого испытуемым показывали фильм об ограблении со стрельбой, а затем – телевизионную сводку новостей об этом событии, в которой содержались ошибки. Когда участников попросили вспомнить, что произошло во время ограбления, многие из них включали в свой рассказ искаженные детали из выпуска новостей. Как только эти детали приобщались к исходной информации и внедрялись в сознание человека, он начинал считать их достоверными и отстаивать столь же яро, как и те, что запомнил изначально. Как правило, испытуемые отрицали любые предположения о том, что их воспоминания были повреждены или искажены, и с полной уверенностью заявляли, что действительно видели все, о чем рассказывали.

Прокурор Элейн Типтон пыталась убедить присяжных, что мои исследования об искажении памяти не имели никакого отношения к вытесненным воспоминаниям Эйлин Франклин. «Вы изучаете нормальную работу памяти и процесс забывания, ну и что? – подразумевали ее вопросы. – Разве это может что-то сказать о таких экстраординарных случаях?»

– Вам никогда не приходилось изучать вопрос, может ли человек быть не в состоянии с уверенностью опознать своего собственного отца, так? – задала мне вопрос Типтон.

– Не думаю, что мне доводилось участвовать в делах, имевших отношение к этой конкретной проблеме, – ответила я.

– Вы не провели ни одного исследования, – продолжала она, – в котором проверяли бы способность человека извлекать и описывать воспоминания об увиденном двадцать лет спустя. Так?

– Насколько я помню, нет, и в научной литературе упоминается мало исследований, где фигурировал бы столь долгий срок, – сказала я.

– И на самом деле ни в одном из исследований, которое вы провели, не участвовал испытуемый с вытесненными воспоминаниями о событии, свидетелем которого он стал когда-то. Так?

Я признала, что в ходе своих экспериментов изучала искаженные воспоминания, которые не были вытеснены. Мне очень хотелось спросить: как же можно изучать воспоминание, если его не существует, или, по крайней мере, оно не доступно сознанию? Но я сдержалась.

Типтон продолжала твердить, что вытесненные воспоминания не подчиняются общим правилам.

– Основываясь на том факте, что ни в одном из данных исследований не рассматривалось, скажем, влияние информации, полученной после события, на воспоминание, которое не находится в сознании, то есть было из него вытеснено, вы ведь согласитесь, что полученные вами результаты не всегда применимы к вытесненным воспоминаниям?

Я объяснила, что могу лишь делать предположения, но моя гипотеза заключается в том, что полученная постфактум информация может искажать вытесненное воспоминание так же, как и обычное.

Типтон переключила внимание на типы искажения, которые проявлялись во время моих экспериментов. Испытуемых в них, как правило, спрашивали о деталях определенного события; вопрос о том, произошло ли это событие на самом деле, не поднимался. Детали могли быть, к примеру, следующими: «В какой руке он держал пистолет?», «Были ли у грабителя усы?», «Были ли на руках у грабителя перчатки?».

– Но вы никогда не сталкивались с ситуацией, когда испытуемый думал, будто человек, которого ему показали, находился на бейсбольном матче, а не совершал ограбление в магазине, так? – спросила Типтон.

– Насколько мне известно, во время моих экспериментов такого не случалось, – ответила я.

– Итак, в сущности, вы исследовали способность человека воспринимать отдельные детали события, а не саму его суть – то есть событие в широком смысле. Так?

– Это можно назвать первичной целью моих экспериментов – изучение воспоминаний о конкретных деталях события, – ответила я.

И еще раз Типтон подчеркнула, что особое воспоминание Эйлин Франклин совсем не обязательно должно было подчиняться правилам, применимым к обычным воспоминаниям. Поскольку оно было вытесненным, очевидно, что оно могло вести себя как ему вздумается. Ученые не могли его изучить или понять, поскольку вытеснение – это нечто крайне сложное и загадочное, часть бессознательного, один из неизведанных процессов человеческого разума.

Я начинала чувствовать раздражение. В науке все зиждется на обосновании и доказательстве. Мы называем это научным подходом. Ученые не могут просто заявить, что Земля круглая или что мы удерживаемся на ее поверхности под действием гравитации, не представив никаких доказательств в поддержку своих теорий (по крайней мере, если они хотят называться учеными). Научная теория должна быть опровергаемой, то есть, по крайней мере теоретически, могут появиться другие ученые и провести эксперимент, призванный доказать, что Земля не круглая или что вовсе не гравитационное поле планеты удерживает нас на поверхности.

Но как ученый может доказать или опровергнуть бессознательный ментальный процесс, включающий в себя ряд внутренних событий, которые происходят внезапно, без предупреждения и без каких-либо внешних признаков, указывающих на то, что сейчас что-то произойдет, или происходит, или уже произошло? И как ученому доказать или опровергнуть, что неожиданно восстановленное воспоминание представляет собой правду и ничего кроме правды, а не занимательную смесь реальности и фантазий или даже чистейший вымысел?

Пока я находилась за свидетельской кафедрой и отвечала на вопросы прокурора, я начала ощущать на себе силу этого так называемого вытеснения. Я чувствовала, будто нахожусь в церкви и спорю со священником о существовании Бога.

– Вы не провели ни одного исследования, которое подтверждает или опровергает существование Бога, так?

– Нет, я не проводила подобных исследований.

– Полученные вами результаты, которые касаются реального и достоверного, не могут быть применены к неизвестному и недостоверному. Вы согласны?

– Я вынуждена согласиться.

– Ваше исследование концентрируется на определенных деталях, а не на всей картине, не на главной идее. Так?

– Да, это так.

Я начинала понимать, что вытеснение – это философское понятие, требующее прыжка веры. Тех, кто готов на этот прыжок, никакие «научные» доводы не убедят в обратном. Наука, где принято все количественно измерять и обосновывать, остается беспомощной перед мифической силой вытеснения. Зал наполняли люди, которые уже поверили Эйлин, мнения присяжных заседателей и наблюдателей казались предопределенными, а мои тщательные научные исследования вызывали лишь раздражение и выглядели необходимым, но неуместным отступлением на пути к предрешенному финалу: признать воспоминания Эйлин Франклин достоверными, а Джорджа Франклина – виновным в убийстве.

Девять дней спустя, 29 ноября 1990 года, началось совещание присяжных заседателей. Они вынесли вердикт на следующий день: Джордж Франклин признан виновным в предумышленном убийстве.

* * *

Я почти не сомневаюсь, что Эйлин Франклин каждой клеточкой своего тела верит, будто ее отец убил Сьюзан Нейсон. Сцены убийства выглядели настолько яркими и детальными, что просто не могли быть ложными. Со временем эти странные мерцающие воспоминания-вспышки сложились в ясную, почти осязаемую картинку. По мере того как в памяти всплывали кусочки и обрывки воспоминаний, они наслаивались на первичное ядро произошедшего, и постепенно сформировалась сложная, взаимосвязанная система образов, эмоций, переживаний и убеждений.

Однако, на мой взгляд, довольно велика вероятность того, что весь этот вымысел вырос не из фактов, а из туманных веяний снов, мечтаний, страхов и желаний. Сознание Эйлин собрало разрозненные противоречия, завернуло их в упаковку здравого смысла и в момент ослепительного осознания показало ей ясную картину прошлого, которая тем не менее была полностью и абсолютно ложной. История Эйлин – это *ее* правда, но это правда, которой никогда не было.

Доктор Дэвид Шпигель, который также выступал на заседании по делу Франклина со свидетельскими показаниями на стороне защиты, согласен с этим. Шпигель, занимающий должность профессора психиатрии медицинского факультета Стэнфордского университета, считает, что человек может утратить сознательное понимание травматичных воспоминаний благодаря механизму, известному как «диссоциация», который контролирует болезненные чувства, ограничивая доступ к соответствующим воспоминаниям. Но даже если травматичное воспоминание удалено из сознания, определенные симптомы обязательно проявятся. Вот что пишет Шпигель в научной работе, опубликованной после разбирательства:

> Исследования показывают, что почти все без исключения дети, пережившие серьезную психологическую травму, считают это событие источником стресса (87 % в одном из примеров), страдают от навязчивых образов [и] страха, что травматичное событие повторится, теряют интерес к повседневной деятельности, избегают напоминаний о случившемся и расстраиваются, когда думают об этом. Отсутствие хотя бы одного из этих симптомов у Эйлин после убийства практически опровергает тот факт, что она действительно стала его свидетелем.

Шпигель делает вывод о том, что «сочетание фантазий и чувства вины за смерть подруги вместе с представлениями о жестокости отца могли привести к созданию ложного воспоминания, в которое она поверила».

Если воспоминание Эйлин ложное (а нам, разумеется, придется смириться с тем, что в этом и других случаях вытеснения воспоминаний мы никогда точно не узнаем, как все было на самом деле), то что же можно сказать о ее психике? «Больна» ли она, то есть психически нестабильна или неуравновешенна? Я так не думаю, иначе нас всех тоже можно назвать больными. Только подумайте, тысячи психически здоровых и умных людей без каких-либо признаков психопатологии с ужасом рассказывают о том, что побывали на борту летающей тарелки. Они четко и ясно *помнят*, как их похитили инопланетяне. А как насчет того, что тысячи адекватных, нормально функционирующих в обществе людей спокойным голосом и с глубоким убеждением рассказывают о своих прошлых жизнях. Они их *помнят*.

У тысяч людей внезапно возникают нарушения в работе лимбической системы. Это часть мозга, которая состоит из коры и связанных с ней нервных центров. Считается, что она регулирует эмоциональные реакции. Когда нейроны в мозге дают сбой, люди рассказывают, что видели кого-то из давно умерших близких или, что еще страшнее, Бога, Деву Марию или

Сатану. Эти впечатления могут запечатлеться в мозге в качестве воспоминаний, которые при воспроизведении вызывают сильнейшие эмоции.

Жившая в XII веке монахиня Хильдегарда Бингенская мимолетно узрела в своих видениях град Божий среди мерцающих огней, ангельских ликов и сверкающих ореолов. Действительно ли ей было позволено увидеть при жизни Царствие Небесное? Современные эксперты считают, что божественные откровения Хильдегарды были вызваны мигренями. Клинический невропатолог Оливер Сакс пишет в своей книге «Мигрень»:

> [Видения Хильдегарды] являют собой уникальный пример того, как банальное, болезненное, неприятное или просто бессмысленное физиологическое событие может у избранных натур стать источником высшего экстатического вдохновения[11].

Проповедница в церкви адвентистов седьмого дня Элен Уайт внезапно впадала в транс, закатывала глаза и монотонно повторяла одни и те же фразы и движения. В «видениях» ей открылось, что мастурбация смертельно опасна, парики приводят к безумию, а некоторые расы появились благодаря половым связям с низшими видами животных. Была ли Уайт душевнобольной? Выдумала ли она все это, чтобы обратить большее количество людей в свою религию? В те времена верующие считали ее видения божественными посланиями, сегодня же считается, что они были спровоцированы эпилептическими припадками, которые, возможно, начались из-за травмы головы, полученной в девятилетнем возрасте.

Странные видения, невероятные наваждения, или, другими словами, галлюцинации, не всегда бывают «пророческими». Согласно подсчетам, от 10 до 25 % нормальных людей хотя бы раз в жизни испытывали яркую галлюцинацию – слышали голос, чувствовали запах несуществующих цветов или видели давно умершего близкого человека. Карл Саган, занимавший должность профессора астрономии и космических исследований в Корнеллском университете, говорил, что десятки раз слышал, как мама и папа после смерти зовут его по имени. «Я все еще по ним скучаю, поэтому меня ничуть не удивляет, что иногда мой мозг воспроизводит яркие воспоминания об их голосах», – пишет Саган.

Склонность к галлюцинациям – это лишь особенность человеческой природы. Что такое сны, как не галлюцинации спящего разума? Дети воображают монстров и фей, взрослые настаивают, что к ним прилетали инопланетяне, и приблизительно 10 % американцев заявляют, что они видели привидение или даже два. Эти люди не врут. Они действительно *что-то* видели, слышали, чувствовали или переживали. Но было ли это «что-то» реальным?

Когда пациент начинает описывать сцены из своего детства, наполненные реалистичными деталями и столь сильными эмоциями, словно он прямо сейчас заново переживает события прошлого, психотерапевты (и другие, кому выпала возможность послушать) по вполне понятным причинам бывают впечатлены. Сильные эмоции, физические признаки страха и паники и обилие ярких деталей убеждают слушателя: что-то на самом деле произошло. Мы спрашиваем себя: как можно выдумать воспоминание, а затем подделать такой искренний гнев, страх, ужас или горе? Зачем человеку подвергать себя подобным страданиям?

Но даже если психотерапевт учитывает существование выдуманных воспоминаний, он наталкивается на мучительное противоречие. Ответственные и неравнодушные врачи много трудятся, дабы создать для пациентов безопасную доверительную атмосферу, в которой те открыто выражали бы эмоции и рассказывали правду о своем прошлом. На самом деле умения и рассудительность психотерапевта определяются его способностью извлекать болезненные, глубоко похороненные воспоминания. Как же врачи могут предать доверие пациента (и поста-

---

[11] Пер. А. Н. Анваера.

вить под сомнение свои методы), требуя доказательств того, что извлеченные с их же помощью воспоминания и эмоции правдивы?

Несложно понять, почему психотерапевтов так впечатляют эмоциональные муки их пациентов, когда у последних просыпаются воспоминания о насилии, и столь же легко догадаться, почему они не хотят подвергать их слова сомнению, задавать вопросы или искать сторонних подтверждений вытесненным воспоминаниям. Терапевты боятся испортить отношения с пациентом, лишиться его доверия, нарушить ход лечения или даже довести пациента до психоза.

Но, возможно, самая веская причина, заставляющая поверить в эти истории о вытесненных воспоминаниях, заключается в том, что, *не поверив* в них, мы смиряемся с болезненными противоречиями и неопределенностью. Неверие подрывает наше чувство собственного «я». В случае с Эйлин Франклин нам хочется верить в правдивость ее рассказа, поскольку в него, безусловно, верила она сама и поскольку ее воспоминание так богато деталями. Мы хотим верить – можно сказать, нуждаемся в этом – ведь тогда нам не нужно сомневаться, что наше собственное сознание работает эффективно и правильно, получая информацию, сортируя ее, сохраняя, а позже извлекая со всеми необходимыми красочными деталями. Мы живем в хаотичном мире, где мало что поддается контролю, и нам нужно верить, что, по крайней мере, наш собственный разум нам подчиняется. Нам нужно верить, что наши воспоминания устойчивы, достоверны и надежны, что с их помощью мы можем вернуться в прошлое и проследить историю нашей жизни. Память – это ее оглавление, как пишет социальный психолог Кэрол Теврис. У кого найдутся силы и эмоциональные ресурсы, чтобы переписать всю книгу?

Мысль о том, что наше сознание может сыграть с нами злую шутку, в результате которой мы поверим в искаженную реальность или даже в фантазию или выдумку, вызывает глубокое беспокойство. Если нельзя положиться даже на собственное сознание, то кому тогда верить? Если наше сознание может кормить нас фальшивыми картинками, живыми и подробными, будто галлюцинации, где же тогда проходит граница между правдой и ложью, реальностью и фантазией, здравым смыслом и безумием?

Я полагаю, что эту границу легко перейти, она не охраняется, и мы все время ее пересекаем в наших мечтах, желаниях и фантазиях. Память – это автобус, на котором мы перемещаемся из реальности в мир фантазий и обратно столько раз, сколько необходимо, чтобы убежать от серости будней в красочные воспоминания. Наша память рассказывает нам истории, и мы слушаем их затаив дыхание. Мы хотим знать, что случилось в нашем прошлом, нам нужны ответы на вопросы, мы избегаем неуверенности и неясности. Память, наш самый верный и преданный слуга, потакает нашим желаниям.

Как случилось, что Эйлин Франклин поверила, будто ее отец убил ее лучшую подругу? Каким образом ее разум создал воспоминание из обрывков фактов и кусочков фантазий, а потом убедил себя, что это абсолютная, стопроцентная правда? Говоря о более практических вещах, что могло заставить ее отправить собственного отца в тюрьму за убийство, которого он не совершал?

В своей книге «Грехи отца» (Sins of the Father) Эйлин дает ответы на некоторые из этих вопросов. В ней она описывает свое детство, полное страданий. «Побои отца и то, как зло он с нами разговаривал, – все это наводило на меня ужас», – пишет Эйлин. Она вспоминает, как ее маленький брат, Джордж-младший, рассказывал ей: он настолько боится отца, что держит под кроватью бейсбольную биту на случай, если ему придется защищаться. Их мать терпела как физическое, так и эмоциональное насилие, а Дженис, сестра Эйлин, заявляла, что отец не раз ее насиловал.

Большую часть детства и юности Эйлин отрицала, что отец ее насиловал, но после нескольких лет терапии она все-таки вспомнила некоторые отдельные случаи. В одном из этих тяжелых воспоминаний отец подвергал ее как физическому, так и сексуальному насилию в

ванной, когда ей было всего пять лет. Когда Эйлин рассказала о всплывающих воспоминаниях своему психотерапевту, он объяснил ей, что человеческий разум на самом деле способен похоронить болезненные или травматичные воспоминания в подсознании. Когда придет время, эти воспоминания всплывут на поверхность, и тогда они понемногу утратят свою способность причинять боль. Как Эйлин узнала во время сеансов терапии, возвращение давно похороненных воспоминаний – это важный шаг на пути к выздоровлению.

Через несколько недель после того, как Эйлин восстановила воспоминание о происшествии в ванной, она вспомнила другую сцену, которая относилась ко времени, когда ей было восемь или девять. Она находилась в странном доме с отцом и еще одним мужчиной. «Я лежала на чем-то вроде стола. Мой отец одной рукой держал мое левое плечо, а другой – зажимал мне рот. Я увидела лицо чернокожего мужчины. Услышала чей-то смех. Потом почувствовала жуткую обжигающую боль в нижней части тела. Я пыталась закричать, но не могла, потому что отец зажал мне рот».

В течение полугода Эйлин думала, что ее изнасиловал неизвестный чернокожий мужчина. И только когда ее мать предположила, что насильником мог быть друг семьи, сознание Эйлин стало восстанавливать эту сцену, поставив на место нападавшего не чернокожего незнакомца, а светлокожего мужчину, которого она прекрасно знала.

Неважно, как эти воспоминания сложились в единое целое, как были разбиты на части и снова собраны. В любом случае они эмоционально разрушительны, сопряжены с горем и гневом взрослой женщины, которая, оглядываясь в прошлое, видит неописуемые мучения и считает, что их причиной стал ее собственный отец. Однако самое главное воспоминание Эйлин могло сформироваться уже во взрослом возрасте. Ее дочери, Джессике, было два года. Джордж Франклин приехал к ней в гости, и она оставила его наедине с дочерью в гостиной. Вернувшись, она увидела, что ее отец положил Джессику на кофейный столик и «внимательно рассматривал ее половые органы, раскрывая пальцами половые губы. Я была ошарашена. “Что ты делаешь?” – это все, что я могла сказать».

Что происходило в сознании Эйлин в тот момент и потом, когда воспоминание о нем снова и снова возвращалось, преследуя ее? Возможно, в ее сознании стали мелькать и другие картинки – сцены того, как отец домогался сестры, хлестал по лицу мать, пинал младшего брата. Возможно, ее воображение начало рисовать выдуманные ситуации из будущего, в которых присутствовала ее юная дочь, красивая, наверняка скромная и всегда готовая угодить любящему дедушке. Спроецировало ли сознание Эйлин воспоминания о прошлом на воображаемое будущее, усугубив ее страхи по поводу безопасности дочери?

Безусловно, ее боль была очень сильна, ее тревога – невыносима. В течение многих лет она стремилась найти объяснение своему жестокому и несчастному детству и в том числе – бессмысленному убийству ее лучшей подруги. Она была проблемным и депрессивным подростком, в старших классах вылетела из школы, принимала наркотики и занималась проституцией, пыталась покончить с собой. В двадцать с небольшим она вышла замуж за доминантного, деспотичного мужчину и многие годы терпеливо жила в браке без любви. Казалось, модель поведения укоренилась в ее сознании, и Эйлин не могла избежать постоянных невыносимых мучений, которые влечет за собой положение жертвы.

Ее гнев и горе искали мишень и выход. Во время терапии она узнала, что ее симптомы – периодические страхи, мелькающие в сознании образы, возвращающиеся воспоминания – были явными признаками посттравматического стресса. Ей сказали, что у нее есть все основания чувствовать себя жертвой, поскольку она всего лишь повторяет разрушительные модели поведения, заложенные в детстве. Она также узнала, что ее замешательство, ярость, гнев и депрессия могли быть одним из доказательств того, что когда-то в прошлом она пережила травматичный опыт и стала жертвой насилия.

Психотерапевт Эйлин часто повторял слова, которые эхом отзывались в ее сознании: у тебя есть право на ярость и горе. По его утверждениям, ей нужно было понять, что ее эмоции реальны и обоснованны, только тогда она наконец-то сможет выразить свои чувства, отпустить детские обиды и стать настоящей собой. Ничто не должно было помешать ей, и любой, кто плохо обращался с ней в прошлом, мог обоснованно стать мишенью для ее гнева. Каждый, кто ставил под вопрос ее воспоминания или требовал подтверждений или доказательств, был помехой в процессе выздоровления. Эйлин пережила травму, но каким-то образом ей удалось остаться целой и невредимой. Она выдержала это. Она была жертвой, но она выжила.

Принимая во внимание ярость и гнев Эйлин, мы начинаем понимать смысл кульминационной сцены, развернувшейся в ее гостиной, когда шестилетняя Джессика внезапно повернулась к матери с вопросительным выражением на лице. Как вспоминает Эйлин, она посмотрела в глаза дочери и была поражена пугающим сходством ее дочери и восьмилетней Сьюзан Нейсон. Эти две девочки, одна из которых погибла двадцать лет назад, а вторая была жива, могли бы быть сестрами.

Одна жестокая картинка наложилась на другую, и в это шокирующее мгновение осознания останки скелета начали обрастать плотью, и Сьюзан ненадолго вернулась к жизни. Перед внутренним взором Эйлин возник силуэт отца с выставленной вперед ногой и поднятыми над головой руками, она увидела страх на лице подруги. Она услышала ее крик, звук удара, обрушившегося на плоть и кости, и ужасающую тишину. Она почувствовала нескончаемый ужас.

Роль клея, связавшего разрозненные образы воедино, сыграли испытываемые Эйлин чувства вины, ярости и страха и, возможно, самое главное – ее отчаянное желание защитить собственных детей. Она не сумела защитить лучшую подругу: «Я не смогла защитить ее. Не смогла остановить его. Я не знала, что это произойдет». Но будучи двадцатидевятилетней матерью, она могла хотя бы защитить своих детей. Вина и беспомощность, которые она чувствовала, думая о смерти Сьюзан, разожгли огонь ее материнской самоотверженности: «Каждый день, глядя на Джессику и Аарона, я осознавала, что они у меня есть, а у Нейсонов больше нет их Сьюзан. И из-за этого я чувствовала вину и частичную ответственность за их боль. Я была виновата в том, что это убийство так и осталось нераскрытым».

Облегчить боль, положить конец мукам, поступить «правильно», защитить своих детей… достаточной ли была подобная мотивация, чтобы объединить страхи из прошлого и страх будущего, создав из них ложное воспоминание? Или жажда справедливости и мести появились у Эйлин Франклин по более личным причинам? Возможно ли, что ее разум создал это воспоминание в отчаянной попытке взять под контроль неуправляемое прошлое и придать какой-то смысл ее полной проблем жизни?

На последних двух страницах своей книги Эйлин описывает муки, вызванные извлеченным воспоминанием. «Я посмотрела в зеркало и сравнила свое теперешнее лицо с тем, как я выгляжу на фотографиях, сделанных до того, как мои воспоминания вернулись… В моих глазах совсем не осталось радости».

«Совсем не осталось радости» – но вместо нее Эйлин обрела чувство контроля и власти над отцом.

> Ему удалось закрыть от меня большую часть моего сознания… Если мне не удастся обрести власть над всем тем, что он сделал со мной, если я позволю части своих воспоминаний остаться вытесненными, мой отец победит. Я должна обнаружить и оставить в прошлом весь пережитый ужас, прежде чем я смогу искренне сказать, что поборола его. Если я продолжу жить, боясь вспомнить что-то еще, это будет значить, что он победил.

Таким образом, возможно, что сознание Эйлин создало это воспоминание в попытке избавиться от гнетущей власти отца и прожить остаток жизни без страха. Используя в качестве

оружия изобретательность своей памяти, она смогла наказать отца за жестокость и насилие по отношению к ее семье и обрести контроль над прошлым. Но всему есть цена. Как только шлюзы открылись, жуткие образы хлынули в ее сознание неостановимым потоком. Не было ни единого убежища, конца и края всему этому кошмару. «Я хочу сбежать, потерять память, но от сознания не убежишь. Нет такого места, где я могла бы скрыться от собственной памяти».

«Воспоминания» Эйлин потребовали взамен ее тело и душу.

* * *

У меня в запасе есть еще одна история. Я лицом к лицу встретилась с Эйлин Франклин лишь однажды – в Нью-Йорке во время дневного ток-шоу A Closer Look на телеканале NBC. После того как Эйлин описала свое вытесненное воспоминание об убийстве лучшей подруги, ведущая Фэйт Дэниелс повернулась ко мне и недоверчиво спросила: «Вы правда думаете, что Эйлин помнит совсем не то, что действительно произошло?»

«Я считаю по меньшей мере вероятной и обоснованной версию, что Эйлин поверила в реальность сцены, которая на самом деле представляет собой вымышленное воспоминание», – ответила я.

Зрители начали ерзать на стульях и неодобрительно качать головами. Дэниелс повернулась к зрителям и сказала: «Вы ведь не купились на это, верно?» Она поднесла микрофон к губам какой-то женщины средних лет. «Почему вы не купились на это?»

«Я просто не могу поверить в то, что можно испытывать подобные чувства и при этом забывать моменты собственной жизни, – ответила женщина. – Зачем страдать, если никто тебя к этому не принуждает? Зачем подвергать себя таким мучениям? В этом нет никакой логики».

Эйлин, одетая в элегантное черное платье с розовыми и синими полосками на плечах, кивнула. Ее лицо исказилось от боли. На мне был бежевый костюм и длинная нитка жемчуга на шее. И пока зрители изливали свою неприязнь ко мне из-за моего скепсиса, я продолжала сохранять стоическую улыбку на застывшем лице.

После съемок я поехала вниз на лифте. В холле я заметила промелькнувший мимо силуэт – потрясающая женщина с длинными рыжими волосами направлялась в магазин сувениров телеканала NBC. Я подошла чуть ближе (столкнуться с ней я не хотела) и стала смотреть, как Эйлин медленно ходит между прилавками, заваленными брелоками, кружками, футболками и другими сувенирами с логотипом NBC. В какой-то момент она взяла кружку, перевернула ее, чтобы посмотреть на ценник, и поставила обратно на полку. Потом она пошла к другому стенду, развернула футболку большого размера с логотипом телеканала и стала ее разглядывать. Слишком большая? Слишком маленькая? Или в самый раз?

Я наблюдала за ней, очарованная ее красотой и спокойствием. Полагаю, я надеялась понять, кто она и что ей движет, теперь, когда вокруг не было телевизионных камер и микрофонов. В какой-то момент она оглянулась в сторону холла, как будто ждала, что ее кто-то встретит. Она посмотрела прямо на меня, но не подала виду, что узнала. Несколько минут спустя я взяла свой портфель и вышла на улицу, чтобы поймать такси и поехать домой.

Это истина, заключенная в рассказе. Истина случившегося не настолько интересна. Я была в Нью-Йорке в январе 1992 года и встретилась с Эйлин Франклин во время съемок передачи A Closer Look на телеканале NBC. Я была одета в бежевый костюм, а Эйлин – в черное платье. Зрителям больше пришлась по душе ее версия случившегося, нежели моя. Они хмурили брови и ерзали, когда я пыталась объяснить, каким образом воспоминания искажаются, поэтому я не знала, куда себя деть, но старательно улыбалась, несмотря на то что их лица выражали недоверие и открытую враждебность.

Я могу подтвердить все эти факты, потому что у меня есть видеозапись шоу. Но остальную часть истории, хотя я вижу ее четко и ярко, подтвердить невозможно. Стояла ли я рядом

с магазином сувениров, когда Эйлин взяла кружку и посмотрела на ценник? (Есть ли вообще сувенирный магазин в здании NBC? Или это был стенд с журналами?) Правда ли она развернула футболку? (Может быть, это была детская футболка?) Наблюдала ли я за ней несколько минут в холле или просто заметила ее мимоходом (может быть, это вообще была другая женщина с длинными рыжими волосами), когда спешила к выходу, чтобы поймать такси? Правда ли она посмотрела прямо на меня и не узнала? Может быть, я все это выдумала?

Даже когда речь идет о такой относительно незначительной встрече с моим прошлым, я не уверена, где заканчивается истина случившегося и начинается истина, заключенная в рассказе.

7
Потерявшийся в торговом центре

Мне казалось, что я помню, как потерялся и стал вас искать. Я и правда это помню. Я заплакал. А потом ко мне подошла мама и сказала: «Ты где был? Никогда больше так не делай!»
Крис, участник эксперимента, проведенного в Вашингтонском университете

Слухи разлетались, катясь по земле. Вряд ли какую-нибудь историю сложнее было услышать, чем рассказать. И каждый, кто ее пересказывал, добавлял что-то новое, и каждый, кто ее слышал, тоже вносил свою лепту.
Александр Поуп. Храм славы

Рассказ Эйлин Франклин соответствует нашим ожиданиям того, как должна функционировать память. Привычные нам метафорические представления о ней основаны на идее, что она работает точно и продуктивно. Мы воображаем себе память как постоянно растущую микроскопическую библиотеку воспоминаний со специальным каталогом. Или как бессчетное количество крошечных компьютерных чипов – по одному для каждой единицы информации, или даже как видеокассеты, должным образом подписанные и убранные в шкафчик до тех пор, пока они снова нам не понадобятся.

Эти технологичные образы демонстрируют наше глубинное стремление к порядку и постоянству. Нам бы хотелось верить, что наш разум работает в соответствии с определенными правилами, что у него есть некая стратегия, которую можно понять. Нам бы хотелось думать, что каким-то образом происходящее всегда остается под контролем.

Пятьдесят лет назад после ряда необычных операций на мозге возникло представление, что наш разум действительно все контролирует и невероятно эффективно регулирует огромное количество реакций на раздражители, с которыми человек сталкивается за день. Нейрохирург Уайлдер Пенфилд провел более тысячи нестандартных операций на мозге пациентов, страдающих эпилепсией. Он приподнимал кусок черепной коробки и удалял части коры головного мозга, что должно было снизить интенсивность припадков. Во время этой процедуры пациентам делали анестезию, но они находились в сознании. Прежде чем начать удалять мозговую ткань, Пенфилд использовал электрические импульсы, чтобы выявить функции различных отделов мозга.

При стимуляции височных долей сорок пациентов сообщили, что испытывали так называемые флешбэки – ментальные образы или сенсорные впечатления, ощущения, которые они интерпретировали как воспоминания. Одна молодая женщина воскликнула: «Кажется, я слышу, как где-то мать зовет своего маленького сына! Похоже, как будто это произошло много лет назад… неподалеку от моего дома». Когда электрод слегка передвинули, она сказала: «Я слышу голоса. Поздняя ночь, где-то недалеко слышен шум карнавала – это какой-то бродячий цирк. Я только что видела много больших фургонов, в которых перевозят животных».

Такие рассказы о внезапно возникающих воспоминаниях были крайне убедительными и, казалось, служили доказательством тому, что наши переживания и эмоции навсегда фиксируются в мозге. Как заключил журналист из газеты New York Times, «практически не остается сомнений в том, что электроды Уайлдера Пенфилда пробуждают активность в гиппокампе, внутри височной доли мозга, вылавливая из потока сознания пациента очень давние личные воспоминания». Эта «рыболовная» метафора дает нам живой и занятный образ: электрод пока-

чивается на спокойной глади мозга, и тут кто-то внезапно с силой дергает его, как удочку. Воспоминание, еще бьющееся и полное жизни, шлепается на берег сознания: впечатляющий улов.

В собственных работах Пенфилд приводил другую, более сдержанную аналогию с магнитофоном, делая вывод о том, что воспоминания оставляют «в мозге неизгладимый отпечаток… словно вся эта информация записывалась на магнитную ленту».

Но действительно ли эксперименты Пенфилда со стимуляцией различных зон мозга доказывают, что наши воспоминания записываются в точности и сохраняются где-то в глубинах височных долей? Более тщательный анализ показывает, что лишь небольшая часть (3,5 %) его пациентов сообщали о «флешбэках». Более того, нет никаких доказательств, подтверждающих, что эти воспоминания на самом деле соответствовали реальным событиям. Из сорока пациентов, которые говорили о возникновении спонтанных воспоминаний, двадцать четыре сообщили, что слышали лишь фоновый «шум»: голоса, музыку или какие-то другие осмысленные, различимые звуки. Одна пациентка описала свое воспоминание как «доносящийся откуда-то звук, напоминающий пение людей». Когда ее спросили, о чем они поют, она ответила: «Не знаю. Похоже на группу старичков, поющих на заднем плане – может, какие-нибудь псалмы».

Девятнадцать пациентов сказали, что видели человека, определенный узнаваемый предмет или даже целую сцену, а еще двенадцать сообщили как о визуальных, так и о слуховых образах. Однако представляется вероятным, что даже у этих немногочисленных пациентов реальность смешалась с фантазией, которая заполнила пробелы. Например, молодая женщина, вспомнившая, что слышала, как «мать зовет своего маленького сына», упомянула, что это произошло «неподалеку от [ее] дома». Позднее она сказала, что это случилось «на складе лесоматериалов». Но, как оказалось, когда ей начали задавать вопросы, она не помнила, чтобы ей когда-либо доводилось бывать на складе лесоматериалов.

Разум этой пациентки, по-видимому, соединил разрозненные обрывки фантазий и реальности и превратил их в нечто, что она воспринимала как воспоминание. Точно так же разум спящего человека создает причудливые сочетания из осколков правды и вымысла. Анализируя работы Пенфилда, когнитивный психолог Ульрик Найссер заключил, что описанные в них «флешбэки», «по-видимому, вполне допустимо сравнить со сновидениями, которые представляют искусственные конструкции, а не с достоверными воспоминаниями».

Когда в дело вмешивается дикая какофония снов, мечтаний и желаний, наши устойчивые представления начинают шататься и рушиться. Несмотря на то что мы чувствуем себя спокойнее, воображая себе память в виде предсказуемой и надежной системы, правда оказывается не столь обнадеживающей. Последние высокотехнологичные исследования, целью которых было составить карту мозга, демонстрируют, что память – это не централизованная система с единым складом, куда отправляются все образы и впечатления, а обширная сеть связей, где каждое из бесчисленных действий выполняется в своем участке мозга.

Ученые полагают, что формирование воспоминания начинается, когда органы визуального восприятия распознают объекты и характеристики окружающего пространства. В каждой из начальных точек восприятия клетки мозга сохраняют те или иные впечатления для того, чтобы позднее можно было их извлечь. Получив определенные указания, эти клетки, в сущности, претерпевают определенные физические изменения. Крохотный орган под названием гиппокамп[1] (а их в мозге всего два, по одному с каждой стороны) соединяет эти отдельные точки, объединяя разрозненные ощущения в одно общее переживание, которое зачастую отпечатывается в мозге в качестве воспоминания. Каждый раз, когда извлекается то или иное воспоминание, эти связи между разными клетками мозга усиливаются.

Таким образом, мы можем представить себе, что мозг наполнен сотнями тысяч крошечных переплетающихся «сетей» информации, соединяющих разрозненные элементы. Потяните за ту или иную ниточку воспоминания, и сдвинется вся сеть: окружающие и наложенные на

него слои воспоминаний также будут задеты. Дело усложняется еще и тем, что ткань памяти соткана из крови, химических веществ и электричества – материал довольно скользкий и непрочный. Сети запутываются и изнашиваются, появляются узелки, сложное плетение начинает рваться, и в нем образуются дыры. Хотя наш разум отчаянно борется, стремясь устранить эти несовершенства, он не всегда оказывается достаточно умелым портным. Давайте проанализируем воспоминание о событии, произошедшем 18 августа 1967 года на стадионе «Фенуэй-Парк» в Бостоне.

Двадцатитрехлетний Тони Конильяро, аутфилдер из команды Boston Red Sox и один из величайших бейсболистов в истории, ожидал подачи питчера Джека Хэмилтона из команды California Angels. Хэмилтон замахнулся для первого броска и быстро запустил мяч, который врезался в левую часть лица Конильяро.

«Я никогда никого так сильно не бил, – вспоминал Хэмилтон. – Он сразу упал, просто рухнул на землю». Конильяро так полностью и не оправился от полученной травмы и ушел из бейсбола в 1975 году. Он умер в 1990 году в возрасте сорока пяти лет. Хэмилтон тоже уже не был прежним. «Мне приходится с этим жить. Я часто об этом думаю, – рассказал он в интервью газете New York Times, после того как узнал о кончине Конильяро. Хэмилтону на тот момент был сорок один год, и он заправлял сетью ресторанов на Среднем Западе. «Когда я смотрю бейсбол по телевизору, каждый раз, когда кто-то получает удар, я вспоминаю об этом. Когда это случилось, шел где-то шестой период. Кажется, счет был 2:1, а он был восьмым в очереди отбивающих. Следующим шел питчер, и у меня не было причин бросать мяч в него». Хэмилтон помнил, что матч проходил днем, потому что ближе к вечеру он поехал в больницу к Конильяро. Он помнил, как после этого несчастного случая думал, стоит ли возвращаться на стадион «Фенуэй-Парк» для участия в следующих матчах этого года. В конце концов он решил, что должен играть дальше.

В последующие годы Хэмилтон сотни раз думал об этом событии, круто изменившем его жизнь и произошедшем на глазах у миллионов людей. Но его воспоминания были далеки от правды. Несчастный случай произошел во время четвертого периода, а не шестого. Счет был 0:0, а не 2:1. Конильяро был не восьмым в очереди отбивающих, а шестым. Матч шел не днем, а вечером. И Хэмилтон больше не появлялся на стадионе «Фенуэй-Парк» в том году, потому что трагический случай произошел во время заключительной выездной игры его команды в Бостоне.

Разумеется, все это детали, и мы прекрасно знаем, что с течением времени даже самые яркие и значимые впечатления порой становятся расплывчатыми. Небольшие поправки, внесенные в реальное воспоминание, – это не то же самое, что создание воспоминания о событии, которого никогда не происходило. Когда вы рассказываете байку из жизни, с каждым разом обрастающую новыми подробностями, вы сталкиваетесь с тем же эффектом, который демонстрируют исследования: люди могут искренне верить, что они пережили то, чего никогда не было. Одну из самых известных историй о ложном воспоминании рассказывает детский психолог Жан Пиаже:

> Одно из моих первых воспоминаний, будь оно правдой, датировалось бы вторым годом моей жизни. Я и сейчас вижу чрезвычайно ясно следующую картину, в достоверность которой я верил лет до пятнадцати. Я сидел в детской коляске, которую моя няня катила по Елисейским Полям, когда вдруг какой-то мужчина попытался меня украсть. Я был пристегнут ремешком, который удержал меня в коляске, а моя няня храбро заслоняла меня от вора. Она получила несколько царапин, и я до сих пор смутно припоминаю те, что остались на ее лице… Когда мне было лет пятнадцать, моим родителям пришло письмо от нашей бывшей няни… она хотела сознаться в ошибках, совершенных ею в прошлом и, в частности, вернуть наручные часы, которые

> были вручены ей в качестве награды… Она выдумала всю эту историю… Следовательно, еще будучи ребенком, я услышал пересказ этой истории, в которую поверили мои родители, и спроецировал его на свое прошлое в форме визуального воспоминания.

Разумеется, Пиаже был очень маленьким, а история, пусть и чрезвычайно волнующая и драматичная, имела счастливый конец. Наверняка, если бы ребенок был постарше, а воспоминание – более травматичным, детали сохранились бы в его памяти лучше. Или нет?

Двадцать четвертого февраля 1984 года на игровой площадке начальной школы в Лос-Анджелесе снайпер выпустил несколько очередей по детям и учителям. Один ребенок и один взрослый прохожий погибли на месте, тринадцать детей и дежурный на площадке были ранены. Через несколько недель после нападения ученые из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе в рамках Программы по борьбе с последствиями травм, насилия и внезапных тяжелых утрат у детей побеседовали с 113 детьми (10 % учащихся), надеясь лучше понять природу и последствия травматичных воспоминаний.

Одна девочка вспомнила, как выходила из школы через главную дверь, ведущую на открытую игровую площадку, вместе с другой ученицей, которую позже застрелили. Когда началась стрельба, она была на середине лестницы и тут же побежала назад, за сестрой. Она рассказала ученым, что когда снова вышла на лестницу, то увидела мертвую девочку, лежащую на игровой площадке и склонившегося над ее телом убийцу. Однако стоя наверху, на лестнице, она не могла увидеть тело жертвы. Более того, снайпер на площадке не появлялся. Через несколько часов после нападения опергруппа ворвалась в квартиру в доме через дорогу от школы и обнаружила, что убийца застрелился.

Мальчик, который во время нападения был на каникулах, пересказывал свои яркие «воспоминания» о том страшном дне. По его словам, он шел в школу и вдруг увидел, что кто-то лежит на земле, услышал выстрелы и быстро побежал домой. Еще одна девочка рассказала ученым, что, когда началась стрельба, она стояла у школьных ворот, ближе всего к убийце. На самом же деле она не только не была в непосредственной опасности, но находилась почти в квартале от игровой площадки. Многие из детей, которых в тот день вообще не было в школе, на следующий день пришли на школьный двор посмотреть, что случилось. Реконструировав произошедшее в своем сознании, они позднее вспоминали, что были свидетелями нападения.

По очевидным этическим причинам организаторы экспериментов не могут инсценировать жестокую снайперскую атаку, чтобы более глубоко разобраться в особенностях травматичных воспоминаний. Но они могут использовать методы внушения и влияния, чтобы внедрять в сознание участников слабые травматичные воспоминания. Именно это сделал психолог Джеффри Хогард и его коллеги во время недавнего эксперимента, в ходе которого детям в возрасте от четырех до семи лет показывали видеоролик длительностью три или четыре минуты. На одной видеозаписи девочка играет около соседского пруда, хотя ей сказали, что там играть нельзя. Сосед видит ее около пруда, останавливается в двух метрах от нее, говорит ей, что сообщит об этом в полицию, и отправляет ее домой.

В следующей сцене эта же девочка лжет полицейскому, который приходит к ней домой. Она признается, что была около пруда, но добавляет: «Но он [сосед] дважды меня ударил, и только потом отпустил домой». Полицейский переспрашивает: «Он бил тебя? Он ударил тебя и только потом отпустил домой?» И девочка отвечает: «Да, он меня ударил».

Услышав «ложь» девочки, многие дети начали верить, что они на самом деле видели, как сосед ее ударил. Они не только вспоминали о несуществующих побоях, но и добавляли собственные детали. Сорок один ребенок (29 % всех участников) дал неправильный ответ, тридцать девять из них вспомнили, что мужчина ударил девочку около пруда, один перенес место избиения в ее дом, а еще один не мог сказать точно, где именно находилась девочка, когда мужчина ее ударил.

Элисон Кларк-Стюарт и Уильям Томпсон из Калифорнийского университета в Ирвайне провели еще одно интереснейшее исследование. Пяти- и шестилетние дети смотрели короткий фильм, в котором уборщик (организаторы называли его Честер-хулиган) играл с куклой, следуя одному из двух сценариев. В первом случае Честер мыл куклу, а в другом – обращался с ней грубо, делая неприличные намеки. Когда Честер вел себя согласно сценарию «наведения чистоты», он совершал с игрушкой различные действия, употребляя слова, имеющие отношение к чистоте. Например, брызгал на лицо куклы водой, приговаривая: «Эта кукла грязная, надо бы ее помыть». Потом он заглядывал ей под одежду и говорил: «Надо посмотреть, может быть, здесь тоже грязно». Честер также выпрямлял руки и ноги куклы и откусывал торчащую из ее одежды ниточку.

Когда Честер следовал сценарию «грубой игры», его действия, по сути, были точно такими же, но при этом он употреблял другие слова. «Отлично, – говорил он, – люблю играть с куколками. Люблю брызгать им водой в лицо. Люблю заглядывать им под одежду. Люблю их кусать и скручивать им конечности».

После просмотра фильма о Честере и кукле детям задавали вопросы. В некоторых случаях вопросы были провокационными и подразумевали, что Честер виноват: он играл с куклой вместо того, чтобы делать свою работу. Когда детей просили описать, что Честер делал с куклой, те из них, кому не задавали наводящих вопросов, отвечали относительно точно. Но многие из детей, которым задавали наводящие вопросы, подстраивались под них и рассказывали о том, что Честер грубо обходился с куклой, хотя на самом деле он просто мыл ее.

В ходе ряда экспериментов, проведенных Николасом Спаносом, взрослым участникам под гипнозом внушали указания вернуться в их прошлую жизнь. У значительного числа испытуемых на самом деле «появилась» личность из прошлой жизни, которая соответствовала полученным под гипнозом вводным. Участники, которым внушали, что в детстве они подвергались сексуальному насилию, чаще рассказывали о соответствующих воспоминаниях, чем те, кому ничего подобного не внушали. Достаточно было дать подсказку, и они сразу начинали вспоминать, что в прошлой жизни их насиловали. «Эти данные, – делает вывод Спанос, – согласуются с рассказами, свидетельствующими о том, что во время сеансов психотерапии клиенты посредством конфабуляции создают сложные и обширные псевдовоспоминания, которые соответствуют ожиданиям их психотерапевтов».

Основываясь на этих и многих других экспериментах, психологи, специализирующиеся на искажении воспоминаний, полагают, что при реконструкции воспоминаний используются обрывки фактов и вымысла и что ложные воспоминания могут быть вызваны ожиданиями и внушением. Но как же нам, ученым, убедить человека, не входящего в наш тесный круг, что результаты этих исследований позволяют сделать некоторые выводы по поводу вытеснения воспоминаний и терапии, направленной на их восстановление? После разбирательства по делу Джорджа Франклина этот вопрос встал еще более остро. Казалось, весь мир помешался на вытесненных воспоминаниях.

Десятого июня 1991 года на обложке журнала People появился заголовок статьи «История инцеста: как Мисс Америка поборола стыд» (Story of Incest: Miss America’s Triumph over Shame).

«Люди спрашивают, почему я никому не рассказывала о том, что со мной происходит, – говорит бывшая “мисс Америка” Мэрилин ван Дербер, прежде чем поведать свою историю о пережитом в детстве сексуальном насилии, напечатанную на четырех страницах. – Чтобы выжить, я расколола свою личность надвое – днем я была хихикающим и улыбчивым ребенком, а ночью лежала в позе эмбриона и ждала, когда отец начнет меня домогаться. До тех пор пока мне не исполнилось двадцать четыре года, дневной ребенок не сознавал существования своей ночной половины».

Четыре месяца спустя на обложке журнала People появился заголовок другой статьи про вытесненные воспоминания о сексуальном насилии: «Храброе признание Розанны Барр: я пережила инцест». Воспоминание Розанны Барр началось с ряда ночных кошмаров, в которых она видела, как ее насилуют. Когда она с криками просыпалась, ее муж доставал бумагу и ручку и быстро записывал детали ее сна, чтобы Розанна смогла вспомнить их позже. В последующие месяцы у Розанны появились суицидальные наклонности, она не доверяла людям, ей стало трудно общаться с близкими. Она обратилась за помощью к психотерапевту. Во время индивидуальных и групповых сеансов она постепенно начала вспоминать, как мать домогалась ее, когда она была еще совсем маленькой и до шести или семи лет, а отец насиловал ее до тех пор, пока ей не исполнилось семнадцать и она не покинула родительский дом.

«Он постоянно трогал меня везде, – рассказала Розанна в интервью журналу People. – Он заставлял меня сидеть у него на коленях, обниматься с ним, играть с его пенисом в ванной. Он делал немыслимые, отвратительные вещи: гонялся за мной со своими экскрементами и пытался положить их мне на голову. Или укладывался на пол и мастурбировал. Это было самое отвратительное, что только можно себе представить»[2].

В комментарии к признанию Розанны психиатр Джудит Льюис Герман рассуждает о способности человеческого разума отводить травматичным воспоминаниям особое место. «Многие дети учатся создавать у себя голове секретный ящичек, где воспоминания хранятся, но доступ к ним до поры до времени остается закрытым. Триггером часто служит конкретное напоминание о насилии. Как только воспоминания о нем выплывают наружу, они могут хлынуть потоком».

В тот же день, когда People опубликовал этот материал, в журнале Newsweek появилась другая статья о жертвах инцеста. В интервью, напечатанном в Newsweek, Розанна Барр объясняла, что ее воспоминания, которые более тридцати лет оставались вытесненными, вернулись к ней в виде «маленьких кинокадров. А потом начали приходить все новые и новые, и они становились все больше и больше… мой разум распахнулся. Это были плохие воспоминания, помноженные на 10». И все же ее переполняли сомнения в собственной правоте. «Голоса в моей голове говорят: ты все это выдумываешь. Может быть, ты все неправильно поняла. Может быть, ты все это вообразила. Может быть, ты просто сочинила все это, чтобы привлечь к себе внимание».

К хору взрослых людей, которые все громче кричали, что вернули себе воспоминания о сексуальном насилии во время сеансов психотерапии, стали присоединяться толпы *не*знаменитостей. Журнал Time поведал читателям случай тридцатишестилетней женщины из Чикаго, которую захлестнули воспоминания о насилии, пережитом, когда она еще носила подгузники. По ее словам, она помнила, как дедушка надругался над ней, пока она, беспомощная, лежала на пеленальном столике. Еще одна женщина, упомянутая в Time, занимаясь любовью с мужем в их первую брачную ночь, внезапно вспомнила, как двадцатью годами ранее ее насиловал учитель и принуждал заниматься с ним анальным сексом. Она подала иск в суд и получила от своей церковной школы компенсацию в размере $ 1 400 000.

История о вытесненных воспоминаниях попала даже в списки бестселлеров. В романе «Тысяча акров» (A Thousand Acres), за который Джейн Смайли получила Пулитцеровскую премию, есть героиня по имени Джинни. Ее сознание вытесняет все воспоминания о том, как над ней надругался отец, несмотря на то что ее сестра Роуз часто обсуждает с ней собственные невытесненные воспоминания о насилии. Однажды, когда Джинни поднимается по ступеням дома, где она жила в детстве, и ложится на свою кровать, к ней волной возвращаются воспоминания, накрывая ее с головой.

> Я поняла, что он был там со мной, что мой отец ложился со мной на эту кровать, что я смотрела на его макушку, на проплешину в его седеющих каштановых волосах, чувствуя, как он облизывает мою грудь. Это было

> единственное воспоминание, которое я смогла вынести, прежде чем с криком спрыгнула с кровати. Я вся дрожала, из моего горла вырывались стоны… Я легла на деревянный пол в холле, потому что мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок и полечу с лестницы.

Бетси Петерсен описала внезапно вернувшиеся к ней вытесненные воспоминания в автобиографической книге «Танцуя с папой» (Dancing with Daddy). Однажды, когда она была на пробежке, ей «в голову пришла мысль, словно изображение, спроецированное на экран: я боюсь, что мой отец что-то со мной сделал». Чувствуя нетерпение и желание скорее узнать, что произошло на самом деле, Петерсен обсудила свои страхи с психотерапевтом.

> – У меня есть что вам рассказать, – сказала я Крис, моему психотерапевту, спустя несколько дней… – Я не знаю, выдумала ли я это, или это было на самом деле.
>
> – Тебе это кажется выдуманной историей, – сказала Крис, – потому что, когда происходит нечто подобное, все ведут себя так, будто ничего не случилось.
>
> – Вы имеете в виду, что это на самом деле могло произойти? – Теперь я была уверена, что действительно хочу выяснить правду.
>
> По ее словам, вероятность того, что это на самом деле случилось, была довольно велика.

В доказательство своей теории психотерапевт указала на симптомы Бетси, которые могли свидетельствовать о том, что она подвергалась насилию. Напряженные отношения с отцом-алкоголиком, повторяющиеся тревожные сны, отстраненность при общении с собственными детьми и различные сексуальные трудности – по словам психотерапевта, все это указывало на то, что она была жертвой насилия. Когда Петерсен спросила, как можно было забыть столь значимый и ужасный опыт, психотерапевт объяснила, что сознание жертв сексуального насилия часто вытесняет воспоминания, чтобы пережить случившееся. Она обнадежила Бетси, добавив, что, если она действительно пережила насилие, память о нем рано или поздно вернется.

Однако Бетси Петерсен не хотела ждать, когда воспоминания всплывут на поверхность сами по себе. Она сразу же стала копать, используя в качестве инструмента свой талант писателя и исследователя. «У меня не осталось воспоминаний о том, что со мной сделал отец, поэтому я пыталась их реконструировать, – объясняет она в своей книге. – Я пустила в ход все свои навыки – журналистские, писательские и академические, стараясь сделать эту реконструкцию предельно точной и яркой. Я использовала те воспоминания, которые у меня были, чтобы добраться до тех, которых у меня не было».

Как и упомянутая в статье журнала Time история женщины, которая подала в суд на своего бывшего преподавателя, многие из этих случаев выносились на рассмотрение суда. Както раз мне позвонил адвокат из Сан-Диего, который вел дело двадцатисемилетней женщины, которая внезапно вспомнила, что ее насиловал отец. Адвокат хотел задать мне несколько вопросов. Ее вытесненные воспоминания, которые вернулись к ней в результате консультаций и «терапевтического вмешательства», содержали «распутные и похотливые действия, в том числе прикосновения и ласки в области гениталий, сношение и оральный половой акт». В центре одного из восстановленных во время сеансов воспоминаний был случай, который предположительно произошел в родительской спальне, когда ей было три года. Отец позвал ее в спальню, когда мастурбировал, заставил ее смотреть на него, а потом – трогать его гениталии.

Приблизительно в то же самое время, когда проходило разбирательство по этому делу, еще один необычный случай рассматривался в суде округа Ориндж, штат Калифорния. Женщине в возрасте семидесяти с лишним лет и ее недавно скончавшемуся мужу от лица их двух взрослых дочерей были предъявлены обвинения в сексуальном насилии, содомии, принуж-

дении к оральному сексу, в пытках электрическим током и ритуальном убийстве младенцев. Согласно показаниям старшей дочери, которой на момент подачи иска было сорок восемь лет, ее насиловали с младенчества и до двадцати пяти лет. Младшая дочь якобы подвергалась насилию с младенчества до пятнадцати лет. Одна из внучек также заявила, что бабушка насиловала ее с младенчества и до восьми лет.

Эти воспоминания были восстановлены, когда обе дочери во взрослом возрасте обратились к психотерапевтам в 1987 и 1988 году. Старшая дочь, после того как распался ее третий брак, начала посещать сеансы психотерапии и в конце концов диагностировала у себя расстройство множественной личности и симптомы, проявляющиеся у жертв сатанинского ритуального насилия. Она убедила сестру и дочь обратиться к психотерапевту и в течение первого года вместе с ними посещала групповые сеансы. Обе сестры также ходили на групповые сеансы, в которых участвовали другие пациенты с диссоциативным расстройством идентичности, заявлявшие, что стали жертвами сатанинского ритуального насилия.

Во время сеансов старшая сестра вспомнила один ужасающий случай, произошедший, когда ей было четыре или пять. Ее бабушка поймала кролика, отрезала ему одно ухо, размазала его кровь по своему телу, а потом дала нож своей внучке, ожидая, что та убьет животное. Когда девочка отказалась это делать, мать облила ей руки кипятком. Когда ей было тринадцать, а ее сестра все еще носила подгузники, несколько незнакомцев (последователи сатанинского культа, как она узнала позднее) потребовали, чтобы они с сестрой ножом вскрыли брюхо собаке. Она вспомнила, что ее заставили смотреть, как какого-то мужчину, который пригрозил выдать секреты культа, сожгли с помощью факела. Других культистов подвергали пыткам электрошоком во время ритуалов, которые проходили в пещере. В конце концов женщину даже заставили убить собственного новорожденного ребенка. Когда суд попросил ее более детально рассказать о тех ужасных событиях, она заявила, что ее воспоминания пострадали из-за того, что ей часто давали наркотики.

Присяжные признали подсудимую виновной в халатном отношении к дочерям и этим ограничились, отказав истицам в затребованной денежной компенсации. Попытки подать апелляцию были отклонены.

Один адвокат из штата Иллинойс написал мне письмо с просьбой предоставить ему информацию о «ненадежности» вытесненных воспоминаний. В письме он сетовал на то, что в подобных делах обвиняемые обычно считались заведомо виновными. «У меня есть несколько клиентов, против которых выдвигают обвинения члены их собственных семей спустя 15–25 лет после событий, о которых идет речь, – объяснял он в своем письме. – Похоже, теперь люди, обвиняемые в преступлении, по умолчанию признаются виновными, и не важно, идет речь об уголовном преступлении или нет».

Презумпция виновности. Каждое письмо, которое я получаю от очередного «подсудимого», пронизывают страх и досада, ведь их автоматически начинают считать виновными. Женщина из Мичигана написала мне письмо о своей тридцатишестилетней дочери, которая «после года терапевтических сессий обвинила [ее] в насилии… совсем как Розанна Барр и бывшая “мисс Америка” Мэрилин ван Дербер». Восьмидесятилетний мужчина из Джорджии отчаянно пытался понять, откуда у его сорокатрехлетней дочери внезапно взялись воспоминания о том, что он насиловал ее с раннего детства и до подросткового возраста. Женщина из Калифорнии рассказывает, что ее тридцатипятилетняя дочь обвинила в сексуальном насилии ее недавно скончавшегося мужа, а затем заявила, что пожилые супруги надругались над внуком.

Чете пенсионеров из Колорадо предъявила обвинения их тридцатитрехлетняя дочь, единственный ребенок в семье. Она заявила, что родители подвергали ее сексуальному и сатанинскому ритуальному насилию. Через несколько месяцев после прямого разговора с ними она попала в больницу с тяжелой депрессией. Там она попыталась повеситься на простыне. Она

выжила после попытки самоубийства, но получила серьезные повреждения мозга. Родители снова забрали дочь домой и взяли на себя уход за ней.

Семидесятитрехлетний мужчина рассказал мне, что тремя годами ранее ему предъявили обвинения три его дочери в возрасте тридцати семи, сорока и сорока двух лет. «Если бы не моя безмерная любовь и преданность моей дорогой жене и поддержка сына, я бы сломался», – пишет он. Он поведал мне длинную и запутанную историю. Его младшая дочь родилась с патологией мочевого пузыря, из-за чего у нее часто были инфекции, она мочилась в постель, и в детстве ей не раз делали операции. После того как ее муж покончил жизнь самоубийством, она начала ходить к психотерапевту, который сказал ей, что она демонстрировала классические симптомы человека, в раннем возрасте подвергшегося сексуальному насилию. Ее проблемы с мочевым пузырем были истолкованы этим специалистом по-новому и из врожденной патологии превратились в последствие принудительных вагинальных сексуальных контактов в раннем детском возрасте, к которым ее, вероятнее всего, принуждал отец.

«Я с трудом сдерживаю рвотные позывы, когда пишу об этом», – рассказывает ее отец. Когда его дочь обсудила свои страхи с сестрами, они договорились обратиться к психотерапевту, а спустя несколько месяцев уже не сомневались в том, что их непрекращающиеся сексуальные и эмоциональные трудности также были результатом сексуального насилия. Старшая дочь вспомнила, как слышала шаги на ступенях лестницы, ведущей к ней в спальню, и думала «О нет, только не это». После нескольких неудачных попыток вернуть себе конкретные воспоминания во время сеансов психотерапии она решила посетить духовный ретрит. Как-то раз во время ретрита она сидела, уставившись на пустую стену, и вдруг «поняла», что в раннем детстве подвергалась насилию. Средняя дочь не помнила случаев насилия, зато испытывала сильное неприятие и отчуждение по отношению к родителям. В ходе нескольких гипнотических сеансов ребёфинга[12] она «вернулась в прошлое», после чего у нее тоже восстановились воспоминания о том, что в детстве ее подвергали сексуальному насилию.

* * *

Я не уверена, что, когда вирус вытесненных воспоминаний только начал распространяться и заражать средства массовой информации, я задавалась по-настоящему важными вопросами: что происходит? К чему это приведет? Почему это происходит именно сейчас, в 1990-е, в этой стране? Как нам изучить и понять этот феномен? Не исключено, что тогда я еще не осознавала «это» как феномен, который можно было изучать, но, даже если бы я задалась такими вопросами, у меня не нашлось бы времени на поиск ответов. Я была слишком занята попытками разобраться в ворохе накопившихся писем и телефонных сообщений. Я знала, что, если не разгребу сегодняшнюю партию, завтра окажусь погребенной под бумажной лавиной. Я постоянно думала, что так продолжаться не может, но все становилось только хуже. Ежедневно на меня обрушивался водопад просьб о помощи – каждая тревожнее и отчаяннее предыдущей.

В надежде ненадолго укрыться от царящего в моем кабинете хаоса и побольше выяснить о вопросе вытесненных воспоминаний 18 августа 1991 года я полетела в Сан-Франциско на ежегодную встречу членов Американской психологической ассоциации (АПА). На той же неделе Михаил Горбачев объявил о распаде Советского Союза. Поскольку я была ребенком 1950-х и прекрасно помнила, как закрывала голову руками, прячась под деревянной партой во время учебной воздушной тревоги, мне следовало ликовать вместе со всеми остальными жителями реального мира. Но в той странной вселенной, что меня поглотила, я чувствовала изолированность и эмоциональный паралич. Я читала газеты и слушала ежевечерние выпуски

[12] Ребёфинг (*англ.* rebirthing) – дыхательная психотехника, созданная в начале 1970-х гг. в США Леонардом Орром. – *Прим. ред.*

новостей, улыбалась, аплодировала и соглашалась с тем, что все это просто замечательно, а потом снова погружалась в свои бесконечные размышления о вытесненных воспоминаниях. Всех вокруг беспокоил конец холодной войны, а я не могла думать ни о чем, кроме похороненных в подсознании воспоминаний о сексуальном насилии.

Ежегодная конференция АПА – это мероприятие огромных масштабов, с тысячами участников и программой, которая по толщине может сравниться с вузовским учебником. Я просмотрела график мероприятий, отметив, чьи доклады я хотела послушать и какие групповые обсуждения посетить, и набросала свое расписание на неделю. Тема одного доклада особенно меня заинтриговала. Джордж Гэнэуэй, преподаватель психиатрии в Университете Эмори и глава отделения диссоциативных расстройств в психиатрической больнице, собирался рассказать об «Альтернативных гипотезах в отношении воспоминаний о сатанинском ритуальном насилии». Как я узнала из сплетен, которыми всегда сопровождаются подобные конференции, Гэнэуэй был втянут в споры по поводу наличия связи между диссоциативным расстройством идентичности (ДРИ) и воспоминаниями о сатанинском ритуальном насилии[3]. Многие из его коллег, занимающиеся врачебной практикой, пришли к выводу о том, что травматические переживания в детском возрасте могут привести к ДРИ, при котором идентичность человека расщепляется, и разные личности (эго-состояния) защищают личность-хозяйку, храня ужасные воспоминания в секрете. Гэнэуэй же придерживался мнения о том, что ДРИ очень часто гипердиагностируется, и призывал проявлять осторожность при восстановлении воспоминаний о насилии. Называя такие воспоминания «реконструкциями» и «псевдовоспоминаниями», Гэнэуэй утверждал, что жестокие сценарии кровавых ритуалов и сатанинских пыток отражают «психическую», а не фактическую реальность.

Если эти воспоминания не реальны, тогда откуда они берутся и почему пациенты столь охотно в них верят? Гэнэуэй в своем докладе назвал причиной возникновения ложных воспоминаний чрезмерное и неправильное использование гипноза. Он возложил ответственность на психотерапевтов, поражаясь, как велико число опытных специалистов, которые не сознают, насколько их пациенты предрасположены к внушению. Он объяснил, что люди с серьезными диссоциативными расстройствами легко поддаются гипнозу и внушению, имеют склонность к фантазиям и могут спонтанно войти в «трансовое состояние самогипноза», в частности во время тяжелых стрессовых разговоров (например, в ходе психотерапевтического сеанса). Общаясь с такими пациентами, наивные психотерапевты могут усиливать бредовые идеи своих клиентов и даже, сами того не замечая, взращивать в них воспоминания.

Серьезные проблемы, по словам Гэнэуэя, начинаются, когда психотерапевт увлекается появляющимися «воспоминаниями» своего пациента, принимая их за безусловную правду. В докладе он перечислил целый ряд клинических факторов, которые влияют на реконструируемые воспоминания. Это фантазии, искажение, подмена, сжатие, символизация и конфабуляция (процесс, в ходе которого человек неосознанно заполняет пробелы в памяти при помощи предположений и догадок). Добавьте в этот мистический бульон предрасположенность к внушению, высокую гипнабельность и склонность к фантазиям, и, как сказал Гэнэуэй, вы получите «винегрет из фактов, фантазий, искажений и конфабуляций», который может ввести в заблуждение даже самого опытного психотерапевта.

Плохо обученные терапевты и специалисты, у которых сложилась устойчивая система предубеждений (к примеру, «все пациенты с ДРИ пережили ритуальное насилие», «память работает как внутренний видеомагнитофон», «пациент может пойти на поправку, лишь добравшись до погребенных в подсознании воспоминаний, обнаружив и приняв травматичный опыт»), больше всего рискуют спутать факты с выдумкой. Тоном голоса, формулировками вопросов и выражением веры или недоверия психотерапевт может неосознанно подтолкнуть пациента к тому, чтобы тот счел появляющиеся «воспоминания» реальными, и тем самым усилить бредовые идеи пациента или даже внушить ему ложные воспоминания. Гэнэуэй пре-

дупреждал слушателей, что подобные психотерапевты, возможно, причиняют большой вред своим пациентам и своей профессии.

Он настойчиво твердил о наивности психотерапевтов и о необходимости проявлять «осторожность и осмотрительность». Психотерапевты должны следить, чтобы их общение с клиентами не вызывало у тех ложных воспоминаний и не подкрепляло уже существующие. Врачам следует делать все возможное, чтобы случайно не внушить пациенту воспоминания о насилии. Иногда для этого хватает предположений или ожиданий, ведь порой стоит только посеять зерно сомнения, чтобы из него выросло подробное «покрывающее воспоминание», которое служит для блокировки болезненных, но при этом относительно непримечательных детских впечатлений пациента. Фантазия о травме постепенно структурируется, и пациент начинает верить, что это настоящее воспоминание, в котором четко и логично разграничены добро и зло, что позволяет пациенту почувствовать свою «исключительность» и убедиться, что он достоин внимания и сострадания психотерапевта.

Гэнэуэй проиллюстрировал свои выводы при помощи нескольких удивительных историй. Сара, пятидесятилетняя пациентка, страдавшая ДРИ, использовала «покрывающие воспоминания» в попытке защититься от тяжелых детских впечатлений. Однажды во время сеанса внезапно появилась «Кэрри» – ее пятилетняя альтер-личность, о которой Саре до этого ничего не было известно, и описала, как чуть не стала жертвой ритуального массового убийства, произошедшего неподалеку от дома, где Сара жила в детстве. Как рассказала «Кэрри», в тот день двенадцать маленьких девочек, вместе учившиеся в воскресной школе, были связаны, изнасилованы и жестоко убиты, но Сару помиловал лидер культа (который оказался прихожанином той же церкви, что и она). Пока «Кэрри» рассказывала эту ужасающую историю, на нее нахлынули эмоции. Казалось, будто она вернулась в прошлое и снова видит эту леденящую кровь сцену.

После того как «Кэрри» ушла, Сара начала искать подтверждение объективности своего воспоминания. По ее словам, другие альтер-личности говорили ей, что «Кэрри» могла рассказать истории и пострашнее. Гэнэуэй придерживался нейтральной позиции и никак не комментировал правдоподобность этого воспоминания, позволяя пациентке делать выводы самостоятельно. Два сеанса спустя на свет вышла маленькая «Шери», уже ранее появлявшаяся альтер-личность, и призналась, что она выдумала всю эту историю, создав «Кэрри», чтобы скрыть ужас, который она испытывала при мысли о своих настоящих детских воспоминаниях: бабушка читала ей детективные истории из журналов, не опуская даже самые страшные и кровавые подробности.

Гэнэуэй сделал вывод, что Сара выдумала «покрывающее воспоминание» о массовом убийстве девочек из воскресной школы, пытаясь сохранить представление о бабушке как о любящем защитнике. Позволив своему альтер-эго вплести выдуманную историю о преступлении в фактическую канву ее реального опыта, она смогла спрятать невыносимое реальное воспоминание об эмоциональном насилии, которому ее подвергала бабушка, за изысканными кружевами фантазий и иллюзий. Выдуманное воспоминание, словно аляповатая декорация, закрыло собой тусклую реальность.

Покрывающие воспоминания, которыми разум пациента пытается замаскировать более прозаичные впечатления от пережитого в детстве насилия, служат одним из источников воспоминаний о чудовищных ритуалах. Ятрогения, по словам Гэнэуэя, – еще более благодатная почва для возникновения таких воспоминаний. Ятрогенное заболевание – это недуг, вызванный действиями врача (или психотерапевта). Таким образом, отношение, ожидания и поведение психотерапевта могут внушить пациенту яркие воспоминания о насилии, а затем – укрепить их. Лечение служит причиной заболевания, болезнь возникает по вине врача.

Гэнэуэй рассказал слушателям удивительную историю Энн. Молодая женщина безуспешно лечилась от ДРИ, вызванного насилием, которому ее подвергала страдавшая психозом бабушка. Когда Энн забеременела вторым ребенком, ее диссоциативные симптомы верну-

лись, и она сразу же начала ходить к психотерапевту, обладателю докторской степени, который специализировался на лечении ДРИ. Этот врач ранее посетил несколько семинаров о сатанинском ритуальном насилии, и у него, по-видимому, были определенные ожидания и четкая программа действий. Он начал исследовать вероятность того, что бабушка Энн была в сговоре с «сатанистами». «Возможно, она принадлежала к некой группе или культу? – интересовался психотерапевт. – Возможно, они носили мантии? На ритуалы приносили младенцев? Энн в них участвовала?»

После того как Энн отрицательно ответила на все эти вопросы, ей было велено идти домой, подумать о том, что могло произойти, и попытаться вспомнить детали. В ходе последующих сеансов Энн под гипнозом в конце концов согласилась с тем, что она участвовала в ритуалах культа. В трансе Энн отвечала терапевту отдельными словами и жестами, однако этого ему хватило, чтобы успешно «войти в контакт» с несколькими сатанинскими альтер-личностями девушки. Те поведали ему, что члены культа намеревались убить ее новорожденного ребенка. Выйдя из гипнотического транса и выслушав рассказ психотерапевта о планах ее альтер-личности, Энн выразила скептицизм и сказала, что эти «воспоминания» не казались ей реальными. Она предположила, что ее альтер-личности могли лгать, и попросила психотерапевта, чтобы тот помог ей отделить факты от выдумки. Не обращая внимания на опасения пациентки, он сообщил ей, что богатство деталей и последовательность в ее воспоминаниях доказывают: она действительно стала жертвой сатанинского культа.

Сеансы продолжались, и психотерапевт Энн делал ее воспоминания все более насыщенными, общаясь с ней при помощи жестов[4] и задавая наводящие, суггестивные вопросы. Когда Энн пришло время рожать, ее психотерапевт настоял, чтобы за ней наблюдали круглосуточно, ведь нужно было защитить ребенка. Энн позволяли лишь мимолетом взглянуть на ее новорожденного малыша и всегда под присмотром, поскольку психотерапевт опасался, что одна из ее сатанинских альтер-личностей появится и осуществит предписанное жертвоприношение. Работники больницы и сотрудники правоохранительных органов следовали предостережениям психотерапевта и соглашались на любые меры, чтобы обезопасить ребенка от кровожадных когтей сатанинского культа.

В конце концов муж Энн, который работал врачом и по понятным причинам был обеспокоен действиями психотерапевта и всем тем, что творилось вокруг его новорожденного сына, перевел жену в психиатрическое отделение доктора Гэнэуэя. Спустя два дня психотерапевтических сеансов, во время которых психиатры придерживались нейтральной позиции по отношению к «сатанинским» воспоминаниям Энн, те «внезапно испарились». В конечном счете Энн поняла, что она невольно сфабриковала воспоминания о ритуальном насилии в ответ на заботу и внимание, которыми ее одаривал психотерапевт в качестве награды за ее признания. Больше всего она боялась снова попасть под влияние психотерапевта-манипулятора, применяющего агрессивные методы гипноза.

* * *

Я слушала с огромным интересом. Гэнэуэй ясно, настойчиво и недвусмысленно заявлял, что психотерапевты своими предположениями могут ненамеренно спровоцировать возникновение и разрастание ложных воспоминаний о сексуальном насилии. Уважаемый исследователь и признанный специалист по психиатрии открыто и свободно признавал, что наблюдал в ходе собственной лечебной практики процессы искажения памяти и внедрения воспоминаний, которые я выявила в своей лаборатории. Он соглашался, что восприимчивое сознание может искажать или даже создавать воспоминания, реагируя на тембр голоса психотерапевта, выражение скуки, нетерпения или восхищения на его лице, формулировки вопросов и едва уловимые невербальные сигналы. Короче говоря, Гэнэуэй полагает, что в некоторых случаях

– а по его мнению, таких случаев очень много – психотерапевты сами создают те проблемы, которые надеются вылечить.

Имеем ли мы право обобщать выводы Гэнэуэя? Если психотерапевт может, сам того не зная, взрастить воспоминание у легко поддающегося внушению пациента, и его предположение запускает целую цепную реакцию, значит ли это, что пациент с более простыми, но все же серьезными проблемами также может подхватить предложенную психотерапевтом идею о сексуальном насилии и вспомнить случаи и события, которых никогда не происходило? Воспоминания могут быть не такими яркими и впечатляющими, как у пациентов с ДРИ, без жестоких пыток и ритуального насилия. И все-таки возможно ли в определенных условиях взрастить отдельные детальные псевдовоспоминания на плодородной почве нормального сознания?

После лекции я подошла к Гэнэуэю, представилась, быстро ввела его в курс дела о своем опыте по делу Франклина и об обрушившемся на меня в последнее время шквале телефонных звонков и писем от обвиняемых родителей[5].

– Вы сталкиваетесь с очень сложными случаями во время работы с пациентами с ДРИ и воспоминаниями о СРН, – сказала я, чувствуя себя немного неловко при использовании непривычных аббревиатур. (Я чувствовала себя гораздо комфортнее, разговаривая о КВП и ДВП с учеными, занимающимися исследованиями памяти). – Но могут ли с подобным искажением и внедрением воспоминаний столкнуться те многочисленные запутавшиеся люди, которые приходят к психотерапевту в поиске решения своих жизненных проблем?

– Я считаю, что в данном случае существует точно такая же опасность, – спокойно ответил Гэнэуэй и даже бровью не повел. – Два основных провоцирующих фактора ведут к созданию псевдовоспоминаний. Все мы восприимчивы к влиянию книг, газетных и журнальных статей, проповедей, лекций, фильмов и телевидения. Например, показ документальной драмы, в которой изложение фактов сопровождается зрелищной реконструкцией предполагаемых преступлений, может породить в восприимчивом сознании страхи, ожидания, мечтания и грезы. Еще одним мощным фактором нередко становятся предположения и ожидания авторитетного человека, с которым пациент хочет иметь особые отношения.

– Другими словами, слова психотерапевта, – перебила я.

Он кивнул.

– Я полагаю, пациент ищет одобрения со стороны психотерапевта и чувствует необходимость быть интересным, необычным, особенным. Или, возможно, пациент чувствует, что застрял на одном месте и ничего не достиг за время терапии. Теперь предположим, что психотерапевты, работающие с такими пациентами, считают, что сексуальное насилие приобрело масштабы эпидемии и что большинство приходящих к ним людей были изнасилованы. Предположим также, что некоторые психотерапевты считают, будто память работает по принципу видеомагнитофона, она записывает каждую мысль, эмоцию или событие и надежно все это сохраняет. Это самые что ни на есть благодатные условия для формирования ложного воспоминания, и я считаю, что такие условия создаются ежедневно во время сотен психотерапевтических сеансов.

– Так почему же пациенты стремятся внедрить в свою память и самовосприятие такие жесткие и болезненные воспоминания? – задала я вопрос, который часто задавала себе самой. – Что заставляет людей брать на себя роль жертвы, а своих близких выставлять жестокими и равнодушными?

– Покрывающие воспоминания дарят человеку иллюзию важности, исключительности. Иногда это даже кажется по-своему захватывающим, – объяснил мне Гэнэуэй. – Быть может, будучи ребенком, пациент чувствовал себя отвергнутым или лишенным внимания, или же слишком заурядным, потому что с ним не происходило ничего увлекательного или необычного. Любые события могут заставить внушаемого пациента сбежать в мир фантазий. Их тщательно продуманные псевдовоспоминания помогают им почувствовать себя особенными и

достойными внимания и даже восхищения психотерапевта. Если психотерапевт задает особые, двусмысленные вопросы, выражает чрезмерное одобрение, удивление, отвращение, веру или недоверие, высказывает свое мнение, восхищается или беспокоится, пациент может почувствовать давление с его стороны и необходимость чем-то подтвердить свои слова. Другими словами, реакция психотерапевта может стать катализатором для того, чтобы аморфный материал фантазий превратился в конкретное воспоминание.

У меня был один последний вопрос:

– Как вы определяете, выдуманные у пациента воспоминания или реальные?

– Если нет фактических подтверждений, я не знаю, как психотерапевт может быть полностью уверен, – ответил Гэнэуэй. – Настоящая утрата и пережитое насилие, конечно, влияют на развитие психической реальности у ребенка, но не так, чтобы это позволило психотерапевту годы спустя точно определить, что реально, а что выдумано. Те психотерапевты, которые хорошо разбираются в психодинамике, понимают и учитывают этот факт, – продолжил Гэнэуэй, – поскольку современные методы терапии, основанные на известных психоаналитических данных, концентрируются на осторожном систематическом исследовании и понимании *смысла*, извлеченного из подсознательных фантазий, связанных с желаниями и страхами. Поиск фактов, на которых могут базироваться те или иные восстановленные личные воспоминания, не так важен. Лишь недавно, когда психотерапевты, в силу каких-то убеждений или личных мотивов, стали полностью игнорировать психодинамическое влияние подсознательных фантазий на воспоминания своих пациентов, возникла эпидемия «воспоминаний о насилии», и в нашем обществе начала расцветать психология жертвы. Фрейд в гробу бы перевернулся, если бы узнал, что наделали эти психотерапевты, столь непозволительно упростив, исказив и обесценив его сложную теорию о сознании и подогнав ее под свои личные интересы. Возможно, пройдут годы, прежде чем вера общества в эффективность традиционной психоаналитической психотерапии будет восстановлена после вреда, причиненного тем, что я называю «мактерапией» – методами псевдотерапии массового потребления 1980–1990-х годов.

* * *

Чрезвычайная внушаемость. Диссоциативные защитные механизмы. Система убеждений, навязанных психотерапевтом. Ятрогенные влияния.

Я вернулась в Сиэтл, чувствуя, что теперь у меня есть цель и я знаю, куда двигаться. Из клинических наблюдений Гэнэуэя я получила все недостающие детали – восприимчивые клиенты, наивные психотерапевты, доверчивое общество, повсеместный страх сексуального насилия. Теперь единственное, что мне оставалось сделать, – понять, как собрать все эти детали воедино и провести психологический эксперимент. Главная сложность заключалась в том, как заглянуть в суть проблемы, связанной с достоверностью этих потерянных и найденных воспоминаний. Хотя я не могла подтвердить, что то или иное воспоминание, появляющееся во время терапии, было ложным, но почему бы не подойти к решению этой проблемы с другой стороны? Благодаря тщательно спланированному экспериментальному проекту и контролируемым клиническим испытаниям мне, быть может, удалось бы выявить теоретические основы формирования ложных воспоминаний и тем самым доказать, что человек способен выдумать целое воспоминание о травматическом событии, которого никогда не было.

На следующий день после того, как я вернулась в Сиэтл, мы с аспирантами и студентами-психологами устроили мозговой штурм, пытаясь придумать, как можно экспериментально внедрить целое воспоминание о выдуманном событии. Предложив и отбросив десятки идей, мы поняли, что некоторые препятствия на нашем пути пока выглядят непреодолимыми. Во-первых, внедренное воспоминание должно быть по крайней мере в какой-то степени травматичным, ведь если бы у нас получилось внедрить в память испытуемого какую-то приятную

или неоднозначную сцену, критики начали бы утверждать, что наши открытия неприменимы к восстановленным воспоминаниям о сексуальном насилии.

Во-вторых, чтобы мы могли проводить параллели с процессом психотерапии, воспоминание должен был внедрить кто-то, к кому испытуемый проникся доверием или восхищением, – родственник, друг или авторитетный для него человек. Но мы не могли открыто манипулировать людьми и ставить под угрозу отношения между испытуемым и «внедряющим». Также мы не могли подвергнуть участников эксперимента чрезмерному стрессу – как при формировании псевдовоспоминания, так и во время оглашения результатов, когда участники узнают, что их нарочно сбили с толку. Кроме того, нам предстояло получить одобрение университетского Комитета по подбору участников научных исследований, который рассматривает предлагаемые проекты, чтобы убедиться, что они не нанесут вреда участникам.

Мы продолжали предлагать идеи и отклонять их как потенциально провальные или слишком травматичные. Я даже начала задумываться, насколько вообще реально провести эксперимент по внедрению ложного воспоминания. Может быть, для этой проблемы существовало только косвенное решение: рассказывать реальные истории из жизни и приводить их доказательства, тем самым показывая, что память легко поддается влиянию даже в случае очень травматичных событий. Один мой друг и коллега как раз изучал этот вопрос в своих экспериментах, посвященных «воспоминаниям-вспышкам» о взрыве космического корабля «Челленджер» в январе 1986 года.

На следующее утро после взрыва и еще раз – два с половиной года спустя когнитивный психолог Ульрик Найссер задал сорока пяти студентам следующий вопрос: «Как вы впервые узнали о катастрофе на Челленджере?» Большинство испытуемых говорили, что у них остались «яркие» воспоминания о том, что произошло два с половиной года назад, однако ни одно из них не было полностью достоверным, и, по словам Найссера, более трети оказались «чрезвычайно неточными». Только взгляните:

> *Январь 1986 года*
>
> Я была на занятии по религиоведению, когда несколько человек вошли в класс и начали говорить о [взрыве]. Я не знала никаких подробностей кроме того, что корабль взорвался, и все студенты на это смотрели, и я подумала, что все это очень грустно. Потом, после урока, я пошла в свою комнату и стала смотреть, как по телевизору рассказывают об этом событии, и все детали узнала уже оттуда.

Два с половиной года спустя эта студентка полностью забыла о занятии по религиоведению. В ее новом воспоминании появилась соседка по комнате, экстренное новостное сообщение и телефонный звонок:

> *Сентябрь 1988 года*
>
> Когда я впервые услышала о взрыве, мы с соседкой были в комнате для первокурсников и смотрели телевизор. Об этом сказали в экстренном выпуске новостей, и мы обе были потрясены. Я очень сильно *расстроилась* и пошла вниз, чтобы поговорить с подружкой, а потом позвонила родителям.

Еще более удивительной, чем подобные кардинальные изменения, была реакция испытуемых на прочтение их первоначальных рассказов. Они просто не могли поверить, что так сильно ошибались. Даже просмотрев опросник, который они заполняли на следующее утро после взрыва, они настаивали, что их измененные воспоминания были более точными и реальными. «Это мой почерк, так что, наверное, все так и было, – объяснил один из студентов, – но я по-прежнему помню все, что вам рассказал [два с половиной года спустя]. Я ничего не могу с этим поделать».

«Мы вправе сказать, – заключил Найссер, – что первоначальные воспоминания исчезли».

Исследование Найссера ставит под сомнение популярное мнение о «воспоминаниях-флешбэках», согласно которому сильные эмоции формируют яркие и точные воспоминания. Как сказал психолог Уильям Джеймс более сотни лет назад, «впечатление может быть настолько эмоционально ярким, что оно буквально оставляет шрам на тканях головного мозга». Взрыв шаттла «Челленджер» определенно оставил после себя яркое впечатление у наблюдателей, но было похоже, что мозг в суматохе, которую можно сравнить с ежегодной весенней уборкой, без конца отрывал ткань со шрамом и пришивал ее на новое место. Что провоцировало эти пересадки?

Именно на этот вопрос я попыталась ответить в своем экспериментальном исследовании о том, как влияет на память информация, полученная после события. Теперь меня поглотила идея эксперимента о «Дивном новом мире». Я хотела запечатлеть на тканях мозга след того, чего никогда не было, и создать яркое, но полностью выдуманное воспоминание. Но я никак не могла придумать, как это сделать.

*** * ***

В конце октября я отправилась в Университет Джорджии, чтобы выступить с очередной лекцией о том, что я называю эффектом дезинформации. Если человек становится свидетелем какого-то события, а впоследствии получает новую, ложную информацию о нем, что происходит с его первоначальным воспоминанием? Обычно я отвечаю на этот вопрос, приводя примеры из реальной жизни или из лабораторных исследований. Все они демонстрируют: можно заставить человека поверить в то, что он видел события или предметы не такими, какие они были на самом деле, или что он помнит то, чего на самом деле не случалось. Как только человек усваивает реконструированное воспоминание, он, как правило, начинает верить в него столь же сильно, как в настоящее, а иногда исходные данные в его памяти даже заменяются новыми.

В эту лекцию всегда легко вставлять забавные случаи из жизни, и в тот раз я рассказала небольшую историю о склонности бывшего президента США Рональда Рейгана путать факты и вымысел. Как и следовало ожидать, Рейган черпал сюжеты для своих увлекательных историй из популярных фильмов тех времен, когда он был кинозвездой. Во время предвыборных кампаний 1976, 1980 и 1984 годов Рейган неоднократно пересказывал героическую и трагичную историю одной из воздушных атак в Европе во время Второй мировой войны. Американский бомбардировщик В-1 был подбит огнем зенитной артиллерии, и раненый стрелок – неопытный молодой парень – в ужасе закричал, когда не смог катапультироваться из самолета. Его командир – мужчина более опытный, мудрый и очень смелый, успокоил его, сказав: «Ничего, сынок, посадим его вместе». Рейган заканчивал эту историю со слезами на глазах, вспоминая, что командир был посмертно награжден за проявленный героизм медалью Почета конгресса США.

Один любопытный журналист проверил всех 434 награжденных медалью Почета во время Второй мировой войны и не нашел среди них этого мужчину. Однако он нашел сцену из снятого в 1944 году кинофильма «На одном крыле и молитве», в которой пилот торпедоносца ВМФ США сажает самолет вместе с раненым связистом после того, как стрелок катапультируется. «Мы завершим этот полет вместе», – говорит пилот. Журналист также нашел опубликованную в американском журнале Reader's Digest историю, в которой рассказывалось о стрелке, а не о пилоте, посадившем самолет с раненым членом экипажа. «Не волнуйся, мы совершим этот полет вместе», – услышал слова стрелка летчик, выпрыгнувший из самолета последним.

На вопрос о достоверности рассказов Рейгана пресс-секретарь Белого дома ответил: «Если повторить одну и ту же историю пять раз, она станет правдой». Ответ остроумный, но складывается впечатление, что даже в Белом доме не знали, сознательно президент сочиняет свои рассказы или путает вымысел и реальность.

Эта история всегда вызывает в зале многочисленные смешки, но пора переходить к опасной теме вытесненных воспоминаний. Я рассказала своим слушателям о восстановленном воспоминании Эйлин Франклин и, как всегда, закончила выступление вопросом и мольбой о помощи. «Возможно ли, – спросила я, – что воспоминание Эйлин было создано благодаря гиперактивному, склонному к фантазиям воображению, а также кусочкам и обрывкам реальной истории, за годы полученным из газетных сводок, телевизионных рассказов и многочисленных разговоров? Я ищу способ изучить феномен ложных воспоминаний в лабораторных условиях, но до сих пор мне не удалось понять, как это сделать. Если у кого-нибудь есть какие-либо предложения, я буду очень рада их услышать».

На следующее утро я ехала в аэропорт Атланты вместе с Дениз Парк, когнитивным психологом, которая изучает процесс обработки информации у пожилых людей. Ее двое детей, Роб и Коллин, вежливо слушали с заднего сиденья, как я объясняю их матери, насколько сильно я расстраиваюсь из-за эксперимента по внедрению воспоминаний.

– Я хочу внедрить в сознание человека целое воспоминание, – сказала я Дениз, – а не его часть. И это воспоминание должно быть травматичным, но не настолько, чтобы эксперимент отклонили по этическим соображениям.

Дениз немного помолчала. Затем, во внезапном порыве вдохновения, она сказала:

– А как насчет того, чтобы он потерялся?

– Потерялся, – повторила я. Мы как раз проезжали мимо большого торгового центра, и мне в голову тут же пришла идея. – А что, если он потерялся в торговом центре?

– Идеально, – сказала Дениз, – это самый большой страх любого родителя – упустить ребенка из вида в шумном и людном месте, где полно незнакомцев. Что думаете, Роб, Коллин? – Она посмотрела на своих детей в зеркало заднего вида. – Как бы вы себя чувствовали, если бы потерялись в торговом центре?

– Испугались бы, – ответили они в один голос.

Коллин заерзала на сиденье.

– Мне нехорошо даже от одной мысли об этом, – сказала она.

– Что, если начальную установку даст кто-то из родителей, или старший брат, или сестра? – сказала я после разговора Дениз с детьми.

– Да, отлично! – Дениз все больше вдохновлялась этой идеей. – У тебя есть все компоненты, необходимые для внедрения: травматичное событие, надежное авторитетное лицо, чьи слова заставят испытуемого задуматься, и восприимчивый, поддающийся внушению объект.

– Это, безусловно, достаточно безобидно, – размышляла я. – Интересно, сумеем ли мы провести эту идею через Комитет по подбору участников научных исследований? Может быть.

– И если это сработает, ты сможешь доказать, что внедрила целое ложное воспоминание о событии из детства. Это будет даже лучше рассказа Пиаже.

История Жана Пиаже о неудавшемся похищении, которую я упоминала чуть раньше, – это лучший из имеющихся у психологов примеров целого воспоминания, внедренного в восприимчивое сознание авторитетным, пользующимся доверием лицом. Но это не идеальный пример, потому что историю, несомненно, пересказывали множество раз и она стала частью семейного фольклора. Мы понятия не имеем, когда и как появились воспоминания Пиаже или сколько раз за столько лет они видоизменялись. Но идея с торговым центром позволила бы нам проследить, как укореняется и прорастает воспоминание, начиная с самого первого предположения о том, что событие произошло.

Чем больше я обдумывала эту идею, тем больше воодушевлялась. Это и правда могло сработать. Неделю или две спустя на одной вечеринке я разговорилась с другом, которого не видела очень давно. «Что сейчас нового в исследованиях памяти?» – спросил он. Я рассказала ему о разногласиях по поводу вытесненных воспоминаний и о своих попытках изучить этот феномен в лабораторных условиях, упомянув также об идее эксперимента с торговым центром.

– Самый жуткий кошмар для любого родителя, – сказал он, невольно повторив слова Дениз Парк. – Я и представить не могу, как перепугался бы, если бы потерял Дженни, даже всего на несколько минут. – Он указал на свою дочь, которая сидела в углу комнаты, устав от бесконечных светских разговоров взрослых.

– Сколько ей лет? – спросила я.

– Только что исполнилось восемь.

– Думаешь, ее можно убедить, что она потерялась в торговом центре, когда ей было пять?

– Ни за что, – сказал он смеясь, – Дженни очень логична и рациональна, и у нее прекрасная память. – Он пожал плечами. – Но почему бы не попробовать?

Он подозвал Дженни, приобнял ее и представил нас. Я спросила о семейных планах на ближайшие праздники. Что она собиралась делать во время школьных каникул? Был ли у нее список желаний на Рождество? Ее отец использовал эти вопросы, чтобы плавно перейти к внушению воспоминания о торговом центре.

– Дженни, а помнишь, как ты потерялась в торговом центре Bellevue Mall?

На лице Дженни отразилось недоумение, как будто бы она пыталась вспомнить, но в памяти ничего не всплывало.

– Тебе было пять, – подсказал отец, – было примерно это же время года, оставался где-то месяц до Рождества.

– Это было три года назад, пап. – Дженни, выглядевшая немного сбитой с толку, слегка толкнула отца локтем в бок. – Как, по-твоему, я могу помнить то, что было так давно?

– Ты разве не помнишь? Мне надо было зайти в магазин Eddie Bauer, чтобы купить подарок для твоей мамы, а ты хотела поиграть с буксиром. – Игрушечный буксир – это известное место в самом центре Bellevue Mall. – А потом, когда я вышел из магазина несколько минут спустя, я увидел, что тебя нигде нет.

Дженни все еще выглядела растерянной.

– Я искал тебя и в магазине игрушек Nordstrom, и в обувном, и только потом наконец нашел.

Дженни медленно кивнула.

– А, да, кажется, помню, – сказала она. – Я везде тебя искала и не могла найти.

– Ты была напугана, Дженни? – спросила я.

Она неуверенно покачала головой.

– Я был напуган, – сказал ее отец.

Дженни улыбнулась и прильнула к нему.

– Не так сильно, как я, – ответила она.

Я не могла поверить в то, что увидела. За пять минут с помощью нескольких предположений и подсказок отец внушил Дженни ложное воспоминание, а она добавила к нему собственные детали. Она вспомнила, как потерялась, как повсюду искала отца, как сильно испугалась. Для создания этой иллюзии нам понадобилось меньше времени, чем нужно, чтобы сварить яйцо вкрутую.

На следующей неделе во время занятия по когнитивной психологии я объявила тему курсового проекта. «Я хочу, чтобы вы попытались создать у кого-либо в сознании ложное воспоминание о событии или случае, которого никогда не было. Вы можете попытаться убедить соседа по комнате, что вчера вечером он ел курицу, а не гамбургер. Или убедить друга или родственника, что он должен вам денег, и пора бы вернуть долг».

Я даю одно и то же задание каждый год, но в этот раз кое-что добавила.

«В последнее время я очень много думала над тем, возможно ли внедрить в чье-либо сознание целое воспоминание о выдуманном событии. Например, возможно ли заставить кого-то поверить, что в детстве он потерялся в торговом центре, хотя на самом деле этого никогда не было?»

Мое предложение нашло отклик. Когда три недели спустя студенты сдали задание, оказалось, что двое из них придумали способ создать воспоминание о том, что человек потерялся. Мать восьмилетней Бриттани убедила ее, что, когда ей было пять, она вместе с лучшей подружкой потерялась в жилом комплексе Селби-Ранч. Вот выдуманная история, которую мама Бриттани рассказала дочери:

> Добрая пожилая женщина, которая жила в одном из домов комплекса, нашла Бриттани, отвела ее к себе и угостила печеньем. У этой женщины была красивая дочь, которая работала моделью в Сан-Франциско. Она подарила Бриттани связку воздушных шариков.

Восемнадцать дней спустя друг семьи опросил Бриттани, сказав, что он пишет для школьной газеты статью о детских воспоминаниях и ему нужно собрать информацию. Записывая разговор на магнитофон, он задал девочке вопросы о некоторых настоящих воспоминаниях, а затем – о ложном. Бриттани не смогла ничего вспомнить об одном из реальных событий, том дне, когда ей исполнилось шесть лет, который она провела на ферме у тети.

– Ты этого не помнишь? – спросил он.

– Нет. Это было в нашем доме в Хьюстоне.

– Помнишь, что ты делала?

– Нет, – ответила Бриттани.

– Помнишь, кто там был?

– Нет… Ну, я знаю, что там была Саманта. Нет, ее не было. Она тогда еще не родилась.

Но когда Бриттани спросили о ложном воспоминании, она рассказала целую историю.

– Ты помнишь, где ты была?

– В Селби-Ранч… Я не помню, как он выглядел. Но думаю, это было там. Я видела там что-то вроде сена. Это случилось на Хеллоуин, и повсюду были тыквы…

– С кем ты была?

– Э-э, Кристина, Камилла… и мы с мамой навещали бабушку с дедушкой.

– Что вы делали?

– Ну, мы играли, а потом Кристина ушла. Я думаю, ей нужно было позвонить или еще что-то. А потом мы с Камиллой пошли играть в лес. И… Э-э-э… Я правда не помню, но, по-моему, это случилось, когда мы пошли домой к той женщине. Ее дочь была моделью. Потом мы готовили у нее дома печенье. А потом моя мама наконец-то нашла нас.

Бриттани продолжала приукрашивать ложное воспоминание. Добрая женщина, которая отвела их к себе домой, не просто угостила их печеньем, а напекла целую гору этого печенья вместе с ними. Дом этой женщины превратился в «маленький коттедж у ворот в Селби-Ранч» (на самом деле большинство домов в этом районе – это ранчо площадью 900–1200 квадратных метров, построенные в современном калифорнийском стиле). И Бриттани вспомнила точные слова, которые сказала ее мама, когда нашла их: «Слава богу, я тебя нашла, я уже с ног сбилась».

Еще один студент, Джим Коан, внедрил ложное воспоминание в сознание своего четырнадцатилетнего брата Криса. Во время первой стадии исследования Джим составил для Криса четыре небольших рассказа про события из детства, три из которых произошли на самом деле. Он попросил Криса ежедневно в течение пяти дней писать о каждом из этих четырех событий, приводя любые подробности. Если же он не мог ничего вспомнить, то должен был написать «Я не помню».

«Фальшивое» событие описывалось в следующем абзаце:

> Это случилось в 1981 или 1982 году. Я помню, что Крису было пять. Мы ходили по магазинам в торговом центре университетского городка в Спокане. Мы слегка запаниковали, но потом нашли Криса. Его вел за руку

высокий, довольно пожилой мужчина (кажется, он был одет во фланелевую рубашку). Крис плакал и держал этого мужчину за руку. Мужчина рассказал, что несколько минут назад увидел, как Крис бродит по торговому центру, плача навзрыд, и что он пытался помочь ему отыскать родителей.

В своем пятидневном дневнике Крис дополнил этот рассказ следующими деталями:

1-й день. Я немного помню этого мужчину. Я помню, что подумал: «Ух ты! Он такой классный!»

2-й день. В тот день я очень испугался, что никогда больше не увижу свою семью. Я знал, что попал в беду.

3-й день. Я помню, как мама сказала мне больше никогда так не делать.

4-й день. Я помню фланелевую рубашку этого мужчины.

5-й день. Я отчасти помню магазины.

Рассказывая об этом событии, Крис выдумал новый факт: он вспомнил разговор с мужчиной, который нашел его: «Я помню, как этот мужчина спросил меня, не потерялся ли я».

Пытался ли Крис просто помочь старшему брату, развивая это «воспоминание»? Судя по комментариям Криса к одной из правдивых историй, это маловероятно. В первый день он написал: «Я не помню». А в последующие четыре дня: «Я все еще не могу вспомнить».

Что, если Джим случайно рассказал реальную историю?

Возможно, Крис на самом деле терялся в торговом центре, когда был ребенком. Чтобы исключить такую вероятность, маме Криса рассказали про его «воспоминание» и спросили, помнит ли она это событие. В первый день она сказала: «Я думала об этом дне, но мне сложно вспомнить детали». На второй день она сказала: «Я снова и снова пыталась вспомнить этот день. Я помню, как мы искали Криса за вешалками, но я не уверена, что это было в тот раз». Спустя пять дней попыток она поделилась своими чувствами: «Мне стыдно, но я почему-то не могу этого вспомнить».

Несколько недель спустя Криса снова опросили, а затем он должен был описать каждое из четырех событий и оценить, насколько точно они сохранились в его памяти, по шкале от 1 (совсем ничего не помню) до 10 (очень хорошо помню). Трем настоящим воспоминаниям Крис дал оценки 1, 10 и 5. Ложному воспоминанию о торговом центре Крис присвоил вторую по величине оценку – 8. Когда Криса попросили подробно рассказать об этом случае, он упомянул множество ярких деталей.

Какое-то время я стоял рядом с ребятами, а потом, кажется, пошел посмотреть игрушки в магазине Кау-Вее и… э-э… мы потерялись. Я смотрел вокруг и думал: «Ой-ой, я попал в беду». Сам знаешь. А потом я… Я подумал, что больше никогда не увижу семью. Знаешь, я был очень напуган. А потом ко мне подошел какой-то пожилой мужчина – кажется, он был одет в синюю фланелевую рубашку… Он был довольно пожилой. С лысиной на макушке… У него на голове как будто бы было кольцо седых волос… И еще он был в очках.

На заключительной стадии исследования брат сообщил Крису, что одна из историй была ложной. Догадывается ли он какая? Крис выбрал один из реальных случаев. Когда ему рассказали, что воспоминание о том, как он потерялся в торговом центре, было ложным, ему оказалось очень трудно в это поверить.

Правда? Ну, нет… потому что я думаю, я был… Я помню, как потерялся и как искал вас… Я правда это помню… А потом я расплакался, ко мне подошла мама и сказала: «Где ты был? Никогда больше так не делай!»

Я изучила результаты, полученные моими студентами, и несколько раз прослушала записи, на которых Крис и Бриттани описывают свои ложные воспоминания. С каждым разом

я все больше убеждалась, что у нас появилась идея для официального эксперимента. Эти необработанные приблизительные данные говорили о том, что вполне возможно внедрить в сознание внушаемого человека целое, совершенно ложное детское воспоминание. Оказалось, что еще и невероятно легко.

Метод, использованный для создания ложного воспоминания у Криса, казался почти идеальным, хотя нам нужно было решить некоторые проблемы, прежде чем подавать официальную заявку на проведение исследования. Например, мы хотели включить в него более взрослых людей, но до 1970-х годов торговые центры были не очень распространены. Поэтому мы внесли несколько корректировок и опробовали наши идеи на двадцатидвухлетнем Джоне и сорокадвухлетнем Билле.

Джона мы с помощью его тети убедили в том, что он потерялся в большом магазине спортивных товаров, когда ему было пять или шесть («Я смутно помню, как стоял на верхнем ярусе торгового центра и плакал»). А Биллу при помощи его сестры мы внушили, что он потерялся в магазине Sears, когда ему было пять или шесть. «Я помню, как выглядит Sears в Санта-Монике – или это был J. C. Penney's? – сказал Билл, пытаясь логично расставить детали только что внедренного воспоминания. – Я запаниковал: где мама и Линда? Я испугался… Помню, как я поднимался или спускался с лестницы в Sears. Помню сигнал прибытия лифта в Sears. Теперь я помню, что это был Sears, а не J. C. Penney's».

Эти пять случаев доказывают возможность создания ложных воспоминаний о событиях, произошедших в детстве. Пятерых людей в возрасте от восьми до сорока двух лет заставили вспомнить о том, чего никогда не случалось. Было ли для них это воспоминание реальным? Желание участников добавить детали, о которых даже не упоминалось в первичном предположении, вероятно, указывало на то, что воспоминание действительно было для них абсолютно реальным. Дженни помнила, что испугалась. Бриттани рассказала про тыквы, сено и гору печенья. Крис вспомнил точные реплики, лысеющего мужчину и его очки. Джону казалось, что он стоял на верхнем ярусе торгового центра и плакал. Билл выдумал сигнал лифта.

Теперь, когда у нас была четкая методика, мы и правда надеялись, что нам удастся создать у человека ложные воспоминания о том, как он потерялся в торговом центре, и мы были уверены, что этот эксперимент не навредит испытуемым. (На самом деле всем участникам наших подготовительных исследований даже понравился этот опыт, и они добродушно удивились, когда узнали, что организаторы с успехом исказили их воспоминания.) Мы заполнили бесконечные опросные бланки и отправили нашу заявку на одобрение в Комитет по подбору участников научных исследований.

Предполагалось, что официальное исследование будет проводиться в два основных этапа. На первом этапе участников попросят написать о четырех детских воспоминаниях. Три воспоминания будут относиться к событиям, действительно произошедшим, когда испытуемым было около пяти лет, а четвертое будет выдуманной историей о том, как они потерялись в торговом центре или другом общественном месте. Участникам предстоит писать о всех четырех воспоминаниях раз за разом: одна группа должна была ежедневно вести записи пять дней, а вторая группа – всего лишь два дня. Во время второго этапа эксперимента, который начнется приблизительно через две недели после первого, научный сотрудник опросит испытуемых об их воспоминаниях, чтобы выяснить, «помнят» ли они ложные события. Участники должны будут оценить точность своих воспоминаний по шкале от 1 до 10, где 1 – очень смутное воспоминание, а 10 – очень четкое.

Мы с нетерпением ждали начала эксперимента и ответов на важные вопросы. Насколько успешным окажется внедрение ложных воспоминаний? Что мы узнаем, сравнив их с истинными? Будут ли реальные воспоминания более эмоционально насыщенными, более детальными, более объективными?

Мы прождали два месяца, прежде чем получили ответ. Комитет по подбору участников научных исследований не оставил от нашей заявки камня на камне. «Что, если участники вашего эксперимента испытают эмоциональный стресс и расстроятся, узнав об обмане?» – спрашивал член комитета в письменном отчете. «Как вы планируете исключить эмоционально уязвимых участников? Что вы будете делать, если кто-то из участников почувствует сильный психологический дискомфорт, узнав об обмане? Что, если участник сочтет ложное воспоминание подозрительно похожим на событие, которое действительно произошло? Не столкнутся ли ваши участники с чувством предательства из-за того, что ими манипулировали?»

Мы тщательно ответили на все вопросы, беспокоящие комитет, разработали процедуру по отсеиванию психологически нестабильных испытуемых, а также план решения проблем с участниками, которые сочтут внедренное воспоминание тревожным, и дополнительные стратегии по устранению замешательства, снятию напряжения, восстановлению надломленного доверия. И мы снова стали ждать, скрестив пальцы. Когда мы наконец-то получили положительный ответ от комитета, который утвердил доработанный план, мы сразу же начали набирать студентов для помощи в наблюдении за участниками и анализе данных.

* * *

Несколько месяцев спустя, когда исследование было в самом разгаре, в мой кабинет постучалась одна из студенток, помогавших в исследовании. В руках она держала экземпляр журнала Cosmopolitan.

«Обычно я такое не читаю, – засмеялась она, демонстрируя обложку со сногсшибательной моделью в блестящем обтягивающем бикини, – но не смогла устоять перед статьей под названием “Вопросы о сексе (на которые даже самые смелые космо-девушки хотят найти ответы)”. Посмотрите на третий вопрос».

Я прочитала текст вслух.

> *Вопрос.* Моя грудь очень чувствительна – я не люблю, когда кто-нибудь даже просто дотрагивается до нее. Я знаю, это не располагает ко мне мужчин, так должна ли я улыбаться, несмотря на то что мне неприятно? Может ли быть, что это чисто психологическая чувствительность, ведь грудь у меня небольшая?
>
> *Ответ.* Такого рода дискомфорт обычно означает, что есть некая связь между вашей грудью и каким-то неприятным событием из прошлого. Когда вы были совсем юной, возможно, кто-то небрежно ласкал вашу грудь или грубо высказывался о ней; это было настолько неприятно, что вы вытеснили целое воспоминание… Я предложил бы вам выяснить, в чем причина дискомфорта.

Я помню, как отложила журнал и покачала головой, вовсе не из-за изумления или негодования, а скорее в попытке отстраненно и без скепсиса взглянуть на то, что теперь казалось мне полной бессмыслицей.

– Ну, что вы думаете? – весело спросила студентка.

– Я думаю, что вот-вот будет восстановлено еще одно вытесненное воспоминание, – сказала я.

8
Разрушенная семья

Мой отец любил детей. Он всегда играл с маленькими кузенами, когда они к нам приезжали. Он проводил много времени с подростками в церкви и все такое, вот! Знаете, и отцом он был хорошим.
Дженнифер Нейгл

Получается своего рода психотерапевтическая ловушка: если человек не признает свою вину, это называется отрицанием. Поскольку отрицание – патологический симптом, любые попытки доказать свою невиновность доказывают обратное.
Журнал Family Therapy Networker, сентябрь/октябрь 1993 г.

Не существует идеальных отношений между родителями и детьми. Оглядываясь назад, мы часто думаем, как хорошо было бы, если бы в детстве наши родители уделяли нам больше внимания, любви, относились уважительней. Это желание есть у всех, даже люди, выросшие в счастливейших семьях, иногда сожалеют, что все было не так, как могло бы.

История Дага Нейгла и его семьи[1] поднимает несколько важных вопросов. Могут ли эти неудовлетворенные противоречивые желания под влиянием предположений, намеков и продолжительного давления со стороны окружающих превратиться в ложные воспоминания о сексуальном насилии? Когда пятнадцатилетняя Дженнифер Нейгл начала посещать психотерапевта, она не помнила никакого сексуального насилия по отношению к себе, но после десяти с лишним месяцев интенсивной психотерапии она в деталях восстановила воспоминание об этом – откуда оно взялось, почему появилось так неожиданно и вызвало такую эмоциональную бурю? Поиск ответов осложняется еще и тем, что конкретно в этом случае обвинения выдвинули две дочери. Казалось бы, доказательства налицо, потому что обвинения со стороны одной из дочерей подтверждают обвинения другой.

Когда я согласилась давать свидетельские показания на стороне защиты по уголовному делу Дага Нейгла, я поняла, насколько убийственными выглядели доказательства. Но, как вы узнаете, в этой истории все оказалось не так просто. Единственная истина, о которой можно говорить с полным убеждением, – это то, что семья, когда-то совершенно нормальная, была медленно и методично разрушена системой, якобы созданной для защиты невинных.

* * *

«Меня предупреждали, что ты, возможно, будешь все отрицать».

«Отрицание означает, что ты опасен».

«Ты просто категорически все отрицаешь».

У Дага Нейгла было такое чувство, будто он оказался в ночном кошмаре. Он смотрел по сторонам, трогал одеяло, зарывался ногами в ковер, вертел обручальное кольцо на пальце. Он пробовал моргать, глубоко вдыхать, кашлять, задерживать дыхание – все что угодно, лишь бы этот сон закончился, и он вернулся в реальный мир. Бесполезно. Это и был реальный мир. Он находился в своей спальне, часы показывали девять вечера, а его жена *Дебби* только что обвинила его в том, что почти десять лет назад он изнасиловал двух из их четырех дочерей.

Дебби начала излагать свои обвинения более детально, говоря неестественно спокойным и отстраненным голосом. К двадцатитрехлетней *Кристен,* их старшей дочери, недавно вернулись воспоминания о том, что отец ее насиловал. Кристен также рассказала своей сестре, пят-

надцатилетней Дженнифер, что она вроде бы видела, что отец домогался и ее тоже. После того как Кристен позвонила психотерапевту Дженнифер и рассказала ему о своих опасениях, он сразу же позвонил Дебби, и вместе они решили обратиться в органы опеки.

– В органы опеки? – переспросил Даг. Он не мог поверить своим ушам.

Дебби кивнула.

– Психотерапевт Дженнифер и социальные работники из органов опеки сказали нам, что будет лучше, если ты на время съедешь.

– Но я не насиловал своих детей! – запротестовал Даг.

– Меня предупреждали, что ты, вероятно, будешь все отрицать.

– Я не могу во все это поверить.

– Отрицание означает, что ты опасен.

– Пожалуйста, Дебби, ты должна сказать мне… что я сделал?

– Ты просто категорически все отрицаешь.

* * *

Три недели спустя Даг сидел в кабинете психотерапевта, готовясь к проверке на предмет сексуальной девиации. Дебби поставила перед ним ультиматум: либо его протестирует квалифицированный специалист, либо она будет настаивать, чтобы он ушел из дома и никогда больше не виделся с детьми. Даг был мужчиной сорока с лишним лет, небольшого роста и худощавого телосложения. На нем был костюм-тройка и толстые очки от близорукости. Даг нервничал, отчаянно желая выяснить, что же все-таки спровоцировало катастрофу, обрушившуюся на его семью. Поскольку он работал юристом по вопросам материальных ресурсов в крупной лесопромышленной компании, ему было не привыкать решать проблемы, улаживать споры и находить компромиссы. Он твердил самому себе, что, если все просто поговорят друг с другом, открыто выскажут свои мысли, чувства и опишут известные им факты, семья сможет прийти к какому-то компромиссу и жизнь снова вернется в нормальное русло.

Но никто не хотел с ним разговаривать. Никто не говорил ему, что такого он якобы совершил со своими детьми. Дженнифер ушла из дома и переехала к подруге. Он написал ей письмо, но, прежде чем осмелиться послать его, попросил Дебби его прочесть и одобрить содержание. Дебби сказала, что передаст письмо Дженнифер, но Даг не знал, сделала ли она это на самом деле. Когда он спросил, можно ли ему пойти вместе с семьей в церковь, Дебби ответила, что его присутствие будет «неуместным». Она даже не позволяла ему оставаться наедине с двенадцатилетней *Анной,* их младшей дочерью, которая ни в чем его не обвиняла.

Всего за три недели вся его жизнь превратилась в руины. Даг чувствовал замешательство, безысходность, смятение. Иногда он просто начинал рыдать ни с того ни с сего. Он не мог работать, потому что был не в состоянии сконцентрироваться на сложных юридических вопросах. Друзья и коллеги пытались его утешить и дать совет, но их старания лишь усиливали его отчаяние. Адвокат по уголовным делам велел Дагу внимательно следить за тем, что он говорит и делает. «За последнее десятилетие расплодилось много плохо обученных и идущих на поводу у политиков специалистов по случаям сексуального насилия, – объяснил ему этот адвокат, – и у них есть как минимум две причины не помогать человеку, обвиненному в изнасиловании. Во-первых, они боятся, что на них подадут в суд за профессиональную некомпетентность (а что, если вы пойдете и еще кого-нибудь изнасилуете?), а во-вторых, органы детской опеки не хотят иметь ничего общего с психотерапевтами, которые встают на сторону защиты. Все сводится к деньгам. Психотерапевт не может заработать, встав на сторону защиты».

– Господин Нейгл, – прервал его раздумья чей-то глубокий голос. Доктор *Баркер* пожал Дагу руку и повел его в темный кабинет со стоящими вдоль стен книжными шкафами и удоб-

ными мягкими креслами. После предварительного обмена любезностями психолог попросил своего нового клиента описать беспокоившую его проблему.

Даг рассказал свою короткую историю – единственную версию событий, которая была ему известна. Жена сообщила ему, что его старшая дочь, Кристен, обвинила его в изнасиловании. Кристен считала, что он также насиловал и ее младшую сестру Дженнифер. Ему не рассказали никаких подробностей о предполагаемом преступлении – когда, где и как это якобы произошло, и он не знал, была ли Дженнифер согласна с сестрой в том, что отец ее изнасиловал.

– Я понятия не имею, в чем меня обвиняют, – сказал Даг, отчаянно пытаясь держать эмоции под контролем. – Дебби до сих пор ничего мне не объяснила, а я не помню, что насиловал своих детей. Я стараюсь ответственно относиться к обвинениям – я даже пытался убедить самого себя, что это действительно могло произойти и что мои воспоминания тоже оказались вытеснены, как у девочек. Вытеснение – так Дебби называет этот процесс. Я готов принять такую версию. Но я не понимаю, как я мог надругаться над собственными детьми и ничего об этом не помнить, ни единой детали. Мне кажется, что это невозможно, хотя, по словам Дебби, с людьми постоянно происходит подобное.

Даг заплакал.

– Мне очень тяжело, – сказал он извиняющимся тоном, но даже не пытаясь утирать слезы. – Я совсем запутался и очень расстроен. Меня в чем-то обвиняют, но я не знаю, что натворил. И я понятия не имею, что мне теперь делать, куда пойти, к кому обратиться за помощью.

– Я могу порекомендовать вам две вещи, – сказал доктор Баркер, дав клиенту минуту, чтобы взять себя в руки. – Во-первых, я думаю, что вам стоит пройти проверку на наличие сексуальной девиации. А во-вторых, я настоятельно рекомендую вам начать продолжительный курс психотерапии, чтобы вам было легче справиться с ситуацией. Я могу помочь вам с одной из этих вещей, но только с одной.

После недолгого обсуждения Даг согласился обратиться к женщине-психотерапевту. Он хотел, чтобы в сеансах участвовала его жена и дочери, и думал, что им будет комфортнее разговаривать с женщиной. Он попросил доктора Баркера провести тест на наличие сексуальной девиации.

– Вы много раз проводили подобные тесты? – спросил Даг.

– Более двух тысяч раз.

«Две тысячи раз!» – подумал Даг. Это показалось ему довольно большим количеством тестов для одного относительно молодого психолога. Дагу понадобилось определенное мужество, чтобы задать следующий вопрос: – Сколько человек из тех двух тысяч, по вашему мнению, были невиновны?

Доктор Баркер на мгновение замешкался.

– Один, может, двое, – наконец ответил он.

* * *

Во время второго сеанса Даг прошел целый ряд психологических тестов, после чего доктор Баркер стал детально расспрашивать его о половой жизни. Даг не привык столь откровенно разговаривать на такие личные темы: он относился к поколению примерных детей, юность которых прошла под музыку Элвиса Пресли и фильмы с Сандрой Ди и которым как раз исполнилось тридцать, когда застрелили Джона Кеннеди. И все же он старался перебороть смущение и ответить на все вопросы абсолютно честно.

Когда ему было одиннадцать или двенадцать, он сексуально экспериментировал с мальчиками из своего скаутского отряда. «Оральный секс или анальный?» – спросил Баркер, держа наготове ручку. Ничего подобного, ответил Даг, они просто трогали и изучали друг друга.

В средней и старшей школе он периодически встречался с девочками, целовался с ними, но дальше легких ласк дело не заходило. В колледже он примерно полгода состоял в своих первых сексуальных отношениях, а сразу после выпуска женился на Дебби. Он хранил ей верность, за исключением нескольких «случаев» с женщинами-коллегами. Но эти инциденты, о которых он теперь жалел, произошли много лет назад.

Они с Дебби были женаты вот уже двадцать три года и вели традиционную сексуальную жизнь. Ему казалось, что он хотел заниматься любовью чаще, чем она, но разве это редкость? Это просто было для них не самым важным. Даг объяснил, что по характеру он пассивный человек, готовый подчиняться желаниям других, полная противоположность тому, что называют «мачо». Он не любил ссоры и соревнования, предпочитая им мирное разрешение споров и компромиссы. Он никогда не стал бы принуждать Дебби к физической близости, если бы она сама ее не хотела. За последний год или два она, казалось, и правда потеряла интерес к сексу. Возможно, это была его вина. Возможно, он был не самым лучшим любовником в мире.

И все же, рассуждал он вслух, сложно быть первоклассным любовником, когда твоя партнерша не заинтересована, никогда не инициирует половой акт и довольно ясно дает понять, что хочет, чтобы все побыстрее закончилось. Может быть, Дебби не хотела заниматься сексом из-за усталости и стресса, связанного с воспитанием детей и вечной занятостью мужа. Когда они уезжали куда-нибудь вдвоем на выходные, сбегая от телефонных звонков, домашних заданий, ссор, критических ситуаций, приемов у врача, спортивных мероприятий и дедлайнов, секс у них был абсолютно нормальный.

– Разве такое редко бывает? – спросил Даг доктора Баркера. – Стоит ли ожидать большего в нашем возрасте?

Баркер посмотрел на него, ничего не ответив.

– Дебби очень религиозна, – сказал Даг, внезапно сменив тему. – Пять-шесть лет назад она присоединилась к группе под названием «Братство колоссян». В ней проповедуют, что большинство людей, которые причисляют себя к христианам, на самом деле не будут «спасены». Лишь немногих можно назвать «истинными христианами», остальные – жертвы заговора новой эры. Дебби решила, что сама она принадлежит к истинным христианам, а я – нет. Похоже, это осознание причиняло ей сильную боль, но было в нем и некое злорадство, что-то вроде «я искренняя христианка, а ты – нет, у меня есть вера, а у тебя – нет». Ее религия пугала меня, мне казалось, что в ее основе лежит гнев, страх и отвращение. Где же мир и радость? Зачем вообще нужна религия, если она порождает в человеке страх, тревогу, подозрительность и злобу?

Баркер заерзал в своем кресле.

– Я поднял эту тему, – объяснил Даг, – потому что несколько лет спустя Дебби исключили из Братства колоссян. Мы не стали это обсуждать, но я испытал облегчение. Потом, всего через несколько дней, она обвинила меня в том, что я насиловал Кристен и Дженнифер. Она сказала, что была вынуждена уйти из-за меня. По ее словам, она не хотела уходить, но чувствовала, что придется, потому что я плохо относился к братству. Интересно, не могло ли это стать одной из причин наших сексуальных проблем? Может быть, все это как-то связано с ее обвинениями.

Доктор Баркер тактично его выслушал, делая пометки и время от времени кивая. Но было очевидно, что он хотел говорить не о его жене и ее религиозности, а о самом Даге и его сексуальном опыте. Он мягко перевел разговор в другое русло и заговорил о волонтерской работе Дага с подростками. В те годы, когда он работал с подростками из неблагополучных семей, нравился ли он кому-нибудь из этих мальчиков или девочек? Находил ли он их привлекательными?

Даг признался, что время от времени он испытывал физическое влечение к подросткам, которых консультировал, но настойчиво заявил, что никогда не говорил и не делал ничего неподобающего.

– Но в вашем отношении к подросткам есть элемент сексуального влечения? – спросил доктор Баркер.

– Что ж, думаю, это возможно, – ответил Даг. – Я и правда думаю, что многие из этих девушек привлекательны, и мне нравится с ними работать. Но в моем общении с ними никогда не было абсолютно ничего сексуального. Мне очень хорошо известно, с какими трудностями сопряжена работа с подростками, и я всегда старался и стараюсь быть чутким и ответственным в отношениях с ними.

Даг не совсем понимал, как следует воспринимать подобные вопросы. У него никогда не возникало проблем с теми, кого члены его семьи называли ЧД – чужими детьми. Вот уже многие годы он предлагал советы, дружбу, эмоциональную и финансовую поддержку проблемным подросткам, сбежавшим из дома, жившим в приютах, членам юношеского кружка из его церкви. Дебби предложила создать «Фонд ЧД» – 25 долларов в неделю семья тратила на пиццу, бургеры, боулинг, мини-гольф, кино и прочие развлечения для ЧД. Семья Нейгл на время брала на воспитание нескольких детей из приютов, в том числе *Райана* – сбежавшего из дома подростка, у которого были проблемы с алкоголем и наркотиками. После того как Райан ушел в трехдневный загул, потратив все деньги, которые были предназначены для помощи его родителям, Дебби вышвырнула его из дома. Но Даг продолжал с ним видеться, покупал ему еду, забрал из травмопункта, когда однажды мальчика избили, отвез его домой к родителям, когда Райан сказал, что на него охотятся дилеры, посылал ему открытки, письма и гостинцы, чтобы мальчик знал, что в мире есть кто-то, кому не все равно, что с ним случится.

Казалось, это было благое, правильное дело – скромные, но искренние усилия, направленные на то, чтобы сделать мир чуточку лучше. Но следующие один за другим вопросы доктора Баркера, казалось, подразумевали, что у Дага была аномальная одержимость подростками, которая брала начало в его подростковом гомосексуальном опыте, полученном в скаутском отряде.

– Я могу помочь вам решить проблему с вашим отношением к подросткам, – в какой-то момент сказал доктор Баркер. – Я дам вам несколько ампул нашатыря, и, если вы почувствуете сексуальное влечение или позыв, просто сломайте одну ампулу и вдохните содержимое.

Даг старался относиться к словам Баркера с уважением. В конце концов, доктор был экспертом, и он не хотел ставить под сомнение его авторитет или навыки диагноста. И все же он не собирался просто сидеть в этом кабинете и покорно отвечать на все более интимные вопросы о своей сексуальной жизни из-за какой-то там проблемы с ЧД. Он пришел сюда, потому что ему предъявили ложные обвинения в насилии над его собственными дочерями.

– Может быть, нам стоит поговорить об этом позже, – сказал Даг. – В данный момент у меня большая проблема с семьей, и мне нужна помощь. Как насчет проверки на детекторе лжи? Я охотно ее пройду, чтобы доказать свою невиновность.

– Я бы этого не рекомендовал, – ответил доктор Баркер. – Слишком велик риск того, что аппарат покажет ложный результат, поскольку вопрос столь деликатный, а обвинения столь размытые.

– Тогда как насчет «сыворотки правды»? – Даг хватался за последнюю соломинку. Он был гражданским адвокатом, который закончил юридический факультет двадцать лет назад, и не имел никакого опыта в сфере уголовных дел. Но он знал, что в его случае стоял вопрос о достоверности и точности показаний, и препараты могли помочь раскрыть истинное положение дел. Он был готов попробовать что угодно.

Баркер покачал головой в знак категорического отказа.

– Амобарбитал с большой долей вероятности может спровоцировать всплеск фантазий, которые вы примете за воспоминания, – объяснил он. – Даже самые опытные врачи порой с трудом отделяют факты от вымысла.

– Что мне сделать, чтобы раз и навсегда выяснить, совершил ли я то, в чем они меня обвиняют? – Даг сознавал, насколько нелогичен его вопрос. Он подумал, что рассмеялся бы, если бы только так не щемило сердце.

– Вы ничего не можете сделать, – ответил Баркер. – Нет способа однозначно установить, действительно ли ваш разум вытеснил это воспоминание.

Даг с трудом сдерживал эмоции. Он знал, что его гнев был лишь внешним выражением ужасного страха, поднимающегося у него внутри.

– Другими словами, получается, я не могу просто сказать: «Я не помню, что насиловал своих детей», и тем самым убедить вас или любого другого человека, что я этого не делал. Если я не помню этих случаев, то либо мой разум вытеснил воспоминания о них, то есть я виновен, либо я отрицаю произошедшее, и это тоже выглядит как доказательство моей вины.

– Все это очень сложно, – признал Баркер. Он замолк на секунду и посмотрел в свои записи. – Когда у вас начался пубертатный период? – спросил он.

Даг вздохнул. Еще один личный вопрос.

– Эякуляции начались вскоре после того, как мне исполнилось одиннадцать.

– Раннее половое созревание часто свидетельствует о пережитом сексуальном насилии, – сказал доктор Баркер, делая записи в блокноте. – У вас когда-нибудь были проблемы с эякуляцией?

– Я испытывал небольшие трудности из-за преждевременной эякуляции, когда мне было около двадцати, – ответил Даг. – Но когда я стал концентрироваться и пытаться замедлиться во время полового акта, проблема исчезла.

– Преждевременная эякуляция также может быть признаком сексуального насилия, – сказал Баркер.

Даг был в замешательстве. Уж не имел ли в виду Баркер, что его насиловали в детстве?

Психолог посмотрел на часы и объявил, что сеанс окончен.

– Давайте встретимся еще раз на следующей неделе в то же самое время, – сказал он. – Попросите жену прийти вместе с вами.

* * *

Через неделю, пока Даг ждал в приемной, Дебби полтора часа беседовала с доктором Баркером. Когда Дага наконец позвали в кабинет, Баркер сказал ему, что принял важное решение. По его мнению, Дагу следовало съехать из дома.

Даг был ошарашен.

– Большинство психотерапевтов согласились бы с этим решением? – спросил он и посмотрел на Дебби. – Ты не думаешь, что я имею право на еще одну консультацию с другим специалистом?

– Большинство квалифицированных и уважаемых экспертов согласились бы со мной, – ровным голосом произнес доктор Баркер. Дебби, похоже, была раздражена из-за того, что Даг поставил под сомнение его вердикт.

Даг подумал о том, какой у него был выбор. Баркера рекомендовали как одного из лучших экспертов по вопросам сексуального насилия в округе. Если он начнет настаивать на консультации с другим специалистом, возможно, понадобится несколько недель, чтобы попасть на прием, и ему снова придется отвечать на те же самые вопросы, проходить через те же мучения, и все окончится тем же самым. Консультация с другим специалистом лишь отсрочит восстановление мира в семье и еще больше оттолкнет жену.

– Если вы считаете, что следует поступить именно так и это пойдет на пользу моей семье, тогда я съеду, – сказал Даг.

Доктор Баркер повернулся к Дебби:

– Он всегда такой импульсивный?

* * *

В ходе последующих сеансов Даг начал чувствовать, что на него все больше давят, добиваясь, чтобы он признал вину. Баркер, казалось, полагал, что Даг все вспомнит, только если сначала признает, что насиловал своих дочерей. Тот не мог понять лишь одного: как он мог признаться в том, чего не помнил?

– Если вы признаете свою вину и согласитесь пройти длительный курс психотерапии, – отвечал Баркер на его вопросы, – с вас будут сняты обвинения в уголовном преступлении. Вам разрешат видеться с детьми, а после курса интенсивного лечения вы сможете снова жить дома. Ваша жизнь вернется в нормальное русло.

– Я не стану признаваться в том, чего не помню, – повторял Даг. – Но я готов поверить, что мой разум вытеснил эти воспоминания, и попробовать любые методы, которые вы предложите для того, чтобы их восстановить.

– Возможно, поможет упражнение на визуализацию, – предложил доктор Баркер. Незадолго до этого Дебби поделилась своими мыслями о том, что ее мужа насиловал дядя *Фрэнк,* брат его матери, который был на пятнадцать лет старше Дага и прожил в их доме тридцать три года – с тех пор, когда Дагу было три месяца, и до своей смерти в 1987 году. Когда Баркер спросил, трогал ли его хоть раз дядя, доставляя ему дискомфорт, Даг ответил отрицательно. Дядя Фрэнк был довольно эксцентричным, признал Даг, но он его никогда не насиловал.

– Расслабьтесь и представьте себе, что вы снова находитесь в доме, где провели свое детство, – предложил доктор Баркер. – Вы еще маленький и очень беспомощный, и вот вы решили навестить дядю Фрэнка в его комнате. Вы можете сказать мне, как она выглядит и чем там пахнет?

– Там затхлый сырой воздух, – ответил Даг, сидя с закрытыми глазами. – Комната дяди Фрэнка находится в подвале, и там всего одно небольшое окошко у самого потолка.

– Какое покрывало на ощупь? Вы чувствуете, как оно касается ваших рук, ног? Вы помните какие-либо сексуальные ощущения в той комнате?

– Да, – ответил Даг. – Я помню, как мастурбировал там, когда мне было двенадцать.

– Откуда вы знаете, что вам было двенадцать?

– По радио передавали новость о первом запуске спутника. Это было в 1956 году. Я родился в 1944-м.

– Вернитесь в то время, когда вы были ребенком, – сказал Баркер, словно начиная заново. – Вы когда-нибудь чувствовали себя так, будто кто-то совершил над вами насилие? Бывали ли моменты, когда вы чувствовали, что кто-то вторгся в ваше личное пространство?

– Да. – Даг хотел отвечать правдиво. Правда была единственным, что у него осталось.

– Где?

– В ванне.

– Кто был с вами?

– Моя мать.

– Что произошло?

– Мать меня купала, пока мне не исполнилось десять или одиннадцать. Она говорила, что я сам я не сумею помыться хорошо. Я помню, что, когда она купала меня в последний раз, у меня уже начали расти волосы на лобке. Меня это смущало.

– Это сексуальное насилие, – произнес Баркер.

Даг не согласился с этим, заявив, что, по его мнению, его мать не испытывала никакого «сексуального возбуждения» от купания его в ванне, как и он сам. Но всего за несколько минут

Баркер убедил Дага, что мать подвергала его сексуальному насилию. К концу сеанса он разрыдался.

Через несколько дней Даг решился рассказать жене об эмоциональном потрясении, которое он пережил, выяснив, что в детстве мать подвергала его сексуальному насилию. Он надеялся, что Дебби поймет, как сильно он старался, как отчаянно он искал любые пути к правде. Но пока он описывал воспоминания, восстановленные им во время сеанса, Дебби отстранилась от него, а на ее лице появилось выражение отвращения вперемешку с триумфом.

– Я так и знала! – закричала она. – Тебя самого насиловали, это объясняет, почему ты надругался над собственными детьми!

– Что? – Дага совершенно ошеломила ее реакция.

– Доказано, что сексуальное насилие передается из поколения в поколение, – сказала Дебби. – Если тебя насиловали родители или родственники, вполне вероятно, что ты станешь насиловать своих детей.

Даг молча уставился на нее. Что он мог сделать, что он мог сказать, чтобы это нельзя было обернуть против него и превратить в доказательство его вины?

* * *

Две недели спустя доктор Баркер объявил, что у него достаточно информации, чтобы завершить экспертный анализ.

– Я не понимаю, – запротестовал Даг. – Я до сих пор не имею представления, что здесь творится, а ведь я – один из главных участников происходящего. Как вы можете адекватно оценить мою ситуацию после пары бесед со мной и моей женой? Вы не разговаривали с моими детьми, родителями, друзьями – вы ведь совсем меня не знаете! Как у вас может быть достаточно информации, чтобы выносить мне приговор и давать рекомендации, которые повлияют на всю мою жизнь?

Баркер попытался успокоить своего клиента. Он сказал, что позволит Дагу прочесть черновик его заключения и заполнить пропуски.

Даг отказался.

– Как я могу заполнить пропуски, если не помню, что насиловал своих детей? – спросил он. – Нам нужны настоящие факты, неопровержимые доказательства, а не эти ваши догадки, рассуждения и болтовня о вытесненных воспоминаниях. Я сделаю все, что нужно, чтобы добраться до сути. Я пройду тест на детекторе лжи, приму сыворотку правды – все что угодно. Просто скажите мне, что делать, и я это сделаю.

– Эти процедуры слишком рискованны, – сказал Баркер, повторяя свои прежние слова. – Я бы посоветовал вам проконсультироваться с адвокатом.

– Сейчас у меня нет никаких проблем с законом, и я не думаю, что они возникнут. Это медицинская проблема, связанная с психическим здоровьем. Моя семья разваливается. Нам нужна помощь.

Баркер какое-то время смотрел на клиента, а потом медленно покачал головой. Он потянулся за блокнотом и написал имя и телефонный номер специалиста, работающего с полиграфом, объяснив, что попасть на прием сразу, вероятно, не получится.

– А что я могу сделать пока? – спросил Даг.

– Вам нужна психотерапия, чтобы помочь вам справиться с происходящим, – сказал Баркер и порекомендовал свою коллегу-женщину.

* * *

– Почему бы вам не перечислить мне все возможные причины, по которым вы не стали бы признавать, что насиловали своих детей? – предложила психотерапевт.

– Это нетрудно, – сказал Даг. – Я могу назвать целый ряд причин. Во-первых, никто не хочет вредить собственным детям или же признавать, что навредил. Я рискую сесть в тюрьму, потерять работу, лишиться друзей, стать изгоем. Есть самые разные причины. Но я не помню, что насиловал своих детей. Во-вторых, я не тот человек, который стал бы подвергать ребенка, уж тем более собственного ребенка, сексуальному насилию. Я считаю, что насилие над детьми – это одно из самых ужасных преступлений, которое только можно себе представить. Я люблю своих детей и никогда бы не стал преднамеренно причинять им вред.

Даг задумался, не совершил ли он ошибку, употребив слово «преднамеренно». Не подумает ли психотерапевт, что он изнасиловал своих детей *непреднамеренно*? Не станет ли слово «преднамеренно» дополнительным аргументом в пользу теории о вытесненных воспоминаниях?

– Дело не в том, что я не хочу этого признавать, – объяснил он осторожно, – а в том, что я просто не помню, чтобы насиловал их. И я не думаю, что мог забыть столь ужасный поступок. Мой разум так не работает. Все твердят, что я изнасиловал своих детей и забыл об этом из-за вытеснения, но мне очень трудно поверить, что мое сознание могло полностью блокировать воспоминания о целом событии или ряде событий моей жизни.

– Разве вам не доводилось забывать эпизоды вашей жизни? – спросила психотерапевт.

– Разумеется, доводилось, – ответил Даг, – я забыл многое из того, что происходило со мной в прошлом, как и все мы.

– И разве вы не считаете себя оптимистичным человеком, который предпочитает думать о хорошем и надеяться на лучшее?

– Да, думаю, я соответствую этому описанию.

– Не думаете ли вы, что у Дебби могут быть причины считать, что вы насиловали своих детей?

– Она говорит, что у нее есть на это причины, – признал Даг.

– Вы не могли бы их перечислить?

– Она говорит, что верит детям, а они, по-видимому, считают, будто я их насиловал. Она думает, что меня изнасиловали в детстве, и заявляет, что эта склонность передается из поколения в поколение. Но я вовсе не уверен, что в детстве подвергался сексуальному насилию. И я точно знаю, что никогда не стал бы насиловать своих детей, и я просто не могу представить, чтобы я изнасиловал их, а потом это воспоминание полностью исчезло.

– Как вы можете это говорить, господин Нейгл? – Казалось, психотерапевт вот-вот выйдет из себя.

Даг попытался объяснить, какие чувства он испытывал к своим детям. Он любил их больше всего на свете – больше, чем работу, больше, чем собственную жизнь. Он бы не предал своих детей, подвергнув их физическому или сексуальному насилию. Да, мать игнорировала его потребность в личном пространстве, но, вопреки мнению Дебби, это сделало его более, а не менее чутким к нуждам собственных детей.

Пытаясь отыскать в памяти какую-нибудь историю, которая доказала бы, что он мягкий и чувствительный человек – совсем не тот, кто стал бы насиловать собственных детей, он вспомнил их традицию совместных поездок. Каждого из своих четырех детей, когда они учились в пятом классе, он возил в особую поездку – они уезжали вдвоем на целую неделю. С Кристен они ездили в Вашингтон и на какое-то время останавливались в отеле, а на остальную часть каникул – у друзей. *Элисон* он возил в Вашингтон и в город Орландо, в Дисней Ворлд,

в тематический парк «Цирковой мир», в ботанический сад Сайприс-Гарденс и в «Морской мир». С Дженнифер они ездили в Вашингтон и в город Уильямсберг. Анну он возил на фестиваль Шекспира в Ашленде. Он помнил, что во время каждой из этих поездок чувствовал себя неуютно, когда заселялся в номер вместе с одиннадцатилетней девочкой. Он также помнил, что старался уважать личное пространство детей и давать им достаточно времени, чтобы принять душ, одеться и причесаться. Он объяснил психотерапевту, что всегда старался с пониманием относиться к их нуждам.

– Господин Нейгл, вы помните только то, что хотите помнить, – ответила психотерапевт. – Вполне вероятно, что вы перестроили ваши воспоминания так, чтобы они соответствовали тому самовосприятию, которое для вас комфортно.

– То есть вы полагаете, что учитывать стоит лишь те воспоминания, которых у меня нет? – спросил Даг. – Вы имеете в виду, что любые хорошие воспоминания о том времени, которое я проводил вместе со своими детьми, скорее всего ложны?

– Да, – ответила психотерапевт, многозначительно качая головой, – именно это я и имею в виду[2].

* * *

Весь апрель Даг пытался «вспомнить», как насиловал своих детей. Но как он ни пытался, его память была совершенно пуста. В конце концов он обратился к жене: «Как я могу восстановить эти воспоминания, если понятия не имею, что должен вспомнить? В чем конкретно меня обвинили Кристен и Дженнифер?»

Дебби сказала, что не может сообщить ему никаких деталей, не проконсультировавшись сперва с психотерапевтом Дженнифер. Несколько недель спустя Даг позвонил, чтобы узнать, если ли у нее новости для него.

– Мы с психотерапевтом Дженнифер пытаемся помочь ей вспомнить, – сказала Дебби.

– Что вспомнить? – спросил Даг.

– Я не могу сказать ничего конкретного, – ответила Дебби. – Психотерапевт Дженнифер говорит, что тебе необходимо все вспомнить самостоятельно. Она не хочет загрязнять твои воспоминания.

– Ты знала, что доктор Баркер разговаривал с Кристен и она больше не говорит, что была свидетельницей? – Даг решил, что пришло время выложить козырь – его единственный козырь. – Она призналась, что на самом деле никогда не видела, как я трогаю Дженнифер. Она видела лишь, как мы вместе лежали в кровати – полностью одетые, и обе мои руки были на виду. Дженнифер лежала под одеялом, а я – поверх него. Раньше я все время ложился рядом с детьми, когда они засыпали, Дебби. Ты ведь это помнишь, правда? – Ему не удалось скрыть сарказм. – Именно это я и делал – просто лежал рядом с Дженнифер, разговаривал с ней, пытался помочь ей уснуть. Ничто в рассказе Кристен не наталкивает на мысль о сексуальном контакте. Я хочу, чтобы ты сказала Дженнифер в точности то же самое, что Кристен рассказала доктору Баркеру, и позволила ей самой делать выводы.

– Этого я делать не стану, – сказала Дебби. – Это лишь запутает Дженнифер и внушит ей мысль о том, что, возможно, насилия не было.

– Правда ее не запутает! – Даг внезапно потерял самообладание. – Вы с психотерапевтом запутываете ее, пытаясь добиться, чтобы она вспомнила то, чего никогда не было! Если ты ей не скажешь, я сам скажу.

* * *

Десятого мая 1990 года Дебби назначила встречу с Дагом в его офисе. Как только она вошла, он понял: что-то кардинально изменилось. Ему казалось, что земля уходит у него из-под ног. Он почувствовал головокружение и предложил прогуляться.

– Что-то случилось, – сказал Даг после того, как они какое-то время шли молча.

– К Дженнифер вернулись ее воспоминания, – произнесла Дебби. Она казалась неестественно спокойной, полностью контролирующей ситуацию. – Теперь мы можем подать на тебя в суд.

– В суд? Ты собираешься подать на меня в суд? – Даг чувствовал, будто вот-вот захлебнется. Он попытался спастись, обращаясь к любви, которую его жена испытывала к своим детям. – Подумай о детях, Дебби! Подумай, что судебные дрязги сделают с ними.

Она опалила его взглядом и подтянула сумку на плече. Ее лицо выражало ее мысли яснее, чем любые слова: *вот теперь-то ты у нас в руках.*

– Судебное разбирательство разобьет нашу семью вдребезги. Дебби, пожалуйста, я не хочу бороться с тобой из-за этого. Я хочу все решить мирным путем.

Услышав боль в его голосе, Дебби, казалось, смягчилась.

– Мне жаль, что все так вышло, – сказала она.

Когда они вернулись в его офис, она назначила встречу с его начальником. Как Даг узнал позднее, она хотела убедиться, что его не уволят до окончания судебного процесса.

* * *

Девятнадцатого мая, через двадцать дней после того, как к Дженнифер вернулись воспоминания, Дагу позвонил детектив из отдела по особым делам.

– Мы хотим, чтобы вы прошли проверку на полиграфе, – сказал детектив.

– Мне посоветовали нанять адвоката, – ответил Даг.

– Вам ничто не мешает сначала пройти проверку на полиграфе, – сказал детектив.

– Я хочу пройти эту проверку, – ответил Даг, – но мне необходимо понять принцип его работы. Мне будут задавать вопросы о конкретных случаях насилия? Никто до сих пор так и не сказал мне, в чем именно меня обвиняют, а мне сообщили, что тест может дать неправильный результат, если вопросы будут недостаточно конкретными.

Детектив не смог сразу ему ответить, и тогда Даг сформулировал свои опасения по-другому:

– Если вопросы будут недостаточно конкретными, результаты могут получиться неоднозначными или даже стать доказательством моей вины.

– Мы не можем раскрыть информацию о конкретных обвинениях до тех пор, пока против вас не будет подан официальный иск, – сказал детектив.

– Мне позволят каким-либо образом участвовать в подборе полиграфа или повлиять на процедуру проведения теста? – спросил Даг.

– Послушайте, господин Нейгл. Я – детектив, а вы – подозреваемый. Я командую парадом, а не вы.

– В таком случае я сперва найму адвоката, а потом соглашусь поговорить с вами снова, – ответил Даг.

– Разумеется, это ваш выбор, – сказал детектив, оставляя за собой последнее слово. – Но я знаю, что вы виновны. Вы согласились на проверку на предмет сексуальной девиации, а невиновный на это никогда бы не пошел.

* * *

Даг позвонил своим друзьям-адвокатам и попросил порекомендовать специалиста по уголовному праву. Все единодушно советовали обратиться к Стиву Моуэну: одни называли его «методичным», другие – «осмотрительным», третьи – «очень внимательным» и «рассудительным» специалистом. Даг побеседовал с Моуэном, и тот согласился представлять его интересы в суде.

– Детектив говорит, он убежден в том, что я виновен, потому что я проходил проверку на предмет сексуальной девиации, – объяснил Даг своему адвокату.

– Это логичный вывод, – сказал Стив. – Обвиняемые обычно не соглашаются на подобное тестирование, если только они не решили признать свою вину и не надеются ускорить вынесение приговора.

Столь безразличный ответ адвоката встревожил Дага. В конце концов, они обсуждали его жизнь, на кону была его семья, репутация, карьера.

– Я не понимаю, – произнес Даг. – Дебби сказала, что мне придется пройти эту проверку. Она сказала, я не смогу видеться с детьми, если откажусь. Никто никогда мне не говорил, что это будет восприниматься как доказательство вины.

– Вам следовало нанять адвоката несколько месяцев назад, – спокойно ответил Стив.

– Но речь идет о моем психическом здоровье, а не о юридических дрязгах, – сказал Даг, не в силах сдерживать гнев.

– Уже нет. – Тон Стива напомнил Дагу те времена, когда во время учебы в средней школе завуч вызвал его к себе в кабинет из-за небольшого проступка. «Это не начальная школа, – тихим голосом предупредил его завуч. – Теперь все по-настоящему, и ты *на самом деле нарвался на неприятности*».

– Я бы посоветовал вам прекратить обследование у доктора Баркера, – сказал Стив. – Я могу об этом позаботиться, если хотите.

– Но если Дебби узнает об этом, она скажет, что это всего лишь еще одно доказательство моей вины.

– Что она думает, не имеет никакого значения.

– Для меня имеет, – сказал Даг. – Моя главная задача – сохранить брак и воссоединить семью.

– Наша главная задача – сделать так, чтобы вы остались на свободе, если это возможно, – ответил Стив. – Я позвоню детективу из специального подразделения по расследованию случаев сексуального насилия и скажу ему, что вы не будете проходить тест на детекторе лжи. Использовать полиграф в подобных делах слишком рискованно. Пока нет никакой необходимости идти на такой риск. Я также посоветовал бы вам не привлекать к себе внимания. Никому не рассказывайте о предъявленных вам обвинениях.

Что-то в выражении лица Дага заставило Стива добавить:

– Скольким людям вы рассказали о случившемся?

– Десяткам, – признался Даг. – Коллегам по работе, родственникам, друзьям, прихожанам в церкви.

Стив вздохнул.

– С этого момента залягте на дно. Ничего не делайте и не говорите, потому что все сказанное может быть использовано против вас.

«Напоминает “правило Миранды”», – с горечью подумал Даг. Но ведь, когда людей обвиняют в преступлении, они обычно знают, что такого они якобы сделали? Когда же он наконец выяснит, в каких действиях по отношению к своим детям его обвиняют? А пока – как ему дальше жить с этим?

– Я не могу залечь на дно, – сказал он своему адвокату. – Мне слишком больно. Мне нужно говорить об этой ситуации, как вы ее называете, иначе я сойду с ума. Я потерял жену, детей и мое главное хобби – помощь другим детям. Я могу потерять работу.

– Вы ведь знаете, что потеряете лицензию на право заниматься адвокатской деятельностью, если вас признают виновным? – Стив пошарил по книжной полке, достал документ с правилами о лишении права заниматься адвокатской практикой и начал его перелистывать.

– Я никогда не думал об этом. Моя работа – все, что у меня теперь осталось. – Даг замолчал. Было видно, что он пытается взять себя в руки. – Я боюсь тюрьмы. Но хуже этого мысль о том, через что сейчас проходят мои дети. Мои дети думают, что я навредил им. Им больно. У меня нет сил вынести такие страдания. Как я могу замолчать и залечь на дно, когда моя семья разваливается?

Стив был глубоко обеспокоен по поводу эмоциональной нестабильности своего клиента. Даг нуждался в психологической помощи, которую доктор Баркер как специалист по анализу сексуальных отклонений оказать ему не мог.

– Позвольте мне посоветовать вам специалиста, который, возможно, поможет вам разобраться в происходящем и справиться с вашей болью, – сказал Стив. – Доктор *Карсон* – судмедэксперт, и у него есть большой опыт работы с делами о сексуальном насилии. Но я отправляю вас к нему не ради выяснения юридических вопросов. Он чрезвычайно восприимчив, и, я думаю, он поможет вам понять суть конфликтов и напряжения в вашей семье. Может быть, при его содействии вы попытаетесь воссоединить семью.

* * *

Доктор Карсон выслушал историю Дага, а затем задал вопросы о его прошлых заболеваниях и его сексуальном опыте. Похожие вопросы задавал и доктор Баркер, но в этот раз Даг чувствовал себя более комфортно. Даг подумал, что, может быть, он просто сломлен и слишком измотан. Или, может, он попал в такую большую беду, что его личная жизнь и достоинство уже не имеют значения.

Во время третьего сеанса Карсон спросил Дага прямо в лоб:

– Вы сделали это или нет?

– Я так не думаю.

– Да или нет. Вы либо сделали это, либо нет.

– Я не знаю. Я так не думаю.

– Не говорите так. – Карсон был раздражен и стучал карандашом по столу. – Этот ответ приводит всех в замешательство, он заставляет людей думать, что вы виновны. Вы либо это сделали, либо нет.

– Я не думаю, что я сделал это.

– Значит, нет?

– Я так не думаю.

– Не говорите этого больше. – Карсон повысил голос, не скрывая раздражения. – Вы знаете, сделали вы это или нет. Никто кроме вас не знает. Так вы это сделали или нет?

– Я так не думаю. Нет. Нет, я этого не делал.

«Почему так сложно сказать слово *нет*?» – спросил Даг самого себя. Он вспомнил ту ночь, когда Дебби впервые обвинила его. «Я никогда не насиловал наших детей», – сказал он ей, и она разозлилась и заявила, что он все «отрицает». Она назвала это «глубоким отрицанием». После этого он стал стремительно терять контроль над собственной жизнью. Дженнифер уехала из дома, и его самого в итоге попросили съехать. Ему даже запретили видеться с младшей дочерью наедине, только в присутствии третьего лица. А совсем скоро его будут судить по обвинению в уголовном преступлении.

К чему хорошему может привести отрицание? Как он убедился, ни к чему. Почему нельзя было просто сказать «я не помню»? Дебби и всем психотерапевтам пришлось бы либо принять это заявление, либо назвать его лжецом. Он пытался вести себя с достоинством и без страха отвечать обвинителям. Если бы он сказал «нет, я не насиловал детей», получилось бы, что он переводит стрелки на свою жену и детей и называет лжецами их. Этого он сделать не мог. Жена и дети были для него самым главным в этом мире. Он ни за что бы не предал их. Он готов был принять возможность того, что он изнасиловал девочек и забыл обо всем, каким бы невероятным это ни казалось. Поэтому, положа руку на сердце, абсолютно искренне он мог сказать «Нет, я не помню» или «Нет, я не вру о своих воспоминаниях».

Он посмотрел на Карсона, испытывая легкое замешательство. Почему этот человек не может понять, что происходит у меня в голове, ведь он, как-никак, психиатр?

– Если бы это случилось на самом деле, вы бы помнили, – сказал доктор Карсон. – Либо вы лжете, либо никакого насилия никогда не было. Вы лжете?

– Нет, я не лгу.

* * *

Вы лжете? Должно быть, Карсон задал этот вопрос сотню раз, и Даг всегда отвечал мягким и искренним «нет». И все же постоянное повторение раздражало его. Каждый раз, когда он изо всех сил пытался понять или объяснить свои чувства, Карсон вдруг прерывал его: «Вы лжете? Вы это сделали или нет?» В конце концов Даг пришел в бешенство.

– Прекратите, – сказал он в какой-то момент. – Я не вру, я не собираюсь что-то менять в своем рассказе, и если вы мне не верите, то я ничего не могу поделать. Я сыт по горло этими глупыми играми.

Карсон посмотрел на него. Было видно, что Карсону безразличен его гнев и раздражение. Может быть, он использовал эти вопросы в качестве психологического электрошокера, пытаясь побудить Дага к определенным действиям?

– Вы специально выводите меня из себя? – спросил Даг психиатра. – Этого вы добиваетесь?

– Вас не так-то легко разозлить, – бесстрастно ответил доктор Карсон.

Даг признал, что ему было сложно выражать гнев. Он рассказал Карсону о своих периодических проблемах с пищеварением и сном, которые могли объясняться тем, что он не давал выхода своим эмоциям. В 1971 году у него была инфекция предстательной железы, и болезнь все никак не проходила. Один друг-психиатр убедил его, что он в депрессии и, пока не выяснит и не устранит ее причины, он не избавится и от инфекции. Даг согласился встретиться с психиатром, который предположил, что, возможно, он злится на Дебби.

– Я знаю, я сердился на нее, – сказал Даг доктору Карсону, – и в некоторые периоды нашей совместной жизни мне было сложно с ней общаться. Она как будто думает, что понимает меня лучше, чем я сам. И вечно твердит, что я злой и недружелюбный. Но я не считаю себя таким, и мои друзья и коллеги видят во мне другого человека.

– Возможно, Дебби проецирует на вас собственные эмоции и модели поведения, – сказал доктор Карсон.

Даг на минуту задумался об этом. Может быть, это было не так уж далеко от истины. Дебби заявляла, что он «манипулятор» и «деспот», но другие люди считали такой именно ее, а не его. Она говорила, что он холоден, а между тем сама безучастно смотрела на людей и теряла нить разговора. Уж не чувствовала ли она, что ее насиловали в детстве, и не проецировала ли свои эмоции на детей? Возможно, она не была изнасилована в прямом смысле слова, но *чувствовала* себя изнасилованной, и эти болезненные двойственные эмоции позже повлияли на ее отношения с мужем и детьми. Много лет назад младшие сестры Дебби рассказали Дагу, что

та помогала их растить, когда была подростком, и для отца была скорее другом и товарищем, чем дочерью. Даг задумался: были ли ее отношения с отцом в каком-то смысле нездоровыми? Может ли это объяснить, почему она так ревновала каждый раз, когда он был веселым и нежным с детьми?

– Вам нужно начать давать отпор, – продолжал доктор Карсон.

– Давать отпор чему? Я все еще не понимаю, с чем я должен бороться!

– Если вы не насиловали своих детей, скажите им об этом четко и ясно. Не сдавайтесь, не нойте и не жалуйтесь на свои проблемы, не давайте себя в обиду и боритесь!

Во время этих психологических сеансов доктор Карсон словно заражался гневом своего пациента. Иногда он повышал голос, ударял ладонью по столу, чтобы что-то подчеркнуть, или размахивал руками от досады. Слушая, с каким раздражением говорит психотерапевт, Даг пытался понять, что происходит. Может, доктор Карсон специально моделировал для него гнев, демонстрируя, как можно выйти из себя, как следует *злиться*? Был ли он зол до того, как Даг входил в кабинет, или же трудное положение клиента каким-то образом лично на него влияло? Кто здесь был психотерапевтом, а кто – пациентом?

– Мне кажется, что вы хотите научить меня выражать гнев, – однажды сказал Даг. – Это может быть полезно в личной терапии, но сейчас дело касается не только меня. Сюда втянуты также моя жена и дети. Я боюсь, что вы заставите меня сделать что-то, что может навредить моей семье.

– Я здесь, чтобы помочь вам, – просто ответил доктор Карсон.

– Мне это нужно. Но мне также нужен самый лучший совет о том, как помочь моей жене и детям. Я должен знать, когда вы пытаетесь помочь мне, а когда – моей семье. Давайте это проясним.

– Боюсь, я не всегда смогу разграничить мои действия по такому принципу, – сказал Карсон.

Даг обхватил голову руками. Конечно, Карсон был психотерапевтом, а не телепатом – откуда он мог знать, что лучше для его пациента, а что лучше для его семьи? Только сам пациент может принимать такие решения. Но как можно принимать решения, если у тебя нет никакой информации? Что было бы лучше для детей? Даг ощущал себя сбитым с толку, как никогда раньше, но прежде всего он должен был оценить риски. Как его действия повлияют на семью?

Даг понял, что он все больше склонялся к тому, чтобы вести себя, как советовал адвокат: быть осторожным, залечь на дно, не предпринимать никаких действий, предварительно их не обдумав. Но порой такая осмотрительность вызывала у него отторжение, ведь хотя у него и были причины для осторожности и сдержанности, у него также были веские причины для гнева и отчаяния. Но что и когда ему делать, чувствовать, говорить?

Он знал, что попал в ловушку противоречивых требований. Его адвокат боялся, что он сделает или скажет что-нибудь не то, а его психотерапевт хотел, чтобы он свободно выражал эмоции, а значит, рисковал навредить детям своими словами или поступками. Какой подход был правильным? Или их следовало совмещать, но как?

Несмотря на замешательство, Даг был благодарен обоим специалистам за то, что они учили его реагировать по-новому. Стив Моуэн дотошно относился к фактам и хорошо умел рассуждать. Если бы исход этого судебного разбирательства решали факты и объективные доказательства, Стив одержал бы победу. Но он был настолько осторожен и так оберегал своего клиента, что Даг боялся, следуя его советам, еще больше отдалиться от семьи.

В отличие от адвоката, психиатр Дага проявлял рвение, граничащее с безрассудством, уговаривая его постоять за себя, несмотря на риск испортить отношения с семьей. Но все же под руководством доктора Карсона Даг стал чувствовать себя сильнее, он учился выражать гнев более уместными способами и начал сбрасывать тяжелый груз, которым стало для него положение жертвы с того самого дня, когда ему впервые предъявили обвинения. Он также

научился предвидеть дальнейшие шаги его жены. Из-за того что Дебби старалась, насколько это было возможно, держать детей подальше от отца, они ни разу не слышали его версию событий. Может, доктор Карсон был прав. Может, Дагу следовало каким-то образом дать детям знать, что он невиновен.

Ему не разрешали видеться с Дженнифер, но раз в несколько недель ему было позволено пару часов проводить с Анной. Во время одного из таких визитов Даг решил рассказать младшей дочери, что обвинения против него были ошибочными. Он никогда не насиловал ее сестер, и он никогда бы не причинил вреда своим детям. Несколько недель спустя, ужиная в одиночестве в своей квартире, Даг почувствовал сильный приступ тоски по семье. Он позвонил домой, трубку взяла Анна. Они поговорили несколько минут, и в конце разговора Даг сказал ей, как сильно он ее любит.

На следующий день ему позвонила разгневанная Дебби.

– Анна рассказала о вашем разговоре, – осуждающе выпалила она. – Ты должен прекратить свои манипуляции и попытки сбить ее с толку.

– Я скучаю по ней, – ответил Даг, пытаясь постоять за себя, как советовал доктор Карсон. – Мне нужно с ней увидеться.

– Только на моих условиях, – сказала Дебби и бросила трубку.

В тот же вечер Даг написал жене письмо, в котором объяснил свое намерение чаще, а не реже звонить домой и выразил желание обсудить менее жесткие условия встреч с Анной. Затем он стал ждать от Дебби ответа. Неделю спустя она позвонила, чтобы назначить встречу с ним и священником из их церкви.

– Я подаю на развод, – объявила она. – Не то чтобы я хотела развестись, но я боюсь, что придут представители органов опеки и заберут детей.

– Я не понимаю, – сказал Даг.

– Ты угрожаешь увидеться с детьми, ты отказываешься держаться от них подальше. Я должна их как-то защитить.

– Но ты не разрешала мне видеться с Анной! – Дагу стоило больших усилий не повысить голос. – Ты не разрешала мне говорить с ней, писать ей или приезжать. Твои правила не позволяют мне хоть как-то контактировать с детьми, даже с тем ребенком, который ни в чем меня не обвинял. Я всего лишь хотел изменить правила, чтобы я мог снова увидеть Анну.

– Прокуратура работает слишком медленно, – сказала Дебби, не глядя на мужа. – Твои действия заставили меня подать документы на развод, так я смогу получить официальный судебный запрет, чтобы ты не виделся с детьми. Я хочу, чтобы ты оставил их в покое.

Официальный судебный запрет? Даг хотел сказать Дебби, что ей не нужно было подавать на развод, чтобы добиться этого запрета, но какой смысл? В любом случае ему запретят видеться с детьми.

Дебби изменилась в лице.

– Дженнифер хочет увидеться с тобой, – сказала она. – Она ждет тебя снаружи в машине.

– Дженнифер хочет увидеться со мной? – Даг не понимал, что происходит. Они только что обсуждали судебный запрет, согласно которому он не сможет видеться с Анной, никогда его ни в чем не обвинявшей, а теперь Дебби собирается разрешить ему встретиться с Дженнифер, которая обвинила его в ужасных вещах. Даг не виделся и не разговаривал с Дженнифер с того момента, как Дебби впервые назвала его насильником пять месяцев назад.

Дебби вышла из комнаты, и через несколько минут зашла Дженнифер.

– Дженнифер… – Даг едва мог говорить. Он отчаянно хотел обнять ее, крепко прижать и никогда не отпускать. – Ты хочешь, чтобы священник остался?

– Мне все равно, – сказала она, пожимая плечами и улыбаясь отцу. – Это не имеет значения.

Даг вспомнил совет Стива Моуэна – быть осторожным, не делать ничего необычного или хоть немного подозрительного – и попросил священника присутствовать на их встрече. Даг расспросил Дженнифер о школе, друзьях, планах на лето. В конце концов у него закончились вопросы, и они несколько минут просидели в неловком молчании.

– Я думаю, ты сделал это, папа, – наконец сказала Дженнифер. – Но я простила тебя, я ездила в церковный лагерь, и мои друзья молились вместе со мной. Я больше не злюсь и не боюсь.

Даг не мог отвести взгляда от дочери. «Я так люблю этого ребенка, – твердил он сам себе. – Я люблю ее так сильно, так сильно, так сильно…»

– Я бы хотел увидеться с тобой снова, – сказал он.

– Я тоже.

Даг пытался не показывать, как отчаянно он хотел провести с ней время. Он не хотел напугать ее или каким-то образом повлиять на нее.

– Может быть, сходим все вместе куда-нибудь поесть пиццы, гамбургеров или еще чего-нибудь – ты, я, мама и Анна, – предложил он.

– Было бы здорово, – сказала она. – Я бы с удовольствием.

Неделю спустя Даг позвонил Дебби, чтобы договориться о встрече.

– Исключено! – заявила Дебби.

– Но почему?

– Я пообещала обвинителям, что никогда не позволю тебе видеться с детьми, – ответила она.

* * *

Четырнадцатого сентября против Дага были выдвинуты уголовные обвинения. Первым пунктом ему вменялось изнасилование I степени, которое предположительно произошло в период с 8 декабря 1984 года по 7 декабря 1985 года, когда Дженнифер было десять. Еще по четырем пунктам обвинительного заключения Дагу инкриминировалось непристойное поведение, которое он якобы демонстрировал каждый год, когда Дженнифер было от восьми до одиннадцати лет. Все пять пунктов представляли собой обвинения в тяжких преступлениях, и признание вины по любому из них привело бы к мгновенному лишению права заниматься адвокатской деятельностью и тюремному заключению.

Двадцать второго сентября Даг Нейгл заявил о своей невиновности и согласился с постановлением, запрещающим ему поддерживать какие-либо контакты с женой и их четырьмя детьми. Его зарегистрировали в окружной тюрьме и посадили в камеру предварительного заключения. Туалет с брызгами засохшей рвоты был забит бумагой и испражнениями.

Когда полицейский в изоляторе заполнил бумаги, он сказал: «Сущий ад, а не развод». Даг был удивлен: в документах ничего не говорилось о разводе. Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Именно здесь, в этом отвратительном месте, он нашел доброту и понимание.

Через несколько часов Дага освободили. Он отправился на встречу со Стивом Моуэном, и они начали разрабатывать план защиты.

«Я хочу использовать подход, в основе которого – готовность сотрудничать, – сказал он своему адвокату. – Нам нужно побеседовать с обвинителями и договориться о том, чтобы привлечь независимых экспертов. Пусть они опросят всех, кто причастен к делу, оценят ситуацию и предоставят одинаковый доклад обеим сторонам. Я откажусь от всех привилегий».

Стив Моуэн сделал глубокий вдох и медленный выдох. Ему никогда еще не доводилось встречать такого клиента, как Даг Нейгл. Этот человек был чрезвычайно умен, он закончил юридический факультет Стэнфордского университета, был одним из самых уважаемых юри-

стов по вопросам природных ресурсов на северо-западе, но при этом он вел себя, словно маленький ребенок: наивный, доверчивый, простодушный, невинный. Он был будто *не от мира сего*.

– Что необходимо, чтобы добиться хоть какого-то сотрудничества? – спросил Даг, поражаясь тому, насколько ограничены права на предоставление доказательств в уголовном процессе. Первоочередная задача в гражданских делах заключается в том, чтобы собрать все документы противной стороны, составить список свидетелей со стороны обвинения и собрать показания, чтобы точно выяснить, что намерены говорить свидетели и эксперты. В гражданском праве весь процесс напоминает детскую игру «покажи и расскажи», подумал он, а в уголовном – скорее игру в прятки.

Даг не стал ждать, пока Стив ответит на его вопрос.

– Я пройду проверку на детекторе лжи, – сказал он. – Она покажет, что я говорю правду, и тогда, может быть, сторона обвинения с большей охотой примет вероятность того, что ничего этого не было, что это всего лишь ужасная ошибка.

– Проверка на детекторе лжи – слишком рисковая затея, – ответил Стив. – Нет никаких гарантий, что вы ее пройдете.

– Я пройду, – сказал Даг, – потому что я говорю правду.

– Полиграф измеряет психологические реакции на очень конкретные вопросы, относящиеся к спору, – старательно объяснил Стив. – Одно то, что вы говорите правду, не означает, что вы пройдете эту проверку. Но даже если вы ее пройдете, данные, полученные с помощью полиграфа, не принимаются в суде, так что сам по себе он не решит ваши проблемы.

Даг задумался, как ему убедить адвоката посмотреть на все его глазами.

– Нам нужно начать диалог сейчас, или судом все закончится, – сказал он. – Моя семья развалится. И больше никогда не воссоединится. Позвольте мне пройти проверку полиграфом, чтобы доказать мою невиновность.

– Я соглашусь, если вы учтете все обстоятельства, – произнес Стив. – Во-первых, даже если вы пройдете проверку, сторона обвинения не примет это как доказательство вашей невиновности. Может быть, нам удастся убедить прокуроров взглянуть на другие доказательства, но опять же нет никаких гарантий, что это поможет. Во-вторых, если вы настаиваете на полиграфе, то я настоятельно рекомендую обратиться к надежному специалисту, занимающемуся частной адвокатской практикой и не связанному с правоохранительными органами. В этом случае, даже если вам не удастся пройти проверку, следователи и прокуроры не смогут использовать эту информацию против вас.

Даг согласился на эти условия и записался на проверку на полиграфе у частного адвоката. Он провалил тест. Когда полиграфолог представил ему результаты, Даг был ошеломлен.

– Здесь что-то не так, – сказал Даг. – Я не знаю, почему я провалил проверку, но я никогда не насиловал детей. Я хочу пройти ее еще раз.

Несколько дней спустя они встретились снова. Несмотря на мольбы Дага, полиграфолог отказался проводить еще одну проверку.

– Вы слишком эмоциональны, вы слишком запутались, вы просто-напросто снова провалите тест, – сказал он и дал Дагу совет: – Послушайте, вы должны понять, что это война. Ваши дети уничтожат вас, если вы не будете защищаться.

– Я не могу сражаться с собственными детьми, – ответил Даг, удивляясь, почему все велят ему разозлиться и дать отпор. – Я не злюсь на них. Они тоже жертвы. Я виню психотерапевтов и иногда – свою жену. Но я люблю своих детей, и большую часть времени я все еще люблю свою жену. Я хочу спасти наш брак.

– В теории это очень благородно, – сказал полиграфолог, – но вы окажетесь в тюрьме, если не измените свое отношение. Либо сражайтесь с детьми, либо они вас уничтожат. Одно из двух.

Даг пришел домой, упал на колени и молился в течение нескольких часов. В конце концов он успокоился. Все эти так называемые эксперты не правы. Он будет и дальше любить своих детей. Он не перестанет верить в то, что любовь сильнее ненависти.

Но на следующий день он проснулся очень рано с ощущением сильнейшей злобы. «Как мои дети позволили убедить себя во всем этом? – спрашивал он себя. – Неужели они не видят, что они делают со мной, с самими собой, со всей семьей?» В тоске и одиночестве он кричал, злился, рыдал, выл. Затем внезапно гнев испарился. Он почувствовал полное изнеможение, но его успокоило неожиданное озарение. Может быть, он злился на детей сильнее, чем думал, может быть, именно этот глубокий и не находящий выхода гнев и уловил полиграф. Он написал письмо доктору Карсону, в котором сообщил, что провалил проверку, и поделился новыми идеями.

Когда Даг рассказал Стиву Моэну, что он долго разговаривал с полиграфологом и написал письмо доктору Карсону, адвокат вышел из себя.

– Если обвинители узнают, что вы провалили тест, ваша жена, конечно же, тоже будет в курсе, и тогда все согласятся с выводом, что вы виновны, – вспылил Стив. – У нас останется только один шанс все уладить – на открытом генеральном сражении в зале суда.

– Но я не могу врать о результатах, – ответил Стив. – Я должен быть абсолютно честен во всем. Кроме честности, у меня ничего не осталось.

Стиву пришлось сделать усилие, чтобы говорить спокойно:

– Вы должны понимать, Даг, что люди, убежденные в вашей виновности, используют результаты теста на полиграфе, чтобы подтвердить свои обвинения.

– Я все равно не смогу ничего доказать людям, которые уже решили, что я виновен, – сказал Даг.

– Вашей главной задачей должна быть защита самого себя и укрепление своих позиций в этом судебном споре, – убеждал его Стив.

– Нет, моя главная задача – моя семья, – парировал Даг. Однако именно в этом споре о приоритетах Даг понял сущность своих двойственных чувств и природу своего гнева. Он не хотел отправляться в тюрьму за то, чего он не совершал. В какой момент он должен был пожертвовать семьей, чтобы спасти самого себя? Если пришло время сделать этот ужасный выбор – его свобода или любовь и уважение Дженнифер, – сможет ли он встать в зале суда и сказать «Моя дочь врет»? Сможет ли он так поступить с Дженнифер? Он уже так много потерял, дойдет ли дело еще и до предательства? Неужели отец и дочь будут в суде обвинять друг друга во лжи? Может ли он предать все, во что верил?

– Нам нужно перестать общаться с другой стороной, – сказал Стив. – Я собираюсь отменить встречу доктора Карсона с обвинителями.

– Нет, – сказал Даг. – Мы должны оставаться открытыми для диалога.

Они поспорили. Стив вызвал своего партнера, и оба они пытались объяснить Дагу, насколько серьезно его положение.

– Это не гражданский процесс, – говорили они, – это уголовное дело. Прокурор думает, что вы – педофил, человек, который изнасиловал собственных дочерей. Они не хотят общаться, они хотят добиться обвинительного приговора. Они хотят посадить вас за решетку.

Когда Даг отказался уступать, Стив позвонил доктору Карсону. К всеобщему удивлению, Карсон согласился с Дагом: им нужно продолжать попытки наладить контакт с другой стороной.

– Это не сработает, – отрезал Стив.

– Я здесь клиент, черт побери! – выпалил Даг, выходя из себя. – Это моя жизнь. Я хочу рискнуть.

Стив и его партнер попробовали другую стратегию.

– Вы – очень трудный клиент, – заявили они. – Вы наивны, доверчивы, слишком простодушны. Вам не следует принимать такие сложные юридические решения.

– А вы пытаетесь меня опекать, – резко возразил Даг. – Вы не понимаете меня, и вам плевать на мою семью. Вы всего лишь хотите блеснуть своими юридическими знаниями, добившись моего оправдания. Вам будет все равно, если моя семья развалится в процессе.

В конце концов адвокаты одержали верх, встреча доктора Карсона с обвинителями была отменена.

– Итак, что же мы будем делать с письмом Карсону, в котором Даг рассказал, что провалил проверку на детекторе лжи? – спросил Стив своего партнера. – Если прокуратура узнает об этом, то все попытки доктора Карсона привлечь других психологов, психиатров и психотерапевтов для решения проблемы и воссоединения семьи снова провалятся.

– Мне все равно, – прервал их разговор Даг, снова чувствуя себя маленьким ребенком, чьи шалости заставляют взрослых краснеть. – Какой смысл ходить к психиатру, если ты не можешь рассказать, что у тебя на уме?

В конце концов адвокаты пришли к мнению, что Карсон может продолжить консультировать Дага, но было слишком рискованно использовать его в качестве привлеченного эксперта.

– Вы еще кому-нибудь рассказывали о проваленной проверке на детекторе лжи? – спросил Стив.

– Маме, сестре, тридцати или сорока коллегам во время рождественского корпоратива, нескольким людям из церкви. – Даг был настроен воинственно, он выставил вперед подбородок, как будто бы говоря: ну давай, подай на меня в суд.

– Вы с Дебби посещаете одну церковь? – спросил Стив.

– Раньше так и было, но сейчас я хожу в другую.

– То есть вы рассказали это людям в новой церкви?

– Нет, я рассказал это прихожанам в обеих церквях.

По выражению лица Стива Моуэна Даг понял, о чем он думает: этот человек безнадежен.

– Послушайте, – сказал Даг, пытаясь успокоить его, – мне непросто пройти через все это. Я делаю это, чтобы не сдаться, – я разговариваю с людьми, слушаю их советы, пытаюсь убедить их в своей правоте. Нелегко, когда тебя обвиняют в насилии над собственными детьми. Как бы вы с этим справились?

– Я бы помалкивал насчет полиграфа, – ответил Стив.

* * *

За месяц до слушания Стив попросил разрешения на встречу со своим клиентом.

– У нас неприятности, – сказал он, показывая Дагу стенограмму разговора между Дженнифер и доктором *Штайном*, судебным психологом, который собирался выступать на стороне защиты. Штайн пользовался уважением среди юристов благодаря своей непредвзятости и объективности в делах, касающихся опеки над детьми.

Стив вслух зачитал отрывок из стенограммы:

> Дженнифер Нейгл. Я помню, как мылась в душе, когда мне было лет девять. Всегда сложно сказать, в каком возрасте что было. А потом внезапно со мной в душе оказался отец – абсолютно голый. Он начал намыливать меня, а потом – тереть мне промежность, и вдруг у меня пошла кровь. Я не знаю, отчего у меня началось кровотечение, этого я не помню, и я не знаю, как или когда он ушел, и вообще. Я только помню, что плакала, а в ванне была кровь.

Стив перестал читать и взглянул на Дага, наблюдая, как тот отреагирует.

– Боюсь, это довольно подробное воспоминание, – наконец сказал он.

Даг почувствовал, что его пробирает страх. Уж не сомневается ли в нем его собственный адвокат? Он попробовал объясниться:

– Раньше мы вместе мылись и принимали душ. Я намыливал ее. Но она тогда была совсем маленькой, ей был год или два, самое большее три. Я не помню, чтобы когда-нибудь мылся с ней, когда она стала старше. Я бы чутко отнесся к ее дискомфорту, ведь моя мама купала меня самого, когда я был старше, и мне это не нравилось. Я бы никогда не стал делать такого с ребенком.

Он подумал, не смешались ли у Дженнифер впечатления разных лет. Может быть, более раннее воспоминание о том, как она купалась вместе с Дагом в ванне, слилось с более поздним – о том, как останавливала кровь, поранившись. Как она могла так детально воспроизвести событие, которого никогда не было?

– Кристен появляется на двадцать четвертой странице, – сказал Стив. – Когда несколько лет назад Кристен ездила в Европу, она написала Дженнифер письмо. По-видимому, в нем Кристен написала, что ее насиловал ваш дядя. Она также думала, что ее насиловал кто-то еще. Дженнифер сообщила Штайну следующее: «Она сказала, что помнит, как ее насиловал кто-то еще, но не помнит, кто именно. И что, если у меня есть какие-то мысли по этому поводу, я должна дать ей знать. Но я этого не сделала». А Штайн спросил: «Ты не рассказала ей или тебе нечего было ей рассказать?» Дженнифер ответила: «Мне нечего было ей рассказать».

Стив перевернул страницу.

– Теперь переходим к первому воспоминанию Дженнифер об изнасиловании. «Я была как раз готова прекратить сеансы психотерапии… А потом вошла Кристен и рассказала мне об отце. О том, что он с ней сделал, и о том, что, по ее мнению, он сделал это и со мной тоже, хотя в этом она не была уверена. Вот и все. После этого… Я не знаю, как объяснить, что случилось. Я просто почувствовала это всем своим нутром. Как будто мне в живот врезалось пушечное ядро… мне просто стало предельно ясно, что она говорит правду».

Даг подумал, что ключом ко всему этому была Дебби, а не Кристен.

– Разве вы не видите? – спросил он Моуэна. – Она первой поверила, что я насиловал наших детей. А потом все просто стали больше и больше убеждать в этом друг друга. У Дженнифер и мыслей не было о насилии до тех пор, пока Кристен не высказала свое предположение. Дженнифер поддалась внушению, и «воспоминания» начали развиваться, а Кристен, Дебби и ее психотерапевт постоянно твердили ей, что ее новые воспоминания абсолютно достоверны. Все началось с Дебби – она внушила остальным членам нашей семьи бредовую мысль о том, что меня насиловали в детстве, а потом убедила Дженнифер и Кристен, что я насиловал их. Записка доказывает мою теорию.

Незадолго до этого Стив получил написанную от руки записку, датированную 22 февраля 1991 года, от психотерапевта, с которым консультировались Даг и Дебби, когда у них начались супружеские проблемы. Этот психотерапевт писал, что двумя годами ранее, задолго до того, как Кристен и Дженнифер впервые упомянули о вероятности сексуального насилия, Дебби «обдумывала возможные обвинения против господина Нейгла… Выбирая из них двоих, я склонен утверждать, что господин Нейгл заслуживает большего доверия». Однако суд не мог принять во внимание записку этого специалиста, поскольку он сомневался, этично ли будет давать показания и рассказывать о его сеансах с Дебби. Даже если бы он согласился выступить в качестве свидетеля, Дебби воспользовалась бы правом пациента, чтобы исключить его показания из материалов дела.

Дело осложнялось еще и тем, что доктор Штайн, судебный психолог, который побеседовал со всеми членами семьи, не был согласен с теорией Дага о том, что Дебби сыграла в этой истории ключевую роль. В 1989 году Кристен в письме Дженнифер рассказала, что недавно вспомнила, как ее насиловал дядя Фрэнк, и добавила, что, по ее мнению, ее мог насиловать кто-то еще. Она не помнила, кто именно, но хотела выяснить, не было ли у Дженнифер каких-

нибудь мыслей по этому поводу. Дженнифер говорила доктору Штайну, что ей «нечего было рассказать» сестре. Однако позднее, когда Кристен вспомнила, что ее насиловал отец, и высказала предположение о том, что Дженнифер тоже мог изнасиловать он, Дженнифер внезапно стало «предельно ясно»: сестра говорит правду.

Дагу отчаянно хотелось выяснить, что случилось с его семьей, и доказать свои теории в ходе приближающегося слушания – Стив это понимал. Но любой хороший адвокат по уголовным делам знает, что защита никогда ничего не доказывает, задача доказать вину подсудимого целиком и полностью возлагается на сторону обвинения. Если бы в суде Стив попытался распутать сложнейшие психологические перипетии семейной жизни Нейглов, он лишь представил бы прокурору дополнительные доводы, одновременно ослабив основную линию защиты: никто доподлинно не знает, что произошло.

«Мы никогда не узнаем, началось ли все это с Дебби или с Кристен», – подумал про себя Стив. Он откашлялся.

– Как ваш адвокат я должен передать вам предложение от стороны обвинения, – сказал он. – Этим утром они предложили вам немедленно признать свою вину. Они согласились не настаивать на тюремном сроке, но, разумеется, любой приговор за совершение преступления, касающегося вопросов морали, включает в себя лишение звания адвоката.

Даг не мог поверить своим ушам. «Мой собственный адвокат хочет, чтобы я признал свою вину!» – думал он.

– Я не соглашусь признать свою вину, – сказал Даг дрожащим от гнева голосом. – Ни за что не соглашусь. Когда-нибудь мои дети поймут, что этого не было. Этого просто не было. И тогда будет важно, что я не прогнулся. Если я признаю свою вину, мои дети навсегда останутся в замешательстве. Если придется, я проведу в тюрьме всю оставшуюся жизнь, но я не стану признавать, что виновен. Я этого не сделаю, – добавил он, словно опасаясь, что Стив его не понял.

Выходя из кабинета, Даг громко хлопнул дверью. Его глубоко поразило спокойствие, с которым его адвокат передал ему предложение прокурора. Он знал, что, если признает свою вину, стремясь избежать тюремного заключения, его дети никогда не поверят, что он невиновен. Он будет до конца жизни носить клеймо педофила, человека, который изнасиловал собственных детей. Внезапно на него всей своей тяжестью обрушилась реальность: его посадят в тюрьму.

* * *

Стив Моуэн вздрогнул, когда за Дагом захлопнулась дверь. Он посидел некоторое время, собираясь с мыслями. «Лучше бы я никогда не слышал слово *вытеснение*», – подумал он. Он взял со стола стенограммы назначенных судом встреч доктора Штайна с Дженнифер и еще раз их просмотрел. Потом, дотянувшись до противоположного края стола, взял черный блокнот с отсканированными записями личного психотерапевта Дженнифер. В десятый раз перечитывая ее записи, он внезапно заметил, как сильно отличались эти короткие, состоящие из трех-четырех предложений обобщения от напечатанных на машинке дословных стенограмм разговоров Дженнифер и Штайна.

Первый сеанс Дженнифер с ее личным психотерапевтом состоялся 21 июня 1989 года, через два дня после того, как она попыталась убить себя, приняв слишком большую дозу безрецептурного антидепрессанта виварин. Когда ее начали спрашивать про депрессию, она упомянула несколько причин своего подавленного состояния: ей не нравились «богатые снобы» в школе, ее лучшая подруга только что переехала в Калифорнию, а еще одна подруга жила слишком далеко. Но Дженнифер не смогла назвать никаких конкретных причин, подтолкнувших ее к недавней попытке суицида.

Когда психотерапевт попросила Дженнифер описать ее родителей, она охарактеризовала отца как трудолюбивого и самоотверженного. По ее словам, он часто вел себя «как маленький ребенок». Мать она изобразила как чрезвычайно организованную, безэмоциональную и бесчувственную женщину.

Стива поразило, что Дженнифер сравнила своего отца с «маленьким ребенком». «То же самое есть и в записях сеансов с доктором Штайном», – подумал он, заглядывая в стенограмму от 15 апреля. Приблизительно в середине беседы Дженнифер сказала Штайну: «Мой отец любил детей. Он всегда готов был поиграть с нашими маленькими кузенами, когда их привозили к нам. Он много времени проводил с подростками в церкви и все такое. Так что, знаете… И отцом он был хорошим. Многие люди… эм-м, он был очень рассеянным, часто что-нибудь забывал».

И на следующей странице: «Он действительно проводил с нами больше времени, чем отцы моих друзей. Он возил нас в разные места, и мы все время что-нибудь делали вместе, и… он никогда не ждал, что ты будешь идеальным ребенком и будешь получать одни пятерки, и все такое. Он был *другим* отцом».

Когда Штайн спросил Дженнифер, заставлял ли отец ее когда-нибудь испытывать унижение или смущение, она ответила, что он делал лишь «то, что нормально для любого отца»:

– Он пел в машине перед моими друзьями и все в этом роде… Он очень странный человек… Он раньше часто пел… что же это было? Детскую песенку «Клементина»… Он еще пытался танцевать, мне от этого было очень неловко.

– Твои друзья думали, что это глупо? – спросил Штайн.

– Да, – ответила Дженнифер.

Стив вдруг понял, что улыбается, представляя, как Даг Нейгл, человек среднего возраста, в очках с толстыми стеклами, работающий юристом по корпоративным вопросам, поет и танцует перед своей дочерью-подростком и ее друзьями. Ему еще не доводилось видеть своего клиента с этой стороны.

Ближе к концу сеанса Дженнифер сказала:

– Днем он был практически идеальным отцом, но ночью он делал ужасные вещи.

Стив вернулся к заметкам психотерапевта, и его снова поразило, насколько дословные стенограммы разговоров со Штайном отличались от этих обобщающих заметок, написанных, возможно, через несколько часов после окончания сеанса. Часто сразу три сеанса описывались на одной странице. Из этих записей нельзя было понять, что говорила психотерапевт, чтобы добиться от пациента определенной реакции, как она формулировала свои вопросы и какими могли быть ее ожидания. Не задавала ли она наводящих вопросов и не внушала ли своими комментариями определенные выводы? Как Дженнифер отвечала на ее вопросы – может быть, она сомневалась, запиналась, переиначивала вопросы, отказывалась отвечать или каким-то иным образом сопротивлялась предположениям психотерапевта? На эти вопросы нельзя было ответить, основываясь на заметках специалиста[3].

Стив невольно подумал, насколько иначе выглядели бы материалы этого дела, если бы разговоры Дженнифер с психотерапевтом записывались на магнитофон. Что, если бы каждый психотерапевт записывал каждый свой сеанс с пациентом на аудио или видео? Но даже тогда – сумели бы мы точно определить, что происходило в ходе этих сеансов? В какой степени психотерапевт может повлиять на мысли своего пациента, так или иначе формулируя вопросы, используя те или иные жесты, делая паузу, чтобы поразмыслить, или молча и без комментариев глядя на пациента?

Двадцатого сентября 1989 года психотерапевт Дженнифер продолжила собирать данные об истории и характере семьи Нейгл. Описывая отца, Дженнифер снова назвала его трудоголиком, который часто бывает забывчив и поглощен своими мыслями, но в то же время остается добродушным и любящим человеком.

Четвертого октября психотерапевт записала, что она продолжает собирать информацию об истории пациентки и начинает концентрироваться на вероятности пережитого ею в прошлом насилия.

«Вероятность пережитого ею в прошлом насилия». Прочитав эти слова, Стив нахмурился. Кто поднял вопрос о насилии – психотерапевт или ее пациентка? И снова не представлялось возможным найти ответ в этих скудных, напоминающих шифр заметках.

Одиннадцатого декабря 1989 года Дженнифер рассказывала о своем чувстве одиночества и отстраненности от родителей. В течение октября и ноября, пока еженедельные сеансы продолжались, самым частым комментарием, который постоянно повторяла психотерапевт, было замечание «мы продвигаемся очень медленно». Из записей Стиву было ясно, что она пыталась помочь своей пациентке стать более напористой. Дженнифер начала говорить о «прогрессе» в отношении ее самооценки. Приблизительно в то же время они с психотерапевтом начали исследовать возможные причины ее депрессии.

Тринадцатого декабря психотерапевт упомянула, что Дженнифер все еще «очень медленно продвигается». Несмотря на то что девушке стало легче проявлять настойчивость и выражать свои чувства, она все еще не могла понять причины своей депрессии.

В записи от 24 января 1990 года указывалось лишь то, что Дженнифер продвигается вперед.

Двадцатого февраля 1990 года психотерапевт записала, что ей позвонила Кристен, которая думала, что может помочь сестре, поделившись с ней собственными, недавно восстановленными в ходе терапии воспоминаниями о насилии, которому ее подвергал отец. Психотерапевт поделилась новостью о звонке Кристен с Дженнифер, которая беспокоилась о сестре, но не смогла сообщить ничего «конкретного». Дженнифер согласилась на то, чтобы Кристен присоединилась к ним во время следующего сеанса психотерапии.

Слово «конкретное» показалось Стиву немного странным. Поинтересовалась ли психотерапевт у Дженнифер о том, знает ли она что-нибудь «конкретное» о насилии, которому якобы подверглась Кристен, или же она предположила, что Дженнифер сможет рассказать ей о «конкретных» случаях насилия, которое пережила она сама? Начали ли они искать подробности по инициативе Дженнифер, или же это психотерапевт пыталась отыскать конкретные воспоминания, которых, по сути, еще не существовало? И вновь узнать это было невозможно.

Седьмого марта 1990 года, впервые с тех пор, как Дженнифер первый раз пришла на сеанс восемь месяцев тому назад, записи психотерапевта заняли целую страницу. Сеанс был назначен после того, как 20 февраля ей позвонила Кристен, чтобы обсудить с ней кое-какие «случаи», из-за которых она думала, что Дженнифер также была изнасилована. Во время общего сеанса психотерапии Кристен не стала разглашать никаких деталей этих случаев, но Дженнифер была обескуражена, расстроена и опасалась, что именно из-за этого Кристен и позвонила ее психотерапевту.

Тринадцатого марта врач написала, что проконсультировалась с коллегой, который посоветовал ей сообщить об этом деле в органы опеки – государственное учреждение, ответственное за расследования по обвинению в сексуальном насилии над детьми, пусть даже на настоящий момент никакого насилия не совершалось. Двумя днями позже Дебби Нейгл позвонила психотерапевту дочери и спросила, следует ли Дженнифер оставаться в одном доме с отцом. По ее словам, она была уверена, что ее дети находятся в полной безопасности, но, несмотря на это, психотерапевт порекомендовала подыскать для Дженнифер временное жилье.

Позднее в тот же день психотерапевт Дженнифер сообщила о деле Нейглов в органы опеки.

Двадцать шестого марта Дебби по телефону сообщила, что доктор Бейкер порекомендовал Дагу съехать от семьи как минимум на полгода, чтобы Дженнифер смогла вернуться домой. В тот же день все четыре сестры встретились в кабинете психотерапевта, чтобы поделиться

своими чувствами и переживаниями. Элисон, вторая по старшинству из четырех сестер, проявляла открытую враждебность к Кристен и психотерапевту, отказываясь верить, что ее отец был способен изнасиловать собственного ребенка. Анна была в полном смятении. Дженнифер поддерживала Кристен. Психотерапевт надеялась, что этот сеанс поможет наладить общение между сестрами.

Два дня спустя Дженнифер сказала, что не уверена, стоит ли продолжать сеансы психотерапии. Они стали исследовать причины, подтолкнувшие ее к этому решению, и психотерапевт пришла к выводу, что Дженнифер пытается избежать той боли, которую влекла за собой работа над воспоминаниями о насилии.

В течение следующего месяца Дженнифер выглядела подавленной и замкнутой, но все же согласилась продолжить терапию. Был назначен еще один совместный сеанс с Кристен, и психотерапевт описала его одним предложением: «Кристен настроена положительно, Дженнифер все еще в депрессии».

Через неделю, 25 апреля, Дженнифер по-прежнему страдала от депрессии и сомневалась, что ее действительно насиловали.

Однако 9 мая неопределенности и смятению внезапно настал конец. Воспоминания Дженнифер восстановились, и они оказались поразительно четкими и предельно точными. Она вспомнила, что отец ее насиловал, когда она училась в четвертом и пятом классе. Она также вспомнила, что, когда ей было четыре или пять, отец схватил ее за запястья и лег на нее сверху. Она вспомнила, как плакала, пиналась и визжала всякий раз, когда он к ней приближался. Вспомнила, что он целовал ее в шею и в грудь, заставлял ее трогать его пенис и засовывал руку ей между ног.

По ее словам, он начал насиловать ее совсем маленькой. Она в этом не сомневалась, поскольку всего двумя днями ранее сестра Дебби рассказала Дженнифер, что ее наверняка изнасиловали, когда ей не было еще и двух лет. Тетя Дженнифер помнила, как лежала вместе с ней на кровати, и вдруг девочка начала ползти и извиваться, стараясь забраться на нее. Преждевременное «сексуальное поведение» ребенка убедило ее тетю, что Дженнифер была изнасилована отцом.

В июне Дженнифер, Кристен, Анна и Дебби три недели путешествовали по Европе, а психотерапевт Дженнифер посетила мастер-класс Лоры Дэвис, соавтора книги для самопомощи «Мужество исцеления».

Второго июля Дженнифер сказала своему психотерапевту, что понимает, как важно говорить о насилии, которому она подверглась в прошлом. Психотерапевт предложила ей прочитать «Мужество исцеления» и поделилась идеями, которые почерпнула на мастер-классе. Она рассказала девушке, что многие жертвы думают, будто выдумали свои воспоминания, а некоторые и вовсе считают, что сходят с ума. В разговоре всплыла тема прощения, и психотерапевт сказала Дженнифер, что ей вовсе не обязательно прощать отца.

Через неделю к Дженнифер вернулось еще одно воспоминание о том, как ее насиловали: этот случай якобы произошел, когда ей было четыре. Отец эякулировал ей в рот. Ее вырвало, и он ее ударил.

Одиннадцатого июля Дженнифер попросила назначить внеочередной прием, потому что ей было тяжело справиться с чувствами вины и стыда, и ей казалось, что ответственность за все лежит на ней. Психотерапевт заверила ее, что насилие произошло не по ее вине, и отметила, что над этим вопросом еще следует поработать.

Дженнифер и ее психотерапевт провели еще двадцать три дополнительных сеанса с августа по январь 1991 года. Записи психотерапевта о том, что происходило во время этих сеансов, занимали всего десять страниц. Их разговоры, казалось, превращались в более общие обсуждения отношений с подругами, парней и проблем с самооценкой. Арт-терапия помогла Джен-

нифер начать бороться с чувствами горя и гнева. Она продолжала «двигаться вперед», хотя часто с грустью говорила о своих воспоминаниях.

В последней короткой записи, датированной 29 января, говорилось, что Дженнифер с тревогой ждет приближающегося слушания и особенно страшится назначенной судом беседы с психологом, который, как она опасается, не захочет вникнуть в ее версию произошедшего.

* * *

Стив Моуэн положил записи психотерапевта обратно в папку и снова взял в руки черную папку со стенограммами разговоров доктора Штайна с Дженнифер. Штайн представлял сторону защиты, и Дженнифер обсуждала его со своим психотерапевтом во время последнего сеанса. Вот уже, наверное, десятый раз пробегая глазами стенограммы сеансов Штайна, Стив сделал вывод, что тот не только хотел вникнуть в слова Дженнифер, но и с искренним сопереживанием относился к ее страху и чувству того, что ее предали.

В ходе предпоследнего сеанса, прошедшего 29 мая, всего за месяц до слушания, Штайн попросил Дженнифер описать отца.

> Штайн. Каким он был?
>
> Дженнифер Нейгл. Он не был заботливым… Его часто не было дома. Он был рассеянным. Мне не хватало отца… Он просто всегда был занят работой… Он много работал.

Позднее, в самом конце сеанса, состоялся следующий разговор:

> Штайн. Твой отец был эгоистичным?
>
> Дженнифер Нейгл. Не думаю. Он мало давал семье, зато много отдавал другим людям. Мальчикам.
>
> Штайн. Он сказал то же самое. Честно говоря, я думаю, что вы оба не совсем правы, но это лишь мое личное мнение.
>
> Дженнифер Нейгл. Что он не эгоистичен?
>
> Штайн. Нет, я думаю, что он эгоистичен.
>
> Дженнифер Нейгл. Почему?
>
> Штайн. Я думаю, что он очень далек от того, чтобы кому-то что-то отдавать.
>
> Дженнифер Нейгл. Не знаю. Я вынуждена признать, что семье он отдавал мало. Но было много ребят, которые его уважали, знаете, довольно много.
>
> Штайн. Тебе нужно было больше, чем какие-то подарки или поездки… Ты испытывала эмоциональную боль. И я думаю, что именно в этом отношении он давал тебе недостаточно.
>
> Дженнифер Нейгл. Мне кажется, никто в семье не оказывал мне эмоциональной поддержки.
>
> Штайн. Это тоже мое личное мнение. Прежде чем мы закончим, ты можешь рассказать мне что-нибудь еще, что пролило бы свет на родственные, семейные отношения между тобой и твоим отцом?
>
> Дженнифер Нейгл. Я не думаю, что нас можно назвать семьей. По крайней мере, я частью семьи не была. Возможно, они были семьей без меня. Не знаю.
>
> Штайн. Не думаю, что это правда. Но даже если и так, это вовсе не твоя вина.
>
> Дженнифер Нейгл. Так мне и говорят.
>
> Штайн. Мне бы хотелось, чтобы ты в это поверила.

Дженнифер Нейгл. Я стараюсь.

Стив Моуэн полагал, что в этом разговоре, занимавшем всего одну страницу с тремя пробитыми дыроколом отверстиями, аккуратно напечатанном, отксерокопированном и помещенном в черную папку, предназначенную для юристов вроде него самого, содержался ключ ко всему делу. Дженнифер была ранимой, одинокой девочкой, которая испытывала сильную эмоциональную боль на протяжении всего своего детства. Мать казалась ей холодной, незаботливой и бесчувственной, поэтому она обратилась к отцу в поисках любви и поддержки. Но ее чувства по отношению к отцу были глубоко противоречивыми. Стив вспомнил разговор, во время которого Даг пытался разобраться в сложных эмоциональных перипетиях их семьи. «Я старался быть Дженнифер другом, – рассказал он Стиву, – но она всегда держалась от меня на расстоянии. Думаю, она старалась защитить мать, которая вечно ревновала, потому что я и две наши старшие дочери были так близки». Даг рассказал ему о письме, которое он написал Дженнифер, когда она гостила у дедушки на Восточном побережье. «Я хочу узнать тебя поближе», – писал он.

В ответном письме Дженнифер объяснила, что она не хочет быть ближе к отцу, потому что ей нужно «личное пространство», но он может возить ее с друзьями на машине, когда пожелает. Даг с уважением воспринял слова Дженнифер о «личном пространстве» и возил Дженнифер и ее друзей, куда им было надо, когда выдавалась такая возможность. Но у него и дальше возникали трудности в общении с дочерью, и как-то раз он попытался поговорить с ней об этом. «Мне плохо оттого, что мы с тобой так далеки друг от друга, – сказал он, – но я рад, что вы с матерью довольно близки».

«Но, папа, мы с тобой тоже близки», – ответила Дженнифер.

Подумав о том, как Даг описывал свои воспоминания об этих разговорах, и о прочих деталях из жизни Нейглов, о которых он уже знал, Стив понял: что-то и правда пошло не так. Возможно, что-то с самого начала было не совсем «правильно» в отношениях Дага, Дебби и их детей. Но каждый прочитанный Стивом документ, каждый разговор и все, что он знал о человеческой натуре, – все это заставляло его сомневаться в том, что Даг Нейгл был виновен в сексуальном насилии над своими детьми.

* * *

Разбирательство длилось три недели. Даг отказался от права на суд присяжных и предоставил возможность вынести окончательное решение судье *Малкольму Уорду*.

Согласно показаниям Дебби, она не хотела верить в то, что ее муж насиловал их детей, но, выслушав их рассказы, не могла прийти к иному выводу. Она оставалась сдержанной и спокойной и полностью себя контролировала, стоя за свидетельской кафедрой. «Превосходный свидетель со стороны обвинения», – наклонившись к Дагу, шепнул Стив. Но Дага беспокоила та расслабленность, с которой она давала показания. Пока в зал не вошел судья, она болтала с заместителем прокурора, рассказывая всякие анекдоты и истории. Даг подумал, что она как будто хорошо проводила время. Она смеялась и шутила, стоя за свидетельской кафедрой – можно ли считать это нормальным поведением для женщины, мужа которой судят по обвинению в сексуальном насилии над их детьми? Что это за странный мир, в котором он оказался, и что его в нем ждет?

После выступления Дебби настала очередь Дженнифер. Она рассказала суду, что испытывает очень сильные эмоции по поводу «вероятности» того, что отец мог ее изнасиловать, и считает эти чувства доказательством того, что насилие имело место, хотя поначалу она не могла вспомнить конкретных случаев. Большая часть воспоминаний вернулась к ней летом и осенью 1990 года, и она подробно описала процесс, использованный для того, чтобы их «сге-

нировать». Каждый раз, когда она чувствовала тревогу, нервозность или беспокойство или не могла уснуть, она знала, что в ее сознании вот-вот всплывет новое травматичное воспоминание.

Все время, пока Дженнифер давала показания, она старалась не смотреть на отца. В какой-то момент она расстроилась и разволновалась, и прокурор подвинулся, чтобы убрать из ее поля зрения стол, за которым сидел обвиняемый. Это был драматичный момент, и столь же драматичным был скрытый подтекст. «Только представьте, каково пришлось этой девочке, – говорил жест прокурора, – если она испытывает боль даже просто при виде отца».

В самом начале слушания судья Уорд постановил, что в разбирательстве будет рассматриваться только рассказ Кристен о ее роли в восстановлении воспоминаний младшей сестры. Он знал, что любое обсуждение воспоминаний самой Кристен о предполагаемом насилии лишь усложнит и без того запутанное дело. Девушка рассказала, что она позвонила психотерапевту Дженнифер и предложила поделиться своими воспоминаниями о насилии, а также поведала ей о своих подозрениях насчет того, что Дженнифер тоже была жертвой. Она объяснила, что к этому телефонному звонку ее подтолкнуло желание помочь сестре быстрее достичь результатов на сеансах психотерапии. Во время перекрестного допроса Стив Моуэн попытался показать суду, что Кристен вмешалась в ход сеансов сестры и своим предположением подтолкнула ее к созданию ложных воспоминаний о насилии.

По словам Элисон, второй по старшинству дочери Нейглов, ее поначалу шокировали предъявленные их отцу обвинения, и она полностью его поддерживала. К тому моменту, когда дело дошло до суда, она начала чувствовать, что больше не может вставать на сторону отца и выступать против матери и сестер. Когда ее попросили описать мать, Элисон сказала, что та находилась «в депрессии». И без каких-либо подсказок со стороны защиты Элисон описала спор, разразившийся между ней и Кристен 26 марта, когда все четыре сестры встретились в кабинете психотерапевта. Согласно показаниям Элисон, они с Кристен поругались из-за того, что последняя «лгала». Кристен «много о чем лгала», сказала Элисон, и ее вранье и прежде много раз причиняло вред семье.

Сестра Дебби, *Мардж,* рассказала суду, что считала, будто Даг начал насиловать Дженнифер, когда «ей не было еще и двух лет», из-за случая, произошедшего в 1976 году. Мардж тогда было двадцать один. Она в течение месяца присматривала за детьми Нейглов, пока Дебби с Дагом путешествовали по Европе. Как-то вечером Дженнифер, которой не было и двух лет, начала возиться в своей кроватке. Когда Мардж взяла ее на руки и легла вместе с ней на кровать, Дженнифер начала «извиваться», что ее тетя истолковала как сексуальные действия. По мнению Мардж, Дженнифер переняла это «сексуальное поведение» от отца.

В ходе перекрестного допроса Мардж призналась, что рассказала Дженнифер об этом случае 7 мая 1991 года – за два дня до того, как у той «восстановились» воспоминания.

Последним свидетелем со стороны обвинения была психотерапевт Дженнифер, которая соглашалась с тем, что восстановленные ее пациенткой воспоминания в целом были достоверны. В ходе перекрестного допроса Стив Моуэн заявил, что психотерапевт Дженнифер не пыталась каким-либо образом оценивать «фактическую достоверность» рассказов ее пациентки. Моуэн допускал, что психотерапевты не обязаны заботиться о том, «что на уме у их пациентов», но его интересовало следующее: разве при этом они не обязаны рассматривать вопрос о фактической точности воспоминаний, если речь идет о сексуальном насилии? Если психотерапевт не делает этого, если он отказывается использовать свои навыки критического мышления, чтобы подтвердить те или иные факты, не может ли оказаться, что в результате он начнет лечить своего пациента от недуга, которого у того на самом деле вовсе нет?

* * *

Даг встал за кафедру и сказал суду, что он никогда не насиловал своих или чьих-либо еще детей. Сторона обвинения детально рассмотрела его ранний подростковый сексуальный опыт с мальчиками из скаутского отряда.

Многочисленные свидетели защиты сообщили суду, что Даг Нейгл пользовался репутацией человека, говорящего правду. *Скотт Дженсен,* пятнадцатилетний член церковной юношеской группы, с которым Даг подружился, рассказал, что ездил вместе с Дагом и Дебби в Мексику в апреле 1990 года. Согласно показаниям Скотта, Дженнифер в трех разных разговорах во время этой поездки рассказывала ему, что ее психотерапевт, мать и сестра утверждают, будто отец ее насиловал, но сама она ничего об этом не помнит. Во время беседы со Стивом Моуэном Скотт процитировал слова Дженнифер: «Мама все твердит мне, что это правда. Мой психотерапевт и мама все время говорят мне, что это произошло, но я ничего не помню, а они меня не слушают».

Педиатр семьи Нейгл рассказал суду, что частью обычного физиологического осмотра была проверка на признаки или симптомы сексуального насилия. За все те годы, пока он лечил Дженнифер и ее сестер, у него никогда не возникало причин подозревать, что они могли подвергаться насилию. Четверо свидетелей-экспертов давали показания со стороны защиты. Доктор Штайн сообщил о результатах своей экспертной оценки и о разговорах с Дженнифер Нейгл. Доктор Юль, профессор психологии из Канады, рассказал о спорном пока методе, разработанном для того, чтобы отличать ложные обвинения от правдивых. Как эксперт по сексуальному насилию над детьми, доктор Карсон поведал суду, что подростковый гомосексуальный опыт Дага не выходил за рамки «нормального» поведения и что он не может служить доказательством того, что Даг тридцать пять лет спустя изнасиловал своих дочерей. Доктор Лофтус представила доказательства того, что на воспоминания может повлиять внушение.

Заключительные прения состоялись в понедельник 1 июля 1991 года. В тот же день судья Уорд вынес приговор. После детального устного обзора полученных показаний Уорд объявил, что Даг полностью оправдан.

* * *

Даг смотрел, как Дебби, Элисон и Анна спешно покидают зал суда. *Оправдан.* Что именно это значит? Он невиновен или его просто не признали *виновным*? Сможет ли оправдательный приговор вернуть ему прежнюю жизнь и воссоединить его семью? По крайней мере, теперь его не посадят в тюрьму, и за это он был благодарен. Но чем еще это ему поможет?

Дженнифер стояла в окружении группы незнакомых ему людей. Он подошел к столу прокурора и спросил, можно ли ему поговорить с дочерью.

– Теперь я не могу вам этого запретить, – огрызнулся в ответ главный обвинитель.

Даг подошел к людям, стоявшим вокруг его дочери.

– Дженнифер, можно с тобой поговорить? – спросил он.

Несколько человек начали ей что-то шептать. Он услышал слова «тебе не обязательно с ним говорить», а одна женщина взяла Дженнифер за плечи и силой отвернула ее, чтобы девушке не приходилось смотреть на отца. Но внезапно Дженнифер оттолкнула стоявших вокруг людей. «Это мой папа», – сказала она, направляясь к отцу.

– Я люблю тебя, – сказал Даг. – Я всегда буду тебя любить.

Дженнифер обняла отца, уткнулась лицом в его шею и сказала единственные слова, которые могли по-настоящему разбить ему сердце:

– Я тоже тебя люблю, папа.

* * *

В течение следующих трех дней Даг пытался дозвониться до своей семьи, но трубку никто не брал. На четвертый день ему ответила Дебби. Когда он спросил, можно ли ему поговорить с Анной или Дженнифер, Дебби велела ему никогда больше не звонить. С этого момента, добавила она, любое общение между ним и остальными членами семьи будет происходить исключительно через адвокатов по бракоразводным делам.

Адвокаты организовали встречу Дага с Дженнифер, но в последний момент Дебби ее отменила. Как она сообщила Дагу, они с психотерапевтом Дженнифер настаивали, чтобы та полностью прекратила общение с отцом – по крайней мере, на время. Встреча с Дагом «запутала бы ее».

Даг оставил несколько сообщений психотерапевту Дженнифер, но врач так и не перезвонила. В конце концов, когда он сказал, что не прекратит звонить до тех пор, пока она с ним не поговорит, психотерапевт призналась, что это она посоветовала Дженнифер и Дебби не сотрудничать с ним, чтобы он не мог на них повлиять. Она добавила, что не станет читать никакие письма или материалы, которые он шлет в ее офис, не станет соглашаться на личную встречу с ним и что не желает о нем больше слышать. Точка.

Анна и Элисон сообщили адвокату Дага по бракоразводным делам, что эмоционально не готовы к встрече с отцом. Когда-нибудь они, возможно, будут готовы пойти на примирение. Дженнифер отказалась встретиться с Дагом после того, как, по ее словам, он «набросился» на ее психотерапевта по телефону. По-видимому, она ошибочно полагала, что Даг собирается подать на ее врача в суд.

В середине января 1992 года Дженнифер положили в больницу, в отделение психиатрии. Даг узнал о том, что его дочь госпитализировали, лишь спустя две недели, когда получил счет из страховой компании.

Первого марта Дагу позвонил друг и рассказал, что Дженнифер снова находится в психиатрической палате. Она отказывалась возвращаться домой и жить с матерью и искала другое жилье.

Через десять дней Дженнифер выписали из психиатрического отделения. Она временно переехала жить к друзьям.

* * *

Даг и Дебби Нейгл развелись вскоре после судебного разбирательства, и с тех пор Даг женился еще раз. У его жены есть двое взрослых детей от предыдущего брака, и она работает специалистом по трудотерапии. Ради нее и собственного душевного равновесия Даг старается жить настоящим. Иногда у него получается. Время от времени он на несколько часов избавляется от мучительной тоски по своим детям. Но затем боль и страдания возвращаются без предупреждения. Он оглядывается на свою жизнь с Дебби и пытается вспомнить все хорошее, что у них было. Их брак распался, и каким-то образом получилось так, что очень серьезно пострадали их дети. «Но мы не плохие люди, мы не специально причиняли боль друг другу или нашим девочкам», – снова и снова убеждает себя Даг. Что-то произошло, что-то ужасное, необъяснимое, не поддающееся контролю. Как только это началось, уже ничего нельзя было исправить.

Даг не надеется когда-нибудь понять, как и почему эта трагедия обрушилась на его семью. Ведь катастрофы, рассуждает он, часто не имеют никакого логического объяснения. Войны, ураганы, автомобильные аварии, крушения поездов – все это просто случается. В этот раз по какой-то неведомой причине пришла его очередь страдать.

Он молится – как полагается, на коленях, а иногда на ходу, шепотом взывая к Богу, – чтобы Дженнифер освободилась от боли, залечила свои душевные раны и забыла о прошлом. Он живет в страхе, что в любой момент может раздаться телефонный звонок – «Дженнифер снова пыталась покончить с собой…» – и он категорически запрещает себе думать, что однажды каким-то образом у нее получится это сделать. Он пишет детям письма, которые хранит в специальном месте, ожидая разрешения снова с ними общаться. Он с нетерпением ждет дня, когда сможет их увидеть, обнять, сказать, как сильно он их любит и как сильно он скучал.

Он учится восстанавливать позитивные воспоминания, вытесняя из сознания обвинения, психотерапевтические сеансы и сцены из зала суда. Хотя недавние болезненные впечатления продолжают отравлять ему жизнь, у него все лучше получается мысленно возвращаться в более ранние, безмятежные дни. Он помнит, что когда-то члены его семьи были счастливы вместе. Даг Нейгл теперь многое знает о ненадежности памяти и понимает, что в его «приятных» воспоминаниях также есть искажения и преувеличения. Но все же они утешают его и дарят ему надежду на счастливый конец.

Есть одно особенно яркое воспоминание, которое он любит прокручивать в памяти. Из стенограммы разговоров между доктором Штайном и Дженнифер ему известно, что ей тоже приятно вспоминать этот эпизод. Дагу нравится думать, что, когда этот красочный и эмоциональный образ встает перед его внутренним взором, Дженнифер вспоминает тот же эпизод и испытывает похожие теплые чувства. В такие моменты ему кажется, будто она совсем рядом, будто он разделяет ее чувства, понимает ее тоску. В этом воспоминании у них одна душа на двоих.

Они плывут на деревянной лодке в тихие холодные воды залива Пьюджет-Саунд. Над ними пышные розовые облака, день близится к закату. Качаясь на волнах, они отплывают на сотню метров от берега. Дженнифер всего семь или восемь лет. Ее светло-русые рыжеватые волосы собраны в конский хвост. Она смотрит, как он насаживает на крючок кусочки сельди в качестве наживки, и морщит нос. «Фу, пап», – хихикая, говорит она. Видно, что она восхищается его мужеством.

Лодка слегка покачивается. Через какое-то время ее удочка гнется, и она вскрикивает своим звонким детским голосом: «Рыба! Рыба!» Это ее любимая часть рыбалки: крутить катушку и впервые смотреть на улов – скорее всего, морской окунь или катран, хотя иногда ей удается выловить небольшого лосося. Но сразу за этим следует ее нелюбимая часть. Она закрывает глаза и уши руками, пока отец достает маленькую деревянную дубинку и ударяет рыбу по голове.

Они гребут обратно к берегу, удивляясь, как быстро солнце прячется за горами на западе. Дженнифер кажется чем-то обеспокоенной, пока они, держась за руки, идут по узкой тропе, по обеим сторонам от которой растут высокие деревья с толстыми иголками. Раздается звук сирены: корабль бороздит водные просторы, направляясь на юг, в сторону Такомы, и Дженнифер вздрагивает.

– Там темно, пап, – говорит она, с опаской глядя во мрак за деревьями.

– Я буду тебя защищать, – успокаивает он ее.

– Обещаешь? – спрашивает она.

– Отныне и навсегда, – отвечает он.

9
В поисках воспоминаний

Психотерапевт может потратить много времени, прежде чем обнаружит, что первоначальной причиной проявляющихся у пациента симптомов является пережитый в прошлом инцест.
Венди Мальц и Беверли Холман. Инцест и сексуальность: руководство к пониманию и исцелению (Incest and Sexuality: A Guide to Understanding and Healing)

Прежде чем у Дженнифер Нейгл появились первые воспоминания об изнасиловании отцом, она прочитала две книги, производящие неизгладимое впечатление, – одну небольшую и одну очень толстую. Обе посвящены тому, как пережить инцест и оправиться от его последствий. Школьный психолог дал Дженнифер 10-страничную брошюру под названием «Пособие для жертв инцеста», опубликованную организацией, помогающей жертвам изнасилования, а ее психотерапевт дал ей «Мужество исцеления». Несмотря на разницу в объеме, составляющую 485 страниц, эти книги содержат одни и те же базовые идеи. Именно они лежат в основе понятия «вытеснение» и методов терапии, направленных на восстановление вытесненных воспоминаний.

• Инцест и сексуальное насилие над детьми – это эпидемия. В брошюре организации, оказывающей помощь жертвам изнасилования, говорится, что каждая четвертая женщина и каждый шестой мужчина в детстве были изнасилованы, а в «Мужестве исцеления» приводятся данные статистики, согласно которым каждая третья девочка и каждый седьмой мальчик были изнасилованы до достижения восемнадцатилетнего возраста.

• Многие психопатологические симптомы у взрослых (их неполный список: тревога, панические атаки, депрессия, половая дисфункция, сложности в отношениях, агрессивное поведение, расстройства пищевого поведения, одиночество и попытки самоубийства) – это следствие давних реакций на пережитое в детстве сексуальное насилие.

• У значительного числа (в процентном отношении) взрослых, переживших насилие, травматичные воспоминания полностью блокируются благодаря подсознательному защитному механизму вытеснения.

• Обратиться к воспоминаниям о далеком прошлом и принять их реальность – это крайне важный шаг в процессе восстановления.

• Индивидуальная и групповая терапия способна помочь жертве исцелиться, решить свои проблемы и начать жить полноценной жизнью.

Итак, основной посыл в двух словах: инцест – эпидемия, вытеснение – широко распространенное явление, восстановление возможно, психотерапия способна помочь.

Далее мы рассмотрим эти основные темы более подробно, а затем опишем специальные методы, используемые для восстановления вытесненных воспоминаний. Используя слово «вытеснение», мы не имеем в виду «обычное забывание», то есть ситуацию, когда мы какое-то время не думаем о том или ином событии или случае, а затем воспоминание о нем возвращается. Под вытеснением понимается намеренное выталкивание одного или нескольких воспоминаний о травматичных событиях в подсознание. Вытесненные воспоминания, как правило, восстанавливаются во время психотерапии, когда проводится масштабная «работа с памятью» пациента – наводящие вопросы, управляемая визуализация, возрастная регрессия, гипноз,

интерпретация сигналов телесной памяти, анализ снов, арт-терапия, работа с чувствами гнева и печали и групповая терапия.

Хотя мы скептически относимся к вероятности того, что эти и другие агрессивные терапевтические методы могут быть полезны в поисках истины, мы не сомневаемся в реальности детского сексуального насилия или травматичных воспоминаний. Мы не ставим под вопрос серьезность травмы изнасилованного ребенка, а также мужчин и женщин, молча страдающих от воспоминаний о сексуальном насилии, о котором они никогда не забывали. Мы также не сомневаемся в навыках и таланте психотерапевтов, с любовью и большой заботой работающих над тем, чтобы извлечь воспоминания, которые долгое время были слишком болезненными, чтобы о них говорить.

Многие измученные люди годами живут, храня темный секрет о своем жестоком прошлом, и находят мужество обсудить свои детские травмы только в атмосфере поддержки и сочувствия на сеансе психотерапии. Мы не оспариваем эти воспоминания. Мы ставим под вопрос лишь те воспоминания, которые называют «вытесненными»[1], – воспоминания, которых не существовало до тех пор, пока кто-то не начал их искать.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Инцест – это эпидемия

Первый принцип, который наиболее яростно отстаивает движение жертв инцеста: сексуальное насилие в семье совершается гораздо чаще, кем кто-либо может себе представить. Психиатр Джудит Льюис Герман говорит об инцесте как о «распространенном и значимом для многих женщин опыте», а психотерапевт и известная писательница Сью Блум в своей книге «Тайные жертвы» заявляет, что «инцест – настолько частое явление, что его можно назвать эпидемией… В каждый момент времени *более 75 % моих пациенток* составляли женщины, изнасилованные в детстве кем-то, кого они знали».

Тут же приводятся статистические данные, подтверждающие эти тревожные заявления. Беверли Энгель в своей книге «Право на невинность: лечение травмы от пережитого в детстве сексуального насилия» (The Right to Innocence: Healing the Trauma of Childhood Sexual Abuse) цитирует сведения из трех различных источников: опубликованные в августовском выпуске газеты Los Angeles Times за 1985 год данные соцопроса среди взрослых, согласно которым около 38 миллионов респондентов были изнасилованы в детстве; проведенное доктором Генри Джиаретто исследование 250 000 случаев в рамках программы по защите детей от сексуальных посягательств, которое показало, что каждая третья женщина и каждый седьмой мужчина были изнасилованы до 18 лет; и проведенное в 1986 году исследование социолога Дианы Рассел, в котором приняли участие 930 женщин из Сан-Франциско и которое показало, что 38 % участниц подверглись сексуальному насилию до 18 лет. Когда стал учитываться нефизический контакт (то есть демонстрация гениталий), более половины участников исследования Рассел заявили об изнасиловании.

Пугающая статистика, но в то же время эти данные якобы должны звучать успокаивающе. Энгель пишет: «Пусть вас это успокоит. Быть может, вы чувствовали себя одинокими в своих страданиях, но это не так. Многие люди страдают от той же боли, страха и гнева. Вы не одиноки».

За статистикой сразу же следуют определения и толкования понятия «инцест». Поднимаются и настойчиво задаются вопросы. Блум пишет:

> Обязательно ли инцест должен включать в себя половой акт? Обязательно ли в инцесте должны быть задействованы гениталии? Должен ли он вообще подразумевать прикосновения? Ответ – нет… Инцест

> не всегда означает половой акт. На самом деле он может даже не сопровождаться прикосновениями. Существует множество других способов сексуально нарушить личное пространство ребенка или задеть его чувства. Инцест может проявиться в словах, звуках или же когда ребенок видит образы или действия сексуального характера, к которым он непосредственно не причастен.

В своем анализе Блум приводит несколько примеров инцеста: отец маячит около ванной комнаты, пока ребенок находится внутри, или заходит в комнату без стука; старший брат принуждает сестру раздеться; водитель школьного автобуса заставляет ученика сесть рядом с ним; дядя показывает порнографические картинки четырехлетней племяннице; отец ревнует свою дочь или не доверяет ее молодому человеку; родственник то и дело пристает к вам с вопросами о вашем сексуальном опыте. Важным считается не само событие, а субъективные переживания ребенка – то, «как именно» к нему относились или прикасались. Таким образом, факт сексуального насилия определяется тем, «как именно» священник на прощание целует ребенка или «как именно» няня ведет себя с ребенком во время купания.

Басс и Дэвис, авторы книги «Мужество исцеления», соглашаются, что наиважнейший фактор при определении того, было ли то или иное действие инцестом, – это личный, физический, эмоциональный и духовный опыт ребенка или подростка. Они также приводят примеры нефизических инцестуальных действий или «нарушения доверия»:

> Изнасилование далеко не всегда бывает физическим. Может быть, ваш отец стоял в дверях ванной, делая намеки, или просто глазел на вас, когда вы заходили, чтобы воспользоваться туалетом. Или, может, ваш дядя разгуливал голым, привлекая внимание к своему пенису, рассказывая о своих сексуальных подвигах и задавая вопросы о вашем теле… Существует много видов сексуального насилия. Также существует изнасилование на психологическом уровне. К примеру, у вас было чувство, что ваш отчим каждую секунду в течение всего дня отдавал себе отчет о вашем физическом присутствии, как бы тихо и скромно вы себя ни вели. Ваш сосед с навязчивым интересом наблюдал за изменениями вашего тела. Ваш отец водил вас на романтические свидания и писал вам любовные письма.

Беверли Энгель рассказывает о собственном воспоминании, демонстрируя, что решающим фактором в вопросе о насилии служит испытанный ребенком дискомфорт, о котором свидетельствует тревога и смущение при мысли об этом случае. Уровень дискомфорта можно оценить позднее, много лет спустя:

> Когда я училась в старшей школе, моя мама несколько раз напивалась в стельку и становилась очень сентиментальной. Иногда она впечатывала мне в губы крепкий «мокрый» поцелуй. Теперь у меня есть основания думать, что моя мать подсознательно сексуально соблазняла меня.

Но – поднимает руку скептик, сидящий в заднем ряду, – ведь это уже взрослая Беверли, которая восстанавливает и анализирует воспоминание многолетней давности, разве нет? Осознавала ли юная Беверли что-то подобное, когда ее целовала мать или вскоре после этого? Возможно, ее больше тревожил тот факт, что мать «напивалась в стельку», а не сам факт поцелуя? Не соединилась ли интерпретация взрослой Беверли, четкая и отполированная годами обучения и работы с жертвами инцеста, с воспоминанием об этих неприятных, но довольно безобидных случаях?

Те, кто задает эти скептические вопросы, по-видимому, не улавливают сути. На самом деле речь не идет о подростковых чувствах Беверли, потому что она была юной и незрелой, а

значит, неспособной адекватно оценивать и понимать ситуацию, в которой находилась. Лишь повзрослев и оглянувшись в прошлое, она смогла понять значение своего раннего опыта. И если во время восстановления воспоминаний она испытала *чувство*, что ее изнасиловали, то, вероятно, так оно и было. Ей даже не обязательно помнить об этом.

Вытеснение – широко распространенное явление

«Приблизительно 60 % жертв инцеста не помнят о пережитом насилии в течение еще многих лет», – заявляет Джон Брэдшоу, автор ежемесячной колонки практических советов по самопомощи в журнале Lear’s. Брэдшоу не упоминает источник, из которого он взял эту статистику, однако Блум в своей книге приводит похожие данные:

> По своему опыту могу сказать, что менее половины женщин, переживших эту травму, позднее вспоминают и определяют ее как изнасилование. Следовательно, вполне вероятно, что более половины всех женщин в детстве стали жертвами изнасилования… Буквально десятки миллионов «тайных жертв» несут бремя своей потаенной истории.

Далее в своей книге Блум утверждает, что «вытеснение в той или иной форме практически всегда проявляется у жертв насилия».

Психотерапевт Рене Фредриксон согласна, что цифры ужасают. Поначалу она с недоверием относилась к огромному количеству пациентов, заявляющих о вытесненных воспоминаниях о сексуальном насилии («Я думала, это какая-то форма заразной истерии»), но в конце концов она пришла к убеждению, что эти похороненные, а затем вдруг воскресшие воспоминания на самом деле были точным отражением прошлого. По мере того как ее уверенность в этом росла, она начала искать в научных журналах информацию о вытеснении. К своему изумлению, Фредриксон нашла лишь размышления Фрейда по поводу «фантазий» пациентов о насилии. «Я была вынуждена положиться на собственные наблюдения и клинический опыт коллег, чтобы что-то узнать о вытесненных воспоминаниях».

Вскоре Фредриксон осознала масштабы проблемы и решила написать книгу «Вытесненные воспоминания: путь к восстановлению после сексуального насилия» (Repressed Memories: A Journey to Recovery from Sexual Abuse), чтобы помочь «миллионам людей», которые заблокировали «ужасающие воспоминания о случаях насилия, целые годы своей жизни или даже все свое детство. Они отчаянно хотят выяснить, что с ними случилось, и, чтобы сделать это, им нужны определенные инструменты». Басс и Дэвис соглашаются, что вытеснение – обычное явление среди жертв насилия. В главе под названием «Вспоминая» читателям говорят: «Если вы не помните об изнасиловании, вы не одиноки. Многие женщины не помнят, а некоторые никогда и не вспомнят об этом. Но это не значит, что они не были изнасилованы».

Ученые склонны более осмотрительно относиться к цифрам, хотя они согласны, что вытеснение – это распространенная реакция на травму. Психоаналитик Элис Миллер предлагает обобщенное, универсальное представление о способности разума убирать в дальний ящик тревожные мысли и эмоции: «Конфликтный опыт каждого ребенка остается спрятанным и запертым в темноте, и там же спрятан ключ к нашему пониманию жизни».

Многие психиатры, психологи и социальные работники полагают, что феномен «вытеснения», по сути, был открыт заново. В научной статье «Навязчивое прошлое: гибкость памяти и появление травмы» (The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma), которую часто цитируют психотерапевты, работающие с травмированными пациентами (таких специалистов еще называют травмотерапевтами), авторы Бессель ван дер Колк и Онно ван дер Харт приводят исторические данные. В течение почти ста лет, как утверждают авторы, психоанализ (определяемый как «изучение вытесненных желаний и инстинктов») «практически игнорировал тот факт, что реальные воспоминания могут послужить ядром психопатологии и

в дальнейшем оказывать влияние на текущий опыт посредством процесса диссоциации». Но в 1980-е и 1990-е годы психиатры в конце концов осознали «реальное влияние психологической травмы на жизнь человека и тот факт, что реальный опыт может быть настолько невыносим, что не включается в существующую ментальную парадигму, а, наоборот, устраняется из нее, а затем внезапно возвращается в виде обрывков сенсорной или двигательной памяти».

Если блокировка воспоминаний – это защитная реакция, с чем согласны все авторы, то зачем мы подвергаем себя риску, раскапывая то, что было похоронено? Дело в том, что осколки прошлого продолжают проникать в нашу повседневную жизнь, причиняя острую боль и вызывая горестные чувства. Пока мы не извлечем это воспоминание, не отшлифуем его неровные края и осторожно не сделаем его частью нашего представления о себе, мы не почувствуем облегчение и не освободимся от прошлого. Бессель ван дер Колк и Онно ван дер Харт объясняют:

> Травматичные воспоминания – это неусвоенные обрывки невыносимого опыта, которые необходимо внедрить в существующие ментальные схемы и преобразовать в цельное повествование. По-видимому, чтобы достичь этого, травмированный человек должен часто обращаться к воспоминанию, дополняя его, пока оно вновь не станет полным.

Писатели-популяризаторы используют более простой язык и всем знакомые метафоры, чтобы донести ту же мысль. В своей колонке в журнале Lear's Джон Брэдшоу описывает необходимость смотреть страхам в лицо: «Отворачиваясь от фактов нашей собственной жизни, мы лишь причиняем себе вред. Помощь приходит, когда мы называем наших демонов по именам и открыто говорим даже о самых пугающих вещах».

Эти «пугающие вещи» обычно ютятся в подсознании – это воображаемое место обрело материальность благодаря многочисленным книгам для широкой публики. Например, Рене Фредриксон предлагает запутанное, но интригующее объяснение работы подсознания:

> Подсознание воспринимает все в настоящем времени, и, если воспоминание похоронено в подсознании, последнее сохраняет его как продолжающийся в текущей реальности непрекращающийся акт изнасилования. Цена вытесненного воспоминания такова: разум не знает, что насилие закончилось… Фрагменты незаконченного воспоминания всегда будут «возвращаться и преследовать вас».

Но – снова поднимает руку скептик – если у человека нет воспоминаний об изнасиловании, как он может знать наверняка, что его текущие проблемы вызваны вытесненными воспоминаниями или «фрагментами незаконченного воспоминания»? Как говорится, поверьте на слово. Если в вашей жизни проявляются соответствующие симптомы, значит, вероятнее всего, вы были изнасилованы. Если вы думаете, что вас изнасиловали, если у вас есть чувство, что вас изнасиловали, значит, вас изнасиловали. Дальнейшие рекомендации: не позволяйте никому разубедить вас в этом, ведь если нечто кажется реальным, то таковым оно и является, и это единственное доказательство, которое вам требуется.

Скептиков довольно жестко критикуют в популярных книгах для жертв инцеста. Читателей уговаривают не верить официальным данным о распространенности инцеста. По словам Сью Блум, этот вопрос в последнее время исследуется исключительно «с целью скрыть правду и заставить людей поверить в ложь… Механически подсчитывая количество случаев, можно упустить из виду их травматичность, а то и саму истину». Блум цитирует Джудит Льюис Герман, которая утверждает, что только врачи могут точно оценить масштабы проблемы: «С опытом квалифицированного терапевта не сравнится ни один доступный в настоящее время способ анкетирования или соцопроса. Некоторые формы эмоционального вреда бывает трудно

выявить в ходе общих социологических исследований, но они однозначно зафиксированы в медицинских заключениях специалистов.

Психолог Джон Бриер сделал похожее заявление в своем недавнем интервью. Возможно, отвечая на утверждения критиков о том, что целенаправленное восстановление вытесненных воспоминаний – это временная причуда (или, как прямолинейно выразился социальный психолог Ричард Офше, «один из наиболее интригующих видов шарлатанства нашего века»), Бриер заявил: «Я надеюсь, что раз столь многочисленные жертвы нашли в себе силы рассказать об этом, никакие распространившиеся в последнее время сомнения не заставят их замолчать. У повсеместности сексуального насилия есть и «положительная сторона»: многие люди в глубине души знают, что это явление *действительно* существует.

Сложно обойти стороной утверждение (угрожающее перерасти в обвинение), что, ставя под вопрос существование вытесненных воспоминаний, исследователи памяти и специалисты по сбору статистики выступают не только против жертв насилия, но и против правды. Как следует из дальнейших слов Бриера, он считает, будто некоторые скептически настроенные исследователи добиваются единственной цели: доказать, что рассказы жертв – это ложь:

> Меня печалит и злит тот факт, что люди, которые в остальном ведут себя как добропорядочные ученые, направляют свои усилия на то, чтобы каким-то образом доказать – не обладая убедительными данными, – что воспоминания сотен тысяч жертв нереальны… В конце концов, мы говорим о живых, испытывающих боль людях, а слова таких людей не всегда на 100 % точны. Мы не устраиваем подобных допросов людям, которые попали в ДТП или пережили другое потрясение. Похоже, именно в области сексуального насилия нам сложнее всего принять то, что нам говорят.

Почему скептикам так трудно принять правду? Потому что (как нас убеждают) мы находимся в состоянии отрицания. Когда в еженедельном выпуске журнала The New York Times Book Review появилось критическое эссе психолога Кэрол Теврис «Опасайтесь конвейера жертв инцеста» (Beware the Incest-Survivor Machine), психотерапевты и жертвы насилия завалили редактора гневными письмами, обвиняя Теврис в том, что она боится столкнуться с правдой лицом к лицу. Элен Басс выделила причины, заставляющие скептиков все отрицать:

> Больно принимать реальность, в которой так много детей были жестоко изнасилованы. Куда проще назвать это фантазией, манипуляцией, выдумкой; проще сказать, что человеку промыли мозги, убедив, будто он был изнасилован, чем принять тот факт, что этот человек в детстве пережил подобные мучения.

По крайней мере, в этом скептики и жертвы сходятся, ведь все мы склонны к отрицанию, затмевающему свет правды. Отрицание представляется чем-то материальным, вроде остроконечных листьев артишока, которые нужно оборвать, чтобы добраться до «сердцевины» правды. Как же нам очистить свое восприятие от отрицания?

«Чтобы увидеть некоторые вещи, в них нужно сначала поверить», – цитирует Рене Фредриксон одно из «достойных высказываний», приведенных в журнале Reader’s Digest. По мнению исследователей, которые придерживаются научного метода, такой подход нарушает все правила. Но Фредриксон, как и другие авторы книг для широкой публики, не особо заинтересована в том, чтобы бороться со скептицизмом научного сообщества. Их первоначальная цель – помочь жертвам насилия преодолеть отрицание, а самый эффективный способ это сделать – сразу же приступить к делу и «провести работу» с памятью. Как только жертва возьмется за эту работу – в которой используется целый комплекс специальных упражнений и методов, – на нее нахлынут воспоминания, и этого будет достаточно, чтобы победить отрицание. Фредриксон объясняет:

> Когда восстановленные воспоминания достигнут критической массы, вы убедитесь в их безоговорочной реальности… Восстановив достаточное количество воспоминаний и обсудив их достаточное количество раз, вы внезапно осознаете, что они реальны… если довольно долго говорить о вытесненных воспоминаниях, приходит интуитивное понимание, что все это было на самом деле.

Восстановление возможно

Как только вернувшиеся воспоминания жертвы достигают «критической массы», открывается путь к их полному восстановлению и начинается исцеление. Восстановление – это страна триумфа и возрождения, где, по словам Фредриксон, мы становимся «мудрее и красивее», чем были раньше, до того, как начали свое путешествие. Жертва постепенно меняется к лучшему, возвращает себе силы и свое «я», избавляется от чувства вины, отказывается от самобичевания, заново обретает чувство собственного достоинства, наполняется новой энергией и жизненными силами, исцеляет полученные в детстве раны.

Однако не стоит думать, что исцеление означает конец путешествия или избавление от боли. Восстановление – процесс длиною в жизнь, полный болезненных и ошеломительных взлетов и падений, отклонений и возвращений к исходной точке. Психолог Джон Бриер рассказывает историю, которая подтверждает это:

> Жертва, с которой я не так давно виделся, в конце консультации спросила: «Я когда-нибудь вылечусь?» Мне показалось, что на самом деле она хотела спросить: «Мне когда-нибудь не будет больно?» Печальным и странным был мой ответ, но ничего другого я не мог ей сказать:
>
> – Нет, возможно, вы никогда не избавитесь от боли, по крайней мере полностью. Я понимаю, что вы в отчаянии и мечтаете, чтобы вам стало лучше, но, возможно, ее [терапии] суть заключается не только в этом.
>
> – В чем же она тогда заключается? – спросила она.
>
> – В обретении свободы? – предположил я.
>
> И она улыбнулась.

Свобода. Правда. Справедливость. Очень по-американски.

Сторонники восстановления воспоминаний облачаются в сияющие доспехи борцов за справедливость. Эта великая битва должна положить конец угнетению и помочь всем, кто пострадал как от сексуального насилия, так и от любых страхов и предубеждений. Жертв уверяют, что их цель – не только исцелиться самим: они делают вклад в исцеление всего мира. Как пишет Майк Лью в своей книге «Больше не жертвы» (Victims No Longer): «По-моему, все это об одном и том же. Дети. Океан. Рыба. Земля. Мы либо заботимся о них, либо нет… В общем, как мы можем исцелить мир, пока не исцелим себя?»

Не нужно даже быть жертвой, чтобы стать частью этого привилегированного и вдохновенного сообщества. Однако женщиной быть не повредит. «Хоть лично меня не насиловали, но я – женщина. Я – мать», – пишет Элен Басс во вступлении к своей книге «Я никогда никому не говорила: записки женщин, в детстве переживших изнасилование» (I Never Told Anyone: Writings by Women Survivors of Child Sexual Abuse):

> Я разделяю эту боль и этот гнев, я приобщаюсь к исцелению и созданию мира, где детей поддерживают и предоставляют им право управлять своим телом, где они могут возражать и просить о помощи, зная, что они ее получат. В конце концов, я хотела бы жить в мире, где насилие над детьми – а также надругательство над женщинами, лесами, океанами, землей – это

> история, которую помнят лишь для того, чтобы подобное больше никогда не повторилось.

В книге «Мужество исцеления» Басс и Дэвис обсуждают эту тему еще более развернуто и, разумеется, политкорректно:

> Несмотря на то что ваше выздоровление зависит в первую очередь от вас самих, ответственность лежит не только на вас. Сексуальное насилие над детьми порождается тем же страхом, ненавистью, лишениями, эгоизмом и невежеством, которые подталкивают людей к другим видам насилия и надругательств. Эти психологические установки вплетены в ткань нашего общества и подавляюще действуют на людей. Отсюда ядерные отходы, бесчеловечные условия жизни для сельскохозяйственных рабочих-мигрантов, бесчинства ку-клукс-клана.

Затем авторы «Мужества исцеления» намекают на то, что жертвы угнетения – это единицы избранных, которые могут исцелить не только себя самих, но и мир в целом:

> Частью вашего исцеления является исцеление земли. Если это не будет одним из ваших приоритетов, у мира останется мало шансов. Как правило, отнюдь не насильники пишут письма правительству, умоляя его прекратить спонсирование бойни в Сальвадоре. Отнюдь не матери, которые в ужасе отказываются слушать рассказы о вашей боли, борются за внесение изменений в законодательство, чтобы дети имели больше возможностей давать свидетельские показания. И скольким педофилам есть дело до токсичных отходов?
>
> Только у вас – у тех, кто больше других знает о справедливости и о несправедливости, о насилии и уважении, о страданиях и об исцелении, – достанет ясности ума, мужества и сострадания для борьбы за то, чтобы жизнь на Земле становилась лучше, и за само ее продолжение.

Быть может, у нас – у тех, кто во всем сомневается и ничего не принимает на веру, – и правда есть причины беспокоиться, ведь все эти трогательные разговоры о роли жертв насилия порождают очевидный раскол общества на два противостоящих лагеря. Такое самодовольство разделяет и разобщает, формирует черно-белую картину мира у людей, которым следовало бы понимать больше, чем остальным.

Только подумайте, какой подтекст скрывается за этим коротким предложением из «Мужества исцеления»: «Скольким педофилам есть дело до токсичных отходов?» Разве позволительно вот так просто делить мир на добро и зло? Можно провести параллель со сценой из пьесы Артура Миллера «Суровое испытание», в которой полномочный представитель губернатора Дэнфорт объявляет обескураженным жителям Сейлема:

> Я хочу, чтобы все поняли… Сейчас можно быть либо за суд, либо против. Середины нет. Настало время твердых решений. Сумерки, когда добро смешивалось со злом, слава богу, прошли. Восход солнца приветствуют все, кто не боится света. Надеюсь, никто из вас не хочет возвращения сумерек.

Миллер проводил параллель между сейлемскими охотниками на ведьм и охотившимися на красных маккартистами. Он опасался объединяющей их «кастовой нетерпимости», взращенной на почве уверенности в том, что «только они единственные держат в своих руках светоч, который должен озарить мир». В нашем рвении положить конец сексуальному насилию над детьми и облегчить боль повзрослевших жертв не были ли мы ослеплены светом того, что мы предпочитаем считать истиной? Не пали ли мы жертвой тех же ошибочных моралистических убеждений, которые в прошлом делили мир на абсолютное добро и абсолютное зло?

КОНКРЕТНЫЕ МЕТОДЫ

> Не бывает так, чтобы на вершину горы вела лишь одна тропа… Методы восстановления воспоминаний столь же бесчисленны, сколь безграничны творческие возможности человека.
> *Рене Фредриксон. Вытесненные воспоминания*

Мы обсудили общие принципы, лежащие в основе терапии по восстановлению вытесненных воспоминаний (или просто «работы с памятью»), и подошли к вопросу о более конкретных вещах – различных инструментах, используемых психотерапевтами для выкапывания похороненных воспоминаний.

Прямой вопрос

Когда пациенты заходят в кабинет психотерапевта и начинают рассказывать о депрессии, тревоге, суицидальных мыслях, сексуальных проблемах, расстройствах пищевого поведения или разнообразных видах зависимости, многие специалисты автоматически начинают подозревать, что подлинной причиной этих проблем на самом деле является сексуальное насилие. Как следует поступить психотерапевту, когда возникает такое подозрение? Авторы книги «Мужество исцеления» предлагают действовать напрямую.

> Работая с пациентом, который, по вашему мнению, мог пережить насилие, без обиняков спросите его: «Вы подвергались сексуальному насилию в детстве?» Это простой и незамысловатый способ выяснить, с чем вы имеете дело. Это также позволяет четко и ясно дать пациенту понять, что вы готовы работать с проблемой сексуального насилия.

Психотерапевт Карен Олио согласна с тем, что специалист обязан иметь опыт работы с пациентами, пережившими сексуальное насилие, и быть готовым поднять эту деликатную и в прошлом запретную тему:

> Когда нужно определить, подвергался ли пациент сексуальному насилию, важнейшим фактором может быть готовность психотерапевта рассмотреть такую вероятность… К сожалению, из-за неопытности и невежества многие психотерапевты не задают нужных вопросов или не распознают признаки сексуального насилия… Если не спросить напрямую… жертва может ничего не сказать о пережитом насилии.

В своей книге «Преданная невинность» (Betrayal of Innocence) психотерапевт Сьюзан Форвард, которая утверждает, что помогла более чем полутора тысячам жертв инцеста, рассказывает о таком методе работы с пациентами:

> Вы знаете [говорит она им], по личному опыту мне известно, что многие люди, которые борются с теми же проблемами, что есть у вас, пережили в детстве некие чрезвычайно болезненные события – например, их били или насиловали. Мне бы хотелось знать, не происходило ли с вами нечто подобное?

Другие практикующие врачи утверждают, будто некоторые из их коллег говорят своим пациентам: «Ваши симптомы свидетельствуют о том, что вас насиловали в детстве. Что вы можете рассказать мне об этом?» А то и вовсе: «Вы производите впечатление человека, которого могли насиловать в детстве. Расскажите, что этот ублюдок с вами сделал».

Если пациент не может вспомнить конкретных случаев насилия, психотерапевту рекомендуется рассмотреть вероятность того, что соответствующие воспоминания были вытес-

нены. Ведь вытеснение – это не только способ устранить воспоминания из сознания, но также и непосредственный признак того, что насилие имело место. «Если жертва не может вспомнить свое детство или описывает воспоминания очень смутно, обязательно следует учесть вероятность инцеста», – советуют своим коллегам-врачам психотерапевты и авторы книги «Инцест и сексуальность» (Incest and Sexuality) Венди Мальц и Беверли Холман. Им вторит психотерапевт Майк Лью: «Если взрослый человек говорит мне, что не помнит целые эпизоды своего детства, я делаю вывод, что он, возможно, подвергался тому или иному виду насилия».

«Смутные чувства» – это еще один признак того, что из подсознания в область сознательного просачиваются вытесненные воспоминания. «Если у вас есть хоть какие-то подозрения, хоть какие-то воспоминания, какими бы смутными они ни были, возможно, это на самом деле случилось, – уверяет своих пациентов психотерапевт Беверли Энгель. – Гораздо более вероятно, что вы блокируете воспоминания об этом, *отрицая* случившееся».

Видимо, подозрения непременно приводят к подтверждению того, что насилие было. «За пятнадцать лет работы психотерапевтом я ни разу не имела дела с пациентами, которые бы сначала подозревали, что могли подвергнуться насилию, а затем понимали, что это не так», – пишет Энгель. С ней единодушны Басс и Дэвис:

> До сих пор из всех пациенток, с которыми мы беседовали, не было ни одной, которая сначала сказала бы, что ее, вероятно, насиловали, а затем обнаружила бы, что этого не было. События всегда развиваются в другую сторону – от подозрений к подтверждению. Если вы думаете, что вас могли изнасиловать, и в вашей жизни проявляются соответствующие симптомы, значит, так оно и было.

Список симптомов

1. Вам сложно понять, чего вы хотите?
2. Вы боитесь пробовать что-то новое?
3. Если кто-то предлагает вам что-то сделать, чувствуете ли вы, что обязаны последовать этому совету?
4. Следуете ли вы рекомендациям других людей так, будто это приказы, которые следует выполнять?

Этот крохотный список симптомов, опубликованный в июле 1992 года в колонке Джона Брэдшоу в женском журнале Lear's, представляет собой часть более обширного «Перечня подозрений» из книги Брэдшоу «Возвращение домой» (Homecoming). В своей журнальной колонке Брэдшоу знакомит читателя с этими четырьмя вопросами, а затем предлагает быструю проверку:

> Если вы положительно ответили хотя бы на один из этих вопросов, можете быть уверены, что кто-то причинил вам вред на ранних стадиях развития – в возрасте от девяти месяцев до полутора лет, в тот период, когда вы начали ползать, изучать окружающий мир и следовать врожденному любопытству, куда бы оно вас ни вело.

В августовской колонке 1992 года Брэдшоу приводит чуть более конкретный набор признаков, которые он считает «типичными чертами жертв инцеста». Этот список включает в себя девять пунктов с очевидным сексуальным уклоном («У вас нет или почти нет интереса к сексу», «Вы склонны к беспорядочным сексуальным связям, но не получаете от них особого удовольствия», «Вы проявляли признаки необычного преждевременного сексуального поведения до достижения десятилетнего возраста», «Насколько вам известно, у вас никогда ни с кем не было секса») и вдобавок несколько вопросов об апатичном поведении, расстройствах пищевого поведения и различных физических недугах. Тем читателям, которые найдут в себе

большую часть этих черт, но ничего не помнят об инцесте, предлагается выполнить одно простое упражнение: «Примите *теорию* о том, что вас насиловали, в течение полугода живите, осознанно соглашаясь с этой идеей, помещая ее в контекст симптомов, наличие которых вы признаете, и посмотрите, не вернутся ли к вам какие-либо воспоминания».

В то время как Брэдшоу предлагает «фастфудный» вариант списка симптомов, Сью Блум приглашает читателя на пир для истинных гурманов. Ее меню под впечатляющим заголовком «Жертвы инцеста: перечень последствий насилия» включает в себя 34 признака или характеристики, которым должны соответствовать жертвы инцеста. При этом большинство пунктов включают в себя несколько подпунктов или дополнений, а иногда, как это ни странно, содержат противоречия. Например,

> *№ 3.* Отчужденность по отношению к собственному телу – чувство, что оно вам не принадлежит, неспособность улавливать невербальные сигналы или заботиться о собственном теле, негативное восприятие собственного внешнего вида, манипулирование весом с целью избежать сексуального внимания.
>
> *№ 5.* Привычка носить много одежды, даже летом; мешковатая одежда; нежелание снимать одежду даже тогда, когда это уместно (во время купания, принятия ванны, сна); чрезмерная потребность в уединении при использовании туалета.
>
> *№ 9.* Потребность быть незаметным, быть во всем идеальным или в высшей степени плохим.
>
> *№ 32.* Нежелание издавать звуки (в том числе во время секса, а также при смехе, плаче или других обычных реакциях организма); вербальная сверхбдительность (тщательный контроль над произносимыми словами); привычка говорить тихо, особенно когда необходимо быть услышанным.

Даже исходя из этого краткого отрывка (а полный список занимает пять книжных страниц), мы получаем следующее: если вам не нравится, как вы выглядите, вы носите мешковатую одежду, чувствуете потребность во всем быть идеальным (или в высшей степени плохим), говорите мягким голосом и не любите шуметь, занимаясь любовью, значит, «вы можете быть жертвой инцеста». (Кстати говоря, читателю не предлагается никаких советов относительно того, как оценивать пункт, в котором одна деталь соответствует правде, а другая – нет. Предположительно, даже малейшая искорка сомнения означает, что следует поставить галочку.)

Рене Фредриксон в своей книге приводит список симптомов, который призван выявить «распространенные признаки, указывающие на наличие вытесненных воспоминаний». Шестьдесят пять вопросов, разделенных на семь категорий («Сексуальность», «Сон», «Страхи и влечения», «Нарушения пищевого поведения», «Проблемы, связанные с телом», «Компульсивное поведение» и «Эмоциональные сигналы»), посвящены главным образом страхам, потребностям и моделям поведения. Вот некоторые из перечисленных симптомов.

> • В моей жизни был период беспорядочных сексуальных связей.
>
> • Мне часто снятся кошмары.
>
> • Мне бывает трудно уснуть, или я сплю беспокойно.
>
> • Меня пугают подвалы.
>
> • Иногда я чрезмерно чем-то увлекаюсь и не понимаю, когда следует остановиться.
>
> • Я отождествляю себя с жертвами насилия, которых вижу по телевизору, а истории о насилии вызывают во мне желание плакать.
>
> • Меня легко напугать.
>
> • Я часто абстрагируюсь от реальности или витаю в облаках.

Такие списки симптомов составляются, чтобы помочь жертвам насилия осознать, насколько нанесенная им травма продолжает влиять на их сегодняшнюю жизнь. Басс и Дэвис (авторы «Мужества исцеления») предлагают список из семидесяти четырех вопросов, разделенных на семь общих категорий: «Самооценка и сила воли», «Чувства», «Ваше тело», «Физическая близость», «Сексуальность», «Дети и родители» и «Семья и родные». Каждый раздел начинается с вопроса «Где вы сейчас?», смысл которого заключается в том, что прежде вы могли быть слишком заняты выживанием, чтобы заметить несметное количество примеров того, как вам навредило пережитое вами насилие. Вот, к примеру, некоторые из пятнадцати вопросов, составляющих раздел «Самооценка и сила воли».

- Вы чувствуете, что отличаетесь от других людей?
- Вам трудно сохранять мотивацию?
- Вы ощущаете потребность во всем быть идеальным(ой)?
- Вы пытаетесь компенсировать профессиональными или личными достижениями ненормальные чувства, наполняющие другие сферы вашей жизни?

Внимание! Проблема со списками симптомов заключается в том, что относительно невинные качества «нормальной» личности внезапно превращаются в искаженные и девиантные, если смотреть на них сквозь призму пережитого инцеста. Не являющиеся паталогическими аспекты нашего темперамента становятся признаками того, что мы скрываем от себя самих некий темный порочный секрет. Подобные списки симптомов – это сеть, в которой может запутаться любой представитель человечества. Как отмечает психолог Кэрол Теврис:

> Такой же список можно было бы использовать, чтобы опознать в себе человека, который слишком многое любит, человека, страдающего мазохистическим расстройством личности, или же самого обычного человека конца XX века. Эти пункты настолько универсальны, что по крайней мере часть из них найдет у себя кто угодно. Нет ни одного человека, который в какой-то степени не соответствовал бы подобному описанию.

С этим связана еще одна проблема: самые притянутые за уши признаки (первым делом на ум приходит мешковатая одежда и боязнь подвалов) выглядят куда весомее и достовернее, если объединить их с симптомами, которые действительно относят к последствиям сексуального насилия (это, например, чрезвычайно резкая реакция на испуг или выраженное сексуальное поведение в детском возрасте). Когда нормальные реакции и модели поведения интерпретируются как признаки, свидетельствующие о сексуальном насилии, тогда что угодно может стать симптомом. Чем больше пунктов в списке вы помечаете галочкой, тем больше вам кажется, что вы – кандидат на роль жертвы. Если не подходит один симптом, точно подойдет следующий или тот, что идет за ним.

Блум удивительно прямолинейно говорит о цели, которой она руководствовалась, составляя свой список. «Мы обнаружили, что «Перечень последствий насилия» может служить в качестве инструмента диагностики, когда *выдвигается предположение о пережитом сексуальном насилии, но воспоминания о нем отсутствуют*» [курсив наш]. Как пациенты реагируют на столь откровенные предположения? Некоторые, без сомнения, продолжают настойчиво отрицать, что пережили насилие, и в конце концов либо психотерапевт возвращается на путь истинный, либо пациент прекращает посещать сеансы. К примеру, адвокат *Деннис Хэрриот* после самоубийства отца впал в глубокую депрессию и обратился за помощью к психотерапевту. Но каждый раз, когда он пытался поговорить о мучивших его проблемах, врач без конца намекала на некие события его прошлого, которые он не мог или не хотел признать. Эта загадка преследовала Хэрриота, а его депрессия тем временем усугублялась. Что же с ним произошло? Психотерапевт ошарашила его своим диагнозом: «Не знаю, как вам об этом сказать, но

вы демонстрируете признаки, характерные для пациентов, ставших жертвами сатанизма или ритуального насилия». Хэрриот, ни разу и словом не обмолвившийся о сатанизме или ритуальном насилии, незамедлительно прекратил сеансы.

Однако другие пациенты, быть может, более уязвимые или менее уверенные в себе, отправляются на поиск похороненных воспоминаний в надежде положить конец своим страданиям раз и навсегда. Одна женщина из Орегона, услышав о моей работе с искажениями памяти и об экспериментах по внедрению ложных воспоминаний, написала мне длинное письмо с просьбой о помощи. С ее позволения я привожу отрывок из этого полного боли текста:

> Три года назад я начала посещать индивидуальные сеансы психотерапии, чтобы справиться с симптомами, среди которых были депрессия и тревога. Через несколько месяцев мой психотерапевт выдвинул предположение о том, что причиной моих эмоциональных переживаний могло быть пережитое в детстве сексуальное насилие. С тех пор он все больше и больше убеждается в собственном диагнозе… У меня нет никаких непосредственных воспоминаний о насилии… Я никак не пойму, как может быть, что со мной произошло нечто столь ужасное, а я ничего не запомнила. Последние два года я только и делала, что пыталась вспомнить… И все же я не переставая спрашиваю себя, произошло ли это на самом деле… Эти вопросы стали невыносимыми.

Что может сделать психотерапевт, чтобы эти вопросы были менее мучительными? Хотя во всех популярных книгах о последствиях инцеста и о том, как с ними справиться, рассказывается о разных терапевтических методах, а в нескольких упоминаются конкретные способы восстановления вытесненных воспоминаний, самые четкие и детальные советы дает Рене Фредриксон в своей книге «Вытесненные воспоминания: путь к восстановлению после сексуального насилия». Фредриксон, обладательница докторской степени, выступала на Национальном общественном радио, на телеканале CNN, на шоу Опры Уинфри и на несметном количестве других радио- и телепередач, где она рассказывала о своих методах. Психотерапевты, практикующие терапию по восстановлению воспоминаний, часто рекомендуют ее книгу «жертвам насилия».

Фредриксон выделяет семь основных способов, разработанных для того, чтобы извлечь погребенные воспоминания и вдохнуть жизнь в их мумифицированные останки: работа с воображением, работа со снами, ведение дневника, работа с телом, гипноз, арт-терапия и работа с чувствами. Поскольку эти и похожие методы используют многие практикующие врачи, в первую очередь – психотерапевты, которые занимаются «работой с памятью», мы рассмотрим их более детально.

Работа с воображением

Сару преследовали «флешбэки» о том, как ребенка жестко швыряют об стену. Поскольку это «воспоминание» представлялось ей в виде образа, Фредриксон предложила Саре попробовать «работу с воображением» – процесс, в ходе которого пациент очень детально описывает все то, что видит и чувствует, и добавляет, когда это уместно, свою субъективную интерпретацию. Концентрируясь на внутренних ощущениях, Сара начала рассказывать основанную на увиденном образе историю, используя глаголы лишь в настоящем времени. (Фредриксон объясняет, что воображаемое воспоминание находится в сфере бессознательного, где все происходит в настоящем времени.)

По мере того как к одному образу добавлялись другие, «воспоминания» сложились в своеобразный кинофильм о ребенке – двухлетней Саре – и ее дедушке, которые находятся в

дворовом сортире. Сара «видит», как дедушка ведет ее в туалет и запирает дверь. Она смотрит, как он достает свой пенис и начинает тереться им между ее ног.

«Мне кажется, что я это все просто придумываю», – говорит Сара, внезапно прерывая воображаемое «слайд-шоу».

Но Фредриксон велит пациентке продолжать, поясняя, что разница между правдой и вымыслом не имеет значения в начале работы с памятью. Важно лишь то, что находится в сознании [Сары] и что кажется ей важным в этот конкретный момент». Сара послушно развивает появившийся образ. Она вспоминает, как дедушка эякулировал на нее. Потом, держа ее одной рукой, он опустил ее в туалетную яму, и она больно ударилась о боковые балки.

Воспоминание Сары предстает поразительно четким и ярким, когда она вспоминает обрывки разговора («Он говорит мне, что всем на меня плевать»), звуки («Он издает странный короткий смешок»), запахи («Там стоит ужасный смрад»), эмоции («Мне очень страшно»). Выйдя из сортира, она описывает ощущения, которые испытывает, снова оказавшись снаружи (все еще употребляя только глаголы настоящего времени): «Я удивляюсь, каким солнечным и красивым кажется мир вокруг».

Обобщая результаты проведенной на сеансе работы с воображением, Фредриксон не высказывает ни малейших сомнений в том, что эти образы представляют собой реальные воспоминания, всплывающие из подсознания.

> Образы, которые просачиваются из вашего подсознания в область осознанного, представляют собой фрагменты готового выплыть на поверхность травматичного воспоминания. Эти кадры, проносящиеся в вашем мозгу, могут на первый взгляд показаться загадочными или смутными, но на самом деле это лишь обрывки похороненных вами воспоминаний о пережитом насилии. Какой-то кусочек прорвался наружу и пытается проникнуть в ваше сознание. Последуйте за ним в подсознание, и вы найдете там вытесненное воспоминание.

Фредриксон не сомневается и в том, что эти образы являются реальными воспоминаниями. Она пишет, что ее пациентка «сумела извлечь воспоминание о насилии при помощи воображения… Воспоминание, которое всю жизнь преследовало Сару, наконец-то было полностью обнажено».

Фредриксон настаивает, что эти появившиеся из подсознания образы, какими бы гротескными и карикатурными они ни были, представляют собой «достоверный срез воспоминаний о насилии». Однако она в очередной раз подчеркивает, что правда, в сущности, не имеет значения, по крайней мере на первом этапе терапии: «Вопрос о том, вымышлено или реально то, что вспоминает пациент, не имеет значения в начале терапевтического процесса. С этим можно разобраться на более поздних этапах».

Не одна Рене Фредриксон предлагает работу с воображением в качестве способа раскопать и воскресить похороненные воспоминания. В своей книге «Мужество исцеления» Басс и Дэвис описывают упражнение, основанное на процессе под названием «имажинативная реконструкция». Упражнение позволяет жертве насилия «свести воедино факты, которых вы в принципе не можете знать о собственной жизни и о жизни семьи»:

> Возьмите какое-нибудь произошедшее с вашей семьей событие, о котором вы никогда ничего не узнаете. Это может быть детство вашего отца или подробности жизни вашей матери, которые не позволили ей вас защитить. Используя все известные вам детали, создайте собственную историю. Обоснуйте ее всем тем, что знаете, а затем позвольте себе вообразить, что же могло произойти на самом деле.

Внимание! «Создайте собственную историю» и «позвольте себе вообразить, что же могло произойти на самом деле» – это элементы процесса, который мы обычно называем выдумыванием. Но помогают ли они извлечь пропавшие или утерянные факты? Специалисты по когнитивной психологии знают, что, когда человек выполняет подобные упражнения, ему становится трудно отличить реальность от вымысла. А судебные психологи пришли к выводу, что при использовании метода управляемых психических образов пациент находится в состоянии диссоциации, похожем на гипнотическое, и, следовательно, это столь же ненадежный инструмент.

Таким образом, создавая собственные истории, мы сильно рискуем принять вымысел за настоящие воспоминания. В результате мы начинаем верить в собственные рассказы.

Работа со снами

Теория заключается в том, что, когда мы спим, «открывается канал» в подсознание, и все, что нам нужно делать, – это искать символы и «индикаторы» вытесненных воспоминаний. Фредриксон предлагает жертвам насилия заносить в список все фрагменты воспоминаний и «символы доступа» (определение которым дается ниже). Отталкиваясь от увиденного во сне символа, пациент затем может приступить к извлечению фрагментов вытесненных воспоминаний. Фредриксон перечисляет шесть видов «снов о вытесненных воспоминаниях», которые содержат ключевую информацию, взятую из подсознания.

- Ночные кошмары. Отличительная черта кошмара заключается в интенсивности вызванного этим сном чувства страха. Если в ваших кошмарах появляются те или иные символы или индикаторы, они могут служить признаками сексуального насилия. К таким символам относятся насильники, убийцы, психопаты или преследователи; спальни, ванные комнаты, подвалы, стенные шкафы или чердаки; пенисы, груди или ягодицы; бутылки, ручки от швабр или палки; кровавые жертвоприношения, расчленения, каннибализм, фигуры в черных плащах или Сатана.
- Повторяющиеся сны. Это «сигналы тревоги, доносящиеся из вашего подсознания». Они могут представлять собой либо кошмары, либо возвращающиеся снова и снова безобидные сны с одними и теми же персонажами, обстановкой и событиями.
- Сны о сексуальном насилии. Они содержат четкие и однозначные насильственные действия сексуального характера, и, по словам Фредриксон, такие сны всегда основаны на вытесненных воспоминаниях. Сам по себе акт может представлять собой изнасилование, оральный или анальный секс, насилие над ребенком или подростком, вуайеризм или зоофилию.
- Сны, содержащие символы доступа. Такие сны указывают на наличие подавленных воспоминаний о насилии. Среди распространенных символов доступа можно назвать закрытые или запертые двери, таинственные коридоры, нечто спрятанное или хранящееся где-то, ребенка, который не может общаться или нуждается в защите, воду (особенно пугающие водоемы), змей или фаллические символы.
- Любой сон, вызывающий сильные эмоции. Даже неинтересные или банальные сны могут содержать в себе фрагменты вытесненных воспоминаний. Если вы увидели особенно яркий сон, который произвел на вас большое впечатление, Фредриксон советует попробовать метод работы со снами, который включает в себя следующие шаги:

– поиск тем или символов сексуального насилия в ваших снах;

– анализ ваших чувств и мыслей в отношении этих символов или возможных вариантов их интерпретации;

– прояснение сна путем поиска дополнительной информации, более подробное описание деталей, свободные ассоциации;

– определение общих деталей пережитого насилия в том виде, в котором оно было интерпретировано и выявлено в процессе «работы со снами».

Многие психотерапевты согласны, что работа со снами – это действенный метод. «Сознательное мышление можно контролировать, сознательное понимание ситуации можно изменить при помощи защитных механизмов, – пишет Блум. – Но во сне реальность, тщательно замаскированная во время бодрствования, может просочиться наружу». А Беверли Энгель полагает, что сны могут «быть чрезвычайно наглядными и обнажать воспоминания, с которыми вы не могли или были не готовы столкнуться наяву». В качестве иллюстрации она рассказывает историю о *Джуди*, которая всегда знала, что ее насиловал родной брат, но однажды ночью увидела сон о том, как над ней надругался отец. «Она проснулась с ужасной болью во влагалище, и на нее разом нахлынули воспоминания. Она поняла: ее сон на самом деле был правдой».

Внимание! Были ли эти сны «правдой», или они «стали правдой», пока психотерапевт и пациентка вместе старались объяснить и устранить ее страхи, тревоги и неуверенность? И снова, так же как и в случае с упражнениями на воображение, психологи сомневаются в том, что сны служат надежной картой, по которой можно найти путь к реальности. Психолог Брукс Бреннеис недавно закончил обширный обзор литературы на тему взаимосвязи снов и травматичных событий. Результаты его работы свидетельствуют о том, что, даже когда человек видит сны о событии, реальность которого можно подтвердить (к примеру, об автомобильной аварии), этот сон часто очень отдаленно напоминает событие, произошедшее в реальности. На самом деле очевидно, что во сне травма отображается *метафорически.* Бреннеис приходит к следующему выводу:

> Существует крайне мало клинических доказательств и совсем не существует эмпирических, которые могли бы подтвердить мысль о том, что определенный травматичный опыт предсказуемым образом в неизмененном виде переходит в содержание снов. Следовательно, идея того, что сон может в точности или почти в точности воспроизводить пережитый в реальности травматичный опыт, весьма сомнительна.

Учитывая тот факт, что сны часто складываются из «останков» происходивших наяву событий, неудивительно, что пациенты, посещающие сеансы психотерапии или сеансы по работе с памятью, иногда видят сны о событиях, имеющих отношение к насилию. Предложенная психотерапевтом интерпретация этих снов может отражать его собственные убеждения или предрассудки, а пациент может слишком охотно принять толкование врача, особенно если тот говорит, что сны – это попытки подсознания сообщить о пережитом в детстве насилии.

Ведение дневниковых записей

Согласно теории Фредриксон, существует пять видов памяти: воспроизводящая (*recall memory*) – это единственный вид, который относится к сфере осознанного и противопоставляется имагистической (*imagistic memory*), чувственной (*feeling memory*), телесной памяти (*body memory*) и памяти, связанной с неконтролируемыми эмоциональными реакциями (*act-out memory*). В то время как при работе с воображением и со снами используется имагистическая память («память, содержимое которой прорывается в сознание в виде образов») и чувственная память («память об эмоциональной реакции на определенную ситуацию»), ведение дневниковых записей позволяет проникнуть в память, связанную с неконтролируемыми эмоцио-

нальными реакциями, «которая заставляет человека спонтанно проявлять реакцию на забытые события в виде того или иного физического действия».

Идея ведения дневниковых записей состоит в том, чтобы начать с определенной точки отсчета – ощущений в теле, образов или символов, взятых из снов или кошмаров, и начать описывать словами образы или сообщения, всплывающие из подсознания. Фредриксон предлагает три основных способа извлечь вытесненные воспоминания при помощи дневниковых записей.

Первый способ – это свободные ассоциации: пациент записывает все, что приходит ему в голову, в том числе образы, чувства и телесные ощущения, не пытаясь их классифицировать или разбивать на категории. Классификация – это процесс, осуществляемый правым полушарием, и он, по словам Фредриксон, «не позволит левому полушарию получить доступ к тому, что хочет узнать пациент».

Для того чтобы воспользоваться вторым методом, следует начать с момента, когда было пережито насилие – будь он реальным или вымышленным, и написать о нем рассказ. Рассказ важно записывать как можно быстрее: «Можете быть уверены, что травматичные события из вашего прошлого… ваш разум почерпнет из подсознания, – пишет Фредриксон, – поскольку, когда вы делаете что-то быстро, проще положиться на опыт, чем на воображение».

Третий способ – это быстрое составление списка: следует не задумываясь набросать непосредственные реакции на основные обсуждаемые темы или наводящие вопросы, сопротивляясь желанию обдумывать, отсеивать, редактировать или сортировать информацию.

В качестве иллюстрации к последнему методу Фредриксон рассказывает следующую историю. На основе нескольких разрозненных воспоминаний и пары убедительных снов *Энн* пришла к выводу о том, что ее насиловала бабушка, но детали произошедшего от нее ускользали. Психотерапевт Энн дал ей ручку и листок бумаги, а затем попросил ее, не задумываясь и не беспокоясь о точности, перечислить пять насильственных действий, которые совершила ее бабушка. Энн тут же набросала восемь очень конкретных пунктов, описав в том числе воспоминания о том, как бабушка повесила ее кошку, о том, как она пыталась задушить саму Энн подушкой, и воспоминания об актах сексуального насилия. Зачитав этот список своему психотерапевту, Энн испытала боль и шок, но почувствовала облегчение оттого, что теперь она, по крайней мере, «в целом» знала, что с ней произошло.

Фредриксон предлагает читателю небольшой трюк, с помощью которого чуть проще пробиться к своему подсознанию: если вы будете писать в дневнике левой рукой, это облегчит вам доступ к правому полушарию – творческой, интуитивной части мозга, отвечающей за синтез. В своей книге «Возвращение домой» Джон Брэдшоу дает схожий совет, рекомендуя читателям писать не той рукой, которой они привыкли, – по-видимому, смысл в том, чтобы отстранить от дела контролирующее, логическое полушарие и «войти в контакт с чувствами вашего внутреннего ребенка».

Внимание! Метод ведения дневниковых записей представляется многим когнитивным психологам потенциально «рискованным занятием»[2], в особенности, когда психотерапевт советует своему пациенту отбросить критическое мышление и писать в режиме потока сознания, фиксировать все, что придет в голову, не останавливаясь, чтобы оценить результат. Вероятность того, что у человека, никогда не подвергавшегося насилию, возникнут ложные воспоминания и убеждения, усугубляется, если одновременно с этим способом применяются и другие психотерапевтические методы и/или психотерапевт выражает свои собственные убеждения, к примеру, говорит пациенту, что его симптомы свидетельствуют о пережитом в детстве насилии, что его выздоровление зависит от восстановления вытесненных воспоминаний или что дневниковые записи наверняка позволят получить доступ к достоверным воспоминаниям.

Кроме того, в огромном количестве научной литературы на тему работы памяти не содержится никаких доказательств того, что в подсознании существуют различные виды памяти.

Таким образом, идею о наличии имагистической, чувственной, телесной памяти и памяти, связанной с неконтролируемыми эмоциональными реакциями, следует воспринимать как интересную, но недоказуемую теорию о том, как работает основанная на интуитивных и спонтанных реакциях часть нашего разума. «Внутренний ребенок» – это, очевидно, метафора (можно ли на самом деле «войти в контакт» с «чувствами» того, что представляет собой метафору?). А никаких доказательств того, что письмо другой рукой даст вам доступ к вашему «внутреннему ребенку», не существует. Как не существует и доказательств того, что, думая, классифицируя или категоризируя информацию – то есть осуществляя когнитивные акты мышления, рассуждения и анализа, вы помешаете себе получить доступ к содержащимся в подсознании воспоминаниям.

И напоследок добавим еще кое-что насчет метода «быстрого списка»: большинство психологов согласились бы, что любую теорию о работе разума, авторы которой предлагают прекратить «думать», скорее всего, следует пересмотреть.

Работа с телом

В основе «работы с телом» лежит теория, согласно которой тело помнит то, что разум подсознательно предпочитает забыть. Когда человек получает травму или подвергается насилию, наше сознание может отреагировать на это событие, заблокировав соответствующее воспоминание или спрятав его в самом темном углу подсознания, но наше тело всегда будет помнить о пережитом потрясении. Благодаря мануальной терапии и техникам по работе с телом мы можем получить доступ к таким «телесным воспоминаниям» и начать раскрывать правду о своем прошлом.

Фредриксон выделяет три этапа в процессе восстановления воспоминаний через работу с телом:

> *Энергия*. Тело хранит воспоминания в виде энергии. Если дотронуться до той или иной части тела или помассировать ее, заблокированная энергия высвободится, а воспоминания активизируются.
>
> *Проявление*. Сохраненное воспоминание проявляется через одно из пяти чувств.
>
> *Развязка*. По мере того как начинают возвращаться воспоминания, также высвобождаются чувства печали и гнева, и жертве открывается правда о прошлом.

Телесные воспоминания, по-видимому, можно стимулировать при помощи любого из пяти органов чувств. Вот несколько примеров телесных воспоминаний: запах отбеливателя или новой кожи, вид ополаскивателя для рта или зубной пасты, звук скрипящей двери или расстегивающейся ширинки на штанах, вкус алкоголя или сигарет, чувство сонливости, мурашки или повышенная чувствительность в нижней части спины, на руках, пальцах ног, плечах или других частях тела. При возникновении телесного воспоминания пациент может испытывать крайне неприятные ощущения, как подтверждает одна из жертв, чьи слова процитированы в книге «Мужество исцеления»:

> У меня появлялись телесные воспоминания, в которых совсем не было образов. Я просто начинала кричать или чувствовала, что из моего тела выходит нечто мне неподконтрольное. Обычно они появлялись во время или сразу после занятий любовью, или прямо в разгар ссоры. Когда я была возбуждена или взбудоражена, мое тело вспоминало, хотя я не видела никаких образов, просто из моего горла вырывался крик.

Врачи приводят сильные физиологические реакции, которые возникают у их пациентов при восстановлении воспоминаний об изнасиловании, в качестве убедительных доказательств

способности человеческого тела вспоминать. В статье, опубликованной в научном журнале о сексуальном насилии над детьми Journal of Child Sexual Abuse, Кристин Куртуа объясняет, что воспоминания способны возвращаться *на физиологическом уровне*, в качестве телесных воспоминаний и ощущений. Жертва может вспомнить цвета, определенные образы или картинки, услышать звуки, почувствовать вкус или запах, в том числе неприятный. Тело пациента иногда реагирует болью, напоминающей ощущения, испытанные при изнасиловании. На теле может даже появиться настоящий шрам, пока извлекается и прорабатывается воспоминание об определенном случае изнасилования… Воспоминания также проявляются *на соматическом уровне* – через боль, заболевание (часто без медицинского диагноза), тошноту, а также такие конверсионные симптомы, как паралич и онемение.

Сью Блум кратко излагает суть общей теории телесной памяти и работы с телом:

> Тело хранит воспоминания об инцесте, и мне доводилось слышать драматичные истории об удивительном раскрытии и восстановлении чувств и переживаний через работу с телом… Этот терапевтический метод появился довольно давно, но психотерапевты, которые беседуют со своими пациентами, никогда не воспринимали его всерьез. А следовало бы. С его помощью можно высвободить воспоминания и чувства, до которых нельзя добраться в ходе разговора.

Внимание! Несмотря на то что неосознанные воспоминания теоретически способны влиять на поведение и провоцировать физические симптомы, не существует никаких доказательств того, что реакции мышц и тканей можно однозначно интерпретировать как проявление конкретного эпизодического воспоминания. Ученые обращают внимание на то, что невозможно определить, вызваны ли связываемые с телесной памятью симптомы реальными воспоминаниями, текущими жизненными проблемами и стремлениями или же некой случайностью. Как объясняет психолог Мартин Селигман, «в науке, чтобы что-то доказать, необходимо выдвинуть нулевую гипотезу. Чтобы достичь научной достоверности, нужно показать, что ее можно опровергнуть». Но теория телесной памяти нарушает принцип нулевой гипотезы – эту теорию нельзя доказать, как нельзя и опровергнуть.

Гипноз

По мнению Фредриксон, гипноз внедряется в подсознание благодаря «имагистической памяти», тем самым облегчая извлечение погребенных воспоминаний о насилии. Наиболее распространенный метод гипноза, используемый для восстановления вытесненных воспоминаний, – это «возрастная регрессия». Как только пациент входит в состояние транса, психотерапевт просит его вернуться назад во времени и остановиться в том возрасте, который кажется ему важным. «Возвращенный в прошлое» пациент описывает сцены, образы и чувства, которые приходят ему в голову, и «теперь, когда клиент готов столкнуться с воспоминаниями об изнасиловании лицом к лицу, они всплывают из подсознания».

* * *

Фредриксон предупреждает, что гипноз – это не магическая сыворотка правды, и что он эффективен, только если пациент готов встретиться с «правдой» лицом к лицу. Об этом предостерегают и другие врачи, порой даже утверждая, что гипноз противопоказан жертвам инцеста. Некорректное использование и злоупотребление гипнозом может нанести пациенту «потенциальный вред», пишет Майк Лью в своей книге «Больше не жертвы», добавляя, что «воспоминания блокируются не просто так», и ставя под вопрос «пользу от раскапывания вос-

поминаний, к которым вы еще не готовы». Лью также скептически относится к стремлению психотерапевтов, практикующих работу с памятью, «решить проблему на скорую руку»:

> Я не думаю, что есть смысл ставить первоначальной целью восстановление конкретных воспоминаний об изнасиловании. Такой подход создает ложное впечатление, что, если воспоминания вернутся, все сразу станет хорошо. Приняв это ошибочное мнение, можно глубоко разочароваться, обнаружив, что после восстановления воспоминаний предстоит еще много работы.

И снова внимание! В своей недавней статье психологи Стивен Джей Линн и Майкл Нэш отмечают, что особенности гипнотического состояния, взятые вместе или по отдельности, могут повысить риск возникновения псевдовоспоминания. Это наблюдение подтверждается докладом Американской медицинской ассоциации[3] от 1985 года, а также последующими исследованиями, которые подчеркивают тот факт, что гипноз может повысить уверенность в восстановленных воспоминаниях при том, что уровень их достоверности никак или почти никак не меняется.

Повторяющиеся вопросы, как правило, «делают воспоминания более убедительными и устойчивыми, вне зависимости от их достоверности», предупреждают Нэш и Линн, и эта проблема усугубляется, если психотерапевт верит в фактическую точность воспоминаний пациента: «Если врач утверждает, что воспоминания пациента достоверны, последний может безосновательно верить в то, что они являются правдой».

В статье, представленной на ежегодном собрании Американской психологической ассоциации в 1992 году, Нэш рассмотрел случаи, когда находящийся под гипнозом пациент отправлялся *вперед*, в возраст семидесяти или восьмидесяти лет, и вспоминал события, которые ему только предстояло пережить. Он также описал случай из собственной практики: его пациент верил, что попал в руки к инопланетянам, и детально описывал высокотехнологичное оборудование, которое те подсоединили к его пенису, чтобы добыть образцы его спермы. «Я успешно лечил этого чрезвычайно восприимчивого к гипнозу мужчину в течение трех месяцев, используя стандартные методы извлечения воспоминаний и лишь дважды обратившись к гипнозу», – подвел итог Нэш.

> Примерно через два месяца после начала терапии его симптомы ослабли: он снова нормально спал, навязчивые мысли и флешбэки прекратились, он вернулся к нормальному уровню межличностных контактов, а его продуктивность на работе выросла. То, что мы делали, помогло ему. Тем не менее я хочу обратить внимание на следующее: выходя из моего кабинета, он был столь же сильно убежден в том, что его похищали инопланетяне, как и когда впервые переступил порог моего кабинета. На самом деле он поблагодарил меня за то, что я помог ему «восполнить пробелы в памяти». Полагаю, мне не нужно говорить, насколько я был расстроен тем, что он выбрал именно эти слова.

Нэш сравнил историю этого пациента о похищении инопланетянами с восстановленными воспоминаниями взрослых людей о сексуальном насилии:

> Перед нами яркий пример упорной веры в выдумку, которая практически бесспорно не является правдой, но которая тем не менее имеет все признаки ранее вытесненного травматичного воспоминания. Я регулярно работаю со взрослыми женщинами, которые были изнасилованы, и я не нахожу никакой разницы между клиническими проявлениями травмы у этого мужчины и у моих переживших насилие пациенток. Но мало того, этому

> пациенту, похоже, стало лучше, потому что он смог дополнить рассказ о травме и внедрить новые детали в собственное представление о мире.

Подводя итог, Нэш посоветовал врачам проявлять благоразумие и осторожность при работе с пациентами, рассказывающими о травматичных воспоминаниях, ведь, «в конце концов, мы (как врачи), не можем отличить выдумку о прошлом, в которую верит пациент, от реального воспоминания. На самом деле вполне вероятно, что между этими двумя явлениями вовсе нет никакой структурной разницы».

Исследователь гипноза Кэмпбелл Перри согласился с этим и высказал предположение о том, что психотерапевты могут нести ответственность за создание «псевдовоспоминаний», а также за укрепление веры пациентов в их достоверность:

> Любое воспоминание, появившееся во время возрастной регрессии, может быть фактом, ложью, результатом конфабуляции или псевдовоспоминанием, возникшим случайно как следствие неуместных комментариев специалиста по гипнозу. Чаще всего даже специалист не может отличить одно от другого. Остается лишь надеяться, что с помощью фактов удастся подтвердить один из этих возможных вариантов.

В своей книге «Предположения о насилии» (Suggestions of Abuse) психотерапевт и эксперт по гипнозу Майкл Япко подчеркивает, что формальные методы гипноза не должны использоваться для того, чтобы сделать пациента восприимчивым к внушению. Сама по себе атмосфера психотерапевтического сеанса уже формирует восприимчивость к прямо высказанным или едва подразумеваемым предположениям. Япко описывает «немыслимый» случай из собственной практики:

> Мне позвонила одна женщина и спросила, могу ли я провести с ней сеанс гипноза, чтобы определить, была ли она изнасилована в детстве. Я спросил ее, с чего она взяла, что была изнасилована. Она рассказала мне, что звонила другому психотерапевту по поводу своей низкой самооценки, и он сказал ей – *даже ни разу не встретившись с ней*, – что ее, должно быть, изнасиловали в детстве, поэтому ей нужно пройти сеанс гипноза, чтобы выяснить, когда и как это случилось.

Этот случай, который, как настаивает Япко, не уникален, он служит примером «глупости наивысшей степени» и «равносилен профессиональной халатности».

Арт-терапия

По мнению Рене Фредриксон, арт-терапия открывает доступ к двум видам подсознательной памяти: памяти, связанной с неконтролируемыми эмоциональными реакциями (которая заставляет человека спонтанно проявлять реакцию на забытые события в виде того или иного физического действия) и имагистической памяти (воспоминания, которые появляются в сознании в виде образов). Жертва может восстановить целое воспоминание или его фрагмент в процессе рисования или использовать законченный рисунок, чтобы стимулировать свою память.

Фредриксон описывает три основных метода, которые позволяют получить доступ к воспоминаниям или воспроизвести их более подробно при помощи художественного творчества:

> • Образное вспоминание. Пациента просят выбрать в качестве отправной точки тот или иной образ, нарисовать его, а затем изобразить, что, по его мнению, может случиться дальше. Чаще всего используются догадки. «Главное – рисовать то, что, как вам кажется, скорее всего случится», – советует Фредриксон.

• Уже восстановленные воспоминания. Пациент добавляет детали к уже восстановленному воспоминанию, пытаясь сделать его более точным и конкретным.

• Толкование своей художественной работы. На этой последней стадии пациент пытается определить, возникают ли вновь в его сознании какие-либо ранее обнаруженные символы, темы или объекты. Обнаружение и толкование этих повторяющихся символов иногда помогает раскрыть вытесненные воспоминания.

Беа, одна из пациенток Фредриксон, любила рисовать и решила попробовать арт-терапию в качестве способа изучить свои чувства. На ее рисунках всегда присутствовали одни и те же пугающие символы: кровь, пентаграммы, одетые в мантии люди, дьявол, «огромные пенисы, пронизывающие маленьких детей». В конце концов Беа поверила, что воссоздает правдивые сцены из своего прошлого. После того как она долго рассматривала картину, на которой были изображены козел и маленький ребенок, окруженные фигурами в мантиях, она поняла, что эта сцена представляла собой реальное событие из ее детства. «Я нарисовала воспоминание, еще не сознавая, что это воспоминание!» – воскликнула она.

Психотерапевты часто используют упражнения с рисованием, чтобы помочь пациентам «сгенерировать» воспоминания о сексуальном насилии в детстве. «Иногда достаточно просто нарисовать спальню, чтобы заблокированные воспоминания вырвались наружу, если пациент способен изобразить на бумаге комнату так, как она выглядит в его представлении, – пишет психотерапевт Кэтрин Роланд. – Кровать может породить чувства, которых пациент пока не сознает, особенно если изнасилование произошло в этой спальне или рядом с ней. Можно задавать вопросы, «прощупывая пациента», чтобы выявить общее отношение членов его семьи к половой жизни, а указав на конкретные детали рисунка, можно помочь пациенту «приступить к более глубокому исследованию его опасений и страхов».

Внимание! Хотя рисование картин может открыть доступ к заблокированным чувствам, разумно ли использовать их для «более глубокого исследования опасений и страхов»? Следует задаться вопросом: к чему приведут эти более глубокие исследования? Если воспоминания возникают как реакция на рисунки или визуальные образы, у психотерапевта нет никакого надежного способа определить их достоверность. В очередной раз мы советуем проявлять осторожность.

Работа с чувствами

Работа с чувствами предназначена для того, чтобы проникнуть в «чувственную память», которую Фредриксон определяет как память об эмоциональной реакции на определенную ситуацию. Само воспоминание может быть вытеснено, а осиротелые чувства преследуют сознание и неугомонно ищут свое «родное» воспоминание. Таким образом, чувство, что вас насиловали, существует, хотя соответствующих воспоминаний нет, а жертва находится под глубоким влиянием сильных эмоций и ощущений, которые кажутся никак не связанными с текущей реальностью. Если жертва говорит: «Мне кажется, меня изнасиловали, но это всего лишь чувство», – речь идет о чувственной памяти.

Разумеется, жертвы испытывают множество различных чувств, но два из них считаются универсальными, и именно на них основывается метод: это печаль и гнев. Согласно теории, если жертва может войти в контакт со своими эмоциями, она может начать болезненный процесс их высвобождения. Когда начинают появляться чувства, часто вместе с ними возвращаются и вытесненные воспоминания. Фредриксон объясняет, как проходит структурированная работа с чувством печали:

> Вы сворачиваетесь калачиком или ложитесь и начинаете медленно расслабленно дышать. Каждый раз, ощущая печаль, пробуйте выразить это чувство, издавая звук. Постепенно, с течением времени ваша печаль станет обретать форму. Печаль обычно накатывает волнами, так что не расстраивайтесь, если она угасла, ведь она наверняка вернется. С каждой новой волной этого чувства позволяйте себе стонать, выть, рыдать. По мере того как ваша печаль становится глубже, могут начать всплывать связанные с ней воспоминания.

Работа с печалью часто перерастает в работу с гневом (и наоборот). Цель работы с гневом – направить злость, раздражение и враждебность клиента туда, куда нужно: на насильника. Врачи предлагают для этого большой спектр методов, включая удары по полу, стенам, старому дивану или груде подушек при помощи теннисной ракетки, резиновой дубинки, скрученного полотенца, газеты или «биты столкновения» (мягкой резиновой дубинки); иногда пациенту предлагают топтать старые коробки из-под яиц или алюминиевые банки; отрабатывать удары из карате; рвать в клочья телефонные справочники голыми руками или просто кричать громко и долго, сколько хватит сил.

В «Мужестве исцеления» жертва описывает освобождение от эмоций, которое она испытала во время работы с гневом:

> Работать с гневом было совсем не страшно. На самом деле это даже очень интересно. В такой безопасной обстановке, где вас окружает столько любви, появляется чувство, что можно говорить и делать все, что угодно. Нормально, если ты ударишь отчима в лицо резиновой дубинкой. Помню, как я подумала: «Не так уж и плохо. Это никого не убьет». Время от времени я останавливалась, осматривала комнату и думала: «Не может быть, чтобы это вышло из меня!» Я в клочья разорвала телефонный справочник Денвера, ни одной целой страницы не оставила, но это было еще не все. Мне приходилось делать паузы, чтобы перевести дыхание или высморкаться, и я помню, как однажды я посмотрела на ведь царящий вокруг разгром и подумала: «Боже мой! Все это было внутри меня!» Меня ошеломило, сколько во мне было гнева.

Внимание! Поскольку нет никаких доказательств того, что работа с чувствами приведет к восстановлению реальных воспоминаний, а не вымышленных, придуманных, мнимых, представляется целесообразным повторить выводы психоаналитика Элис Миллер, касающиеся «целей» терапии: «Помочь пациенту эмоционально воспринять свою жизненную историю и осмыслить ее, чтобы обрести новые жизненные силы, – вот основная цель психотерапии».

Когда эта цель достигнута, продолжает Миллер, настает черед пациента взять на себя ответственность за свои жизненные решения. «В задачи психотерапевта не входит “социализация” пациента или его “воспитание” (поскольку любая форма воспитания отрицает самостоятельность человека), а также “налаживание его способности заводить друзей” – все это его личное дело».

Психотерапия представляет или, по крайней мере, раньше представляла собой способ помочь пациенту стать *ответственным* человеком. Однако некоторые психотерапевты утверждают, что с таким упором на выражение эмоций психотерапия может приобрести некоторые черты насилия. Психолог Маргарет Сингер рассматривает эту проблему в широком контексте:

> В конце концов, если терапия дает нужные результаты, пациент становится более самостоятельным, более ответственным, более зрелым и обретает больший контроль над собственной жизнью. Но в наши дни от пациента часто ждут, что тот начнет выражать свои эмоции так, как

> этого пожелает психотерапевт. Многие пациенты рассказывают мне, что их психотерапевты советовали им постоянно оставаться в состоянии гнева. Так каким же образом психотерапия может помочь им стать более зрелыми, более независимыми, адаптированными к жизни гражданами? Мне стыдно, что призванные лечить профессионалы так далеко отошли от стандартов заботы о пациенте и принципа «не навреди».

Групповая терапия

Групповая терапия считается мощным дополнением к индивидуальной терапии и важной частью лечения. Майк Лью подчеркивает плюсы поддержки и солидарности, которые жертвы насилия ощущают на групповых сеансах, где другие могут «выслушать вас», «поверить вам» и «действительно *понять*, что вы говорите правду об изнасиловании и о его последствиях, *ведь они сами побывали в похожей ситуации*».

Ощущение, что другие слушают вас, верят вам и знают правду, срабатывает как катализатор, который позволяет воспоминаниям кристаллизоваться и в конце концов обрести устойчивую форму. «Ваши воспоминания, которые так долго казались нереальными, приобретают вес каждый раз, когда вы рассказываете о них другим», – говорит жертвам Фредриксон.

Групповая терапия также считается эффективным способом ускорить процесс извлечения воспоминаний. Когда участники группы один за другим отождествляют и соотносят свой опыт с воспоминаниями, озвученными другими, появляется своеобразная «цепочка» воспоминаний и чувств. Как советуют Басс и Дэвис: «Если вам все еще не удается точно определить, что с вами случилось, вы можете подтолкнуть собственные воспоминания, слушая рассказы других женщин. Их слова способны высвободить ваши похороненные чувства».

В своей книге «Травма и восстановление» (Trauma and Recovery) Джудит Льюис Герман расхваливает групповую терапию как способ пробудить воспоминания других участников:

> Связь, которая возникает между участниками ориентированной на работу с травмами группы, дает им возможность начать вспоминать и скорбеть. Группа представляет собой мощный стимул для восстановления травматичных воспоминаний. По мере того как каждая участница реконструирует историю своего прошлого, детали этой истории практически неизбежно пробуждают воспоминания у каждого из слушателей. В группах жертв инцеста практически каждой участнице, которая поставила себе цель восстановить воспоминания, удается это сделать. Женщинам, которые чувствуют, что из-за амнезии оказались в тупике, рекомендуется рассказывать те части своей истории, которые они помнят. Члены группы неизменно предлагают свежий эмоциональный взгляд на произошедшее, тем самым перекидывая мостик к новым воспоминаниям.

Внимание! Хотя многие психологи и психиатры считают стимуляцию и провоцирование воспоминаний на основе ассоциаций важной функцией групповой терапии, они предупреждают, что цепная реакция может выйти из-под контроля. Психиатр Пол Мак-Хью пишет, что чрезвычайно опасно смешивать людей, у которых есть воспоминания об изнасиловании, с теми, кто полагает, что мог стать жертвой, но ничего об этом не помнит. Давление, оказываемое в таких «смешанных» группах, может привести к формированию псевдовоспоминаний. Вот что говорит одна пациентка, которая в конце концов восстановила воспоминания о том, как в возрасте одного года ее изнасиловали на пеленальном столике: «В группе была атмосфера сильного давления. Тебя просто не принимали по-настоящему, если у тебя не было кучи воспоминаний».

Психолог Кристин Куртуа считает, что групповая терапия может быть ценным источником «чувства безопасности, поддержки и понимания», но утверждает, что необходимо присут-

ствие психотерапевта, который должен «внимательно наблюдать за происходящим и направлять процесс терапии так, чтобы все члены группы не испытывали постоянной эмоциональной перегрузки». Джудит Льюис Герман согласна, что воспоминания порой приходят очень быстро и тогда появляется необходимость «замедлить процесс, чтобы его могла выдержать психика как отдельных пациентов, так и всей группы».

Герман делает вывод о том, что первоочередной задачей психотерапевта в любой группе, ориентированной на работу с травмами, должно быть создание чувства безопасности:

> Если этого не сделано, члены группы могут легко напугать друг друга как ужасными событиями из прошлого, так и опасностями, подстерегающими их в настоящем. Одна жертва инцеста рассказывает, что истории других членов группы лишь ухудшили ее состояние: «Я думала, что, придя в группу и увидев, сколько женщин прошли через то же самое, я почувствую облегчение. Но в группе самым мучительным страданием для меня стало осознание того, что мне *не становится* легче: наоборот, мой страх *увеличился в разы*».

Противостояние

Как только вытесненные воспоминания возвращаются к жертве, ей говорят, что у нее есть выбор: продолжить терапию, индивидуально и спокойно занимаясь проработкой чувств гнева и печали, или противостоять изнасилованию (и защитить себя), выступив против насильника. Второй вариант никогда не преподносится как безопасный. Большинство авторов, пишущих о жертвах инцеста, предупреждают, что противостояние следует рассматривать как возможную стратегию только при условии, что жертва полностью готова и успешно восстанавливается. Кроме того, жертву уверяют, что противостояние – это выбор, который можно *не* делать. Вот что пишет Майк Лью в своей эмоциональной главе о конфронтации: «Противостоять насильнику – очень сложное и трудоемкое дело… это исключительно индивидуальное, личное решение. Для некоторых людей оно становится логичным следующим шагом на пути к восстановлению, для других же может оказаться опасным и губительным».

Но в этих книгах также много говорится об исцеляющей силе озвучивания правды. «Сказать членам семьи о том, как вам было больно, – это самый действенный способ исцеления. Теперь вы наконец-то можете свободно говорить правду», – пишет Фредриксон. И не только можете, у вас есть на это право. «У всех есть право рассказывать правду о своей жизни», – пишут Басс и Дэвис в начале главы под названием «Откровения и противостояние».

Когда мы говорим правду, мы обретаем чувство «внутренней силы», которую Фредриксон определяет как «духовную, физическую и эмоциональную силу». Противостояние представлено как обряд инициации, болезненный, но важный шаг в процессе перехода от роли жертвы к роли пережившего травму человека. «Противостояние насильнику… это, безусловно, решающий шаг на пути жертвы к возвращению собственной силы; тем самым жертва заявляет, что она не будет молчать, что ею никто не может управлять, – пишет Сью Блум. – Противостояние – это возможность заявить: “*Я знаю, что ты сделал*, и у тебя не было на это права”».

В литературе для жертв инцеста иногда предлагаются конкретные советы по подготовке к противостоянию. Нужно обзавестись системами поддержки, тщательно проанализировать свою мотивацию и ожидания, отрепетировать процесс. Жертва может начать рассказывать свою историю поддерживающим ее людям: психотерапевту, членам группы, друзьям, супругу или второй половине. Можно проработать свои чувства через написание писем и попросить психотерапевта и друзей дать обратную связь. Жертва может представлять сцены противостояния, воображая себя сильной, уверенной и полностью контролирующей ситуацию личностью, или поучаствовать в ролевой игре или в психодраме, репетируя различные сценарии противостояния с психотерапевтом или членами группы.

Затем, когда жертва полностью готова, она может «рассказать правду» своей семье. В случае противостояния ей всегда следует избегать выражения сомнений или неуверенности и четко заявлять, что она знает правду, особенно при описании того, как на нее повлияло изнасилование. «Избегайте робости, когда говорите о вытесненных воспоминаниях, – советует Фредриксон. – Не просто рассказывайте о своих воспоминаниях, акцентируйте внимание на том, что вы говорите правду. Если месяцы или годы спустя вы выясните, что ошиблись в деталях, вы всегда сможете извиниться и исправить ошибку».

В случае противостояния жертве следует ожидать от насильника заявлений о невиновности и возмущения. «Будьте готовы столкнуться с отрицанием», – пишет Майк Лью.

> Не позволяйте ситуации перерасти в спор или конфликт. Не позволяйте виновнику убедить вас в недостоверности ваших воспоминаний. Помните, что он уже врал вам. Стойте на своем и не позволяйте себе впадать в отчаяние.

Если насильник продолжает отрицать и отвергать историю жертвы, приходит время поднять вопрос о вытеснении. «Возможно, стоит предположить, что разум насильника вытеснил все воспоминания об этом событии», – объясняет Фредриксон. Однако жертвы должны любой ценой избегать реальной войны. Жертва не обязана убеждать или переубеждать насильника. Единственная цель разоблачения и противостояния – освободиться, вернуть себе силу, доказать себе, что вы больше не боитесь и что вами больше никто не управляет, и таким образом гарантировать себе, что вы больше никогда не станете жертвой. По словам Лью, противостояние – это «проявление самоуважения».

В «Мужестве исцеления» представлены несколько наглядных примеров успешного противостояния:

> Двадцать лет назад женщина пришла на похороны дедушки и у его могилы рассказала всем, что он с ней сделал. В городе Санта-Круз, Калифорния, волонтеры из организации «Женщины против насилия» ходили с жертвами насилия на работу к изнасиловавшим их людям. Представьте, десять или двенадцать женщин окружают мужчину, тем самым создавая реальную поддержку жертве, пока она рассказывает, что он с ней сделал… Одна жертва рассказала о женщине, которая вывела своего брата на чистую воду в день его свадьбы. Она написала, что именно он с ней сделал, и распечатала копии. Стоя среди встречающих, она раздала всем гостям по запечатанному конверту со словами: «Это мои чувства по поводу свадьбы. Пожалуйста, прочитайте, когда вернетесь домой».

Внимание! Влияние атмосферы, которая царит у смертного одра, среди гостей на свадьбе или в момент личного противостояния один на один распространяется не только на обвиняемого, который может оказаться невиновным. Нужно также принимать во внимание ущерб, наносимый жертве. Что, если «месяцы или годы спустя» жертва поймет, что она на самом деле «ошиблась в деталях»? Обещание, что она «всегда сможет извиниться и исправить ошибку», никоим образом не отменяет катастрофических последствий, которые в результате подобных обвинений возникают в жизни каждого, кто оказался причастен. Разваливаются семьи, безвозвратно рушатся отношения, ломаются жизни.

Тридцатипятилетняя женщина рассказала своей матери, умирающей от рака вдове, что к ней вернулись воспоминания о том, как оба родителя в детстве насиловали ее. Два дня спустя обвиненная мать совершила самоубийство, съехав на машине с утеса. Она оставила записку, в которой объяснила, что «ей больше незачем жить». Кто может предсказать, каковы будут долгосрочные последствия такого противостояния и как оно скажется на этой женщине, которая теперь считает свои воспоминания ложными?

Привлечение преступника к ответственности

В «Мужестве исцеления» есть занимающий пять страниц раздел, написанный Мэри Уильямс, адвокатом, которая представляет в суде интересы взрослых жертв сексуального насилия. Уильямс кратко описывает последние изменения в законе о сроке давности уголовного преследования, цитируя постановление властей штата Калифорния, которое регламентирует подачу гражданских исков, основанных на обвинениях в сексуальном насилии над детьми, когда насильник – один из членов семьи. Согласно новому постановлению, жертва может подать иск в суд до достижения двадцати одного года. Кроме того, это можно сделать в течение трех лет с момента раскрытия факта изнасилования. Таким образом, если жертва вытеснила воспоминания о насилии и в результате не знала о травме многие годы или даже десятки лет, то ей будет предоставлено три года с момента раскрытия факта насилия (предположительно, в ходе терапии), чтобы подать иск в суд. (После публикации книги «Мужество исцеления» в 1988 году более двадцати штатов пересмотрели законы о сроках давности уголовного преследования в случае сексуального насилия над детьми.)

Целая страница в «Мужестве исцеления» посвящена теме «взыскания компенсаций». Уильямс рассматривает диапазон выплат («по своему опыту могу сказать, что выплаты обычно варьируются приблизительно от 20 000 до 100 000 долларов), а также добавляет сноску о том, что в будущем средняя сумма компенсационных выплат, скорее всего, возрастет[4]. Также рассматривается возможность получать выплаты от страховой компании владельца недвижимости за ущерб, причиненный по «неосторожности».

В последнем разделе представлен анализ затрат и выгод от подачи иска. Несмотря на то что жертва «сталкивается с ощущением, что ее надежды не оправдались, и разочарованием», когда дело улажено, но «эмоциональное восстановление все еще впереди», выгоды от подачи иска в суд представляются очень значимыми:

> По своему опыту могу сказать, что практически все мои клиенты, подавшие такого рода иски, в результате судебного разбирательства отметили личностный рост, повышение самооценки и прилив сил… Многие мои клиенты испытывают невероятное чувство облегчения и победы. Они становятся сильнее, подавая иск в суд. Они избавляются от иллюзии того, что этого никогда не было, или что родители действительно любили их и разумно заботились о них. Это приводит к отделению от семьи, которое идет жертве на пользу и может стать для нее своеобразным обрядом инициации.

В конце раздела приводится список адвокатов (с телефонными номерами и адресами), специализирующихся на делах взрослых жертв.

В «Тайно выживших» (Secret Survivors) Сью Блум на двух страницах рассуждает на тему «Привлечение виновника к ответственности». Она пишет, что иск дает жертвам «возможность получить подтверждение своим словам от системы, которая отвернулась от них; положительный исход таков, что система признает – да, что-то произошло, и да, он не имел на это права». Блум также рассматривает практические основания для подачи иска. Выплаты могут быть использованы для того, чтобы погасить «огромные расходы на медикаменты и психотерапию женщинам, чья способность зарабатывать (изначально низкая из-за половой принадлежности) подорвана еще больше из-за ущерба, причиненного насилием».

Пожалуй, это и есть вполне логичный и актуальный для нашего времени способ завершить обсуждение странной и таинственной проблемы вытесненных воспоминаний о сексуальном насилии. Если не остается другого выхода (а лучше *прежде чем* у вас не останется другого выхода), наймите адвоката и подайте иск о возмещении ущерба.

Еще пара напутственных слов

В середине книги Рене Фредриксон есть одно короткое предложение, содержащее двадцать одно слово и предупреждающее о возможной опасности. Мы хотели бы продублировать здесь этот совет в надежде, что содержащаяся в нем правда станет противовесом часто повторяющемуся утверждению о том, что «восстановление воспоминаний – самый целительный процесс».

> Ни вы, ни ваш психотерапевт не захотели бы принимать ложную реальность за правду, ведь именно в этом заключается истинная суть безумия.

Если бы только у нас был способ отделить ложную реальность от правды. Но его нет, и в большинстве случаев, когда речь идет о «вытесненных» воспоминаниях, у нас его никогда не будет. Вера – корень проблемы. Если мы думаем, что что-то реально, это становится нашей правдой, и едва ли найдется кто-то, кто сможет сломить нашу веру.

К сожалению, у психотерапевтов не больше инструментов, чем у кого-либо еще, для того чтобы разглядеть истинный свет правды. Возможно, стоит еще раз повторить выводы психолога Майкла Нэша, касающиеся способности врачей отделять вымысел от реальности: «В конце концов, мы (как врачи), не можем отличить выдумку о прошлом, в которую верит пациент, от реального воспоминания. На самом деле вполне вероятно, что между этими двумя явлениями вовсе нет никакой структурной разницы».

10
Все, чего я хотела

Когда тебя кто-то спрашивает: «Тебя насиловали в детстве?», есть только два возможных ответа: один из них – «Да», а второй – «Я не знаю». Нельзя сказать – «Нет».
Розанна Арнольд – на «Шоу Опры Уинфри»

В конце марта 1992 года мне позвонил мужчина, назвавшийся *Майком Паттерсоном* из города Сидар-Рапидс. Он начал с того, что его дочь на основе вытесненных воспоминаний, недавно восстановленных во время терапии, обвинила его в гнусном поступке, а именно – в сексуальном насилии.

– Гнусный, – повторил он. – За последние полгода я поговорил со многими экспертами, и я все время слышу это слово. Поэтому я посмотрел его в словаре. Оно значит «внушающий отвращение, порочный, заслуживающий порицания». Так вот, сексуальное насилие – это гнусно, но и ложные обвинения – это тоже гнусно, и я должен положить им конец.

Он объяснил, что старался связаться с каждым, кто мог бы ему рассказать что-нибудь о работе памяти, природе и сути этого «явления, называемого вытеснением», и о том, что могут сделать родители, чтобы защититься, когда их несправедливо обвиняют.

– Профессор Лофтус, – отчеканил он (его голос со среднезападным говором звучал в трубке четко и ясно), – как нам доказать обратное? Как мне доказать, что я ничего не делал?

– Что ж, я не могу этого доказать, – сказал он, отвечая на собственный вопрос, – поэтому я решил сделать кое-что еще. Состояние моей дочери – ее зовут Меган – начало ухудшаться, когда она стала ходить к психотерапевту, который специализируется на таких вещах, как духовно-психологические вопросы, реабилитация жертв насилия и неблагополучные семьи. Я подумал: лучше будет выяснить, что же именно происходит на этих психотерапевтических сеансах, поэтому я нанял частного сыщика. Это женщина, и она притворилась пациентом с теми же симптомами, что у моей дочери. Ее прослушивали, и у меня есть аудиозаписи с ее сеансами. Я знаю, что вы провели несколько экспериментов по внушению и формированию ложных воспоминаний, и я подумал, что вам будет интересно послушать эти записи.

– У вас есть записи с сеансов психотерапии? – спросила я, взволновавшись.

Если Майк Паттерсон действительно получил записи с сеансов, во время которых психотерапевт не знал, что разговор записывается, у него было то, чего не было больше ни у кого. Хотя критики терапии по восстановлению вытесненных воспоминаний подозревали, что предположения, ожидания и давление со стороны психотерапевта могут влиять на процесс, у них не было ни единого доказательства. Все, что у них было, – это субъективные воспоминания психотерапевтов и пациентов о том, что происходило во время сеансов, а эти воспоминания подвержены тому, что психологи называют «ретроспективным искажением». Ретроспективное искажение возникает, когда мы думаем о прошлом и изменяем некоторые факты или заполняем пробелы преувеличениями и догадками или принимаем желаемое за действительное. Мы склонны помнить детали, которые делают нас «хорошими» (счастливыми, умными, щедрыми, сочувствующими, толерантными, великодушными и т. д.), и игнорировать то поведение, мысли или эмоции, которые могут выставить нас «плохими» (равнодушными, беспечными, манипуляторами, грубыми, грустными, упрямыми, эгоистичными и т. п.).

Недостаток объективных сведений – одна из причин, по которой так трудно изучать память. Когда люди вспоминают события из прошлого (и когда нет видео- или аудиозаписей, с помощью которых можно было бы подтвердить или опровергнуть эти воспоминания), как мы можем знать, что *на самом деле* произошло? Например, предположим, что вы – ученый, изуча-

ющий взаимосвязь между количеством жиров в рационе человека и развитием рака груди. Вы решаете побеседовать с группой женщин, страдающих от рака груди, и с теми, у кого его нет, задавая им вопросы о рационе и пищевых привычках. Даже если женщины постараются отвечать точно и честно, они неумышленно могут дать неверные или искаженные ответы, потому что они забыли, что именно ели в какой-то конкретный день. Еще они могут преувеличить долю здоровых продуктов и преуменьшить долю вредной, жирной пищи в своем рационе.

Какими бы ни были причины неточностей, вы придете к неверным выводам. Но предположим, что вы предвидели проблему ретроспективного искажения и обычных процессов искажения воспоминаний и пошли на небольшую уловку, тайно установив видеокамеры на кухнях и в столовых участников. (Впрочем, Комитет по подбору участников научных исследований никогда бы такого не одобрил.) Теперь можно соотнести субъективные ответы, подверженные ретроспективному искажению, с объективными видеозаписями и прийти к более точной версии «правды».

А значит, вот что было у Майка Паттерсона: объективная и точная версия «правды» о манере конкретного психотерапевта задавать вопросы и взаимодействовать с пациентом. И хотя мы не можем использовать записи Паттерсона, чтобы определить достоверность воспоминаний его дочери, они, по крайней мере, помогли бы нам понять, что происходило во время психотерапевтических сеансов.

«Всего у меня есть четыре записи, – сказал Майк. – Я не знаю требований закона, но мне сейчас уже не до этого. Я считаю, что моя дочь стала жертвой суггестивных психотерапевтических техник. Я думаю, что ей не повезло, она искала психологическую помощь у благонамеренного, но неопытного психотерапевта, который думает, что любую проблему в этом мире можно объяснить сексуальным насилием. Я сделал то, что должен был, чтобы доказать свое предположение. – Его голос стих. – Моя цель – не месть, доктор Лофтус. Я всего лишь надеюсь вернуть дочь».

Несколько дней спустя мне доставили большую посылку службой экспресс-доставки. Кроме четырех аудиозаписей с психотерапевтических сессий Майк прислал мне синюю тетрадь на пружине, разделенную на пять аккуратно озаглавленных частей, в которых были сотни писем, записей, статей об исследованиях и правовых документов. Я прочитала каждую бумажку в этой тетради и попросила одного из моих студентов застенографировать все аудиозаписи с психотерапевтических сессий. Несколько месяцев спустя я полетела в Сидар-Рапидс, чтобы выступить с речью перед Ассоциацией адвокатов штата Айовы, и провела день с Майком и его женой Доун. Они пригласили меня к себе домой, принесли груду фотоальбомов и видеозаписей («Это Меган, когда ей было два», «Это Меган получает награду на выпускном», «Эту фотографию мы сделали, когда в последний раз видели Меган…») и отправили меня домой, отдав еще несколько сотен страниц писем и материалов исследований.

* * *

Я верю, что Майк Паттерсон не виновен в тех преступлениях, обвинения в которых разрушили его семью. Но я должна добавить, что, даже если обвинения были ложные, его случай ничего не доказывает за рамками этого конкретного дела. Он не доказывает, что огромное количество психотерапевтов внушают свои идеи пациентам, и не демонстрирует, что клиенты впитывают эти идеи, создавая ложные воспоминания. Это лишь единичный случай – уникальный, индивидуальный, со множеством различных версий «правды», и некоторые из них можно подтвердить, а некоторые – нет.

* * *

Пятнадцатого ноября 1985 года двадцатилетняя Меган написала своим родителям радостное письмо на купленной в магазине дешевых товаров почтовой бумаге. Ее круглый, плавный почерк передает чувство приятного волнения и невинного энтузиазма. Большинство предложений заканчиваются восклицательными знаками. И в каждом абзаце есть по крайней мере одно слово, подчеркнутое дважды.

«Дорогие мама и папа, – так начиналось занимающее три страницы письмо. – Как у вас дела? У меня все отлично!» Меган благодарила родителей за междугородний звонок прошлым вечером (*«Я чувствовала себя такой любимой!»*) и рассказывала, как она рада, что на этой неделе у нее был всего один экзамен. Могут ли родители положить деньги ей на счет, чтобы она заплатила за аренду? Она устала, но в целом все было хорошо, не может дождаться, когда приедет домой на День благодарения. Она подписала письмо фразой «С любовью, *Меган*».

Почти полтора года спустя, 27 марта 1987 года Меган написала родителям еще одно нежное письмо. Она уже училась в магистратуре, где получала степень по социальной работе. «Я была так занята в последнее время, что у меня совсем не было времени сказать, как я вас люблю», – пишет она в своем письме. В следующем абзаце она благодарит родителей за их любовь и поддержку – за то, что купили ей машину, оплатили ее обучение в бакалавриате и магистратуре, брали ее с собой на семейный отдых и давали ей деньги на самостоятельные путешествия. Но больше всего она ценит их безусловную любовь и желание помогать ей решать любые ее проблемы. «Я не всегда была примерной дочерью, – пишет она, – но я так сильно вас люблю и вряд ли когда-нибудь смогу отплатить за вашу любовь и поддержку, которые я чувствовала всегда, или за те жизненные уроки, которым вы мне преподали. Все, что я могу сделать, – сказать, что я вам благодарна и что я вас люблю – больше, чем можно выразить словами».

В ноябре 1987 года Меган написала длинное откровенное письмо *Терезе*, пятнадцатилетней сбежавшей из дома девушке, которую взяли под опеку Паттерсоны. Во время каникул на День благодарения между Меган и ее матерью разгорелся спор, и Тереза по ошибке подумала, что это она стала его причиной. Меган писала, чтобы объяснить, что действительно произошло – ее мать была сильно расстроена, когда она узнала, что Меган живет с молодым человеком.

На второй странице письма Меган призналась, что иногда ей тяжело ладить с отцом, потому что они совершенно разные люди. «Я – очень ласковый человек, которому нужно, чтобы его все время обнимали, – пишет Меган. – Мне нужно слышать, как папа говорит “Я люблю тебя”. Но папа другой человек – ему не нужны объятья и нежные слова. (Хотя ему, похоже, нравится, когда я говорю, что люблю его)».

Далее Меган рассказывает о том, что в течение многих лет она обращалась с этой проблемой к Богу, и он всегда помогал ей. Но когда она поступила в колледж, она была так занята, что прекратила молиться. Ее отношения с отцом постепенно ухудшались, потому что она выражала разочарование и гнев. «Я сделала много того, о чем жалею, – причиняла боль себе и другим людям. Хотя внешне я выгляжу счастливой и уверенной в себе, внутри я молю о помощи. Мне очень больно, и я так чувствую себя вот уже три года. В моей жизни царит полный бардак. С помощью Бога и родителей я возьму себя в руки».

Она закончила письмо следующими словами: «Все делают ошибки, и иногда мы ненароком причиняем друг другу боль. Но мы можем все исправить, если будем разговаривать и напоминать друг другу, что нам не все равно. Нам всем нужна любовь!»

Три месяца спустя Меган встретилась с родителями в доме старшей сестры в Де-Мойне, чтобы отпраздновать рождение их первого внука. Майк и Доун держали младенца на руках,

слезы бежали по их щекам, а Меган стояла в стороне, подавленная и погруженная в свои мысли. Позже этим вечером Меган призналась родителям, что ее изнасиловали.

– Кто тебя изнасиловал? – спросили ее ошарашенные родители.

– *Патрик*, – ответила Меган, назвав имя сводного брата, которому было пятнадцать, когда его усыновили. Меган объяснила, что они целовались и ласкали друг друга, но прекратили это прежде, чем дело дошло до полового акта. И хотя они оба были согласны на эти ласки, Меган считала эти сексуальные взаимоотношения насилием, потому что ей было всего двенадцать, на три года меньше, чем Патрику.

Доун была безутешна. Как это могло произойти без ее ведома? Ей разбивала сердце мысль о том, что ее младшая дочь несла бремя этого воспоминания более десяти лет, чувствуя такой стыд, что она не могла поделиться этим секретом даже с родителями. Но, хотя она беспокоилась о дочери, ей показалось странным, что та выбрала для такого заявления столь неподходящее время. Зачем она обрушила на них эту новость в такой радостный день?

Четыре месяца спустя, в июне 1988 года, Меган получила степень магистра в Университете Айовы. Она поселилась в городе Де-Мойн, в двух часах езды от дома родителей, и ей сразу же предложили работу с бездомными. Нагрузка была огромной, а сама работа отнимала много душевных сил. Во время еженедельных звонков родителям она горько жаловалась на постоянный сильный стресс. Когда в августе с ней порвал молодой человек, с которым она жила, стало казаться, что Меган в депрессии, встревожена, сама не своя. Майк и Доун переживали, что она, возможно, слишком много пьет. Они оба никогда в жизни не пили, а единственными таблетками в доме были «таблетки Майка для сердца», которые он принимал от стенокардии, и банка с аспирином, которым Доун спасалась от периодических синусовых головных болей. Они знали, что немного «консервативны» в вопросах секса и наркотиков, и старались не слишком докучать Меган своими переживаниями.

Но они никак не могли перестать волноваться о своей младшей дочери. Во время еженедельных разговоров Меган становилось все более недоброжелательной и пессимистичной. Она, казалось, была абсолютно убеждена, что ее родственники «больны», и что им необходима помощь специалистов, и что у ее двоюродной сестры «синдром дефицита внимания», а у другого родственника «пограничное расстройство личности», а третий и вовсе «параноик».

Когда на другом конце провода была только мама, Меган ругала отца за его «эмоциональный абсентеизм».

– Кажется, ему все равно, что происходит у меня внутри. Он все время так чертовски занят, так увлечен каким-нибудь проектом или человеком, который, по его мнению, нуждается в нем больше меня.

– Меган, твой отец готов целовать землю, по которой ты ходишь. – Доун гадала, как ей достучаться до Меган и помочь ей увидеть, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. – Дорогая, я знаю, что у тебя сейчас сложная, напряженная жизнь, но постарайся не забывать, что мы тебя очень любим, и вспоминай все хорошее, что было в жизни нашей семьи: поездки, каникулы, отпуска…

– Что хорошее? Может, это тебе было весело, мам? – Меган произносила слово «мам» так, будто это было обвинение. – Но ты когда-нибудь задумывалась, каково было мне?

Доун решила не давить. У Меган есть своя голова на плечах, и она переживет этот жизненный кризис так же, как пережила трудный период в средней школе, когда она общалась с группой сложных подростков, которые курили марихуану и увлекались философией нью-эйдж. Тогда они тоже беспокоились, но у Майка был долгий разговор с Меган, и она «взяла себя в руки», как сама выразилась, завела новых друзей, стала проводить много времени в церковной молодежной группе и посвятила свою жизнь «служению Господу».

«И это пройдет». – Доун повторяла слова, которые она говорила себе всякий раз, когда думала, как же им пережить очередной трудный период в жизни одного из детей. Она дове-

ряла Меган и знала, что ее дочь вернется к старому доброму здравому смыслу, прислушается к доводам рассудка и приведет свою жизнь в порядок. Доун продолжала говорить себе, что в жизни, несомненно, бывают крутые повороты, но ты не можешь прожить жизнь за детей. Все, что в твоих силах, – это любить их, воспитывать в них высокие моральные ценности, а потом – доверять их выбору. Они наделают ошибок, но, если до пятнадцати-двадцати лет была проделана хорошая работа, все закончится благополучно.

Оптимизм Доун нашел подтверждение в письме Меган, датированном сентябрем 1988 года, в котором она извинялась за то, что так усложнила жизнь родителей, и выражала благодарность за их неизменную любовь и преданность. «Я знаю, я причиняла вам боль, – пишет Меган. – Спасибо за понимание и за то, что остались со мной».

* * *

Прошло полтора года. В январе 1990 года Меган рассталась с очередным сожителем. «Он был жутким пьяницей, – сказала она родителям, – и я устала находиться в созависимых отношениях». И хотя этот молодой человек не нравился Доун, она была удивлена, что Меган так легко вычеркнула его из своей жизни, навесив на него столько ярлыков.

– Кстати, – сказала Меган, – я тебе говорила, что сменила психотерапевта? Мой новый врач ближе мне по возрасту – ей около тридцати пяти, – и она специализируется на восстановлении после травм, работе с жертвами инцеста, неблагополучных семьях и всем в таком роде.

– Довольно длинный список, – отозвалась Доун, стараясь, чтобы в ее голосе звучала радость и поддержка. Но специализация психотерапевта обеспокоила ее – может ли один врач разбираться в столь разных областях? И что это еще за «восстановление после травм» и «неблагополучные семьи»?

– Да, она восхитительная, – сказала Меган. Ее голос вдруг стал серьезным. – Мы продвигаемся очень быстро.

Десятого февраля 1990 года, в день рождения отца, Меган позвонила и сообщила, что у нее алкоголизм. В качестве подарка отцу она решила, во-первых, бросить пить и, во-вторых, начать посещать собрания анонимных алкоголиков. Майк и Доун удивились – в их представлении алкоголиком можно было назвать бродягу, побирающегося на углу и пьющего дешевое вино из бутылки, спрятанной в пакет. Но будучи трезвенниками, они с энтузиазмом поддержали решение Меган бросить пить.

Три месяца спустя на День матери Доун получила от Меган по почте большую посылку. Внутри была книга из 500 страниц – «Мужество исцеления: руководство для женщин, переживших сексуальное насилие в детстве». «Что это, во имя всего святого, такое?» – спросила Доун у Майка, который пролистывал страницы и читал вслух названия глав: «Решение исцелиться», «Вера в то, что это случилось», «Гнев: основа исцеления», «Откровения и противостояние».

– Тебе не кажется, что она немного перегибает палку с этой идеей о сексуальном насилии? Неужели две недели ласк с Патриком делают ее человеком, который… – Доун снова взглянула на подзаголовок в книге, – «пережил сексуальное насилие в детстве»? Может, она злится на нас, что много лет назад мы не знали о происходящем и не помогли ей разобраться с Патриком? Как ты думаешь, что она пытается нам сказать?

Майк отнесся к этому философски.

– Меган очень умная и чувствительная девушка, у которой настали трудные времена, – сказал он. – Давай просто поддержим ее и напомним, что мы всегда рядом, если нужно. Все будет хорошо, уверяю тебя.

Пятнадцатого октября 1990 года пришло письмо от Меган, адресованное «Доун Паттерсон». Судя по крупным, жирным буквам, письмо было написано в приступе гнева и в спешке.

Доун хватило одного лишь взгляда на это странное мрачное письмо, чтобы понять, что ее дочь в большой беде. Меган никогда не писала письма на желтых бланках для юридических документов. И она никогда раньше не писала письма, адресованные исключительно матери.

«С тех пор как я бросила пить, я переживаю трудные времена, – писала Меган. – Последние несколько месяцев мне отравляют жизнь всплывшие на поверхность воспоминания». Хотя Меган не вдавалась в подробности относительно содержания этих воспоминаний, она постоянно подчеркивала необходимость оставаться «в безопасности», то есть прекратить пить, посещать собрания анонимных алкоголиков и встречаться с другими «жертвами инцеста».

«В безопасности? Что она имеет в виду, когда говорит “в безопасности”?» – гадала Доун. Чем чаще она повторяла это слово, тем меньше смысла в нем оставалось. Меган объяснила, что она старается чувствовать себя «в безопасности» – играет со своими кошками и обнимает плюшевого мишку. На этом моменте линии букв стали еще толще и жестче, как будто Меган со всей силы давила на бумагу. Доун почти могла представить себе, как Меган скрипит зубами.

> Мне кажется, что я неадекватная, что сама я ничего не стою, и, возможно, если бы я стала кем-то другим, я была бы достойна любви. Мой психотерапевт очень поддерживает меня – такой, какая я есть, и помогает мне научиться любить себя. Вы с папой всегда давали мне возможность все хорошо обдумать самой, но мне нужно еще больше пространства, чтобы пройти через это. Я просто пытаюсь пережить это, день за днем.

«Пространство». «Безопасность». «Воспоминания». «День за днем». Доун гадала, что же значат все эти слова… Что они под собой подразумевают? Она пыталась успокоить себя мыслью, что День благодарения уже через месяц. И как только Меган войдет в дом, все они сядут и будут долго разговаривать.

За три дня до начала выходных, приуроченных к Дню благодарения, пришло еще одно письмо от Меган. Майк и Доун впоследствии всегда называли его «письмо, которое пришло на День благодарения». Доун в тот день пораньше ушла с работы, взяла свою чековую книжку и список продуктов и поспешила в магазин до наплыва толпы. Они ждали в гости трех своих детей и двух приемных – всех с супругами, внуков, бабушку, тетушку *Дженни* и ее семью – всего больше двадцати человек. Доун думала об индейке, надеясь, что одиннадцатикилограммовой тушки будет достаточно (она любила давать всем еду в дорогу), когда увидела доставленную экспресс-почтой посылку на ступеньках у входной двери. Она узнала почерк Меган, но там не было обратного адреса.

Доун глубоко вздохнула. Она знала, что это плохие новости. Зачем Меган, которая все время жалуется на то, что она на мели, стала тратить деньги на экспресс-доставку, если она сама приедет через два дня? Она трясущимися руками открыла конверт.

Письмо было от 15 ноября. Меган, должно быть, написала его неделей раньше, но отсрочила отправку, чтобы оно пришло прямо перед Днем благодарения.

«Я устала от попыток донести до тебя, что я чувствую и через что прохожу», – начала она тем же грубым, гневным почерком, что и в октябре. В ее памяти всплыло еще больше воспоминаний о сексуальном насилии, воспоминаний, которые, в частности, касались ее матери и отца. Эти воспоминания убедили ее принять решение «взять перерыв» в отношениях с родителями. Она не хотела, чтобы кто-то связывался с ней – включая родителей, брата и сестру, в том числе приемных, а также теть, дядьев, двоюродных братьев и сестер. «Я сделаю все необходимое, чтобы защитить себя, чтобы освободиться от вашего влияния. Я подробно обсудила все детали со своим психотерапевтом, и она полностью согласна с моим решением. Мы обе думаем, что я двигаюсь в верном направлении».

Меган объяснила, что переехала, но не сообщит им свой новый адрес, также она сменила номер телефона. Друзей и коллег она попросила не рассказывать о ее звонках. В случае крайней необходимости родители могут связаться с ней через ее психотерапевта.

«Я знаю, это не самый подходящий момент, – такими словами заканчивалось письмо, – но я думаю, что не может быть подходящего момента, чтобы оборвать отношения».

«Выйти из-под из влияния». «Неудачный момент». «Не может быть подходящего момента, чтобы оборвать отношения». Доун думала, что это письмо было написано в кабинете психотерапевта, где та направляла Меган и давала ей советы. Эти слова не принадлежали ее дочери. Это были слова незнакомки.

* * *

Два дня спустя старшая дочь Паттерсонов Кэти приехала на праздники к родителям и привезла с собой письмо от Меган. Кэти отказалась «подтверждать» воспоминания Меган, и тогда та написала ей, что не может больше с ней общаться. И хотя она уважала «потребность Кэти не помнить», она все же надеялась, что сестра поймет: Меган нужно окружить себя людьми, которые верят и сочувствуют ей. Она закончила письмо предостережением: «Пожалуйста, всегда прислушивайся к своим детям и, пожалуйста, никогда не оставляй их без присмотра с мамой и папой».

Доун была сломлена горем. Она не могла есть, спать – только плакать. Прочитав письма, Майк попытался позвонить Меган, но, как она и предупреждала, не смог до нее дозвониться. Они написали письмо на старый адрес Меган, но письма вернулись с пометкой «не доставлено». Майк написал письмо психотерапевту Меган и не получил ответа. Доун написала психотерапевту письмо в десять страниц, умоляя помочь им понять, что происходит с их ребенком. Эта мольба тоже осталась без ответа. На протяжении десяти месяцев они поддерживали связь с Меган через ее адвоката, который сообщил им, что она хочет отозвать право отца представлять ее интересы и начать полностью самостоятельно управлять своим трастовым фондом.

Затем, 9 сентября 1991 года, пришло еще одно письмо. Оно было адресовано Майку и начиналось так: «Уважаемый Майкл Паттерсон». Меган писала, что пришло время рассказать правду, поскольку сейчас она помнит все, что с ней сделал отец. Недавно воспоминания вернулись к ней во время терапии с использованием возрастной регрессии. Она вспомнила, что, когда она была маленькой – одиннадцатимесячным младенцем, – у нее случилась истерика от страха, что отец войдет в комнату и убьет ее. Она вспомнила, что мать дала ей валиум, чтобы она успокоилась.

Недавно у нее появилось «телесное воспоминание», когда она лежала на кровати. Все ее тело оцепенело. Она знала, что «нечто важное» пытается вырваться наружу, но она застыла и не могла двигаться. Ее тело неожиданно начали сотрясать волны воспоминаний, и ужасная неописуемая боль, начинающаяся во влагалище, быстро пробежала по всему телу и вышла изо рта. Она «истекала кровью» от боли. Воспоминания были отвратительные, омерзительные, гадкие. Она помнила, что в раннем детстве ее регулярно жестоко насиловали. Очнувшись от туманного сновидения, она спросила себя, была ли это ее мать. Но лицо Доун не соответствовало этим картинкам. Память возвращалась к Меган медленно, но сохранялось стойкое ощущение, что она знала правду: ее отец регулярно насиловал ее, с полутора лет и до тех пор, пока она не уехала в колледж.

Почему? Это был одновременно вопрос и обвинение. Почему ты насиловал меня? Как ты мог насиловать собственного ребенка, свою плоть и кровь? Почему ты думал, что у тебя есть право овладевать моим беззащитным телом? Почему, почему, почему, почему? Детали изнасилования были точно и дотошно описаны. Меган помнила пенис отца в своем анальном отверстии. Она помнила, как возникали рвотные позывы, когда отец наваливался на нее. Она

помнила, как отец брал ее правую руку, заставляя стимулировать его пенис, пока он не достигнет эякуляции.

Ему все еще интересно, почему она злится на него? Думал ли он о том, почему она велит ему уйти и оставить ее навсегда в покое? Все, чего она когда-либо хотела от него, – это любви и нежности. Все, что ей когда-либо было нужно, – защита, воспитание, наставничество. Но вместо этого ее насиловали и унижали. Он больше не достоин называться ее отцом. Он ей больше не нужен. В ее жизни есть другие люди, которые любят и уважают ее. Она не только сможет выжить без него, она расцветет.

«Все, чего я когда-либо хотела…» Майк отложил письмо и обнял жену, которая безутешно рыдала. «Мне так жаль», – повторяла она снова и снова. Они очень долго стояли в обнимку. Доун плакала на груди Майка, его глаза были сухими, он уставился на темное окно их дома с четырьмя спальнями. Аккуратный благоустроенный задний двор был окружен забором из проволочной сетки, а за ним виднелись игровые площадки средней школы. Воспоминание внезапно ворвалось в его сознание, и давно забытые картинки на время сбили его с толку. Он вспомнил, как вернулся домой раньше времени, прямо перед тем, как в школе должен был начаться обед, и увидел, как Меган с подружкой играют на заднем дворе. Он с силой постучал в окно на кухне, девочки запаниковали, перелезли через полутораметровый забор и через площадку рванули к школе. В качестве наказания за свой проступок Меган всю субботу выдергивала сорняки.

Майк вернулся в настоящее. Новый учебный год только начался, и на игровых площадках недавно подстригли траву. Он попытался сконцентрироваться на цветах, блестящей изумрудно-зеленой траве и золотых и оранжевых кленовых листьях. Затем в его голове возникло другое воспоминание. Он видел себя: он стоит на площадке, на этой зеленой подстриженной траве и, аплодируя вместе с другими родителями, наблюдает, как его сын играет в футбол. «Как давно это было», – подумал он. А затем еще одно воспоминание: он перепрыгивает через забор (прошло всего лишь шесть лет, но тогда он был значительно моложе) и идет через площадку, чтобы посмотреть, как Меган участвует в беге с препятствиями на школьных соревнованиях. Меган никогда не была звездой, но она очень старалась. Она всегда очень старалась.

Он закрыл глаза. Это все произошло так давно, но картинки, всплывавшие в его сознании, казались настолько ясными и яркими. Были ли плохие воспоминания Меган – о его поступках, которых он не помнил, – такими же точными и полными деталей, как эти безобидные обыкновенные воспоминания? Вернулись ли к ней «воспоминания» столь же внезапно, пока она обсуждала свои страхи и боль с психотерапевтом? Помнит ли она то хорошее, что так надежно хранится в его памяти?

Майк продолжал смотреть в окно, а Доун все рыдала. Когда слезы кончились и Доун задышала ровнее, Майк нежно отстранился от нее и посмотрел ей в глаза.

– Тебе лучше? – спросил он.

Она кивнула. Он отвел ее в гостиную, посадил на диван, а сам сел рядом с ней, держа ее за руку.

– С Меган что-то не так, – сказал он. Он удивился, каким ровным и спокойным был его голос. – Я боюсь, мы тянули слишком долго. Нам следовало сделать что-то раньше. Возможно, уже слишком поздно, но мы должны выяснить, что произошло, и сделать все, чтобы вернуть ее.

– Вернуть? – спросила Доун. Она не понимала, что это значит, как и многие другие слова, которые она слышала в последнее время.

– Я думаю, она могла попасть в какую-то секту, – сказал Майк. – Кто-то или что-то управляет ее сознанием и меняет ее воспоминания. Это письмо написала не наша дочь. Меган не могла написать эти слова и поверить, что я сделал это с ней. Не наша Меган. С ней что-то случилось, и я собираюсь выяснить что.

* * *

Сентябрьское письмо провело резкую черту между «до» и «после». «До» было временем, когда плохих «воспоминаний» не существовало, а Меган все еще была Меган. «После» положило начало новому, странному миру, в котором она стала кем-то другим, а ее воспоминания взяли всю семью в заложники. Перед тем как пришло сентябрьское письмо, Майк верил, что Меган придет в себя, увидит, какой вред приносит «психотерапия для преодоления последствий насилия» ей самой и ее семье, и осознает, что эти смутные ускользающие воспоминания – вовсе не реальность, а фантазии, галлюцинации, наваждение. Он верил, что разум и здравый смысл возьмут верх. Но, прочитав сентябрьское письмо, он понял, что само собой все не решится.

«Я помню все, что ты со мной делал… Ты насиловал меня, меня – свою плоть и кровь. Ты больше не достоин зваться моим отцом». Прочитав это, Майк понял, что они имели дело уже не просто с серьезной проблемой, а с душевной болезнью. Произошло нечто ужасное. Все, что в Меган было хорошего и доброго, оказалось стерто в прах этой извращенной злобой, этой поразительной недоброжелательностью, которая… Откуда она взялась? Он не знал. Не мог понять. Что за хитроумное стечение обстоятельств превратило доброго, любящего, заботливого ребенка в злобного и эгоцентричного человека? Как его умная, отзывчивая дочь могла не осознавать, какую боль она причиняет родным? А может, и того хуже, ее вовсе не волновало, насколько мучительные раны она наносит своим близким, потому что она была слишком увлечена собственной болью и разрастающимися, пускающими метастазы, угрожающими ее жизни «воспоминаниями» о насилии? Какова была природа этого причудливого зла, которое обладало способностью превращать хорошее в плохое?

Эти же вопросы крутились в его голове утром, пока он принимал душ и брился, и в течение дня, когда он пытался сконцентрироваться на работе, и вечером, когда они с Доун, держась за руки, садились на диван и смотрели в пустоту, пока, обессиленные, не погружались в тревожный, беспокойный сон. Как это могло произойти? Откуда же все-таки Меган взяла все эти обвинения, прожив с ними столько лет, зная его, зная свою мать, зная, как сильно они ее любят, зная, что они живут ради нее, что для них ее улыбка, ее душа, вся она – это Солнце, вокруг которого вращается Земля? Как она могла все эти годы оставаться хорошим, благодарным ребенком, а потом внезапно, по необъяснимой причине разбить им сердце своими ложными обвинениями?

Что-то пошло не так во время сеансов психотерапии. Это Майк знал наверняка. Все, что ему оставалось сделать, – это вернуться к началу и взглянуть на письма Меган. Все изменилось в январе 1990 года, когда она рассталась со своим парнем и сменила психотерапевта. Спустя месяц она присоединилась к Обществу анонимных алкоголиков и начала посещать групповые сеансы терапии для жертв инцеста. Через три месяца она послала Доун книгу «Мужество исцеления», а еще через полгода обвинила своих родителей в сексуальном насилии и оборвала все контакты с семьей. И вот недавно пришло еще одно письмо, в котором в ярких деталях описывалось, как отец насиловал и пытал ее.

Что-то было не так с психотерапией Меган, и что-то не так было с ее психотерапевтом. Почему врач отказывалась с ними разговаривать? Почему она не отвечала на их письма? Почему она посоветовала Меган оборвать все контакты с семьей? Разве смысл сеансов заключался не в том, чтобы вылечить Меган и помочь ей вернуться к полноценной жизни? Зачем терапевту было заражать пациентку чувствами гнева и обиды и намеренно, осознанно, легкомысленно разбивать семью на осколки, которые никогда не удастся склеить?

Майк не мог этого понять. Он достал свои тетради и папки и внимательно прочитал все письма Меган. Шестого декабря 1990 года, через две недели после того самого Дня благодаре-

ния, Майк напечатал на машинке занявшее одну страницу письмо психотерапевту дочери. Он помнил, как сильно он старался проявить профессионализм, непредвзятость, рациональность. Он напечатал письмо на рабочем бланке.

> Как отец Меган, я, как никто другой, заинтересован в том, чтобы ей было обеспечено самое лучшее, самое тщательное лечение из возможных… Если с ней еще не беседовал психолог или психиатр, тогда я полагаю, что ей следует пройти проверку и тщательный осмотр, чтобы поставить точный диагноз… Обвинения, о которых Меган говорит в своем письме, могут казаться реальными ей самой, но они попросту не являются правдой. Возможно, квалифицированный специалист сумел бы определить, в чем правда, и помочь Меган отличить реальность от вымысла, чтобы она смогла жить дальше с уверенностью и без страха… Мы с благодарностью примем любой ответ, любую помощь или совет, который вы можете нам предложить.

В конце письма он подписал: «С искренним уважением».

Он помнил, что сказала Доун, прочитав это письмо. «Оно слишком деловое», – произнесла она, и тут же принялась за свое собственное письмо, занявшее десять страниц, написанное от руки, от всего сердца. Читая это письмо, Майк невольно чувствовал, как его сердце набухает и дает трещину, грозя вот-вот расколоться на части.

«В отчаянной попытке найти способ излечить нашу дочь я пишу это письмо и каждую секунду молю Бога, чтобы вы дочитали его до конца», – так начиналось письмо Доун. На протяжении нескольких абзацев она описывала свой брак и свою неизменную любовь к мужу. «Мы с мужем поженились, беззаветно полюбив друг друга и с единственной целью – вырастить много детей… Мы до сих пор любим друг друга, спустя 32 волшебных года. Майк – самый удивительный мужчина, которого я когда-либо встречала, и я, не задумываясь, вышла бы за него снова».

Она с любовью писала о своей младшей дочери. «Она была прекрасным, любящим ребенком, драгоценной малышкой, которую все просто обожали».

Она пыталась отыскать причины, которые могли бы объяснить обрушившуюся на них трагедию. «Оглядываясь назад, я могу вспомнить лишь один упрек, который я когда-либо слышала от друзей или родственников по поводу воспитания детей: все они говорили, что я слишком балую Меган. Возможно, я и правда ее баловала. Она была такой милой и замечательной девочкой, и я, пожалуй, давала ей все, чего бы она ни захотела».

Но настоящие проблемы, по предположению Доун, начались с решения взять на воспитание приемных детей. Лишь гораздо позднее они узнали, что Меган и ее приемный брат Патрик состояли в сексуальных отношениях, когда девочке было всего лишь двенадцать лет. По-видимому, Меган согласилась на поцелуи и легкие ласки, но вскоре после этого стала испытывать огромное чувство вины и стыда, и в начальных классах средней школы у нее появились проблемы с учебой. «Теперь мы думаем, что виной тому были проблемы с Патриком, но мы никогда об этом не знали и даже *не подозревали.* Я так горько плакала при мысли о том, что все эти годы она носила в себе такую ношу и ни с кем ею не делилась».

Доун продолжала писать, рассказывая о причинах, которыми была вызвана боль ее дочери. Возможно, Меган отстранилась от семьи из-за «конфликта ценностей». «Меган спала по меньшей мере с шестью мужчинами/парнями (о которых нам известно) и какое-то время жила с одним из них после окончания школы. Мы думаем, это вызывало у нее сильное чувство вины, ведь ее воспитывали по-другому, и нам кажется, что раньше она разделяла наши ценности».

Возможно, в какой-то момент ее домогалась няня или неподобающим образом трогал кто-то из родственников, и из-за эмоциональных переживаний она перепутала воспоминания,

вообразив, что ее насиловал отец. «Мы не знаем. И возможно, никогда не узнаем. Мы знаем лишь то, что *никогда не причиняли ей вреда*, только любили и поддерживали ее. Мы понятия не имеем, что сделали не так. Мы были отнюдь не идеальными родителями, но мы не насиловали ни *ее,* ни кого-либо еще».

В конце письма Доун просила психотерапевта попытаться понять ее родительские чувства и сильнейшее горе, которое она испытывает, без видимых причин потеряв дочь. Читая заключительные абзацы, Майк почувствовал, как у него сжалось сердце, словно его взяли в тиски.

> В начале письма я спросила, есть ли у вас дети, ведь тогда вы, возможно, поняли бы, какую потерю мы пережили. Вы в муках даете ребенку жизнь, меняете ему подгузники, кормите и одеваете его, заботитесь о своем крохотном малыше, кажется, целую вечность. Все это того стоит, ведь у вас есть возможность наблюдать за тем, как малышка вырастает в прекрасную маленькую девочку. Вы ходите на ее хоровые выступления, спортивные соревнования, выпускные. Вы выдерживаете эпопею с брекетами, водите ее на бесконечные приемы к стоматологу, ходите с ней удалять гланды и зубы мудрости. Лечите отиты, простуды, корь и ветрянку. Вы всегда рядом, что бы ни случилось. Вы любите ее всем сердцем, и вдруг происходит это. Вы можете представить себе отчаяние родителя, чей любимый и драгоценный ребенок говорит ему, что больше никогда не хочет с ним разговаривать? Она отказывается обсуждать все эти дикие расплывчатые обвинения. Нам не удается пообщаться с ней, чтобы выяснить суть происходящего… Майк послал вам то безэмоциональное письмо, потому что так надлежит поступать мужчине, – но в душе он умирает от горя. Я беспокоюсь о нем, ведь у него больное сердце, и в конце концов это его убьет. Это лишь вопрос времени.
>
> Мы любим ее и сделаем что угодно, лишь бы сохранить ее и уладить наши отношения. Мы не знаем, что случилось, но хотим узнать. Ее бабушка, тети, кузены, ее сестра и брат – все они раздавлены горем. Они ничего не делали, лишь любили и лелеяли ее всю ее жизнь. За что же их наказывают? Мы не понимаем. Вы поможете нам понять?

Майк сложил письма обратно в папку, проверив, чтобы они лежали в хронологическом порядке. Потом он еще раз перечитал письма Меган и даже протянул руку, чтобы дотронуться до строк, написанных его дочерью, в надежде, что через впитавшиеся в бумагу чернила он сможет почувствовать ее боль и понять ее душевные страдания. Сами слова его не волновали. Ему было все равно, знал ли кто-то в Сидар-Рапидс об этих обвинениях, ведь он каждой клеточкой своего тела чувствовал, что никогда не насиловал свою дочь. Ему попросту не было дела до того, что думали другие. Он беспокоился лишь о жене, о своей старшей дочери и о сыне, которым разбили сердце, и о Меган, у которой украли душу. Он был полон решимости выяснить, что заставило ее превратиться в эту злобную, мстительную, чужую для них незнакомку, которая променяла всю свою семью на психотерапевта и подруг из группы жертв инцеста, попутно сменив Меган, дочь Майка и Доун, на новую личность – «жертву инцеста».

«Это лишь вопрос времени», – написала Доун в своем письме психотерапевту Меган. Она волновалась о его проблемах с сердцем. Майк улыбнулся при мысли о беспокойстве жены. Его сердце выдержит столько, сколько понадобится, чтобы вернуть дочь. Он взял телефонную трубку и начал налаживать связи, которые, как он надеялся, должны были положить конец этому сумасшествию и помочь его любимой дочери выздороветь.

* * *

Полтора месяца спустя Майк получил первый отчет из частного детективного агентства Falcon International. Он стряхнул с себя чувство вины, которое переполняло его при мысли о том, за что он им заплатил – за то, чтобы они следили за его собственной дочерью, – и попытался успокоить себя, рассуждая рационально: «Здесь дело не в мести. Я хочу вернуть своего ребенка, но я не смогу ничем помочь Меган, пока не выясню, где она живет, чем занимается, кто ее друзья, как она выглядит, ведет себя, как реагирует. Нам нужно узнать, не принимает ли она наркотики, не страдает ли она какой-нибудь ужасной душевной болезнью или физическим недугом, не вступила ли она в какую-нибудь секту, где ей промыли мозги. Нам необходимы детали, факты, надежная информация. Мы не можем двигаться дальше, ничего не зная».

Частный детектив выяснил, где жила Меган, и сообщил Майку адрес, стоимость аренды, имя и телефонный номер владельца дома, а также имя мужчины, с которым она жила, – *Пол Уинтер*, «субъект мужского пола, с белым цветом кожи», время от времени подрабатывавший фотографом.

Далее в докладе сообщалось, что у Меган и Пола не было четкого распорядка дня, и иногда они с утра до вечера сидели дома. Наведя справки в федеральном и окружном отделе социальных услуг, они выяснили, что Меган не работает ни в одном из них.

Попытки покопаться в их мусоре успехом не увенчались. В дни, когда приезжал мусоросборник, Меган выходила из дома в халате и опускала мешки с мусором прямиком в кузов.

В двухстраничном докладе говорилось следующее:

> В настоящее время Меган не связана ни с одним из известных крупных религиозных культов. Я полагаю, что проблемы, с которыми вы столкнулись, были прямо или косвенно спровоцированы сеансами психотерапии, а также, возможно, встречами группы жертв инцеста, организованными или рекомендованными ее психотерапевтом.

Во время бесчисленных телефонных разговоров, состоявшихся в течение последующих недель, Майк и *Шерон,* «агент под прикрытием», спланировали стратегию по посещению сеансов психотерапии. Шерон собиралась притвориться разведенной женщиной, страдающей расстройством сна и депрессией. Она должна была признаться, что страдала от проблем с алкоголем и что у нее напряженные отношения с матерью и отчимом. Во время сеансов психотерапии она собиралась надевать на себя «жучок», чтобы записывать разговоры с психотерапевтом. После каждого сеанса она должна была составлять детальный отчет, а затем вместе с оригинальной аудиокассетой отправлять его Майку экспресс-почтой.

Две недели спустя Майк получил первую посылку от Шерон. Она успешно связалась с психотерапевтом Меган и только что побывала на первом двухчасовом сеансе. «Вот теперь-то мы сдвинулись с места», – подумал Майк, читая отчет детектива. Доун не разделяла его уверенность. Это была идея Майка, и Доун сомневалась, что возможная польза от его плана перевешивала риски. Что, если Меган узнает о частном детективе и о сделанных тайком записях, – сможет ли она когда-нибудь их простить? Доун боялась, что их план обернется против них и лишит их даже малейшего шанса на счастливый конец.

Но Майк утверждал, что это единственный способ более или менее достоверно узнать, что именно произошло с Меган. Молясь о том, чтобы эта тактика принесла больше пользы, чем вреда, Доун прочла доклад. Она отчаянно хотела получить хоть какую-нибудь весточку от дочери, пусть и таким путем – через глаза и уши чужого человека. По крайней мере, теперь они могут представить себе Меган – в реальной обстановке, с реальным человеком, участвующей в реальном разговоре. По крайней мере, теперь у них была какая-то достоверная информация,

а не все эти дикие догадки и полные страха предположения. Даже просто читая отчет, Доун чувствовала себя ближе к Меган. Теперь она могла успокоить себя хотя бы тем, что ее дочь все еще жива, все еще ходит по земле, дышит, разговаривает, общается с другими людьми.

Шерон вошла в одноэтажное офисное здание, куда приходила на сеансы и Меган, в 13:25 пополудни. Никто не вышел, чтобы встретить ее, и она решила потратить несколько минут на то, чтобы осмотреться. В приемной стояло три дубовых кресла и журнальный столик с номерами The New Yorker, Time и New Republic. Шерон не заметила никого вокруг, поэтому решилась зайти в маленькую кухоньку, отделенную от приемной невысокой перегородкой. В кухонных шкафчиках лежали травяные и обычные чаи, какао и одноразовые стаканчики. Узкий коридор вел к нескольким комнатам. Открыта была только ближайшая дверь – видимо, комната для персонала. Шерон пробежалась глазами по книжным полкам, быстро записывая их названия в блокнот: «Вы можете исцелиться», «Любите себя», «Исцелите свою жизнь», «Воспоминания, сны, размышления», «Сладкие страдания», «Возвращая себе свое сердце», «Близость».

Шерон пошла дальше по коридору, и тут какая-то женщина появилась из комнаты F и представилась ей: «Здравствуйте, вы – Шерон? Очень приятно. Я – *Кейт*». Психотерапевт – привлекательная, слегка полноватая женщина, на вид где-то тридцати пяти лет, была одета в повседневную одежду – свитер с высоким воротником и свободные брюки. Коротко, чуть ниже ушей остриженные волосы, никакого макияжа или украшений. Приятно улыбаясь, она повела свою новую клиентку в комнату для сеансов и закрыла за ними дверь.

Комната была небольшая – где-то четыре на четыре метра, в ней стоял двухместный диванчик с небрежно разбросанными подушками, кушетка, обитая черной искусственной кожей, два неприметных журнальных столика и маленький книжный шкаф. Никаких сертификатов, дипломов об образовании или лицензий на стенах Шерон не увидела. На столиках и полках шкафа были расставлены свечи и подставки для ароматических палочек, декоративные керамические слоники и жирафы и маленький зеленый нефритовый Будда. На зеленой фетровой ленточке висели медные колокольчики. Стены были увешаны изображениями животных: коала, зебра и львица, вдоль мебели и стен лежало несколько больших плюшевых игрушек.

Кейт дала своей новой пациентке папку-планшет с анкетой и попросила ее указать имя, адрес, место работы, имя человека, который порекомендовал ей обратиться к ней, название страховой компании, суть проблемы, симптомы, лекарства и историю психотерапевтического лечения. Шерон провела около десяти минут, отвечая на вопросы и отмечая нужные пункты, после чего они начали разговаривать. Кейт часто ссылалась на анкету, основывая свои вопросы на записях Шерон. Она спросила об имеющемся у Шерон опыте групповой терапии (группа для разведенных женщин), о том, как часто она употребляла алкоголь, о последних приступах депрессии, проблемах со сном и возможных гормональных сдвигах («У вас бывают приливы или симптомы менопаузы?»), а затем начала задавать вопросы о ее детских воспоминаниях.

– Опишите ваше самое раннее воспоминание, – попросила она.

Шерон рассказала о том, как, будучи «совсем маленькой», она сидела на горшке, а отец бросил ей резиновый мячик.

– Думаю, он пытался заставить меня расслабиться, чтобы я смогла сходить в туалет, – сказала Шерон.

– Вы полностью уверены в своей памяти? – спросила Кейт. – Скажем, как по-вашему, вы смогли бы определить, что происходило с вами на том или ином году обучения в школе?

– Думаю, временами память меня подводит, – признала Шерон. – Кое-какие периоды своей жизни я не помню.

Кейт какое-то время рассматривала анкету.

– Теперь давайте поговорим о преувеличенной реакции испуга, – сказала она. – Часто бывает, что если человек крепко спит и вдруг резко просыпается, это связано с каким-то вос-

поминанием, это значит, что наружу всплыло нечто, сильно поразившее, взволновавшее или испугавшее вас, или что-то в этом роде. Можно сказать, таким образом все ваше тело вспоминает, и такое иногда происходит спонтанно, просто ни с того ни с сего. Однако чаще всего, пытаясь соотнести все факты, человек начинает осознавать, что в его жизни был какой-то особенно ужасный период, который теперь вызывает нарушения сна.

Кейт несколько минут говорила о том, как важно хорошо высыпаться, и о негативных эффектах алкоголя и наркотиков на фазу быстрого сна. Затем она сказала:

– Когда из вашего подсознания выбирается что-то, чего вы не помните, и каким-то образом просачивается в сознание, это может показаться пугающим.

– Как же узнать, произошло ли нечто подобное? – спросила Шерон.

– Сама по себе преувеличенная реакция испуга уже означает, что что-то случилось, – ответила Кейт. – Поэтому вы, я полагаю, позволите мне обратиться к вашему прошлому. Но для начала мне необходимо завоевать ваше доверие, ведь все это немного пугает.

Чтобы заручиться доверием новой пациентки, Кейт рассказала о своем образовании (она закончила магистратуру по специальности клиническая психология) и о своем «нетрадиционном» подходе к психотерапии. В отличие от многих других психотерапевтов, объяснила Кейт своей новой клиентке, она верила в действенность «кратковременной терапии», но только за исключением двух случаев: работы с пациентами, зависимыми от каких-либо веществ, и с людьми, которые пережили «настоящую травму… с жертвами инцеста, изнасилования, с ветеранами войны во Вьетнаме или с людьми, которые подвергались физическому насилию или жестокому психологическому давлению».

С кем бы она ни работала, она предпочитала во всем разбираться «на практике». («Если человек хочет научиться кататься на водных лыжах, можно рассказать ему, как это делается, но нет ничего лучше, чем отвести его на берег, велеть ему залезть в воду, надеть на него лыжи, объяснить, как крепко нужно держаться, и заставить его кататься. Я верю в практическое обучение».) Она всегда старалась проводить с пациентом больше часа и твердо верила в пользу домашнего задания: «Так вы действительно не зря потратите деньги».

– В каком направлении вы порекомендовали бы двигаться мне? – спросила Шерон после того, как Кейт описала свою врачебную философию.

– Что ж, основываясь на том, что мне известно, по крайней мере на данный момент, есть вероятность того, что проблема отчасти связана с алкоголем, – ответила Кейт. Она порекомендовала Шерон на два месяца бросить пить и посмотреть, скажется ли отказ от алкоголя на ее настроении и режиме сна. Она также описала достоинства «разумной диеты, разумной физической нагрузки и разумного режима сна».

Сеанс окончился на позитивной ноте.

– Вы спросили меня, куда нам стоит двигаться, – сказала Кейт. – Теперь я спрошу вас: куда хотите двигаться вы?

– Я хочу двигаться к тому дню, когда я смогу смеяться, смогу наслаждаться каждым днем, когда исчезнет моя постоянная усталость, когда у меня не будет перепадов настроения, – ответила Шерон. – Я хочу высвободить свой гнев и избавиться от него. Я хочу оставить все это позади и обрести возможность наслаждаться собственной жизнью».

– Это достойная цель, – отозвалась Кейт.

Они договорились встретиться на втором сеансе через четыре дня.

* * *

Прослушав кассету и просмотрев письменный анализ второго сеанса, Майк и Доун испытали разочарование. Во время беседы с психотерапевтом не произошло ничего необычного или особенно примечательного. «Психотерапевт провела большую часть сеанса за рассужде-

ниями об алкоголе и посоветовала мне утром в субботу сходить на встречу женского клуба анонимных алкоголиков, – добавляла Шерон в сопроводительном письме. – Во время следующего приема мы поработаем над нарушениями сна, которые вызывают у меня панику и страх».

Шерон позвонила несколько дней спустя, чтобы обсудить проблему. «Психотерапевт спросила, согласна ли я во время следующего сеанса подвергнуться гипнозу, – сообщила она Майку. – Она планирует поработать над преувеличенной реакцией испуга, как она ее называет, и хочет, чтобы я была расслаблена и доверилась ей. Я боюсь надевать жучок, потому что могу ненароком дать ей понять, кто я и зачем пришла».

Майк согласился, что надевать жучок будет слишком рискованно. «Но как только вы покинете ее кабинет, – велел он Шерон, – напечатайте все, что будете помнить, и пришлите мне детальный отчет».

Двадцать третьего ноября 1991 года Майк и Доун получили напечатанное на машинке мелким шрифтом пятистраничное описание третьего сеанса психотерапии. Читая написанное детективом, они испытали смешанные чувства ужаса и облегчения. «Вот оно, – подумал Майк, – то, что надо».

> Войдя в кабинет Кейт, я притворилась, будто только что плакала. Я сказала ей, что у меня выдалась ужасная неделя. Объяснила, что в понедельник и вторник мне снились кошмары и что одной из тех ночей я проснулась с резкой болью в руке, будто мой отчим ее заламывал. В среду я, вздрогнув, проснулась и почувствовала, что в комнате кто-то есть. Я была в ужасе, но мое тело было парализовано, и я чувствовала, будто я не нахожусь в нем. (Рассказывая это, я разрыдалась еще сильнее и стала вытирать лицо бумажными салфетками.)
>
> Тогда она откинулась на спинку кресла и посмотрела на меня, а потом, сильно смягчив и понизив голос, сказала: «Шерон, думаю, мне нужно кое-что сказать вам, поскольку вы так расстроены, и я чувствую, что вам кажется, будто вы вот-вот потеряете рассудок». (Я ни разу не говорила, что мне кажется, будто я теряю рассудок.)
>
> По ее словам, она была уверена в том, что я столкнулась с проявлениями телесной памяти – реакцией на травму, которую пережила на более раннем этапе жизни и которую не помню, потому что мой мозг заблокировал это воспоминание – слишком болезненное для того, чтобы с ним справиться.
>
> Притворяясь шокированной и дрожа еще сильнее, заламывая пальцы, я рассказала ей, что не помнила никакой травмы. Она покачала головой и сказала, что так и должно быть, что многие люди на более поздних этапах жизни переживают нечто подобное, когда соответствующие воспоминания начинают всплывать на поверхность.
>
> Я спросила ее, многие ли через это проходят. Она кивнула, и тогда я спросила, кто именно. Она ответила: «Ветераны войны во Вьетнаме, люди, пережившие землетрясение, и жертвы инцеста».
>
> Я сказала, что не была во Вьетнаме и никогда не находилась в зоне землетрясения. Она кивнула и сказала: «Да, я знаю».
>
> В этот момент я начала тихонько плакать, а она встала и подошла к книжному шкафу. Она сказала, что хочет дать мне почитать книгу, которую она рекомендует своим пациенткам (но ее на полке не было). Я спросила, как называется эта книга. Она ответила: «Мужество исцеления». Она сказала, что рекомендует ее всем жертвам инцеста, хотя ее следует читать дозированно, поскольку целиком с ней справиться трудно.

Потом она достала с полки книгу «Тайные жертвы», написанную Сью Блум, открыла в самом начале и вслух зачитала более сорока симптомов, проявляющихся у жертв инцеста. Больше чем на половине пунктов она поднимала на меня глаза и кивала, будто это было подтверждением моего диагноза. Она говорила таким мягким, низким голосом, что временами мне было сложно разобрать ее слова.

Она дала мне список дней, в которые проходили встречи жертв инцеста, и особенно посоветовала посетить три из них.

Затем она начала рассказывать мне, как чувствовать себя в безопасности по ночам, когда я ложусь спать. Мне следует оставлять ночник включенным, а дверь в спальню – открытой, класть подушки вдоль спины, и обязательно надо купить плюшевую игрушку, чтобы можно было обнимать ее, когда мне страшно. Мне следует относиться к себе так, будто со мной рядом находится маленькая девочка, которой ночью стало страшно, и моя задача – ее успокоить. После этого она еще несколько раз велела мне заботливо относиться к своему внутреннему ребенку.

Майк посмотрел на Доун, и они оба заплакали.

* * *

Четвертый, и последний, сеанс записывался на аудиокассету. Майк и Доун внимательно прослушали его, отматывая пленку назад и стенографируя те отрывки разговора, которые могли им понадобиться. Спустя всего несколько минут после начала сеанса Шерон и Кейт обменялись следующими репликами:

Шерон. Моя проблема заключается в том, что я ничего не помню об этом. Последний раз, когда мы встречались, вы, казалось, были абсолютно уверены, ну, знаете, в том, что я жертва инцеста.

Кейт. Единственное, в чем я уверена, – так это в том, что вы пережили некую травму. Если человек испытывает похожие переживания, демонстрирует похожие реакции и рефлексы, это в большинстве случаев значит, что он подвергался насилию в той или иной форме.

Шерон. Кажется, вы назвали это телесной памятью.

Кейт. Именно так.

Шерон. А насчет сна…

Кейт. Нарушений сна.

Шерон. Ага.

Кейт. Не мне утверждать, что я что-то знаю, а вы – нет. Я лишь делюсь с вами имеющимся у меня опытом. Страшно думать о таком, если у вас нет визуальных воспоминаний… Но, похоже, что-то выходит на поверхность.

Приблизительно через десять минут последовал такой разговор:

Кейт. Вам нужно позволить себе осознать: какая-то часть вас нуждается в том, чтобы по-настоящему поверить, что это с вами случилось. И вы должны понять, что эта часть вас необходима вам. Я надеюсь, когда-нибудь вы достаточно разозлитесь. У вас сейчас бывают приступы гнева?

Шерон. Знаете, я просто злюсь, когда задумываюсь о прошлом – о том, что случилось, почему я этого не помню и случилось ли это вообще. Думаю, это скорее досада, чем гнев.

А в самом конце сеанса психотерапевт и ее пациентка обсудили феномен вытеснения воспоминаний и работу по их восстановлению.

> Шерон. Сколько обычно требуется времени, чтобы все выяснить? Мы говорили о восстановлении воспоминаний. Я полагаю, вы имеете в виду гипноз или самогипноз?
>
> Кейт. Или же у пациента просто начинают появляться воспоминания. Они приходят, что-то в окружающей обстановке провоцирует их появление, и у некоторых людей все происходит внезапно – БАЦ, и у вас вдруг появилась целая куча воспоминаний.
>
> Шерон. Как с ними справиться? Если они просто берут и обрушиваются на тебя, словно битой по голове ударили?
>
> Кейт. Что ж, обычно они не обрушиваются на человека столь внезапно. Дело в том, что требуется своеобразная подготовка. Что-то начинает коренным образом меняться, и при подходящих обстоятельствах воспоминание восстанавливается – это всегда похоже на своеобразный удар. Вы чувствуете этот удар и думаете: «Что происходит и почему это происходит?» Так вот это повторяется снова и снова – сильные внезапные удары. Это не то, к чему вы привыкли, это пугает, приводит в замешательство.
>
> Шерон. Это невозможно контролировать, если все происходит вот так.
>
> Кейт. Давайте себе передышки – вечер, день или утро, когда вы можете сесть и почувствовать себя в безопасности. Возьмите в руки мелки или фломастеры и позвольте себе рисовать все то, что вы видите или чувствуете. Покажите себе, как это выглядит на листе бумаги. Так можно многое узнать о том, что находится на периферии, на заднем плане. У вас появляется больше информации, и вы можете что-то делать, чтобы контролировать происходящее. Они должны вернуться. У людей часто отсутствуют визуальные воспоминания.
>
> Шерон. Значит, есть вероятность, что у меня никогда не будет визуальных воспоминаний? Если что-то и случилось, я, возможно, никогда не восстановлю визуальные воспоминания об этом.
>
> Кейт. Все верно.
>
> Шерон. И я никогда не буду знать наверняка.

Всего через несколько мгновений сеанс подошел к концу.

«У меня не остается никаких сомнений, – сказал Майк. – Причина всех наших проблем – ее психотерапевт».

Доун кивнула. Она узнавала в отчетах детектива те же слова и фразы, которые читала в письмах дочери: «чувствовать себя в безопасности», «обнимать внутреннего ребенка», «дать себе пространство», «позволить воспоминаниям выплыть на поверхность», «телесная память», «жертвы инцеста». Ей хотелось бы узнать, сколько молодых женщин раскрывали печальные тайны о своем прошлом в кабинете этого психотерапевта. Сколькие из них обвиняли своих родителей на основе воспоминаний, которые десятилетиями оставались погребенными и внезапно обрушивались на них, «словно битой по голове»? Сколько семей было разбито, сколько родителей переживали горе, сколько выросших детей гадали, почему прошлое внезапно начало раскрывать им свои темные жуткие секреты?

* * *

Вооружившись кассетными записями и советами от всех экспертов по манипуляции сознанием, депрограммированию и терапии по восстановлению вытесненных воспоминаний,

которых им удалось найти, Майк и Доун решили предпринять следующий шаг: вмешательство. Их план заключался в том, чтобы «заманить» Меган при помощи *Джуди*, ее лучшей подруги из старших классов. Джуди сказала Паттерсонам, что готова сделать все что угодно, чтобы помочь им. Для нее они были вторыми родителями, и она не верила, что мистер Паттерсон мог причинить вред хоть кому-нибудь, не говоря уже о его собственных детях. Джуди боялась, что Меган «слетела с катушек».

План был прост. Джуди позвонила Меган и сказала, что планирует съездить на конференцию в Де-Мойн. Может, Меган хочет провести с ней выходные и переночевать вместе с ней в отеле? Меган согласилась, что это было бы весело, и обе подружки захихикали в трубку… прямо как в старые добрые времена.

Следующая часть плана была тщательно отрепетирована. Джуди полетит в Де-Мойн утром в пятницу, 14 февраля 1992 года. Четверо лучших друзей Паттерсонов также заселятся в отель этим утром. Они согласились приехать на случай, если понадобится их помощь. Майк и Доун встретятся с остальными членами группы и с двумя профессионалами по депрограммированию, которые прилетят днем раньше из Коннектикута и Флориды. За обедом все прибывшие обсудят окончательный план, а примерно в пять часов вечера Майк и Доун уедут из отеля, чтобы провести ночь в ожидании вместе с их старшей дочерью Кейти и ее семьей.

После ужина Джуди позвонит Меган и сообщит ей, что приехала в отель. Меган приедет в отель на машине, и обе подружки какое-то время поболтают в номере. Около девяти часов вечера они спустятся в ресторан перекусить. Там они «случайно» наткнутся на двух «друзей» Джуди – специалистов по депрограммированию. Меган, Джуди и ее «друзья» пойдут обратно в номер Джуди, где депрограммеры раскроют правду о себе, расскажут Меган о том, как сильно родители любят ее и скучают по ней, и попытаются помочь ей понять, что восстановленные ею воспоминания на самом деле не правда, а лишь выдумка, внедренная в ее сознание в результате гипноза, возрастной регрессии, работы с телом, анализа снов и других инвазивных терапевтических методов.

Как и было запланировано, Джуди позвонила Меган после обеда, но услышала только голос автоответчика. Джуди продолжала звонить всю ночь, но на звонки никто не отвечал. На следующий день она поехала к Меган домой, но дверь никто не открыл, а машины Меган рядом с домом не было. Позднее в тот же день Джуди разыскала парня, вместе с которым жила Меган, но он отказался разговаривать с ней или говорить ей, почему Меган нет дома. Джуди уехала из Де-Мойна днем в воскресенье, так и не увидевшись со своей бывшей лучшей подругой.

Позднее, когда Паттерсоны попытались сложить вместе осколки своего тщательно продуманного плана, самую важную деталь они получили от Кейти. Утром того самого дня, на который было запланировано вмешательство, Меган позвонила сестре, и Кейти упомянула, что этим вечером их родители собирались приехать, чтобы провести с ней выходные.

Меган замолчала на некоторое время. «Как там мама с папой?» – спросила она.

«У них все нормально, – ответила Кейти, – но они скучают по тебе. Они думают, что тебе промыли мозги».

«Джуди тоже приезжает сюда в эти выходные, – вдруг сказала Меган. – Тебе это не кажется немного странным?»

Тут Кейти поняла, что совершила ошибку, но было слишком поздно. По-видимому, Меган решила залечь на дно, пока все не уедут из города.

За эти выходные Майк потратил $ 15 000, но, оглядываясь назад, он думает, что это стоило того, потому что, возможно, спасло его вторую дочь. Кейти призналась, что Меган настаивала на встрече с ней, твердя, что ей необходимо преодолеть «отрицание» и начать восстанавливать свои собственные «вытесненные» воспоминания о сексуальном насилии. После того как Меган не пришла, Кейти согласилась провести два дня со специалистами по депрограммированию. Вместе они прослушали сделанные частным детективом записи психотерапевтических

сеансов и обсудили наводящие и оказывающие психологическое давление вопросы психотерапевта Меган. После этого Кейти отменила назначенный ею прием у психотерапевта.

* * *

Со дня провалившегося плана по вмешательству прошло почти три года. Кейти с трудом находит в себе силы оставаться верной как сестре, так и родителям. Она отказывается обсуждать с кем-либо из них сложившуюся ситуацию или вставать на чью-то сторону. Майк Паттерсон не оставил попыток вернуть дочь. Он успешно прошел проверку на детекторе лжи. Он собирает группы специалистов и организовывает презентации, он предложил свой дом в качестве места, где собираются более двухсот семей из Айовы, которые также заявляют, что против них были выдвинуты ложные обвинения. Он пишет письма в Национальный комитет профессиональных консультантов по психическому здоровью, Американский семейный фонд, Американскую ассоциацию пенсионеров и бесчисленное количество других организаций, имеющих прямое или косвенное отношение к психотерапевтам, семьям и пожилым людям. Он связывается с продюсерами местных и федеральных телеканалов и радиопередач, советуя им брать интервью у экспертов, обеспокоенных рисками «работы с памятью» и созданием ложных воспоминаний. Он консультировался с более чем сотней адвокатов, судей, правоведов, социологов, психологов и психиатров.

Недавно Майк давал показания перед государственным подкомитетом, ответственным за пересмотр законодательства, регулирующего сроки исковой давности привлечения к уголовной ответственности за сексуальное насилие над детьми. Предложенные поправки должны были продлить срок давности с одного года до трех лет, давая жертве право подать в суд на предполагаемого насильника в течение трех лет после восстановления соответствующих воспоминаний. (Как мы уже упоминали, этот закон был принят более чем в двадцати штатах.) Майк предложил переписать этот закон, чтобы тот включал требование о получении второго экспертного мнения от независимого профессионала, который должен побеседовать с предполагаемой жертвой, ее семьей и с предполагаемым насильником, а затем – представить письменный отчет, обобщающий полученную информацию. Майк также высказал просьбу о том, чтобы власти штата требовали проведения психологической проверки обвинителя, обвиняемого и членов их семьи, чтобы удостовериться в правдивости обвинений в сексуальном насилии, основанных на «вытесненных» воспоминаниях, которые были восстановлены в ходе психотерапии. Вот что он сказал, давая показания:

> Если бы кто-нибудь посмел напасть на мою дочь или изнасиловать ее, я бы настаивал на том, чтобы преступник был наказан по всей строгости закона. Если психотерапевт, пользующийся интроспективными терапевтическими методами, внушает моей дочери воспоминание о том, чего никогда не было, значит, этот психотерапевт виновен в преступлении, равном тому, что совершает настоящий преступник, и справедливость требует, чтобы такой врач был наказан по всей строгости закона.
>
> Что касается ложных обвинений, которые, похоже, стали распространенной тенденцией по всей стране, это еще бóльшая трагедия. Во-первых, время, усилия и деньги, затрачиваемые на расследование прошлого детей, которых никто не насиловал, оказываются украдены у другого ребенка, который действительно подвергался насилию. Во-вторых, ребенок, которому внушили, что его насиловали, носит в себе эту травму всю свою жизнь, несмотря на то что насилия никогда не было. И наконец, незаслуженные

> обвинения настолько сильно ранят родителей и членов семьи, что ни в чем не повинные семьи часто оказываются разрушенными.
>
> Я обращаюсь к вам с просьбой создать сбалансированное законодательство, защищающее интересы жертв насилия, людей, которым внушили ложное представление, будто они подвергались насилию, и незаслуженно обвиненных людей.

Майк говорил эмоционально и убедительно. Законопроект отклонили и вернули на доработку обратно в комитет, где его теперь пересматривают и дополняют пунктами об обязательном получении мнения независимых экспертов, как и просил Майк.

Вместе с сорока другими обвиненными родителями Майк и Доун предстали перед государственным советом психологов, чтобы подать жалобу против психотерапевта Меган и нескольких других психотерапевтов, специализирующихся на восстановлении вытесненных воспоминаний. Совет заключил, что не сможет провести расследование в отношении этих специалистов на основе жалобы третьих лиц. Это было бы нарушением врачебной тайны.

Паттерсоны подумывали о том, чтобы подать иск о расколе семьи против психотерапевта дочери, но в конце концов решили не обращаться в суд. Новая волна гнева и ненависти не поможет решить проблему. Даже если бы суд признал, что подход Кейт к психотерапии вредоносен, победа была бы для Паттерсонов бессмысленной. Ведь то, чего они по-настоящему хотели, они не смогли бы обрести ни в одном суде страны.

Они потеряли Меган. Лишь она сама могла снова найти себя и начать долгий путь домой.

11
Хоть горшком назови

Хоть горшком назови, только в печь не ставь.
Пословица

Корреспондент телеканала CNN, притворившись пациенткой и прикрепив скрытую видеокамеру, зашла в кабинет психотерапевта из Огайо и описала свои симптомы. Она вот уже восемь месяцев находилась в депрессии, и ее угнетенное состояние сказывалось на отношениях с мужем и вызывало сексуальные проблемы. В конце сеанса ей поставили диагноз: жертва инцеста.

– Похоже, вы демонстрируете симптомы человека, пережившего сексуальную травму, – сказала психотерапевт.

– К вам часто приходят такие женщины? – спросила мнимая пациентка, уведомив психотерапевта о том, что у нее нет никаких воспоминаний о насилии.

– Часто, очень.

– И они ничего не помнят?

– Нет, не помнят. Они не имеют ни малейшего представления о том, что произошло. На самом деле то, что вы описываете, – это такой классический пример, что я просто потрясена, если честно.

Во время второго сеанса корреспондент CNN выразила удивление по поводу того, что у нее совсем не было воспоминаний. Как она могла столько страдать, а потом забыть все до последней детали?

– Ну то есть, если с человеком происходит что-то плохое, он, по идее, должен это помнить, – сказала она.

– Вы правы, так и есть. Если происходит что-то плохое, человек действительно это запоминает. Но если с вами происходит что-то слишком плохое, настолько плохое, что вы не можете с этим справиться, вы забываете.

Специальный выпуск телеканала CNN под названием «Вините мою память» стал очередным подтверждением растущего скептицизма в СМИ по поводу вытесненных воспоминаний о сексуальном насилии. В ток-шоу Фила Донахью, Салли Джесси Рафаэль, Мори Повича, Опры Уинфри, в телепередачах Sonya Live, Frontline, Front Page, «48 часов» и «60 минут» упоминались истории, ставящие под сомнение надежность и достоверность вытесненных воспоминаний и поднимающие вопрос о том, что психотерапевты по всей стране, возможно, внушают своим пациентам ложные воспоминания о насилии.

– Как можно прожить всю жизнь, ничего об этом не помня? – спросила Опра Уинфри свою гостью, которая утверждала, что к ней вернулись вытесненные воспоминания.

Когда гостья этого телешоу описала свои воспоминания о жестком сатанинском насилии, в том числе о ритуальном убийстве новорожденных детей, Мори Пович отнесся к ее словам с нескрываемым скептицизмом. «Если эти воспоминания столь четкие и столь жестокие, почему же они внезапно вернулись к ней только год назад? – спросил он у зрителей. – Где они пропадали все это время?»

То, что началось как сугубо этическая перепалка между просвещенными активистами по борьбе с насилием над детьми и косными сторонниками патриархата, стало превращаться в грязную войну, в которой граница между добром и злом постоянно смещалась. Внезапно психотерапевтов начали обвинять в том, что это они – плохие, это они – продажные наемники, жадные до денег и власти, фанатики, которые манипулируют своими клиентами, заставляя их

соглашаться с популярным, но ошибочным диагнозом, создают им дополнительные психологические проблемы, вместо того чтобы их решать, и разрушают семьи. Психотерапевтов стали сравнивать с сейлемскими охотниками на ведьм и с маккартистами, преследовавшими красных. Дескать, они так же переворачивают каждый камень и заглядывают под каждый куст в поисках того, кого сами назначили источником зла.

Этот скептицизм (который психотерапевты стали называть «волной ненависти») отразился и во многочисленных газетных и журнальных статьях. Журналист Дебби Нейтан написала статью для журнала Playboy, детально описав свой опыт поездки на четырехдневный ретрит-марафон для жертв сексуального, физического и эмоционального насилия или пренебрежительного обращения. Утром первого дня около тридцати участниц в обнимку с плюшевыми медведями и другими мягкими игрушками, вместе с шестью психотерапевтами собрались «в комнате, где из мебели не было ничего, кроме матрасов». На них лежали толстые телефонные книги. Жертвам насилия велели встать на матрасы или опуститься на четвереньки и резиновыми шлангами молотить по телефонным справочникам, которые олицетворяли собой насильников.

Большинство женщин представились как жертвы инцеста или сатанинского ритуального насилия. Когда настала очередь *«Донны»*, она спокойно представилась жертвой эмоционального насилия. Но затем «ее лицо исказили рыдания».

> «Понимаете, – проговорила она сквозь слезы, – мне кажется, что я не достойна быть здесь. Мне стыдно, потому что у меня нет никаких воспоминаний об инцесте».
>
> Главный психотерапевт, социальный работник по имени *Бет*, ничуть не смутилась. «У скольких из вас нет воспоминаний о насилии?» – спросила она. Одиннадцать женщин подняли руки. «Посмотрите вокруг, – пылко обратилась к нам Бет. – Посмотрите на всех этих людей, у которых нет воспоминаний. Все вы заслуживаете быть здесь. Неважно, помните вы что-то или нет. Неважно, что случилось или не случилось».с

Скоро настало время чудовищных подробностей. Началось настоящее соревнование: кто вспомнит больше ужасов. Одна за другой участницы рассказывали свои леденящую душу истории. *Андреа* вспоминала свечи, которые вставляли в разные части тела, проколотых мечами детей и каннибальские пиршества. *Кэти* рассказывала, как убила трех младенцев – своих собственных детей, а потом вырезала им печень. *Тереза* утверждала, что ее отец был вождем культа, практиковавшего сатанизм всего в нескольких милях от места, где проводился ретрит. Незадолго до этого он изнасиловал ее, надеясь, что она забеременеет, и он сможет принести новорожденного ребенка в жертву Сатане[1].

Воспоминания Донны блекли на фоне этих рассказов. «Господи, – позже говорила она. – Люди, которых насиловали в сатанинских культах. Кто после такого захочет слушать про то, как папа ругал меня за неправильно выполненное домашнее задание?»

В последний день ретрита Донна обратилась к группе с заявлением.

> «Прошлой ночью мне приснился сон, – сказала она. – Сон об инцесте. – Она казалась спокойной, будто испытывала облегчение. – Помимо моего отца там были и другие люди. Было приятно. Но мне за это стыдно».
>
> Психотерапевт по имени Бет ответила словно по команде. «Донна, – сказала она, – начало положено. Когда дети внутри вас [то есть внутренние дети] будут готовы, к вам вернется больше воспоминаний».

Все заулыбались.

Статья Дебби Нейтан была опубликована в октябрьском номере журнала Playboy 1992 года. В том же месяце в газете Los Angeles Times появилась статья, автор которой скептически рассуждал о вытесненных воспоминаниях:

> Ученые все чаще призывают к осторожности: то, что кажется давно забытой правдой, на самом деле может оказаться чистейшей выдумкой или искаженными воспоминаниями о том, что происходило с человеком в детстве… Самые суровые критики говорят, что вытесненные воспоминания стали универсальным диагнозом, которым ошибочно объясняются любые психологические страдания и который потенциально опасен для пациента.

А позднее в том же месяце в журнале Time было напечатано следующее:

> Воспоминания могут изменяться при их извлечении из памяти. Вспоминание – это процесс реконструкции, а не воспроизведения… Критики заявляют, что наводящие вопросы, а также популярность темы детского насилия в СМИ часто приводят к тому, что в сознание восприимчивых к внушению детей и взрослых закладывается идея о том, что они были изнасилованы, хотя на самом деле ничего подобного не происходило.

«Необоснованные обвинения в сексуальном насилии над детьми разрушают семьи по всей Северной Америке», – говорилось в статье канадской газеты Toronto Star. В ней же приводилась цитата одного из обвиненных родителей: «Некоторые из этих так называемых психотерапевтов проводят операции на мозге при помощи ножа и вилки».

Автор научных материалов для газеты The New York Times Дэниел Гоулман начал свою статью «Детская травма: воспоминание или выдумка?» с упоминания судов над ведьмами:

> Так Сатана ли это или Сейлем? Целая волна случаев, когда взрослые мужчины и женщины внезапно вспоминали травматичные события из своего детства, положила начало спору среди психологов, изучающих работу памяти и психологические травмы… Критики сравнивают волну подобных случаев с истерией и ложными обвинениями сейлемских охотников на ведьм.

«Эксперты по вопросам воспоминаний говорят, что психотерапевты создают атмосферу истерии», – трубил заголовок статьи из газеты San Diego Union-Tribune.

> Работающие в самых престижных американских университетах психиатры, социологи и эксперты по работе памяти говорят, что многие из «восстановленных» воспоминаний на самом деле внушены пациентам психотерапевтами и не могут быть правдой. Ученые также критикуют психотерапевтов, которые, чаще всего имея магистерскую или докторскую степень по психологии, соглашаются с теорией, не подтвержденной никакими научными фактами. Кроме того, они осуждают таких специалистов за то, что они, пусть и руководствуясь благими намерениями, закладывают в разум своих пациентов идею о пережитом насилии, которого во многих случаях попросту никогда не было. При этом пережитое в прошлом насилие стало безосновательным и универсальным объяснением любых психологических проблем.

Даррелл Сиффорд, колумнист газеты Philadelphia Inquirer, посвятил серию статей критике психотерапевтов, «которые копают-копают и в конце концов… находят то, что пытаются раскопать, даже если его там нет». Он откровенно рассказал о юридических проблемах, с которыми сталкиваются отдельные психотерапевты, и о потенциальных катастрофических послед-

ствиях для всего психотерапевтического сообщества. «Я думаю, проблема ложных обвинений станет главной катастрофой для психотерапии 1990-х годов», – писал он.

> Некоторые психотерапевты потеряют свои лицензии, когда профессиональные организации начнут сокращать штат. Думаю, в конце концов против отдельных специалистов будут поданы иски по обвинению в преступной халатности, после того как их пациенты поймут, что с ними сделали.

Сиффорд даже предположил, что у самих психотерапевтов, которые не переставая «копают», могут быть серьезные психологические проблемы.

> Я поневоле задаюсь вопросом: в каких отношениях с собственными родителями находятся эти психотерапевты? Не подвергались ли они сами насилию, будучи детьми? Возможно, поэтому оно им повсюду мерещится? Или дело в чем-то другом? Быть может, виной всему беспринципность? Или невежество?

Психотерапевты по понятным причинам разозлились и испугались: все это бросало тень на их репутацию, профессию и даже психическое состояние. Масла в огонь подливал еще и тот факт, что им приходилось привыкать к неласковому прозвищу, введенному в употребление группой «отрекшихся» – бывших пациентов, которые считали, что их «воспоминания» им внушили психотерапевты. Отрекшиеся, по аналогии с сокращенным прозвищем perp, которое используется в США по отношению к преступникам (от *англ.* perpetrator), стали применять к психотерапевтам слово therp (от *англ.* therapist) – «терапевтишка».

Это и положило начало контратаке. Психотерапевты не только обвиняли скептиков в том, что те выступают против интересов женщин, детей и жертв насилия и встают на сторону правых реакционеров, демонстрирующих полное отрицание («снайперы в рядах ненавистников», как выразился один известный активист по защите детей), но также пробовали и более мирный подход. Одна из их стратегий заключалась в том, чтобы пересечь линию фронта и отправиться на вражескую территорию, ища понимания и поддержки у критиков. Они надеялись, что некоторые критики перейдут на их сторону.

Я стала одной из основных мишеней по нескольким причинам: я ученый, я женщина, и я занимаю относительно либеральную позицию в борьбе, которую ведут экстремисты. Поскольку я ученый, специализирующийся на изучении памяти, в частности – гибкости памяти, результаты моих исследований представляли собой ценный трофей. Психотерапевты и борцы за права детей надеялись, что, если им удастся каким-то образом привлечь меня на свою сторону, они смогут совершить маневр, обойти вражеские ряды и получить стратегическое преимущество.

Если бы я отказалась изменить свое мнение как ученый, возможно, они бы обратились ко мне как к женщине, которой должно быть хорошо известно, что нельзя становиться на сторону мужланов, думающих только левым полушарием. Спор о природе вытесненных воспоминаний быстро перерастал в схватку между мужчинами и женщинами, между патриархатом и матриархатом в войне за прекращение насилия над детьми. Психотерапевты дрожащим от волнения голосом, с трудом сдерживая закипающий внутри гнев, рассказывали мне, что скептики (такие, как я) уничтожают достигнутые огромным трудом успехи феминистического движения. Один психотерапевт уведомил меня о том, что я несу личную ответственность за «обрушившуюся на женщин и детей волну ненависти», которая стала результатом «массового отрицания» заявлений о вытесненных воспоминаниях. Мне также доводилось слышать, что я потеряла связь со своим женским началом, что я – шибко умная яйцеголовая исследовательница, которой следовало бы перестать совать нос куда не просят, и что я позволила использовать результаты своей работы тем, кто строит планы по установлению господства мужчин и виктимизации женщин и

детей. Короче говоря, будучи женщиной, я встала не на ту сторону. Мне следовало прекратить бороться с психотерапевтами и вместо этого присоединиться к ним.

Ну и наконец, я была потенциально уязвимой для аргументов психотерапевтов, потому что я всегда стремлюсь к гармонии и стараюсь найти компромисс. Хотя я не пытаюсь избегать конфликтов и полемики, я предпочитаю разумную дискуссию и интеллигентное обсуждение разногласий и отказываюсь кого бы то ни было обвинять. Быстро распространились слухи о том, что я якобы отказалась писать научную работу вместе с социальным психологом Ричардом Офше, который категорически отрицает теорию о вытесненных воспоминаниях и о «работе с памятью», называя ее одним из «наиболее интригующих видов шарлатанства нашего столетия», подобного которому «испокон веков не изобретало ни одно человеческое сообщество, кроме кучки рехнувшихся американских психологов». Я объяснила Ричарду, что попросту не могу называть этих психотерапевтов «рехнувшимися», точно так же я не готова клеймить психотерапию по восстановлению вытесненных воспоминаний и называть ее «шарлатанством». Я восхищаюсь присущей Ричарду силой ума и целеустремленностью: он не боится подвергнуться критике и даже остракизму, лишь бы высказать важную мысль, но я была не готова связать свое имя со столь безжалостными обобщениями.

Также распространились слухи о том, что мы с Люси Берлинер, руководителем исследований в Центре по работе с последствиями сексуального насилия в Харборвью, Сиэтл, вместе пишем статью для научного журнала Journal of Interpersonal Violence. Мы с Люси дружим, и, устав все время спорить, решили поискать области, в которых друг с другом согласны. В нашей совместной работе мы заявили, что необходимо положить конец примитивному делению мира на «тех, кто беспокоится о жертвах, и тех, кто беспокоится о правде… Это ложная дихотомия, и на самом деле всех нас волнует как правда, так и страдания жертв». В конце статьи мы предложили оставлять открытыми каналы общения: «Прежде всего, все мы выиграем, если позволим продолжаться критическому диалогу».

Итак, по этим и, возможно, некоторым другим непонятным мне причинам за мной стали охотиться психотерапевты и активисты, выступающие в защиту прав ребенка, а также ряд моих товарищей-феминисток. Они стали писать мне письма, слать книги, брошюры и научные статьи, оставлять мне сообщения на автоответчике, беседовать со мной на профессиональных встречах и даже прилетать в Сиэтл, «просто чтобы поболтать». Они просили меня выслушать их версию происходящего. По их словам, все, чего они хотели, – это возможности оказаться услышанными и понятыми.

Элен Басс позвонила мне одной из первых и оставила на автоответчике длинное сообщение[2]. Элен могла бы и не представляться: она была одним из авторов книги «Мужество исцеления», ставшей громоотводом для гнева и страха обвиненных в насилии родителей. Они прозвали эту книгу «Мужество ненавидеть».

Своим мягким, приятным голосом Элен выразила надежду на то, что исследователи и практикующие специалисты заключат перемирие и начнут конструктивный диалог. «Быть может, нам удалось бы найти какие-то точки соприкосновения, – предложила она, – вместо того чтобы тратить столько времени и энергии, сидя в своих норах и огрызаясь друг на друга».

Я сохранила это сообщение и прослушала его несколько раз. Интересное развитие событий. Быть может, «истинноверующие» психотерапевты и «скептически настроенные» исследователи и эксперты по работе памяти могли объединиться и спокойно обсудить свои разногласия. Быть может, им удалось бы найти какие-то точки соприкосновения. Но, должна признать, я опасалась, что там нас будет ждать засада. Ричард Офше полагал, что психотерапевты готовятся к финальной, решающей битве. Он предсказывал, что полемика по вопросу о вытесненных воспоминаниях перерастет в «перестрелку у корраля О-Кей»[13].

---

[13] Одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. – *Прим. перев.*

«Это не просто научный спор, – предупредил он меня. – Это идеологическая битва, в которой правда и справедливость, хорошее и плохое принадлежат тому, кто первый подсуетится. Психотерапевты поставили на кон свою репутацию, и они будут биться изо всех сил, лишь бы себя защитить. Не доверяй им, не подпускай их слишком близко, иначе они выстрелят тебе прямо в сердце».

* * *

Спустя три недели я встретилась с Элен в отеле Bellevue Hyatt, где только что закончился ее мастер-класс для специалистов, работающих с жертвами инцеста. Мы поздоровались, пожав друг другу руки, обменялись любезностями, сели и принялись за поздний завтрак с круассанами и омлетом с грибами.

– Итак, – начала я, сразу переходя к делу, – когда вы впервые испытали на себе давление общественности?

Элен добродушно засмеялась. Мне с самого начала понравилась эта дружелюбная женщина с кудрявыми седеющими волосами и очаровательной улыбкой.

– После публикации «Мужества исцеления» я несколько месяцев путешествовала по Европе, – рассказывала она. – Я была совершенно оторвана от всей этой неприятной шумихи, которая поднялась вокруг нашей книги, и темы вытесненных воспоминаний в целом. – Ее лицо приобрело задумчивое выражение. – Несколько месяцев назад, когда я вернулась в Калифорнию, мой соавтор Лора Дэвис показала мне огромную кипу материалов, которые она собирала все это время, – газетные вырезки, редакционные статьи, научные публикации, письма от обвиненных родителей, книги из Фонда синдрома ложных воспоминаний[3]. Там было столько материалов, и в них было столько враждебности, что, увидев все это, я сразу воскликнула: «Боже мой, да ведь на нас подадут в суд!» Лора посмотрела на меня и сказала: «Забавно. Моей первой реакцией было: “Боже мой, да ведь нас убьют!”»

Я вспомнила о Майке Паттерсоне, и Даге Нейгле, и обо всех других обвиненных родителях, с которыми успела познакомиться, и спросила себя, был ли кто-нибудь из них способен на убийство. Я бы сказала – нет. Гнев был для них вторичной эмоцией, менее важной, чем страх и душевная боль, которые заставляли их вопреки всему надеяться, что когда-нибудь их дети к ним вернутся. Но все это так сильно напоминало спор о легализации абортов, что мне стало не по себе. Активисты с оружием нападали на врачей, делающих аборты. В чем заключалось сходство между этими двумя ситуациями? Кто в кого собирался «стрелять» и по каким идеологическим или личным причинам?

Меня пугало, что люди, вовлеченные в наш спор, допускали саму мысль о возможности насилия. Угроз становилось все больше еще и потому, что СМИ в последнее время стали концентрироваться на «насильственных» эффектах психотерапии. Всего пару дней назад я обнаружила на своем автоответчике сообщение от женщины, которая заявляла, что знакома с верховным сатанистом, обладающим некими нечеловеческими силами и способным связываться с людьми по всему миру и воздействовать на их разум. «Возможно, людям было бы проще справляться с болью, если бы они знали, что на них действуют внешние сатанистские силы, а не зло, разрывающее их изнутри», – говорила эта женщина. Я несколько раз прослушала запись, но так и не смогла понять, на чьей стороне Сатана.

Временами мне казалось, что весь мир окончательно сошел с ума.

– Как нам преодолеть гнев, который нас разобщает, и научиться работать вместе, чтобы помогать жертвам сексуального насилия? – спросила я. – Вы целыми днями беседуете с жертвами…

– …и ночами, – мягко перебила Элен.

– Днями и ночами, – продолжила я, – и на основе сказанного ими вы пришли к выводу, что воспоминания могут вытесняться, а затем, годы или даже десятилетия спустя, возвращаться в виде флешбэков. Будучи ученым, я обязана требовать доказательств. Где подтверждение того, что эти вытесненные воспоминания достоверны?

Тогда Элен рассказала мне историю о своей близкой подруге, к которой однажды, во время занятия любовью, внезапно вернулось воспоминание двадцатилетней давности. В последнее время она по непонятной причине находилась в депрессии, и во время секса она в мыслях постоянно уплывала куда-то. В конце концов ее партнер спросил, все ли в порядке. И тогда к ней внезапно, без всякого предупреждения вернулось воспоминание. Ее тело словно растворилось, а разум начал стремительно выходить из-под контроля. Ею овладело горе и стыд. Образы словно всплыли откуда-то изнутри, а вместе с ними появилось чувство, что она наконец-то, впервые в жизни узнала правду. *Когда-то давным-давно кто-то сделал ей очень больно.* Подруга Элен тряслась и рыдала, и слова вырвались из нее прежде, чем она поняла, что собирается сказать: «Меня изнасиловали в детстве».

Следующие несколько месяцев показались подруге Элен сущим адом: воспоминания возвращались одно за другим, и она пришла к выводу, что ее насиловал дедушка. Ее мучили постоянные непредсказуемые флешбэки, она страдала от бессонницы, депрессии, перепадов настроения и приступов плаксивости. Но хуже всего было то, что ей приходилось бороться с обезоруживающими сомнениями и неуверенностью – может, этого никогда и не происходило. Может, я все это просто выдумала. Элен успокаивала свою подругу, убеждая ее, что эти воспоминания должны быть достоверными, ведь она испытывала такую сильную и всеобъемлющую боль. Никто не стал бы по своей воле идти на подобные мучения.

Закончив свой рассказ, Элен попросила меня проявить понимание, очевидно надеясь перебороть мой скептицизм.

– Жертвы испытывают такую сильную боль, – сказала она. – Зачем кому-то выдумывать историю, полную таких мучений и страданий?

– Есть какие-нибудь доказательства, подтверждающие рассказ вашей подруги? – спросила я.

– Да, определенно, – ответила Элен. Когда ее подруга расспросила членов своей семьи, каждый из ее братьев и сестер вспомнил странные и необычные случаи, происходившие в доме их дедушки. Даже ее мать, отрицавшая возможность насилия, согласилась, что ее отец был «чудаковатым».

– Видимо, в ее семье действительно происходили странные вещи, – признала я, – но разве это можно считать доказательством того, что она подвергалась насилию? – Я вспомнила строку из «Мужества исцеления», которую часто цитируют обвиненные родители: – «Вы не обязаны никому доказывать, что подвергались насилию… требования доказательств безосновательны». Эти люди, которым, как правило, за шестьдесят или даже за семьдесят, не помнят, что насиловали своих детей. Совершенно ошарашенные подобными обвинениями, они всегда задают мне один и тот же вопрос: «Как же нам защищаться?»

Элен умело отбивала мои вопросы, она отвечала ясно и лаконично, не становясь при этом агрессивной.

– Я понимаю, что человеческая память не идеальна и что в воспоминаниях людей о прошлом всегда будут ошибки и неточности. Но суть воспоминаний моей подруги осталась нетронутой, а связанные с ними чувства вполне уместны и значимы. Моя подруга заново физически пережила ужас насилия через телесную память – она почувствовала ту же боль, вновь испытала тот же страх и отвращение, а когда воспоминание к ней вернулось, она вспомнила как самые мерзкие, так и вполне банальные подробности. Я не верю, что человек может вспомнить подобные детали и почувствовать такую боль, если это событие никогда не происходило.

Я рассказала Элен об отрекшихся – о тех, чьи случаи описывались нами ранее, и о других людях, которые рассказывали похожие истории о воспоминаниях, созданных их психотерапевтами с помощью суггестии, и других терапевтических методов, таких как трансовое письмо, возрастная регрессия, работа со снами и арт-терапия. У этих женщин восстанавливались воспоминания о насилии – детальные и наполненные эмоциональной болью. Каждая из них испытала то, что в тот момент они считали проявлением «телесной памяти». Их боль была настолько сильной, что они пытались покончить с собой или отправлялись в больницу в тяжелой депрессии, накачанные транквилизаторами и антидепрессантами. И все же их воспоминания были ложными. После того как они, по их собственным словам, «сбегали» от своих психотерапевтов, получали подходящую психологическую помощь и решали свои проблемы, воспоминания о насилии попросту превращались в дым и уплывали прочь, уносимые холодным ветром реальности.

– Отрекшиеся, – повторила Элен. – Я впервые о них слышу. Видите ли, весь мой мир наполнен жертвами насилия. Я работаю с ними, разговариваю с ними, плачу вместе с ними. Вся моя жизнь посвящена тому, чтобы облегчить их боль. И потому что таков мой мир, я остро ощущаю, насколько распространено сексуальное насилие. Я знаю, что прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем, где-то насилуют детей. Я знаю, как трудно жертвам рассказывать правду и как отчаянно они нуждаются в том, чтобы им поверили. Такова моя реальность.

– Я не отрицаю, что насилие над детьми – это серьезная проблема в нашем обществе, – ответила я. – И я ни в коем случае не подразумеваю, что боль и мучения изнасилованного ребенка или взрослого человека, пережившего насилие, следует преуменьшать или игнорировать. Но моя реальность отличается от вашей. Я знаю, насколько просто исказить или загрязнить воспоминание. Я знаю, что воспоминания – это реконструкции, в которые могут встраиваться предположения, фантазии, сны и страхи. Я провожу значительную долю своего времени, беседуя с людьми, которые настаивают, что их обвинили незаслуженно, и которые отчаянно хотят понять, что произошло с ними и с их семьями. Я слушаю их рассказы, и меня трогает их боль. Точно так же, как вы хотите, чтобы преступники прекратили причинять боль своим жертвам, я хочу, чтобы психотерапевты прекратили выдвигать предположения о насилии, если не существует соответствующих воспоминаний, и отказываться от встреч с родственниками своих клиентов. Я хочу закричать в лицо таким психотерапевтам: «Разве вы не видите, какой причиняете вред?» Истории, которые мне рассказывают обвиненные родители, вызывают во мне столько же грустных эмоций, сколько в вас – истории обвинителей.

Мы посмотрели друг на друга, пытаясь представить, насколько глубокое ущелье пролегло между нашими повседневными реальностями.

– Быть может, нам обеим стоило бы постараться понять точку зрения друг друга, – предложила Элен. – Думаю, вы могли бы проводить чуть больше времени, пытаясь понять чувства жертв насилия, а я – слушая рассказы отрекшихся от своих воспоминаний пациентов и обвиненных родителей.

– Мы уж точно никому не приносим особой пользы, нападая друг на друга, – согласилась я. Это был серьезный момент, но я внезапно расхохоталась, вспомнив «атаку», которой подверглась не так давно.

– Над чем вы смеетесь? – улыбнулась Элен.

Я рассказала ей историю об одной поразительной встрече. Несколько недель тому назад я летела обратно в Сиэтл, после того как выступила с речью в Калифорнии. Женщина, сидевшая рядом со мной, только что закончила читать бизнес-раздел газеты USA Today и смотрела в иллюминатор, когда я задала ей стандартный вопрос, с которого я всегда начинаю разговор с попутчиками: «Вы домой или из дома?»

– Я возвращаюсь домой в Сиэтл после поездки в Австралию и Новую Зеландию, где выступала с курсом лекций и семинаров, – вежливо ответила она.

– На какую тему? – поинтересовалась я.

– Как пережить детскую травму, – ответила она.

Должно быть, я сказала что-то вроде «О, звучит интересно», но в этот момент я гадала, как могло случиться, что мне досталось место именно рядом с этой женщиной, если на борту аэробуса находилось по меньшей мере сто пассажиров, у которых не было никаких вытесненных воспоминаний и которые, вероятно, никогда даже не слышали слово «вытеснение». Почему я не сидела рядом с одним из них?

В любом случае я была слегка не в настроении, потому что во время моего выступления в Сан-Франциско профессиональная аудитория, состоящая из психологов и психиатров, меня освистала. *Такого* со мной еще не случалось. Теперь все, чего я хотела, было вернуться домой, задрать ноги повыше и включить телевизор. (Хотя в последний раз, когда я так делала, мне попался фильм «Дорогая мамочка», где Фэй Данауэй, вся разукрашенная и одетая как Джоан Кроуфорд, подвергала ужасающим пыткам своего приемного сына.)

– А вы чем занимаетесь? – вежливо спросила моя попутчица.

– Преподаю в Вашингтонском университете. – Намеренно расплывчатый ответ.

– Что именно?

– Психологию.

– Вы – практикующий врач? – спросила она, повернувшись ко мне и разглядывая меня с возрастающим интересом. – Какой терапией занимаетесь?

– Я не занимаюсь терапией, – ответила я. – Я изучаю память.

– Память, – мягко повторила моя попутчица. – Какую именно?

– Я изучаю механизмы сохранения и извлечения воспоминаний, – сказала я, пытаясь использовать нейтральные слова.

– Как вас зовут? – внезапно спросила она.

Я ответила. Не могла же я солгать о том, как меня зовут! Она посмотрела на меня – в ее взгляде отражался шок.

– О нет! – сказала она. – Вы – та *женщина*! Та самая *женщина*!

А потом – я знаю, что читателю будет сложно в это поверить, – потом она начала хлестать меня по голове газетой, которую держала в руках.

Когда я дошла до этой части рассказа, Элен расхохоталась.

– Вы шутите!

– Я говорю правду, только правду и ничего кроме правды, и да поможет мне Бог, – ответила я, подняв руку в шутливой клятве.

– И что потом? – спросила Элен.

– Она начала осматриваться по сторонам, словно ей не терпелось оказаться от меня подальше, но горел сигнал «пристегните ремни». Через несколько минут подошла стюардесса, мы обе заказали напитки и провели остаток полета, стараясь переубедить друг друга. Прямо перед своей поездкой в Австралию моя попутчица услышала мое выступление на местном радио в Сиэтле, и я показалась ей агрессивной и держащейся пренебрежительно. Она обвиняла меня в том, что я трачу все свое время на защиту преступников. По ее мнению, даже если вытесненные воспоминания не являются абсолютной правдой, они символизируют некое ужасное событие или переживание из прошлого. «Пациента, посещающего сеансы психотерапии, не так легко сбить с толку, – настаивала она, – а психотерапия – это не манипуляция сознанием».

– Думаю, тут она права, – заметила Элен. – Я просто не могу поверить, что психотерапевт способен убедить пациентку, которую никогда не насиловали, в том, что ее насиловали, и не один раз, а многократно, и не кто-нибудь, а знакомый и, возможно, близкий человек. Сама эта идея о внушении воспоминаний о сексуальном насилии представляется не слишком правдоподобной. Если психотерапевт пошел по ложному пути, большинство пациентов просто скажут

ему об этом, и либо он попробует двинуться в другом направлении, либо пациент обратится за помощью куда-нибудь еще. Психотерапия действительно может прибегать к суггестии, наводя пациента на определенные мысли. На самом деле наводящие вопросы – это один из самых эффективных инструментов, которыми владеет психотерапевт. Возможно, к воспоминанию могут добавиться детали, которых в нем изначально не было. Но нельзя внедрить в сознание пациента воспоминание о травматичном событии, которого никогда не происходило, полное деталей и значимых эмоций.

– Но именно это мы и сделали в ходе эксперимента с торговым центром, – парировала я.

– Я много слышала об этом эксперименте, – ответила Элен. *«И не только хорошее»,* – сквозило в ее тоне. – Вам удалось внедрить воспоминание о вымышленном событии в сознание нескольких участников-волонтеров. Но нельзя сравнивать воспоминание о том, как вы потерялись в торговом центре, с опытом жертв сексуального насилия.

– Это правда, – согласилась я. – Испуганный ребенок, потерявшийся в торговом центре, испытывает не то же самое, что человек, которого насилуют, и я никогда не стала бы сравнивать эти вещи. Но когда у человека при помощи наводящих вопросов формируется ложное воспоминание о том, как он потерялся и испугался, могут задействоваться психологические механизмы, очень похожие на те, которые участвуют в создании ложных воспоминаний о насилии. Нашим экспериментом мы всего лишь хотели показать, каким образом наводящие вопросы могут создать травматичное или относительно травматичное воспоминание о том, чего никогда не было.

На меня и раньше нападали практикующие врачи и защитники прав ребенка, которые утверждали, что мои лабораторные эксперименты демонстрируют только искажение нормальных воспоминаний и что их результаты не следует экстраполировать на опыт взрослых жертв сексуального насилия. Когда об эксперименте с торговым центром сообщили в прессе, один из моих друзей, Пай Бейтман, основатель агентства по предотвращению сексуального насилия Alternatives to Fear в Сиэтле и известный активист, выступающий в защиту прав жертв насилия, написал письмо издателю местной ежедневной газеты Seattle Times. «Если профессор Лофтус думает, что переживания человека, потерявшегося в торговом центре, аналогичны тому, что испытывает жертва инцеста, ей следует глубже вникнуть в суть вопроса», – написал Бейтман. Подтекст предельно ясен: может, я и эксперт в вопросах памяти, но всего лишь новичок, когда дело касается темы сексуального насилия.

Джудит Льюис Герман, и прежде в пух и прах разносившая мои работы, написала длинное и эмоциональное письмо в издательство медицинского журнала Harvard Mental Health Letter, где была опубликована моя статья, в которой я критиковала теорию о психологических травмах и терапию по восстановлению вытесненных воспоминаний. По мнению Герман, меня завербовали адвокаты, выступающие на стороне защиты, «пытаясь отыскать новые способы поставить под сомнение достоверность заявлений взрослых жертв о пережитом в детстве насилии». Несмотря на «недостаток врачебного опыта и знаний о природе психологических травм», я рассуждала о психотерапевтических процессах и пыталась генерализировать свои выводы, относя их на счет пациентов с вытесненными или появившимися в более позднем возрасте воспоминаниями о пережитом в детстве сексуальном насилии. Далее Герман заявляла, что не мое дело высказывать предположения, согласно которым «психотерапевты могут внедрять в сознание своих пациентов сценарии ужасающих событий», и что, в сущности, высказывая подобные предположения, я поддерживаю «популярные предрассудки»: широко распространенный страх того, что психотерапевты манипулируют своими пациентами; преобладающий стереотип о том, что женщины – создания недалекие, злопамятные и занимающие подчиненное положение; и «всеобщее желание отрицать реальность сексуального насилия». В конце Герман сделала вывод, что результаты моих экспериментов используются для поддержания волны негатива,

обрушившейся на жертв насилия, что ставит под угрозу будущее исследований на тему травматичных воспоминаний и усиливает социальное давление на жертв, вынуждая их молчать.

Я перестала быть Элизабет Лофтус – обладателем докторской степени и специалистом по гибкости памяти. Теперь я была легкомысленной ученой дамой, которая позволила обратить результаты лабораторных исследований против детей, женщин и жертв насилия и даже поспособствовала этому. Цитируя шутку одного из моих студентов-магистрантов, можно сказать, что я стала Нечистой Педофильной Психологиней из Преисподней.

«Помните, – призывали мои студенты, – это спор не о распространенности сексуального насилия и не о завоеванных тяжелым трудом достижениях феминизма. Это спор о памяти, а не об идеологии».

Мне приходилось регулярно повторять себе эту фразу. *Это спор о памяти, а не об идеологии. Это спор о памяти, о памяти, о памяти…*

Элен посмотрела на часы.

– Через час мне надо ехать в аэропорт, – сказала она. – Может, поднимемся ко мне в номер и продолжим беседовать, пока я собираю вещи?

Я последовала за ней к лифту, и мы поднялись на четвертый этаж в большой люкс с шикарным видом на покрытый снегом хребет Олимпик. Устроившись в мягком кресле и слушая, как она увлеченно и умно рассуждает о жертвах насилия и о том, какое мужество они проявляют, рассказывая правду о своем прошлом, я начала задаваться вопросом: может быть, я *и впрямь* что-то упустила? Без сомнения, Элен Басс была экспертом в вопросах, в которых я ничего не смыслила. Она обладала практическими знаниями, которых у меня никогда не будет, пониманием, информацией и мудростью, которых мне никогда не обрести. Как я могла сбросить со счетов ее опыт? Как я могла поставить под угрозу достижения феминизма, ставя под вопрос воспоминания взрослых жертв насилия?

– Речь идет о памяти, – сказала я. Я говорила сама с собой, но произнесла эти слова вслух. – Именно поэтому я оказалась вовлечена в этот спор, и именно поэтому я сижу здесь с вами, пытаясь найти точки пересечения. Я знаю, что инцест – это широко распространенное явление, я сочувствую страдающим жертвам и аплодирую отваге людей, которым удается это пережить. Я не принадлежу к числу противников движения за права женщин, за права жертв насилия или за предоставление жертвам возможностей для возвращения к нормальной жизни. Я не ставлю под вопрос воспоминания о насилии, которые можно подтвердить при помощи неоспоримых доказательств, скажем медицинских отчетов, в которых упоминается венерическая болезнь или явное наличие шрамов на мягких тканях. Я не ставлю под вопрос воспоминания о насилии, которые существовали с самого начала, поскольку они столь же правдоподобны, как и любые другие воспоминания о прошлом – будь они хорошими или плохими. Я не ставлю под вопрос тот факт, что воспоминания могут возвращаться спонтанно, что детали могут забываться и даже что воспоминания о насилии могут возвращаться много лет спустя, спровоцированные различными стимулами. – Я глубоко вздохнула. – Меня интересуют лишь эти изолированные подспудные воспоминания, которые носят название «вытесненных». Единственное, что я хочу обсуждать, единственное, что я имею право исследовать, – эту относительно малоизученную область, которая связана с вытесненными воспоминаниями.

– А зачем нам вообще говорить о вытеснении? – спросила Элен. – Почему мы не можем просто избавиться от этого слова? Что, если пациентка просто забывает о событии, связанном с насилием, а позднее вспоминает его во время терапии? Она находится в безопасности, она чувствует (возможно, впервые), что кто-то готов ей поверить и признать значимость пережитого ею опыта, и вот воспоминание внезапно возвращается. Разве такую вероятность можно сбросить со счетов?

– Разумеется, нельзя, – ответила я, – но это обыкновенное забывание и вспоминание, а не живущий в подсознании магический гомункул, который время от времени отваживается

показаться на свет божий, хватается за какое-нибудь воспоминание, закапывается под землю и держит его во тьме бессознательного, десятилетиями выжидая, прежде чем вырыть его и снова выбросить наружу.

– Но разве нельзя предложить новое определение для слова «вытеснение», чтобы оно больше соответствовало нормальным, признанным наукой механизмам работы памяти? – поинтересовалась Элен.

– Но тогда это уже не будет вытеснением, – ответила я, – ведь вытеснение – это *ненормальный* механизм работы памяти.

Я попыталась объяснить разницу между нормальными процессами работы памяти и этим из ряда вон выходящим, экстраординарным и эмпирически не доказанным процессом, известным как «вытеснение». Исследователи могут в лабораторных условиях продемонстрировать, что забывание, широко определяемое как неспособность вспомнить то или иное событие или все детали пережитого в прошлом опыта, действительно существует. В ходе экспериментов ученые могут убедительно доказать то, что с течением времени воспоминания утрачивают форму и содержание.

Сложнее доказать в лабораторных условиях феномен, известный как мотивированное забывание, хотя он, без сомнения, знаком любому человеку из повседневной жизни. Это процесс, при котором мы выталкиваем неприемлемые или тревожные мысли и импульсы из своего сознания, чтобы о них не думать. К примеру, когда я вспоминаю о смерти матери, в моей голове всплывают столь болезненные образы и эмоции, что я немедленно выталкиваю их прочь из своего сознания. Я намеренно и целенаправленно стараюсь *не думать* об этом неприятном событии. Это и есть мотивированное забывание, и оно совсем не похоже на вытеснение, потому что, хоть я и выталкиваю воспоминания о ее смерти из своего сознания намеренно, я все равно знаю о том, что она утонула в бассейне, и я помню обстоятельства, при которых это произошло.

– Я понимаю, что вытеснение – это необычное явление, – задумчиво произнесла Элен. – Но разве оно не похоже на амнезию, при которой травматичное событие кодируется в виде своеобразного, не совсем обычного воспоминания? Разве человек не может получить настолько серьезную психологическую травму, что воспоминания навсегда оставляют глубокие следы в его подсознании? А затем, много лет спустя, некий стимул вновь пробуждает это воспоминание, заставляя его вернуться в сознание?

Мы вступили на опасную территорию. Люди страдают различными видами амнезии, которая, как правило, возникает в результате черепно-мозговой травмы. Антероградная амнезия – это ухудшение способности запоминать события или чувства, переживаемые после повреждения головного мозга. К примеру, в печально известном деле об изнасиловании бегуньи из Центрального парка в Нью-Йорке жертва не помнила, что ее насиловали и били, потому что она получила черепно-мозговую травму, в результате чего пережитый травматичный опыт не смог оставить в ее сознании биохимического отпечатка.

Ретроградная амнезия означает ухудшение способности вспоминать события или чувства, пережитые до получения травмы или повреждений головного мозга. Примером ретроградной амнезии может служить случай женщины, которая уезжает с работы, собираясь отправиться на машине в центр города, в ресторан, где у нее назначена деловая встреча. По пути она проезжает на красный свет и попадает в серьезную аварию. Два дня спустя, очнувшись от комы, она не может вспомнить ровным счетом ничего о том, как уехала из офиса, проскочила на красный свет или о том, как в бок ее автомобиля врезался грузовик. Последнее, что она помнит, – как сидела за своим письменным столом утром того дня, когда произошла авария, и вводила данные в программу на своем компьютере.

Ни один из этих редких, но зафиксированных видов амнезии не похож на вытеснение. Оно, по сути, представляет собой механизм выборочной амнезии, при котором мозг вырезает воспоминания об определенных травматичных событиях, сохраняя эти подвергнутые цензуре

кусочки в специальном недоступном «ящичке» памяти. Однако есть и другой вид амнезии, которая известна как «травматическая» или «психогенная» амнезия, и этот вид наиболее часто путают с вытеснением. Пугающее или эмоционально тяжелое событие (к примеру, изнасилование или убийство) может так или иначе нарушить нормальные биологические процессы, лежащие в основе механизмов сохранения информации в памяти, в результате чего воспоминание об этом событии кодируется некорректно или отпечатывается в памяти в виде отдельных, разрозненных фрагментов.

В научной работе, опубликованной в 1982 году, психолог Дэниел Шактер и его коллеги из Торонтского университета описали случай двадцатиоднолетнего молодого человека, которого они назвали ПН и у которого проявились признаки травматической амнезии. ПН подошел к полицейскому в центре Торонто и пожаловался на невыносимую боль в спине. Его отвезли в отделение экстренной помощи, где он сообщил врачам, что не помнит своего имени, адреса и никакой другой важной личной информации. Когда фотографию ПН опубликовали в газете, приехал его двоюродный брат, чтобы его опознать. По словам кузена, на прошлой неделе скончался их дедушка, которого ПН очень любил. ПН не мог вспомнить ни деда, ни его похороны, но следующим вечером, когда он смотрел очередную серию сериала «Сегун», где в подробностях показали кремацию и похороны, его травматическая амнезия начала отступать. Пока он смотрел сцену похорон, в его сознании появился образ дедушки, и воспоминания постепенно вернулись[4].

Травматическая амнезия, как правило, охватывает относительно много событий и ассоциируемых с ними переживаний, а не одиночные воспоминания, чувства или мысли, при этом недоступные воспоминания обычно относятся к повседневным впечатлениям. В третьем (исправленном и дополненном) издании Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам, которое используется в США терапевтами и психотерапевтами, психогенная амнезия определяется как «однократное или неоднократное проявление неспособности вспомнить важную личную информацию, как правило связанную с травматичными или стрессовыми событиями, слишком крупномасштабное, чтобы можно было объяснить его обычным процессом забывания». Скажем, жертва изнасилования, страдающая от психогенной (травматической) амнезии, вдобавок к подробностям нападения может забыть свое имя, адрес или род занятий. Но такая амнезия, как правило, обратима, и воспоминания вскоре возвращаются.

Описанную выше травматическую амнезию ПН и амнезию, возникающую у жертвы изнасилования, объединяет то, что в обоих случаях временно исчезают большие отрезки личных воспоминаний. Эти случаи достаточно интересны и потому часто упоминаются в научной литературе. Есть несколько иной вид амнезии – он возникает, скажем, у человека, получившего серьезную травму во время катания на лыжах и забывшего о самом несчастном случае, но помнящего о ситуации, в которой он произошел. Этот человек помнит события, которые привели к тому моменту, когда его память перестала функционировать, а также то, что происходило после забытого события. И самое главное: он знает, что страдает потерей памяти. Другими словами, он сознает, что потерял значительную часть воспоминаний о своем прошлом.

Люди, имеющие вытесненные воспоминания, напротив, предположительно не просто теряют воспоминание о травме, но также *не сознают, что они его потеряли.* Воспоминания бесследно исчезают вместе с их контекстом. Многие люди, которые утверждают, что к ним вернулись вытесненные воспоминания о сексуальном или ритуальном насилии, выросли в уверенности, что у них было счастливое детство. Если бы их конкретно спросили о необычных или шокирующих событиях их прошлого, они бы ответили что-нибудь вроде «со мной не происходило ничего особенно травматичного». Этих воспоминаний попросту не существует до тех пор, пока не происходит нечто, заставляющее секретный ящичек открыться, и тогда они вылетают из него, словно летучие мыши с запертого чердака.

Довольно типична история о вытесненных воспоминаниях двадцатипятилетней Глории Грейди. 2 января 1985 года Глория поступила в клинику Минирта и Майера в городе Ричардсон, штат Техас, в надежде, что там ей помогут справиться с мучившими ее всю жизнь проблемами с весом. Проведя в больнице больше месяца, она решила продолжить посещение еженедельных индивидуальных и групповых сеансов психотерапии. Во время встречи с родителями Глории психотерапевт попросил ее говорить откровенно, напомнив ей, что она имеет право рассказать обо всем, что ее беспокоит. Глория пожаловалась лишь на то, что ее отец, баптистский священник, слишком мало говорил по утрам в воскресенье, когда семья собиралась в церковь. Она также упомянула, что подумывала съехать от семьи, и родители охотно согласились помочь ей с поисками квартиры.

Несколько месяцев спустя психотерапевт Глории попросил ее написать на листке бумаги все плохое, что с ней когда-либо происходило. Ей было трудно вспомнить какие-либо конкретные случаи, и тогда она попросила брата и его жену помочь ей. В конце концов в ее списке появились воспоминания о том, как одноклассники дразнили ее из-за проблем с весом, и печальный случай, произошедший с ней в первом классе, когда родители запретили ей танцевать американскую кадриль «сквэр-данс» вместе с одноклассниками (она все равно пошла танцевать).

Пришло время, когда Глория стала видеться с психотерапевтом дважды в неделю, вдобавок к групповым психотерапевтическим сеансам, которые она посещала два раза в неделю или даже чаще. Она одновременно принимала таблетки для похудения, снотворное, мочегонное и антидепрессанты, и несколько раз ее приходилось отвозить в больницу из-за случайной передозировки. Двадцать четвертого июля 1987 года, проведя почти два месяца в психиатрическом отделении больницы, Глория написала родителям шокирующее письмо. Во время пребывания в больнице к ней вернулись «некоторые ужасные воспоминания» о детстве. Ее боль стала настолько «невыносимой», что она «в буквальном смысле хотела умереть при мысли о насилии, которому ее подвергали» родители. Поскольку члены ее семьи настойчиво отрицали правдивость этих воспоминаний, она решила «исключить себя из состава семьи».

Два года спустя Глория Грейди подала заявление на получение охранного судебного приказа, чтобы родители не могли с ней связаться. В суде супруги Грейди впервые узнали детали предъявленных дочерью обвинений. Согласно показаниям Глории, ее отец неоднократно насиловал ее с десяти лет и до тех пор, когда она уже училась в колледже, при этом он использовал нож, пистолет и дуло ружья. Ее мать сексуально надругалась над ней, вводя различные предметы в ее влагалище. Ее родители, брат, дед и другие члены семьи, по ее словам, были последователями сатанинского культа. Они принесли в жертву ее трехлетнюю дочь, расчленив тело девочки и бросив куски в огонь. Согласно показаниям Глории, последователи культа проводили ритуальные аборты, в ходе которых были прерваны пять из шести ее беременностей, а затем заставляли ее есть части зародышей.

По словам экспертов, у Глории не было никаких шрамов, разрывов мягких тканей или признаков сексуальных пыток. Медицинские отчеты, фотографии и показания свидетелей противоречили предъявленным Глорией обвинениям. В результате полицейского расследования не было обнаружено никаких доказательств убийства младенцев, хотя, согласно некоторым свидетельствам, Глория беременела. Судья отклонил просьбу Глории Грейди о вынесении охранного приказа.

– Все упирается в доказательства, – объясняла я Элен Басс. – В случаях с амнезией у нас есть медицинские документы – неоспоримое, надежное свидетельство того, что была получена травма и что потеря памяти связана именно с ней. Но где же доказательства в этих историях с вытесненными воспоминаниями? Вы можете доказать мне, что какой-нибудь человек, вроде Глории Грейди, способен пережить бесчисленные сексуальные и ритуальные пытки, а затем вытеснить абсолютно все воспоминания о каждом из этих инцидентов, продолжая верить, что

у него счастливая и ничем не примечательная семья? Вы можете доказать утверждение Бетси Петерсен, что после двадцати лет насилия со стороны собственного отца можно вытеснить абсолютно все воспоминания об этом? Вы можете доказать, что, как заявляет Розанна Арнольд и многие другие, человек способен вытеснить воспоминания о насилии, которому подвергался в младенчестве, а затем внезапно вспомнить их во всех деталях? Все, чего я прошу, – так это доказательств того, что вытеснение – распространенное явление и что человеческий мозг имеет обыкновение именно так реагировать на психологическую травму. – Я устала от разговоров. – Это все, чего я прошу, – доказательств.

– Но разве эти случаи сами по себе уже не являются доказательством? – спросила Элен. – Разве тот факт, что к тысячам людей по всей стране возвращаются вытесненные воспоминания, не доказывает, что вытеснение существует? О каких подтверждениях может идти речь, если свидетелями события были лишь два человека и один из них никогда не расскажет правду?

– Я бы хотела увидеть какие-нибудь доказательства того, что мозг именно таким образом реагирует на травму, – откликнулась я. – Я бы хотела увидеть подтверждение заявлений о том, что травматичные воспоминания отпечатываются и особым образом кодируются в мозге, а затем сохраняются в отдельном уголке нашего сознания. Я бы хотела увидеть убедительные доказательства в пользу частных обвинений, основанных на предположительно вытесненных и заново извлеченных воспоминаниях.

Мы зашли в тупик. Будучи активисткой, борющейся за права жертв насилия, Элен считала, что *вера* – это дар, который психотерапевт несет своим клиентам. Слишком много лет женщинам не верили, а жертвы сексуального насилия были вынуждены жить в одиночестве, храня свой тягостный, постыдный секрет. Произнося эти три слова – «Я вам верю», – психотерапевт дает своим пациентам разрешение выразить боль словами и вслух рассказать о пережитом насилии и надругательстве. Как же может психотерапевт, дав это разрешение, пойти на попятную и потребовать доказательств?

– Вы, по крайней мере, верите, что вытеснение возможно? – спросила Элен, когда мы приготовились уходить. – По-вашему, есть вероятность того, что оно существует как некий защитный механизм?

– Я полагаю, это все равно, что верить в Бога, – ответила я, пока мы шли по коридору в сторону лифта. – Все зависит от определения. Если под словом Бог понимается реальное, физическое существо с парящей в воздухе белой бородой, восседающее на райском троне в окружении славящих его ангелов, тогда я вынуждена сказать: «Нет, я не верю в Бога». Но если понимать Бога как теорию, как вероятность, тогда я могла бы сказать: «Да, я верю в теорию о том, что где-то там может существовать нечто, но я хотела бы увидеть доказательства, прежде чем смогла бы назвать себя верующей».

Ту же логику рассуждений можно применить и к вытеснению. Если определять вытеснение как процесс, при котором разум человека решает выборочно спрятать некоторые воспоминания в отдельном, тайном ящичке, а затем спустя десятилетия они возвращаются совершенно нетронутыми, тогда мне придется ответить: «Нет, ничто из того, что мне доводилось наблюдать, не позволяет мне поверить в справедливость такой интерпретации». Но если под словом «вытеснение» понимается теоретическая вероятность, редкий и необычный каприз нашего разума, который возникает как реакция на ужасную психологическую травму, тогда я не могу сразу отвергнуть эту теорию. Тогда мне придется сказать: «Да, такое возможно, но мне необходимо увидеть доказательства, чтобы действительно в это поверить».

– Но как же доказать, что наш разум вытесняет эти воспоминания? – спросила меня Элен. – Как вообще можно продемонстрировать с какой-либо долей научной точности, как работает этот механизм?

– Но должно же быть какое-то обоснование для судебных исков на миллионы долларов и ссор у смертного одра, единственной причиной которых служит теория о том, как работает наш разум?

– Не только теория, но и *воспоминания.*

– Воспоминания, которых не существовало до тех пор, пока кто-то не высказал предположение о них.

Мы посмотрели друг на друга так, словно стояли по разные стороны глубокого идеологического ущелья, которое пролегло между нами. Какая вера смогла бы заставить одну из нас перепрыгнуть на другую сторону и отказаться от всего, ради чего мы так упорно трудились?

– Психотерапевты – не священники, а вытеснение – не теология, – мягко произнесла Элен.

Я кивнула, но без особой уверенности.

*** * ***

Меньше чем через месяц после того, как я встретилась с Элен Басс, в журнале The New York Times Book Review появилось эссе, которое подлило масла в огонь и без того напряженного спора о терапии по восстановлению вытесненных воспоминаний. Эта появившаяся на первой полосе статья под заголовком «Опасайтесь конвейера жертв инцеста» была написана психологом Кэрол Теврис, автором снискавшей одобрение критиков книги «Ложная мерка для женщин» (The Mismeasure of Women). В начале статьи Кэрол анализирует список симптомов, приведенный в книге «Мужество исцеления» («Вы чувствуете себя плохой, грязной и испытываете стыд», «Вы ощущаете неспособность защититься, когда находитесь в опасности», «Вам сложно сохранять мотивацию»). Хотя предполагается, что список предназначен для выявления последствий инцеста, Теврис недвусмысленно указывает, что он настолько универсален, что «нет ни одного человека, который не узнал бы в этом описании себя».

Теврис сурово критикует недалеких, жадных до денег и власти и потому взявшихся за перо активистов:

> Проблема заключается не в том, какие советы они дают жертвам насилия, а в том, что они сами *создают* их – расширяют рынок пациентов, которых затем можно лечить, используя психотерапию и книги по самопомощи. Поэтому все книги, написанные для жертв насилия, руководствуются одной и той же формулой, основанной на некритическом принятии определенных постулатов о природе памяти и психологических травм. Они предлагают простые ответы, в то время как психологи-исследователи ставят сложные вопросы.

Теврис пишет прямолинейно, остроумно и цинично. Она обличает «инцестуальные» отношения между книгами, предназначенными для жертв инцеста, утверждая, что такие книги одна за другой «порождают» себе подобных, и скоро весь мир будет кишеть этими созданиями, которые приходятся друг другу дальними родственниками и несут в себе один и тот же заведомо дефектный генетический материал. «Из поколения в поколение» эти книги передают друг другу генетический код с недостающими или неполноценными хромосомами информации.

> Авторы таких книг создают между ними отношения, которые нельзя назвать иначе, как инцестуальными, поскольку полагаются на написанное друг другом как на доказательства собственной правоты. Все они рекламируют книги друг друга и рекомендуют их своим читателям. Если один из них приводит вымышленную статистику, скажем, утверждает, что «более половины всех женщин являются жертвами сексуального насилия, пережитого

> в детстве», остальные начинают обмениваться этими данными, словно коллекционными бейсбольными карточками, приводя их в каждой новой книге, и в конце концов они начинают считаться неопровержимым фактом. Таким образом замыкается круг дезинформации, ложной статистики и необоснованных утверждений.

На этом Теврис не останавливается. Она открывает огонь по необоснованно «упрощенным» темам и клишированным предположениям, которые вновь и вновь появляются в этих кровосмесительных трудах.

> Авторы всех этих книг поголовно стремятся убедить читателя сфокусироваться на пережитом в прошлом насилии как на единственной причине того, что он несчастен в настоящем. Забудьте, что вы ругаетесь с Гарольдом и детьми, что у вас плохая работа или вовсе ее нет, что вы беспокоитесь о деньгах. Исцеление *определяется* как осознание вами того факта, что вы являетесь жертвой сексуального насилия и что этим можно объяснить все плохое в вашей жизни.

Тем, кто называет скептиков противниками борьбы за права детей, женщин и жертв насилия, Теврис отплачивает той же монетой, утверждая, что они патологизируют жизненный опыт женщины, фокусируясь на ее уязвимости и положении жертвы, вместо того чтобы подчеркивать ее силу и способность справиться с проблемами.

> Авторы всех этих книг поголовно советуют женщинам включать в единый нарратив своей личности лексикон, присущий жертвам. На этом языке переписывается история их жизни, мораль которой редко выходит за рамки совета «присоединитесь к группе и расскажите о своих чувствах». Такие рассказы на время успокаивают женщин, одновременно избавляя остальных от хлопот. Вот почему такие истории столь популярны. Если жертва может помочь себе сама, значит, нет необходимости что-либо менять.

Теврис разозлила противника. Несколько недель спустя были опубликованы ответные статьи – острые, как бритва, режущая все без разбора в попытке отомстить нападавшему.

«Я обязана возразить против ее злобного и абсолютно беспричинного выпада в адрес жертв инцеста, – кипела Джудит Льюис Герман. – Если госпожа Теврис действительно так устала от разговоров об инцесте, ей следует прекратить поливать грязью других женщин и присоединиться к нашим попыткам положить конец эпидемии сексуального насилия».

«Усомнившись в достоверности воспоминаний, которые с таким трудом и с такой болью выкорчевываются из их секретного убежища в дальнем углу мозга, госпожа Теврис оказала чрезвычайно дурную услугу жертвам насилия, многие из которых испытывают сильную потребность в том, чтобы не верить в собственную историю», – жаловалась священнослужительница Дороти Грин.

Бетси Петерсен высказала удивление по поводу того, что сама нападавшая является феминисткой: «Я никак не ожидала услышать подобные обвинения от писательницы, которой я восхищаюсь и которая, судя по всему, считает себя феминисткой».

Автор одного письма сравнил Теврис с Зигмундом Фрейдом, который «утверждал, что рассказы об инцесте – это всего лишь фантазии истеричных женщин».

А обернувшаяся писательницей психотерапевт Сью Блум и вовсе поставила Теврис в один ряд с насильниками и педофилами: «Эссе Кэрол Теврис… помещает ее прямиком на одну сторону баррикад с теми, кто оказывает поддержку “растлителям малолетних, насильникам, педофилам и прочим женоненавистникам”. Ей, безусловно, должно быть стыдно, что она встала на их сторону».

Но Теврис держала оборону. «Я опасаюсь, что текущая печальная и разрушительная тенденция видеть насилие в каждом доме и мастерить кустарные воспоминания там, где их никогда не было, порождает ряд новых опасных проблем», – написала она в ответном письме.

> То, что я высказала эти опасения, не делает меня антифеминисткой, так же как критика некоторых принципов политики нашего правительства не делает меня противником Америки… Нельзя помочь женщинам или феминистическому движению, бездумно приняв доктрину, которая неоправданно упрощает сложную проблему. Если мы стремимся улучшить здоровье женщин и повысить их статус, мы должны понимать не только то, как движение в поддержку жертв насилия может помочь женщинам, но и то, какой вред оно способно причинить. Не следует ли нам начать беспокоиться, если это движение, пусть даже непреднамеренно, подливает масла в огонь национальной истерии, заставляет родителей все больше бояться обнимать и целовать собственных детей (не говоря уже о том, чтобы ходить по дому голышом) и умножает жестокие обвинения, предъявляемые родителям, которые никогда не подвергали своих детей насилию и допускали лишь самые заурядные ошибки?

Пока я со стороны наблюдала за этим противоборством, мне в голову пришла одна обнадеживающая мысль: по крайней мере, теперь было целых две Нечистых Педофильных Психологини из Преисподней.

* * *

В своих нападках критики стали переходить на личности. Один репортер – автор опубликованной в газете Seattle Weekly длинной статьи о моей работе и о том, как она связана с терапией по восстановлению вытесненных воспоминаний, – взял интервью у двух психологов (клинического и когнитивного), которые открыто критиковали мою позицию. Любопытно, что практикующий врач раскритиковал мои исследовательские методы, в то время как эксперт по когнитивной психологии попытался подвергнуть меня психоанализу.

«Она изучает не травматичные воспоминания, а обычные, – заявила Джудит Льюис Герман. – Результаты ее исследований интересны и значимы, пока дело касается простых воспоминаний. Однако вызывают беспокойство ее настойчивые попытки использовать эти результаты там, где они неприменимы».

Кэти Пездек, преподаватель когнитивной психологии в Университете Клермонт-Грэдуэйт в Калифорнии, вслух интересовалась, не мог ли какой-то сложный или травматичный опыт, пережитый мной в прошлом, быть причиной моего необоснованного скептицизма. «Мне просто интересно, честна ли Элизабет с самой собой по поводу своего прошлого, – говорила Пездек. – Любой человек, занимающий жесткую позицию по тому или иному вопросу, должен откровенно признаться себе, почему это так».

Но, бесспорно, самые интересные комментарии появились две недели спустя в письме редактору. Автор этого письма – медсестра, работающая в психиатрической больнице, – выражала глубокое огорчение по поводу того, что результаты моей работы были представлены на первой полосе, и беспокойство по поводу «потенциально разрушительных последствий для пациентов, а также для огромного количества жертв, переживших сексуальное насилие в детстве». Она назвала меня черствой, озлобленной и эгоцентричной. По ее словам, я потеряла связь со своей «женской, интуитивной сущностью». На фотографии я выглядела как «раненая, испуганная, озлобленная женщина, испытывающая отчаянную необходимость дать волю

своему компульсивному трудоголизму и попыткам заглушить эмоциональную боль за счет умственных усилий».

(Я помню, как посмотрела на эту фотографию – мне казалось, я вышла на ней неплохо, – и подумала: неужели я действительно кажусь «раненой»?)

Письмо оканчивалось упоминанием о том, что моя работа «опасным» образом скажется на законодательной системе, отбив у клиентов желание начинать судебные споры и внушив адвокатам, будто у них есть право решать, что окажет на пациента «терапевтический» эффект. По словам автора письма, «доктор Лофтус не заслуживает доверия и нельзя давать ей еще больше власти. Лучше продолжим прислушиваться к женщинам, психотерапевтам и мужчинам, которые достаточно контактируют с женской сущностью, чтобы высказываться против этого патриархального сумасшествия!».

* * *

Я хочу рассказать вам еще одну историю. Я не вправе раскрыть настоящее имя психотерапевта (назовем ее *Барбарой*), но я могу сказать, что это умная, умеющая стройно излагать свои мысли, сострадательная женщина. У меня нет никаких сомнений в том, что она глубоко и искренне заботится о своих пациентах и что, пытаясь убедить меня в реальности вытеснения и необходимости присоединиться к ней в борьбе против педофилов и насильников, она руководствовалась исключительно благими намерениями.

Барбара впервые позвонила мне в конце 1980-х и попросила помочь ей со статьей на тему механизмов извлечения вытесненных воспоминаний о сексуальном насилии, которую она писала для научного медицинского журнала. Ее беспокоил вопрос о том, как определить, был ли взрослый человек жертвой сексуального насилия, и она хотела поинтересоваться, подчиняются ли вытесненные воспоминания тем же правилам, что и обычные. «Быть может, вытесненные воспоминания более или, наоборот, менее чувствительны к искажающим эффектам информации, полученной после произошедшего события, чем осознанные воспоминания?» – спросила она.

«Ответ на этот вопрос полностью зависит от того, что именно вы понимаете под словом “вытеснение”, – ответила я. – Я полагаю, вы имеете в виду воспоминания о реальном событии, о котором человек долгое время не думал – хотя бы иногда. Если это так, тогда я предположила бы, что такие воспоминания должны быть особенно подвержены изменениям и искажениям».

В течение последующих двух или трех лет мы время от времени общались: два психолога – клинический и когнитивный, которые делились информацией и своими выводами по поводу механизмов извлечения воспоминаний. Затем, 31 августа 1992 года Барбара позвонила, чтобы пожаловаться на статью, которую она прочитала в утреннем выпуске газеты USA Today. Она зачитала мне заголовок и сопроводительную подпись:

СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЫТЕСНЕННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

> Необоснованные «вытесненные» воспоминания о пережитом в детстве сексуальном насилии разрушают семьи и отправляют невинных людей за решетку, утверждает психолог из Сиэтла Элизабет Лофтус.

– Я крайне обеспокоена тем, как подобные статьи повлияют на жертв инцеста, – сказала мне Барбара. – Людям, пережившим насилие, так трудно открыто говорить о своих болезненных воспоминаниях и рассказывать правду о пережитых в прошлом травмах. Они без конца сомневаются в собственных воспоминаниях и в собственном рассудке. Подобная информа-

ция, опубликованная в газете, которую читают миллионы людей, собьет их с толку и разрушит результаты многолетней продуктивной врачебной работы.

– Я разделяю ваше беспокойство, – ответила я. – Я не хочу усугублять разногласия по поводу этого сеющего распри вопроса, и меня чрезвычайно расстраивает мысль о том, что кто-то, действительно переживший насилие, из-за меня может снова почувствовать себя жертвой.

– Тогда, наверное, вам стоило бы что-то предпринять? – спросила Барбара. Ее голос зазвучал резко и напористо. – Учитывая вашу репутацию, складывается впечатление, будто эти преувеличенные и искаженные заявления доказывают, что вытесненных воспоминаний не существует, что ложные воспоминания – это норма, а терапию по восстановлению вытесненных воспоминаний практикует горстка некомпетентных фанатиков-шарлатанов. Вы коверкаете правду о хорошей, добротной врачебной методике. Вы упоминаете рассказы практикующих специалистов, которые, как вы выразились в одном из своих исследований, говорят пациентам: «Расскажите, что этот ублюдок с вами сделал», – но не учитываете высказывания опытных, компетентных психотерапевтов. Какое вы имеете право, будучи экспериментальным психологом, критиковать работу практикующих врачей?

Ее последний аргумент бил по больному. Один приятель-психотерапевт как-то раз сказал мне, что я крайне поверхностно информирована в вопросах, которые касаются клинической практики. Он добавил, что никогда не стал бы претендовать на роль эксперта в вопросах экспериментального изучения памяти, как и не счел бы себя достаточно квалифицированным, чтобы критиковать исследования, посвященные работе памяти. Так почему же тогда я, казалось, без особых колебаний позволяла себе делать необоснованные, пренебрежительные обобщенные высказывания в адрес психотерапии, вплоть до того, чтобы указывать врачам, как им следует работать?

«Безусловно, неопытный психотерапевт может сильно навредить своему пациенту, – продолжал он, – и точно так же большой вред способны причинить неопытные ученые, юристы, хирурги или инженеры. Но это оскорбительно – предполагать, что многие, если не большинство психотерапевтов, действуют по наитию и используют топорные методы суггестии. То, что описываете вы, – это шарж на психотерапию, саркастическая пародия, и в результате вы искажаете и преуменьшаете правду о реально существующем сексуальном насилии, таким образом увеличивая вероятность того, что пережившие его люди будут и дальше страдать от недоверия со стороны скептически настроенного общества».

– Меня беспокоит то, как ваша работа повлияет на людей, действительно переживших насилие, – тем временем говорила Барбара.

– Меня тоже это беспокоит, – ответила я. – Что мы можем сделать?

– Продолжать диалог, – сказала она.

* * *

Два месяца спустя Барбара прилетела в Сиэтл, чтобы «просто поговорить». Мы провели весь день за рассуждениями о том, что лабораторные эксперименты могут рассказать нам о реальных жизненных случаях, находили вопросы, по которым наши мнения совпадали, и пытались объяснить друг другу, что мы обе очень хотим помочь жертвам насилия. В тот вечер мы вместе поужинали и поделились историями из собственной жизни. Я рассказала Барбаре о смерти матери и о долгой, мучительной борьбе моего отца с меланомой.

Барбара с пониманием отнеслась к моему горю. Она поделилась собственными рассказами о карьерных неудачах, проблемах в отношениях, о своих разочарованиях и мечтах. И конечно же, мы обсудили спор о вытесненных воспоминаниях. Я объяснила, как меня ранит любая критика, даже самые бессмысленные нападки. Я рассказала ей о психотерапевте, который принялся писать обо мне гнусные письма и отсылать их практически в каждую психоте-

рапевтическую организацию на Западном побережье. Коллега, который входит в совет одной из таких организаций, послал мне копию одного из писем и приложил к нему записку от себя: «Похоже, этот тип думает, что моральных принципов у вас – как у гусеницы, плавающей в стакане с пивом». Я посмеялась, но меня задел этот комментарий.

Я рассказала Барбаре о недавнем телефонном звонке от моей бывшей школьной подруги, которая теперь живет в Лос-Анджелесе. У ее восьмилетнего сына появились проблемы в школе. Она отвела его на прием к психотерапевту для осмотра и оценки психического состояния. Психотерапевт попросил ее выйти, чтобы остаться с мальчиком наедине, и спустя какое-то время моя подруга начала подозревать неладное и прижалась ухом к двери.

«Тебя насиловали? – спросил у ее сына психотерапевт. – Ты помнишь какое-нибудь поведение со стороны других людей, которое заставляло тебя чувствовать себя странно и неловко? Кто-нибудь трогал тебя в интимных местах? Попробуешь нарисовать человека, который, по-твоему, мог тебя изнасиловать?» В этот момент моя подруга ворвалась в кабинет, сказала психотерапевту, что, по ее мнению, его вопросы не могли дать продуктивных результатов («Я еще очень деликатно выразилась», – сказала она мне позднее), схватила сына за руку и ринулась прочь из кабинета.

– Жизнь – это серия ежедневных драм, – сказала я Барбаре. – Каждый день я захожу в свой кабинет и думаю: «Итак, что же случится сегодня?» Я смотрю направо, потом налево и пытаюсь представить, кого же обвинят на этот раз. Кто станет следующим пациентом, восстановившим ложные воспоминания? Несколько недель назад мне позвонил брат и сказал, что он добился серьезных результатов на сеансах психотерапии. Его психотерапевт загипнотизировал его и вернул в то время, когда ему было восемь, и тогда он вспомнил, как наша мать за что-то его ругала. Он начал рыдать, совершенно ошеломленный нахлынувшими эмоциями. Он сказал мне, что не мог вспомнить подробностей случившегося, но чувствовал, что приблизился к чему-то важному.

И вот я сижу в своем кабинете, слушаю его и думаю: «Не позволяй этому психотерапевту внушить тебе, что причина всего – сексуальное насилие!» И вдруг я ловлю себя на мысли: «Что ж, по крайней мере, мама с папой уже умерли, и, если он обвинит их, они никогда об этом не узнают». А *потом* я начинаю думать: «Кого еще он может обвинить? Кто все еще жив?» Передо мной встала ужасная дилемма. Я не знала, что делать, ведь мой брат верил, что он и его психотерапевт добились больших успехов. Он начал понимать свои эмоции, начал ощущать то, что давно забыл и никогда раньше не чувствовал. И вот передо мной встал вопрос: «Могу ли я просто расслабиться и позволить этому психотерапевту вложить эти воспоминания в его разум?» – Я взмахнула рукой, показывая на зал, полный ужинающих людей. – Готова поспорить, что половина из этих людей либо уже восстановили вытесненные воспоминания, либо подозревают, что таковые у них есть, – сказала я. – Вот только мне иногда интересно: есть ли в мире что-нибудь кроме вытесненных воспоминаний?

Барбара устремила на меня печальный взгляд:

– Как вы можете так легко к этому относиться, Бет? Ведь вас саму в детстве насиловали. Неужели вы действительно чувствуете, что можете просто все забыть и простить? Неужели вы действительно верите, что не испытываете на себе долгосрочное влияние пережитого насилия?

Я рассказала ей правду. На меня действительно сильно давило воспоминание о *Говарде*, который присматривал за мной в детстве и надругался надо мной, когда мне было шесть лет. Забыть и простить мне так и не удалось. Я помню, как проснулась утром в свой день рождения – мне исполнилось тринадцать – и подумала: «Ой-ой. Мне уже тринадцать, а у меня все еще нет месячных. У всех моих подруг они уже начались». За этой мыслью последовала другая, полная ужаса: «О нет! Должно быть, я беременна!» (Несмотря на то, что Говард меня только трогал.)

– Я знаю, это звучит наивно, – призналась я. – Но именно так я и подумала.

– О, Бет. Мне так жаль, – произнесла Барбара с искренним сочувствием. – Половое созревание не должно начинаться со стыда и боли, с таких мучительных мыслей.

– Я часто спрашивала себя, сознавал ли Говард, что он со мной сделал, – сказала я, тронутая ее сочувствием. – Ему было четырнадцать или пятнадцать, это, безусловно, нарциссический возраст. Полагаю, в его представлении он всего лишь пошел на небольшой риск, поэкспериментировал с кем-то «безопасным» – с маленькой девочкой, которая не отвергла бы его и не стала бы ябедничать. Сомневаюсь, что он когда-нибудь размышлял о том, как его поведение в будущем сказалось на мне. Он не был жестоким, он просто не подумал.

– Вы когда-нибудь рассказывали о случившемся родителям?

– Нет, я держала этот секрет при себе.

– Именно так поступает большинство подвергшихся насилию детей, – ответила Барбара.

– Да, я знаю. Но мой разум не вытеснил воспоминание об этой истории, – произнесла я. – И даже хотя она сильно травмировала меня, я предпочитаю оставить ее в прошлом. Думаю, там ей и место.

Барбара сказала, что понимает. Позднее, прощаясь, мы обнялись.

* * *

Через неделю мне пришло письмо от Барбары. Она писала, что очень болезненно восприняла рассказанную мной историю. Рассказ о Говарде расстроил ее. На самом деле он разозлил ее – очень, очень сильно разозлил. Она стала думать, что может сделать, чтобы облегчить мою боль, мое одиночество и ощущение, что меня предали. В самолете по пути домой ей в голову внезапно пришла одна идея. Она вспомнила, что люди, практикующие вуду, делают кукол, символизирующих злого человека, и втыкают в них иголки. Именно это она решила сделать для меня.

На отдельном листке бумаги Барбара нарисовала контур мужского тела. Ровно посередине груди была помещена напечатанная крупным жирным шрифтом надпись: ГОВАРД. В каждую руку Говарда и прямо в его гениталии Барбара воткнула булавки. Концы булавок были окрашены в ярко-красный цвет.

Я долго смотрела на рисунок, не зная, что и думать. Барбара пыталась помочь мне, это я знала точно. Но казалось, будто моя боль стала ее болью, а мой гнев растворился в ее гневе. Я подумала: может быть, именно это иногда и происходит во время психотерапии? Когда пациент выражает свои самые сокровенные страхи и тревоги, не заражается ли терапевт этими противоречивыми эмоциями, еще больше раздувая их?

Я не была до конца уверена, что все это значит, но я знала, что сделала Барбара: она украла мое воспоминание, воткнула в него булавки и пустила из него кровь.

12
Изгнание демонов

Тревожно наше время, сэр. Мы обязаны поступиться старой дружбой и привычным уважением. Дьявол бродит по Сейлему! Да не дрогнет карающая длань над тем, на кого укажет перст Господень!
Артур Миллер. Суровое испытание

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы при этом самому не стать чудовищем.
Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла[14]

Меня привлекли к делу Пола Инграма после того, как ему вынесли обвинительный приговор. Однажды в мой офис позвонила женщина, которая представилась продюсером городского телевидения Сиэтла. Она объяснила, что работает над документальным фильмом об этом деле и только что пересмотрела несколько смутивших ее полицейских отчетов.

«Я не могу избавиться от мысли, что следователи, которые вели это дело, оказали давление на господина Инграма, – заявила она. – Вы не могли бы взглянуть на эти протоколы и дать экспертную оценку?»

Прочитав нескольких сотен страниц со стенограммами диктофонных записей допросов, я начала понимать важность этого необычного дела. В довольно крупном, развитом американском городе честные чиновники убедили законопослушного гражданина сознаться в преступлении, которого он никогда не совершал. Это был современный сейлемский процесс, действие которого разворачивалось буквально на моем заднем дворе.

Пока я пыталась разобраться в том, что же все-таки случилось с Полом Инграмом, мне представилась возможность познакомиться со многими главными героями этого дела, включая адвокатов Инграма, его бывших друзей и коллег Рэя Риша и Джима Рэйби, которые оказались причастны к делу из-за его показаний, эксперта по деятельности культов Ричарда Офше и журналиста Лоуренса Райта, который благодаря своей восхитительной статье в двух частях, опубликованной в журнале The New Yorker, и своей книге о деле Инграма «Вспоминая Сатану» (Remembering Satan) произвел настоящую сенсацию в СМИ.

Я также начала переписку с Полом Инграмом, заключенным под номером 261446, который отбывал срок в тюрьме на Восточном побережье. В своем недавнем письме Инграм описывает «многочисленные благие события» в его жизни, включая посещения братьев и сестер, а также переезд в тюремную камеру с кондиционером, из которой открывается вид на четыре водонапорные башни и новую объездную автомагистраль.

Оглядываясь на прошедшие годы, Пол Инграм как будто держит под контролем свое сознание: он игнорирует перенесенные травмы и вместо этого концентрируется на выученных уроках. Он вспоминает недавнее прошлое, называя его «периодом помешательства». Другие, отринув эвфемизмы, назвали бы то время адом. В течение пяти месяцев, с ноября 1988 по апрель 1989 года, Инграма допрашивали детективы из управления шерифа в округе Терстон, штат Вашингтон, часто – в присутствии психолога и священника. В поисках правды они манипулировали самовосприятием Инграма, провоцируя в нем беспокойство и чувство вины и подрывая его уверенность в себе, пока он не признался, что на протяжении семнадцати лет насиловал двух своих дочерей.

[14] Пер. Н. Н. Полилова.

Поначалу признания Инграма соответствовали всему тому, что ему рассказали о якобы совершенных им преступлениях. Но затем случилось нечто странное. Оттолкнувшись от предположения следователей о сатанизме, Инграм начал признаваться во все более невероятных и жестоких деяниях. Находясь в состоянии, напоминавшем транс, закрыв глаза и обхватив голову руками, он бормотал что-то о демонах и пламени, распитии крови и убийстве новорожденных. Пол Инграм, главный помощник шерифа по гражданским делам, председатель местного отделения Республиканской партии, добропорядочный прихожанин, отец пятерых детей, признался, что он был верховным жрецом сатанинского культа, занимался содомией с детьми и добровольно участвовал в убийствах, расчленениях и поедании трупов новорожденных.

Расследование по делу Инграма, которое началось как умеренно шокирующее дело об инцесте, превратилось в драматическое противостояние темных страстей и слепой одержимости найти «правду». Расследование быстро переросло в истерию, пробудив воспоминания о более ранних временах, когда богобоязненные граждане, поддавшись страху, суевериям и религиозной одержимости, проклинали ведьм и возводили в самом центре общины целый лес столбов для сожжения их на костре. Как тогда, так и сейчас страх перед злом порождает еще большее зло, а всепоглощающее стремление изгнать дьявола из человеческого общества только высвобождает демонов, которые скрываются в наших собственных душах.

* * *

Церковь «Живая вода», которая находится в Олимпии, столице штата Вашингтон, исповедует христианский фундаментализм и представляет собой ответвление Международной церкви четырехстороннего Евангелия, основанной евангелисткой Эйми Семпл Макферсон в 1927 году. Церковь четырехстороннего Евангелия учит, что Библия – это буквальное слово Бога, а дьявол – это существо, имеющее физическое воплощение и управляющее могущественными темными силами. Падший ангел может вызывать психические и физические болезни и повергать дух человека в смятение. Он может управлять сознанием уязвимой жертвы, внушая ей греховные мысли и подталкивая к порочным деяниям. Мало того: с помощью «сатанинского обмана» дьявол может сделать так, что жертва даже не будет подозревать о его пагубном влиянии. Только постоянная бдительность, молитвы и знание слова Божьего, заключенного в Библии, могут защитить человеческую душу в битве между добром и злом, которая продолжается всегда и во все времена.

Пол Инграм и его семья словно «заново родились» в церкви «Живая вода» в 1975 году и сразу же стали активными членами общины. В начале 1980-х дочери Инграмов, Эрика и Джули, стали посещать ежегодный двухдневный ретрит «Сердцем к сердцу», который спонсировался церковью. Подростки вместе с дружелюбными кураторами садились в автобусы и ехали в Библейский лагерь на озере Блэк, где на протяжении двух дней обсуждали проблемы, связанные с самооценкой, половой жизнью и семьей. Групповые сеансы были эмоциональными и очищающими: рыдая, подростки раскрывали секреты своих запутавшихся душ.

Эрике и Джули Инграм была хорошо знакома атмосфера исповеди. В ходе общего обсуждения, организованного во время поездки в лагерь в 1983 году, Эрика призналась, что ее пытались изнасиловать. Об этом сообщили в полицию, но расследование было прекращено, когда выяснилось, что речь шла о женатом мужчине, который предложил подвезти Эрику и положил руку ей на колено. Два года спустя Джули рассказала, что ее изнасиловал сосед; Эрика присоединилась к обвинениям, заявив, что этот же мужчина пытался изнасиловать и ее. Была подана жалоба в окружную прокуратуру, но после того, как Джули не смогла толком рассказать о предполагаемом инциденте и в ее показаниях появились расхождения, все обвинения были сняты.

Выезд в лагерь в 1988 году, на котором присутствовали 60 подростков, был полон шокирующих открытий. Карла Франко, харизматичная девушка-христианка из Калифорнии, пленила группу своим даром ясновидения. В какой-то момент Карла рассказала группе, что «видит» девочку, прячущуюся в темном шкафу. Она говорила, что «слышит» приближающиеся шаги и звук поворачивающегося в замке ключа. Внезапно одна из слушавших ее девочек выкрикнула, что это она была тем ребенком, прячущимся в шкафу; когда кураторы окружили ее, чтобы успокоить, она громко и горько разрыдалась.

Вскоре Франко посетило еще одно видение об изнасиловании. По ее словам, кого-то из слушателей изнасиловал близкий родственник. Одна из девочек встала и выбежала из комнаты. Кураторы нашли ее в туалете: она пыталась утопиться, опустив голову в унитаз.

Двадцатидвухлетняя Эрика Инграм была куратором на этом выезде. После того как все участники расселись по автобусам, чтобы вернуться в Олимпию, Эрика в слезах объявила остальным кураторам, что она тоже подвергалась насилию. Согласно докладам следствия, Эрика осознала это внезапно, когда сидела на полу в окружении других кураторов.

Однако Карла Франко помнит эту сцену немного по-другому. В конце ретрита к ней подошел один из кураторов и спросил, помолится ли она об Эрике. Франко согласилась и начала вслух молиться, пока Эрика сидела на полу у ее ног. Затем, словно вспышка, к ней пришло озарение, и Франко узнала «правду».

«Тебе изнасиловали в детстве», – объявила она уверенным тоном. Эрика горько заплакала, но ничего не ответила. Когда к Франко пришло еще одно видение, она быстро облекла его в слова. Она сказала, что насильником был отец Эрики и что насилие продолжалось многие годы.

У Эрики началась истерика, и Франко продолжала молиться, пока рыдания не стихли. Когда Эрика наконец-то успокоилась, Франко посоветовала ей обратиться к психотерапевту, чтобы восстановить травматичные воспоминания. Эрика была так взволнована, что могла лишь кивать в ответ.

После поездки Пол Инграм и его жена Сэнди заметили перемены в поведении дочерей. По какой-то непонятной им причине Эрика и Джули стали замкнутыми и необщительными. Инграмы были обеспокоены, но каждый раз, когда Сэнди пыталась поговорить с дочерями, они избегали ее, произнося фразы вроде: «Тебе лучше не знать». Боясь расстроить девочек и еще больше оттолкнуть их, Сэнди и Пол решили просто переждать, пока это пройдет, находя объяснение в том, что девочки проходили через определенный «период».

Однако в конце сентября Эрика внезапно заявила, что съезжает. Два месяца спустя Джули, учившаяся в то время в старших классах школы, ушла из дома и переехала жить к друзьям. В воскресенье, в канун Дня благодарения после вечерней службы в церкви Эрика попросила мать встретиться с ней в кафе Danny's. Эрика пришла вместе с подругой, чтобы та ее поддержала, и рассказала, что ее многократно насиловал отец и двое старших братьев. Эрика сказала, что изнасилования прекратились в 1975 году, когда ей было девять, а ее отец заново родился в церкви «Живая вода».

– Почему ты не рассказала мне? – спросила Сэнди Инграм свою дочь.

– Я пыталась рассказать тебе, мам, но ты не слушала, – ответила Эрика.

Позже этим же вечером Сэнди пересказала своему мужу обвинения Эрики, но он отрицал, что когда-либо дотрагивался до детей непристойным образом.

– Но зачем бы тогда Эрике тебя обвинять, раз это неправда? – спросила Сэнди.

– Я не знаю, – ответил Инграм. Они посмотрели друг на друга какое-то время, а затем он добавил: – Не думаю, что у меня есть темная сторона.

На следующее утро Сэнди забрала Джули у друзей и отвезла ее в школу. В машине Джули рассказала, что ее насиловали отец и старший брат. По ее словам, это прекратилось пятью годами ранее, в 1983 году, когда ей было тринадцать.

В тот же день, 21 ноября 1988 года, Джули вместе с куратором из кризисного центра, оказывающего помощь жертвам насилия, пришла в полицейский участок, где более детально рассказала обо всем следователям. По ее словам, насилие началось в пятом классе, когда отец прокрадывался в спальню Эрики и Джули и занимался вагинальным и анальным сексом то с одной, то с другой из сестер. Изменив историю, которую всего за несколько часов до этого Джули рассказала матери, она добавила, что отец в последний раз насиловал ее три года назад, когда ей было пятнадцать.

Эрика, которую следователи допросили в тот же вечер, тоже изменила свой рассказ, заявив, что всего годом ранее она подцепила от отца болезнь. Несколько дней спустя Эрика вспомнила еще более недавний случай насилия. Незадолго до того, как она съехала от родителей в конце сентября, она проснулась и увидела, что отец стоит на коленях у ее кровати и трогает ее половые органы.

* * *

Двадцать восьмого ноября 1988 года, в понедельник утром, Пол Инграм проснулся, принял душ, побрился, позавтракал, и его сразу же стошнило. Он знал, что грядет час расплаты. И хотя нервы сыграли злую шутку с его пищеварительным трактом, он поехал в свой офис в управлении шерифа, морально и даже физически готовый разобраться с обвинениями дочерей. Примерно через пятнадцать минут после того, как он приехал на работу, шериф Гари Эдвардс вызвал его к себе в кабинет. Эдвардс и его помощник Нил Макланахан предъявили ему обвинения Эрики и Джули и зачитали ему его права.

– Надеюсь, вы будете сотрудничать со следствием и не заставите девочек проходить через судебное разбирательство, – сказал шериф Эдвардс.

– Я не насиловал этих девочек, – сказал Инграм и сразу же добавил странную фразу: – Я не думаю, что у меня есть темная сторона.

Инграм до сих пор не знает, как ему в голову пришла мысль о «темной стороне». Возможно, он слышал эти слова по телевизору или в разговоре, возможно – где-то прочитал их. Но, как верный последователь фундаменталистской церкви, он много знал о том, что Сатана подталкивает на злые деяния слабых и неверующих и блокирует воспоминания человека об этих злонамеренных поступках. Будучи первозданной ипостасью чистого зла, существующий вне времени Сатана способен мастерски пробираться в разум и воспоминания человека.

Мысль о «темной стороне» хорошо укладывалась в представление Инграма о коварстве Сатаны и могла объяснить те необъяснимые вещи, которые происходили с ним и его семьей. Если его дочери говорили правду – а он всегда учил их говорить правду, – значит, Сатана вынудил его совершить злодеяние, а затем стер воспоминания о нем.

Инграма отвели в комнату для допросов, где его ждали Джо Вукич и Брайан Шониг, следователи по делам о преступлениях сексуального характера. Оба они хорошо знали Инграма, и оба были шокированы, узнав, что этот с виду порядочный, живущий в счастливом браке, трудолюбивый, посещающий церковь мужчина неоднократно насиловал своих дочерей и занимался с ними содомией, при этом утверждая, что ничего об этом не помнит. Либо он нагло врал, либо был психически больным ублюдком.

В течение первых четырех часов допрос не записывался, но, согласно воспоминаниям Инграма, детективы снова и снова спрашивали его, почему Эрика и Джули выдвинули эти обвинения, раз они ложные. И хотя Инграм не мог ничего ответить, он был готов признать, что в его семье существовали проблемы. Он пытался выразить свое мучительное смятение через вопросы, на которые он не знал ответов: «Почему девочки не разрешают мне и Сэнди обнимать их? Почему мне так трудно общаться с детьми? Почему Эрика и Джули внезапно съехали из дома?»

Следователи пытались постепенно сосредоточиться на деталях, задавая конкретные вопросы. Они обвинили Инграма в том, что он изнасиловал Эрику двумя месяцами ранее, прямо посреди ночи, всего лишь за несколько дней до того, как она покинула родительский дом. Во что он был одет в ту ночь? Инграм ответил, что обычно, проснувшись посреди ночи, он надевал темно-бордовый халат. Что он сказал Эрике? Что он с ней сделал? Инграм ответил, что не помнит ни как входил в комнату Эрики посреди ночи, ни как насиловал ее – ни в сентябре, ни когда-либо.

Следователи объяснили Инграму: он похоронил соответствующие воспоминания, потому что не мог принять тот факт, что насиловал собственных детей. Они продолжали по частям выдавать ему информацию из заявлений его дочерей, надеясь подтолкнуть его память, а Инграм начал молиться, прося Господа о помощи. Пока он молился, следователи обрушили на него жестокую реальность, пытаясь сыграть на его чувстве вины и любви к детям. По словам Инграма, они снова и снова говорили: «Помоги нам. Помоги своим дочерям. Ты единственный, кто может им помочь. Ты был там. Ты должен помочь нам. Мы знаем, что ты знаешь. Ты недостаточно честен. Ты держишь это в себе. Ты должен это отпустить. Расскажи нам, что случилось».

Однако Инграм не мог вспомнить, что насиловал своих детей. Как же он мог рассказать следователям, что случилось, если он даже не помнил об этом? Детективы отвергали его попытки все отрицать, повторяя три базовые истины.

Истина первая: его дочери – порядочные и ответственные девушки, которые не стали бы лгать о таких важных и значимых вещах, как сексуальное насилие и инцест. Инграм охотно согласился с этим утверждением. «Мои дети честны, – без конца повторял он. – Мои дети всегда говорят правду».

Истина вторая: разум сексуальных насильников, неспособных признать весь ужас содеянного, часто вытесняет воспоминания об их преступлениях. Инграм частично был с этим согласен, ведь он лично видел, как насильники и педофилы, да и, в сущности, большинство людей, обвиненных в жестоких преступлениях, отрицали выдвинутые против них обвинения и говорили о потере памяти. Но все же Инграм возражал: его желание узнать правду было сильнее, чем страх перед содеянным, и он был полностью готов признаться в этих преступлениях… если бы только он мог вспомнить, что совершил их.

Истина третья: единственный способ добраться до правды – признать, что он изнасиловал дочерей. Если он признается, воспоминания автоматически вернутся к нему.

Теория о вытеснении, лежащая в основе второго и третьего утверждения, показалась Инграму разумной. Это была попросту мирская версия церковной теории о дьявольских уловках: Сатана пытается уничтожить воспоминания о злых деяниях, чтобы он мог продолжать губить человеческую душу. Но если одержимому хватит мужества признаться, на него снизойдет понимание своих собственных действий, и твердая рука Господа направит его на путь истинный.

Инграм отчаянно желал, чтобы на него снизошло озарение и он узнал правду, но его мучил страх. От страха у него сводило желудок, а сознание затуманивалось. Страх был подозрительно похож на нечто живое, что поселилось внутри его и пустило корни, и это нечто, казалось, разбухало и росло в самом центре его «я». Ему чудилось, будто он слышит пробивающийся сквозь страх голос Господа. *Признайся! Признайся!* Ему почти казалось, что сам Бог разговаривает с ним.

После четырех часов допроса Инграм согласился сделать официальное заявление. В 14:46 включили диктофон.

– Пол, я разговаривал с Эрикой и Джули, – сказал один из следователей, – и они рассказали мне о нескольких случаях неприемлемых сексуальных контактов между вами и каждой

из них. Можете рассказать, что вы помните о том, как дотрагивались до них? Что, по вашему мнению, было неуместным?

– Ну… Мне было сложно, хм, признать это, – пробормотал Инграм, – но я действительно полагаю, что предъявленные обвинения небезосновательны и что я действительно надругался над ними и насиловал их, и, возможно, на протяжении долгого времени. Мой разум вытеснил воспоминания об этом. Э-э, возможно, я очень успешно скрывал их от самого себя, и теперь я пытаюсь их вернуть. Э-э, и со слов девочек я… я знаю, что это не может быть неправдой и что я действительно все это сделал.

– Но почему? – вмешался один из следователей. – Почему вы говорите, что это не может быть неправдой?

– Ну, во-первых, девочки знают меня, – ответил Инграм. – Э-э… они не стали бы врать о чем-то подобном, и во-вторых… есть еще одно доказательство, которое… на мой взгляд, указывает на то, что это произошло.

– И в чем же, по-вашему, оно состоит? – спросил следователь.

– Ну, по крайней мере, в том, как они вели себя последние пару лет, и в том, что я не мог проявлять нежность по отношению к ним, хоть и хотел. Мне… мне сложно их обнимать и даже говорить, что я люблю их, и я… я просто знаю, что это неестественно.

– Если бы мы спросили вас – это вопрос, на который можно ответить только да или нет, – трогали ли вы Джули непристойным образом, что бы вы ответили?

– Я был бы вынужден сказать да, – ответил Инграм.

– А Эрику?

– Мне тоже пришлось бы сказать да.

– Эти… э-э-э… случаи повторялись на протяжении долгого времени?

– О да!

– Как вы думаете, сколько лет было Эрике, когда это начало происходить между вами?

– Я сам не помню, но я знаю, что в разговорах пару раз упоминался пятилетний возраст.

– Что вы помните?

– Я ничего не помню.

* * *

Это было довольно странное признание. Инграм во всем признался, поскольку думал, что его дочери не стали бы врать, и поэтому он, должно быть, насиловал их, несмотря на то что сам он ничего не помнил. Инграм просто как попугай повторял то, что со слов следователей он якобы сделал со своими детьми, и его признание явно не соответствовало требованиям закона. Следователи решили поддать жару. Они хотели знать о самом последнем случае изнасилования, который произошел незадолго до того, как Эрика съехала из дома. Помнил ли Пол этот инцидент?

– Ну, я пытаюсь вспомнить это, но я все еще смотрю на все это как бы со стороны, – ответил Инграм. – Но… э-э… есть доказательства, и я… пытаюсь посмотреть на это от первого лица, и у меня не очень выходит, но я… должно быть, я встал с кровати, надел халат… ммм… зашел в ее комнату, сдернул одеяло, и… по крайней мере частично ее раздел, а затем ласкал… э-э… ее грудь, половые органы… э… и говорил ей, что если она кому-нибудь об этом расскажет, то я… э… убью ее.

– Вы описываете все это от третьего лица. Теперь я спрошу вас прямо: то, о чем вы говорите, на самом деле случилось?

– Фу-у, – Инграм глубоко вздохнул. – Мне все еще тяжело добиться ясной картины произошедшего. Головой я понимаю, что это должно было случиться, но мне все еще сложно точно все вспомнить, чтобы рассказать подробно.

По просьбе Инграма диктофон выключили. Следователь Шониг делал пометки, в которых говорилось, что Инграм неоднократно взывал к Богу, прося помощи. Шониг также отметил, что Инграм впал «в некое подобие транса» и в этом бессознательном состоянии начал описывать красочные сцены насилия. Однако он описывал то, что он «наверное, сделал», практически или совсем без эмоций, будто был бесстрастным наблюдателем, а не главным действующим лицом этой драмы.

Когда диктофон снова включили, детективы попросили Инграма вспомнить ту ночь, когда он вошел в комнату Эрики, снял халат и повесил его на спинку кровати.

– Вы разбудили ее? – спросил один из следователей.

– Э-э… я не помню.

– Что вы делали после того, как повесили халат?

– Мм… я, должно быть, снял с нее одежду, э-э-э… по крайней мере, трусики или штаны от пижамы.

– Хорошо, вы говорите, что вы, должно быть, сделали это, – прервал его один из следователей. – Итак, вы имеете в виду, что вы, *должно быть,* сделали это или что вы это сделали?

– Что я сделал это, – ответил Инграм.

– После того как вы сняли с нее штаны, где вы ее трогали?

– Я трогал ее грудь, ее половые органы…

– Что вы сказали ей, когда она проснулась?

– Я, должно быть, сказал ей вести себя тихо и… э-э… никому ничего не рассказывать и пригрозил, что убью ее, если она кому-нибудь об этом расскажет.

– Хорошо, вы сказали, что, *должно быть,* сделали это. – Следователей явно начинали раздражать уклончивые выражения Инграма. – Вы, *должно быть,* сделали это или все-таки сделали?

– Э-э… сделал.

– Что вы сделали, когда закончили? Вы что-нибудь делали с ее одеждой?

– Я… не помню.

– Вы помните, как натягивали ее штаны обратно?

– Нет.

– Вы надели халат, после того как… э-э… закончили?

– Да, надел.

– И куда вы пошли, когда вышли из ее комнаты?

– Должно быть, я пошел обратно в кровать к жене.

* * *

Ближе к вечеру, когда допрос закончился, Пол Инграм признался, что многократно насиловал своих дочерей. Что касается деталей произошедшего, Инграм заявил, что начал насиловать Эрику, когда ей было всего лишь пять, и вспомнил, как насиловал Джули по крайней мере в течение десяти лет. Он также помнил, что Джули забеременела от него, когда ей было пятнадцать, и что он позаботился об аборте.

Однако к концу признания Инграм еще раз заявил, что ничего не помнит.

– Я не могу вспомнить никаких деталей, – сказал Инграм, отвечая на вопрос о том, что он сделал с Эрикой, когда вошел в комнату. – Я ничего не помню.

– Вы не помните, как вошли в комнату и начали трогать Эрику?

– Нет.

– Если она говорит, что это случилось, что это означает для вас?

– Это означает, что так и было. Мои дети не врут. Они говорят правду, и я пытаюсь делать то же самое.

* * *

Инграма поместили под надзор в санитарную палату М-1, чтобы он не совершил самоубийство. Ему разрешили позвонить жене. По телефону Пол и Сэнди договорились молиться Господу, чтобы он направил их на путь истинный, а Сэнди сказала, что принесет Полу в тюрьму Библию и нижнее белье. В тот же вечер в окружную тюрьму пришел пастор и молился вместе с Инграмом в его камере.

На следующий день, ранним утром во вторник 29 ноября, Инграма навестил психолог Ричард Питерсон. Он объяснил, что его наняла прокуратура, чтобы определить психическое состояние Инграма и составить экспертное мнение о том, «безопасно ли ему находиться на свободе». Инграм попросил психолога объяснить ему, почему он не помнил событий, которые так детально описывали его дочери. Неужели действительно было возможно, как утверждали следователи, полностью вытеснить воспоминания о таких жестоких, омерзительных поступках, которые он совершал почти семнадцать лет?

Питерсон подтвердил, что разум людей, совершающих преступления сексуального характера, зачастую вытесняет воспоминания о содеянном. Иногда преступники не способны вынести мыслей о том, какие ужасные вещи они сотворили со своими жертвами. Чем более жестоким и ужасным было преступление, тем больше вероятность того, что оно окажется вытеснено. Затем психолог добавил еще больше интриги в этот странный и путаный рассказ. По его словам, многие насильники сами были изнасилованы. Таким образом, существовала большая вероятность того, что Инграма в детстве изнасиловали – скорее всего, в возрасте пяти лет, потому что именно в этом возрасте он начал насиловать Эрику. Если Пола в детстве изнасиловали, продолжил Питерсон, возможно, его разум вытеснил и эти воспоминания. Были ли у него какие-нибудь воспоминания о том, что его мог насиловать отец или, скажем, дядя?

Инграм хорошо обдумал вопрос, но единственным сколь-нибудь сексуальным воспоминанием из детства, которое ему удалось восстановить, был случай, когда мама шепотом запретила ему чесать интимные части тела в общественных местах – ему тогда было четыре или пять лет. «Ты ведешь себя, как твой дядя Джеральд», – сказала она, упомянув имя дяди, который тогда их навещал.

Питерсон уверил его, что со временем он вспомнит, как его отец, дядя или какой-нибудь близкий друг семьи его изнасиловал. Питерсон также подтвердил слова следователей о том, что, как только Инграм признается в своих преступлениях, воспоминания потоком хлынут в его сознание. Но Инграм не был согласен, ведь эта теория уже не сработала так, как ему обещали. Он признался во всем днем ранее, но воспоминания не стали появляться ни струйкой, ни потоком. Инграм испытал облегчение, узнав, что доктор Питерсон собирается присутствовать на дневном допросе: может быть, ему удастся выяснить, как избавиться от психологических преград, которые препятствуют возвращению вытесненных воспоминаний.

В зоне регистрации полицейский посоветовал Инграму нанять адвоката и предложил позвонить Эду Шоллеру, бывшему прокурору, зарекомендовавшему себя в качестве лучшего адвоката по уголовным делам в округе. Инграм отклонил предложение и объяснил причины в своем дневнике, который он вел с пятого дня ареста: «Я думаю, что Эд… был бы больше заинтересован в том, как вытащить меня из западни, чем в том, как выяснить правду». Инграм желал знать правду больше, чем что-либо еще. Он свято верил, что правда может прийти только от Бога, и поэтому решил попросить верующего адвоката, который был христианином-фундаменталистом, представлять его интересы в суде.

* * *

Когда 29 ноября в 13:30 Пол Инграм вошел в комнату для допроса, он не знал, что следователи только что получили два письма от Джули, в которых она признавалась, что ее до сих пор насилуют. «Будучи христианкой, я претполагаю [sic] простить его за то, что он сделал и продолжает делать со мной», – пишет Джули. Но еще более шокирующим фактом было то, что, по словам Джули, в насилии участвовал не только ее отец, но и некоторые его друзья по покеру, в том числе те, кто работал с Инграмом в управлении шерифа. Она помнила, что, когда ей было четыре, игроки в покер приходили к ней в комнату «вдвоем или поодиночке» и насиловали ее. «Я была так напугана, я не знала, что сказать и с кем поговорить», – пишет Джули.

Следователи рассказали Инграму, что у них появилась дополнительная информация от Джули, но они не будут вдаваться в детали.

– То, что произошло с Джули, случилось лишь месяц назад, – сказал Джо Вукич. – Это совершенно реально, и это произошло совсем недавно. Разумеется, о таких вещах очень сложно говорить.

– Но поговорить нужно, – добавил Шониг.

– Я… нет, я этого не вижу, – сказал Инграм. – Не могу визуализировать. Я еще не дошел до того момента, когда смогу, – и я не знаю, как еще объяснить, но я до сих пор ничего не вижу.

Инграм продолжал говорить вслух, пытаясь понять, как он мог вернуть потерянные воспоминания. «Я думаю, мне просто нужно проникнуть в ту часть мозга или что-то в этом роде, и там я обнаружу обрывки этих воспоминаний, но пока мне просто не удалось их найти».

Через несколько минут Инграм вспомнил, как, когда ему было всего лишь четыре или пять, его изнасиловал дядя. Все, как и предсказывал доктор Питерсон. «Когда я подумал об этом сегодня утром, – начал Инграм, – я увидел своего дядю (думаю, это был дядя Глен, хотя, может, и Джеральд), и я занимался с ним оральным сексом, хм, я не испытываю никаких эмоций, хм, фу, это все… все, что пришло мне в голову».

Следователи задали несколько формальных вопросов, но их больше интересовало то, что сделал Инграм в недавнем прошлом, чем события его детства. Пропустив несколько десятилетий, они сконцентрировались на партиях в покер, которые проходили в доме Инграма. Они спросили, кто на них присутствовал. Это были его друзья из отделения? Много ли они выпивали, находились ли в состоянии опьянения или буянили? Возможно, имели место непристойные разговоры или просто болтовня о женщинах? Где была его жена во время партий в покер? Поднимался ли кто-нибудь наверх проведать детей?

– Я, господи, – Инграм лихорадочно вспоминал, – я просто не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь…

– Я спрашиваю об этом, Пол, – прервал его Вукич, – потому что Джули рассказала мне, что раз или два она была изнасилована во время игры в покер.

– И мы имеем в виду, Пол, что кроме вас в то время ее насиловал кто-то еще, – добавил Шониг. – Она также помнит, что ее связали на кровати и по крайней мере два человека по очереди насиловали ее, а еще один смотрел – возможно, это были вы.

– Я ничего не вижу, – сказал Инграм, как будто разглядывал прошлое, словно слайды, мелькающие в его голове. – Дайте мне подумать об этом минутку. Посмотрим, смогу ли туда добраться. Предположим, что это произошло, значит, там должна быть кровать, спальня, я думаю, Джули должна быть одна… Ох…

– Я вынужден попросить вас не ходить вокруг да около, – вставил Шониг. – Это правда важно. Кто, по-вашему, насиловал вашу дочь помимо вас?

– Я… я просто пытаюсь подумать, пытаюсь вспомнить то время…

– Да, и она сейчас по-настоящему напугана и живет в сильнейшем страхе, потому что этот человек все еще разгуливает по улицам. – Шониг продолжал давить на Инграма, играя на любви отца к дочери и его переживаниях за ее безопасность. – Этот человек – один из ваших друзей, который работал или работает в отделении.

Инграм смог выдавить из себя лишь слабое «фу».

– Она до смерти напугана, Пол… Вероятно, это человек, с которым вы все еще тесно общаетесь, Пол, – произнес Шониг.

– Она ужасно боится этого человека, – сказал Вукич, – и нам нужно что-то сделать, чтобы защитить ее… Вы должны помочь нам защитить ее.

– Я думаю, – сказал Инграм.

– Думайте лучше, – сказал Вукич.

– Я… я не могу, я… я… я думаю. – Инграм начал впадать в истерику. – Мне в голову не приходит никто из отделения, с кем я сейчас близко общаюсь…

– Понимаете, Пол, она это помнит, – сказал Вукич.

– Так, хорошо, подождите секундочку. – Инграм бороздил свое сознание в поисках хорошо знакомых лиц приятелей по покеру. – Джим, Джим Рэйби играл с нами в покер. Мы с Джимом были довольно близки.

– Джим – это тот человек, о котором она говорит? – спросил Вукич.

– Так, только не говорите за меня, – сказал Инграм с несвойственной ему резкостью. – Э-э… я не знаю… Я… я думаю. Я пытаюсь получить… пытаюсь вытащить что-нибудь наружу. Э-э-э… Джим – единственный, кто приходит мне в голову… Я просто пытаюсь сопоставить лица. Вспомнить кого-нибудь еще…

Джо Вукич добавил еще одну ментальную картинку к размышлениям Инграма:

– Пол, на той картинке, которую вы видите, есть веревки?

– Э, вы добавили туда веревки, – сказал Инграм, – и я пытаюсь выяснить, что у меня есть, фу-у… э-э… я… я вроде могу представить нижнюю полку двухъярусной кровати или даже пол, э-э… Мне кажется, что она лежала лицом вниз, связанная по рукам и ногам – может быть, она лежала на простыне на полу. Э-э… ох…

– Что еще вы видите? Кого еще вы видите? – торопил его Вукич.

– Может, э-э-э… может, мальчика или еще одного человека, но я не вижу лица, но по какой-то причине особенно выделяется Джим Рэйби, господи.

* * *

Из этого записанного на диктофон разговора становится ясно, что Пол Инграм очень старался вспомнить хоть что-то, что могло бы помочь следователям в поиске мужчины, который изнасиловал Джули и вынудил ее бояться за свою жизнь. Инграм доверял следователям, которые были его друзьями и коллегами, и не сомневался, что они говорят ему правду. Чувство вины и тревога подрывали его уверенность в себе, а одержимость религией и боязнь погубить свою душу подогревали его воображение.

Доктор Питерсон спросил Инграма, принимал ли он участие в каких-либо оккультных мероприятиях.

– До того как вы обратились в христианство, практиковали ли вы когда-нибудь черную магию?

– Хм, однажды я читал немного об астрологии, в газете, читал свой… как там это называется?

– Гороскоп, – предположил Вукич.

– Гороскоп, – подтвердил Инграм. – Хм, ничего кроме этого.

Практиковал ли он когда-нибудь богохульство или принимал участие в жертвоприношении животных?

– Я не понимаю, к чему вы клоните? – спросил Инграм.

– Я имею в виду что-то вроде сатанинского культа, – ответил Шониг.

Инграм сказал, что ровным счетом ничего не помнит о подобных занятиях, но внутри у него что-то щелкнуло. Может быть, это происки Сатаны и демонов. Может, князь Тьмы борется за власть над его душой. Разве это не объясняет, как христианин, любящий свою семью и всегда живший по правилам, мог ни с того ни с сего превратиться в насильника и педофила? Если Сатана склонял Инграма к этим злодеяниям и овладел его душой и разумом, он мог стереть и его воспоминания. И разве это не объясняет странные ощущения и внезапные мимолетные картинки, мелькающие в сознании Инграма? Может, Господь пытается докричаться до него и показать ему правду? Сатанинский обман казался разумным объяснением. Единственно разумным.

Мысль о том, что Сатана руководил им во время этих чудовищных злодеяний, несколько утешила Инграма, однако вместе с этим мысль, что он оказался легкой добычей для Сатаны и тот сейчас управляет его судьбой, ужасала. Неужели он в когтях демона? Эмоциональная стабильность Инграма пошатнулась и дала трещину. Он молился, рыдал, кричал от боли, закрывал глаза и раскачивался взад-вперед и, казалось, был близок к срыву. Чувствуя слабость Инграма и играя на его религиозных убеждениях, Питерсон посоветовал ему выбрать между Богом и дьяволом.

– Настал момент, когда вам нужно выбрать между Богом и дьяволом… – сказал Питерсон.

– Да, о дорогой Иисус, Господь мой, просто помоги мне… – Голос Инграма замер.

– Чтобы вам не пришлось пожертвовать… – начал Питерсон.

– Неужели вы бы пожертвовали своей дочерью! – прервал его Шониг. – Я не верю этому, Пол.

– Вы не сможете оправиться от этого потрясения, Пол, если не встретитесь с ним лицом к лицу и не пройдете через это, – сказал Вукич.

– Я знаю, знаю. – Инграм заплакал.

– Вам нужно что-нибудь, чтобы… э-э… вытереть слезы? – спросил Вукич.

– Нет, просто продолжайте, продолжайте, – сказал Инграм.

– Вам нужно поплакать и выговориться, – посоветовал Питерсон.

– Все сводится к покеру, Пол, – сказал Вукич. – Вы – тот, кто знает ответы.

– Вы справитесь, – добавил Питерсон.

– О боже милостивый! – воскликнул Инграм.

– Выберите жизнь, не обрекайте себя на мучения. Ведь это же сущий ад! – сказал Питерсон.

– Это ваша отцовская обязанность, – напомнил Вукич.

– Боже милостивый, Боже милостивый… О Боже, помоги мне!

– Это очевидный выбор между привязанностью к кромешному аду, в котором вы живете, – сказал Питерсон, – и очистительной освобождающей честностью. Вы должны принять это решение. Никто не может это сделать за вас… Это ваше решение. Вы так же одиноки, как Иисус в пустыне.

Поняв, что на Инграма сильно повлияли отсылки к религии, следователи увидели, насколько мудрой была стратегия Питерсона.

– Господь дал вам все, чтобы сделать это, – сказал Вукич.

– О Иисус, милостивый Иисус, помоги мне.

– А сейчас он оставил принятие решения за вами, – продолжил Вукич. – Вы должны показать ему своими делами и словами, что, несмотря ни на что, достойны его любви, искупления грехов и спасения.

– О Боже! – внезапно закричал Инграм. – Помоги мне, Господи! Помоги мне, Господи!

Питерсон взял все в свои руки, оставив прежний агрессивный настрой, и заговорил мягким успокаивающим голосом:

– Вам станет легче, Пол, если вы прекратите молить о помощи и просто позволите себе расслабиться; попытайтесь ни о чем не думать, – сказал он ласково. – Просто расслабьтесь. Никто не навредит вам. Мы хотим помочь. Просто расслабьтесь. Попытайтесь ни о чем не думать и спросите себя, что нужно сделать. Ответ придет сам…

Пол Инграм закрыл глаза, его тело обмякло, и снова казалось, что он вошел в своего рода транс. Чувствуя, что сейчас самое время, следователи сразу сосредоточились на сцене изнасилования во время партии в покер, которую Джули описала в своем письме.

– Почему вы не говорите нам, что случилось с Джули? – спросил Вукич. – Что случилось во время той игры в покер?

– Я вижу, как Джули лежит на простыне на полу, – сказал Инграм. Его голос казался странным и отсутствующим. – Ее руки привязаны к ногам, она лежит на животе. Я стою и смотрю на нее. Есть кто-то еще слева от меня.

– Кто это?

– Но я… я… единственный человек, которого я помню, – это Джим Рэйби. Он просто…

– Повернитесь и посмотрите на этого человека, – предложил Шониг. – Кто это? Кто там стоит?

– Как он пахнет? – спросил Питерсон.

– Да, как он пахнет? – повторил Шониг.

– Он стоит прямо рядом с вами, Пол, все, что вам нужно сделать, – повернуться налево, и вот он, – сказал Вукич.

– Он встает, – сказал Инграм. – Я вижу, как торчит его пенис…

– На нем есть одежда?

– Не думаю.

– Что он делает с вашей дочерью?

– Встает на колени.

– Хорошо. Теперь он там, он стоит перед вами на коленях? – подталкивал Шониг. – Посмотрите на него. Что он с ней делает? Он дотрагивается до нее своим пенисом?

– Только… только дайте мне, оно уходит… – Картинка в сознании Инграма стала блекнуть.

– Нет, не уходит, оно здесь, – подбадривал его Вукич.

– Давайте, мы должны туда вернуться, – лихорадочно повторял Шониг. – Что он делает с вашей дочерью? Он стоит на коленях. Он перед вашей дочерью или сзади нее?

– Он сзади.

– Хорошо, он вводит свой пенис в нее?

– Э-э… ее ноги плотно прижаты друг к другу, но, может, он перекатывает ее на бок, – сказал Инграм, отвечая на предположение следователя.

– Она одета или раздета? – спросил Питерсон.

– Э-э… я думаю, она раздета, хм…

– Что делает этот человек?

– Он стоит на коленях. Его пенис у ее живота. Э… он большой. Э-э… я имею в виду широкоплечий, большой мужчина.

– Он носит какие-нибудь драгоценности?

– Может, часы на правой руке.

– Какое время они показывают?

– Ммм… два часа, и я не знаю, почему говорю это… ммм… я не вижу его, я вижу только его грудь.

Они продолжали задавать вопросы – быстро и жадно: «Как близко к ним вы стоите? Вы одеты? Вы касаетесь ее? Кто-нибудь еще ее касается? Вы помните эякуляцию? Вы пьяны?»

– Кто-нибудь фотографирует? – внезапно спросил Вукич.

– Э-э… фотографии… есть ли кто-то справа от меня? Э-э…возможно, дайте посмотреть. Я вижу, я вижу фотоаппарат.

– Кто фотографирует?

– Я не знаю, я не вижу человека с фотоаппаратом.

– Этот человек очень важен. Он – ключ к разгадке, – вмешался Питерсон.

– Ну, человек, которого я, как мне кажется, вижу – это Рэй Риш, – сказал Инграм. Риш – механик, который работал в патрульной службе штата Вашингтон, он был хорошим другом Инграма и регулярно приходил к нему играть в покер по выходным.

– Он что-нибудь говорит? – спросил Вукич.

– Я не знаю… э-э-э… я… я… я не знаю… Черт возьми, где же я? Где я?

* * *

В конце второго дня после более пяти часов допроса стало похоже, что Пол Инграм вышел из транса и подвел итоги произошедшего.

– Боже, мне почти кажется, что я все это выдумал, но это не так… я стараюсь этого не делать. Что у меня есть? Что у меня есть? Что я вижу? Это какая-то бессмыслица… Как будто я смотрю фильм… – подытожил он. – Э-э-э… как фильм ужасов.

– Пол, я не уверен, что вам сейчас нужно продолжать, – сказал доктор Питерсон, обеспокоенный психическим состоянием Инграма.

Но Инграм продолжал нести чушь. Теперь он уже говорил не со следователями: он общался с Господом.

– У меня нет четкой картинки. Я… я не уверен в том, что вижу. Я… я не знаю, что у меня в голове. Для меня это какая-то бессмыслица. О боже, помоги мне… Позволь мне… понять, что это. Я не хочу видеть то, что неправда. Господи, проведи меня через это… Я не знаю, где я сейчас. Просто дай мне расслабиться. Дай мне расслабиться. Господь, дай мне картинку. Дай мне картинку.

* * *

Когда Джима Рэйби и Рэя Риша поставили перед фактом, что их друг и коллега Пол Инграм назвал их насильниками, они начали с тех же отрицаний и заявлений о потере памяти, что и Инграм в самом начале.

– Меня там не было, насколько мне известно, если только я не заблокировал воспоминания об этом, – сказал следователям Риш.

Рэйби настаивал, что ничего не помнит об этих событиях, и, подобно Инграму, упомянул о возможном наличии у него «темной стороны». Когда один из следователей предположил, что он, возможно, демонстрирует реакцию отрицания, Рэйби ответил:

– Я правда ничего не помню о том, что случилось, и я не верю, что мог сделать это и вытеснить воспоминания.

Следователь Шониг, в очевидной попытке добиться признания, стал утрировать факты.

– Пол сказал, что вы насмехались над ним и вынудили его это сделать, хотя он сам был против, – сказал Шониг, обращаясь к Рэйби. – Рэй [Риш], по сути, говорит то же самое. Только он утверждает, что это он был слюнтяем, а вы с Полом – негодяями.

Мысль о том, что двое его хороших друзей дали показания против него, возможно в попытке обезопасить себя, была невыносимой для Рэйби. Под давлением он сломался.

– Возложите ответственность на меня, ведь это я ничего не помню – значит, я, должно быть, самый безнравственный, – признался Рэйби. – Единственный выход – запереть меня и выбросить ключ, потому что если я не могу вспомнить такое, то я чертовски опасен и не заслуживаю оставаться на свободе.

* * *

– Я знаю, что внутри меня демон, – сказал Пол Инграм пастору Джону Брейтану, умоляя священника исцелить его от «одержимости бесами». Брейтан заверил Инграма, что он не был одержим бесами, но его все же необходимо очистить от злых духов. Они вместе помолились, после чего Брейтан велел Инграму встать на колени, наклониться над мусорным ведром и попытаться извергнуть из себя духов, живущих глубоко внутри его. Потуги Инграма не дали ничего, кроме небольшого количества слизи. Ему так и не удалось извергнуть из себя темную живую массу, присутствие которой он ощущал в самом центре своего «я».

После этого ритуала к Инграму пришло яркое воспоминание о его сыне Чеде и друге Джиме Рэйби. В своем сознании Инграм видел, как Рэйби – разозленный и сосредоточенный – толкает его с лестницы.

– Он хотел сделать что-то, чего я не мог ему позволить, – сказал Инграм. – Он сказал, что хочет Чеда… Рэйби протолкнулся в комнату Чеда и стащил с мальчика штаны… Я ничего не мог сделать. Он прижал Чеда лицом к полу и занялся с ним анальным сексом.

* * *

Следователь Шониг и психолог Ричард Питерсон допросили Чеда меньше недели спустя. Сначала он не помнил, что его насиловал Джим Рэйби или кто-то еще, но помнил, как резал вены при попытке самоубийства тремя годами ранее, когда ему было семнадцать.

– Что так сильно расстроило тебя? – спросил Питерсон.

– Э-э… возможно, то, что сказал мой отец, – ответил Чед. – Я не помню… Я не помню деталей.

– Может, это и есть ключ к разгадке, – предположил Шониг. – Почему бы тебе не подумать об этом. Это похоже на то, о чем говорит доктор [Питерсон]: твой отец сказал что-то, что тебя сильно травмировало, что действительно ранило тебя. Возможно, было задето твое мужское достоинство… возможно, ты чувствовал себя покинутым или оскорбленным… Или случилось что-то еще. Что это было, Чед? Подумай.

– Я думаю, думаю, – сказал Чед.

– Возможно, это ключ к разгадке, – повторил Шониг.

– Э-э… я помню, как он кричал на меня за что-то, но я не помню за что.

– Воспоминания, – сказал Питерсон. – Ты помнишь.

– Ну, все, что я чувствовал… Я чувствовал злость, – сказал Чед.

– Но ты помнишь, что случилось, – давил Питерсон. – Тебе нужно вспомнить, что случилось. Ты можешь сделать это, если захочешь.

– Что, например? – Чед был озадачен. – Что значит «вспомнить»?

– Вспомнить, вместо того чтобы говорить: «Я думаю, это могло случиться, но я не знаю, случилось это или нет, я не помню», – сказал Шониг.

– О, – сказал Чед, очевидно сбитый с толку «объяснениями» детектива.

– У тебя есть эти воспоминания, – сказал Шониг. – Мы пытаемся помочь тебе, Чед.

– Я знаю, знаю. Они там. Я просто не могу… не могу расставить все точки над i. Я не могу.

– Что ж, я не удивлен, – утешительно сказал Питерсон. – Тут нет ничего необычного: дети, которые прошли через то же, что и ты, часто не могут об этом вспомнить, потому что на самом деле не хотят. Во-первых, они не хотят помнить. Во-вторых, они запрограммированы не помнить.

Чед ответил на этот коварный намек заинтересованным, но уклончивым «Ммм».

– И я думаю, что с тобой произошло нечто, из-за чего ты захотел все забыть, – сказал Питерсон. – Я просто вынужден спросить себя: что тебе пришлось пережить, раз ты теперь даже не чувствуешь…

– Возможно, все идет к тому, о чем я говорил тебе ранее, – сказал Шониг, – с тобой случилось что-то, что угрожало твоей или еще чьей-то жизни, твоей семье. Я даже предположу, что это как-то связано со словами твоего отца, ведь ты говорил, что расскажешь.

Чед какое-то время молчал, пока психолог и следователь обменивались теориями о потере памяти. Когда его спрашивали о чем-то напрямую, он отвечал односложно или же просто с утвердительной интонацией повторял слова вопроса.

– Ты пил?

– Нет.

– Курил марихуану или что-то еще?

– Нет.

– Просто чувствовал себя очень плохо?

– Просто чувствовал себя очень плохо.

– И одиноко?

– И одиноко.

– Может быть, ты чувствовал себя униженным?

– Может быть.

– Давай Чед, они там, – нетерпеливо сказал Шониг.

– Я знаю, что они там. Я просто не могу… Они просто не… Как будто…

– Ты можешь с этим справиться и можешь научиться, – вмешался Питерсон. – Ты можешь сделать выбор в пользу того, чтобы разобраться с этими воспоминаниями. Ты можешь выбрать жизнь. Вот так. Есть такой маленький странный промежуток, который лежит между отсутствием чувств и умением жить со своими чувствами. Но сначала тебе нужно до них добраться.

– Верно, – согласился Чед.

– Ты можешь сделать этот выбор, но ты должен до них добраться, – повторил Питерсон.

– Верно, – повторил Чед.

– Ты вправе выбирать, и никто не сделает тебе больно только потому, у тебя есть эти чувства.

– Верно.

Разговор постепенно перетек в обсуждение снов Чеда. Он описал одно довольно яркое сновидение, в котором некие «маленькие люди» зашли в его спальню и бродили около его кровати. Лица этих людей были разрисованы черными, белыми и красными молниями, как у членов рок-группы Kiss.

– Это сны о насилии, – сказал Питерсон.

– Да, я смотрел за дверь и видел…

– И об отсутствии защищенности?

– Да, я видел дом с зеркалами… и не мог выбраться оттуда.

– О насилии, о том, как ты оказался в ловушке, в ситуации, из которой невозможно выбраться.

– Ага.

– У этих воспоминаний есть ключ… в тот момент ты был сумасшедшим.

– Ага.

– То, что с тобой произошло, так ужасно.

– Верно.

– То, что с тобой произошло, было отвратительно.

– Ты не хочешь принимать то, что с тобой действительно произошло, вот почему ты не видишь выхода, ты хочешь верить, что это всего лишь сны, – сказал Шониг, влезая в разговор со своим никудышным анализом. – Ты не хочешь верить, что это реально. Это было реально. Это было реально, Чед.

– То, что ты видел, реально, – повторил Питерсон.

– Мы знаем это, Чед, – сказал Шониг. – Ты не спал.

– Это был не сон, – сказал Питерсон.

– Нет, – слабо возразил Чед, – это ведь было за моим окном.

– То, что ты видел, реально, – сказал Шониг. – То же самое всплыло в сознании твоего отца.

– Ладно, – сказал Чед.

– Итак, давай с этим разберемся.

Они разобрались с другим сном, где мимо проезжал поезд, звенел гудок и ведьма залезала в окно Чеда. Чед объяснил, что, когда он проснулся, он не мог пошевелить руками. Как будто на него кто-то навалился.

– Это совершенно реально, – сказал Шониг. – Это ключ, Чед. Это то, что действительно происходило.

– Чед, это правда с тобой случилось, – присоединился Питерсон.

– Ладно, – сказал Чед с сомнением.

– Они покусились на твою способность отличать правду от вымысла.

– Ладно, – повторил Чед. Он послушно описал ведьму из сна. Она была толстой и носила черный плащ, как в «Волшебнике страны Оз». Четверо молодых людей за окном были худыми с длинными черными волосами. Он помнил, как укусил кого-то в бедро. А ведьма сидела на нем.

– Посмотри на ее лицо, – предложил Шониг. – На кого она, по-твоему, похожа? Кого-то, кого ты знаешь… Это кто-то, кого ты знаешь. Кто этот человек? Кто-то из друзей семьи?

Чед сказал, что не мог рассмотреть лицо ведьмы, потому что было темно. Он помнил лишь то, что его связали и что он не мог пошевелиться и разговаривать.

– Тебе нужно заглянуть внутрь себя, увидеть этого человека, и то, что он с тобой сделал, Чед, – сказал Шониг. – Ты не хочешь помнить, ведь то, что с тобой случилось, так ужасно и разрушительно… тебе тяжело поверить, но это произошло. Мы можем остановить это зло, Чед. Мы можем сделать так, чтобы оно никогда не повторилось…

– Ты можешь дышать? – спросил Питерсон.

– Есть что-то, что мешает тебе говорить? – спросил Шониг. – Что у тебя во рту?

– Просто дай волю воспоминаниям, – велел Чеду Питерсон. – Дело не в том, о чем ты думаешь. Дело в том, о чем ты пытаешься не думать.

Наводящие вопросы и давление продолжались час за часом. В какой-то момент Чед стал настаивать, что дома он чувствует себя в безопасности.

– Я чувствовал себя в безопасности. Я не знаю, возможно, я не был в безопасности, но я так себя чувствовал. Мне всегда было спокойно.

– Даже когда все это происходило? – с недоверием спросил Шониг.

– За исключением снов, потому что я думал, что это были сны. Я сводил это все к снам.

Поскольку Чед продолжал настаивать, что он ничего не помнит и что его сны были всего лишь снами, Питерсон предположил, что у него «нарушено восприятие реальности», «нарушено чувство собственного “я”», «нарушена способность чувствовать». «Абсолютно полное повиновение и подчинение группе», – добавил он как-то загадочно.

Шониг вернулся к человеку, сидящему на груди Чеда. Следователь напомнил Чеду, что у него было что-то во рту.

– И это не тряпка, – подсказал он.

– Верно.

– Это не что-то твердое, как кусок дерева.

– Верно.

– Что это?

Чед засмеялся:

– Вы только что заставили меня подумать… черт побери!

– Что это?

– Я не знаю, не знаю.

– Что это было, по-твоему, ну давай же.

– Хорошо, я подумал, что это мог быть пенис. Я… возможно.

– Хорошо, не смущайся, – утешил его Шониг. – Это мог быть пенис. Тогда что с тобой случилось? Отпусти это. Все хорошо.

– Я не знаю, что со мной происходит, – жалостливо произнес Чед.

Несколько минут спустя следователь Шониг отчитал Чеда за то, что тот продолжал путать реальность со снами.

– Они реальны. Ты знаешь это. Сегодня ты уже много раз сказал нам: ты знаешь, что это не сны. Итак, прекрати пытаться вытеснить это, как сон.

– Да, но мне тяжело, – слабо возразил Чед. – Двадцать лет я вытеснял это, как сон, а теперь за один день должен принять как реальность. Тут и не знаешь, что считать правдой.

– Но не забывай, у тебя было время об этом подумать в последние две недели…

– Нет, ну… Я не знал, что стал жертвой, пока в последний раз не поговорил с вами.

– И что я говорю тебе, Чед, у тебя теперь было время подумать, и я верю, что часть твоего мозга все еще пытается…

– Вытеснить это, верно, верно. – К этому моменту Чед знал все о теории вытесненных воспоминаний.

– Вытеснить это, потому что ты не хочешь верить, что это действительно произошло, – продолжил Шониг.

– Верно.

– Было бы здорово, если бы ты сказал, что это было на самом деле, что это был не сон, – сказал Питерсон.

– Вот поэтому я хочу увидеть лица, чтобы я мог обвинить кого-то, – согласился Чед. – Чтобы я мог сказать: они сделали это со мной. Я видел лица, я помню, кто они. И дальше отталкиваться от этого. Мне нужно лицо.

Диктофон был выключен, и в это самое время Чед нашел свое воспоминание. Когда диктофон снова включили, Чед вспомнил, что на нем сидел мужчина; ногами он придавил руки Чеда, чтобы тот не мог пошевелиться. Он был одет в джинсы и фланелевую рубашку, а его пенис был у Чеда во рту.

Его сон стал реальностью; ведьма из безликой женщины превратилась в хорошего друга отца и приятеля по покеру Джима Рэйби.

– Насколько ты уверен, что это Джим Рэйби? – спросил Шониг.

– Ой, восемьдесят процентов. Семьдесят процентов. Нет…

– Какая часть тебя чувствует, что это не Джим Рэйби?

– Ну, такое чувство, что это был сон.

– Мы исключили, что это был сон, так?

– Хорошо, хорошо, но все равно есть сомнения… э-э… я не знаю. Это просто не… Я не знаю.

Под конец семичасового допроса Чед пожаловался на головную боль.

– Это воспоминания возвращаются, – убедил его Питерсон.

* * *

На следующий день во время напряженного допроса Чед сообщил, что к нему вернулось очередное воспоминание. В этот раз он вспомнил, что, когда ему было десять или одиннадцать, в подвале его дома с ним занимался анальным сексом еще один друг отца и его приятель по покеру – Рэй Риш.

* * *

Шестнадцатого декабря, спустя чуть меньше трех недель после того, как Инграма арестовали и посадили в тюрьму округа Терстон, его жена Сэнди поехала в церковь «Живая вода», чтобы поговорить со священником. Отец Брейтан объяснил Сэнди, точно так же, как объяснял ее мужу в тюремной камере, что она на восемьдесят процентов состоит из зла и на двадцать – из добра. Ее добрая часть контролирует осознанные воспоминания, а злая – бессознательную часть ее разума. По мнению Брейтана, Сэнди либо знала о тех жестокостях, что творились в ее собственном доме, но предпочитала оставаться в стороне, либо добровольно принимала в них участие. Если она не покается, наставлял ее священник, ее, скорее всего, посадят в тюрьму. Сэнди Инграм в ярости отвергла предложение Брейтана признаться. «Возможно, с кем-то это и работает, но не со мной», – сказала она, явно имея в виду своего мужа. После этого разговора Сэнди поехала домой, собрала самые необходимые вещи, села в машину со своим младшим сыном Марком и провела следующие пять часов за рулем, пробираясь сквозь буран на другой конец штата. На следующий день, обращаясь к Всевышнему с мольбой о помощи, она написала в своем дневнике: «Господи, мне страшно… Куда делись мои дети, мои драгоценные малыши, которых я так люблю…»

Через три дня Сэнди Инграм вернулась в Олимпию и сразу же отправилась к священнику, который попытался успокоить ее, напомнив, что она все же на двадцать процентов состоит из добра. Он развил предложенное им ранее объяснение: ее злая часть пыталась скрыть прошлое и вытеснить воспоминания о нем, в то время как ее добрая часть храбро сражалась, пытаясь вытащить правду на свет Божий. Брейтан рассказал ей о новых, еще более шокирующих воспоминаниях ее мужа. В них фигурировал сатанизм, проведение ритуалов на заднем дворе, кровавые клятвы, а также верховные жрецы и жрицы. В одном из этих воспоминаний, которые визуализировал Пол, его жена занималась сексом с Рэем Ришем. Сэнди заплакала.

Вскоре после этого у Сэнди, вдохновленной увещеваниями отца Брейтана о том, что ее «добрая» часть отчаянно старается все вспомнить, восстановились воспоминания о том, как Джим Рэйби связал ее на полу в ее же гостиной. Затем случилось нечто вроде странного, лишенного всякой логики скачка – такие характерны для снов, – и она вспомнила, как оказалась в кладовке вместе с мужем, который бил ее деревянным бруском, пока Риш и Рэйби над ней смеялись. Когда Пол наконец-то позволил ей выйти из кладовки, Риш и Рэйби прижали ее к полу и заставили ее заниматься с ними анальным сексом.

На следующий день после Рождества Сэнди написала мужу письмо, в котором рассказала о своих страхах и отчаянных попытках вспомнить ужасные события, которые, по-видимому, происходили в их доме. Она уже восстановила некоторые воспоминания с помощью священ-

ника, но Полу пожаловалась, что ей до сих пор не удается ничего вспомнить и она напугана, поскольку не знает правды. «Я ничего не могу вспомнить, – писала она, – но с Божьей помощью я сумею это сделать».

Затем она, внезапно оставив тему запертых отделов памяти, переключилась на обычные воспоминания о далеких днях, когда дети были маленькими, а жизнь казалась счастливой и многообещающей. Сэнди спрашивала Пола, помнит ли он детей в этом возрасте. Они были такими хорошими и умными, вспоминала она, такими красивыми и крохотными. Когда они плакали, она старалась их успокоить, но, как только Пол возвращался домой и брал их на руки, рыдания прекращались – помнит ли он это? Помнит ли он те времена, когда они познакомились, и какой она была застенчивой? Помнит ли он, как они ездили в автокинотеатр («Совсем не ради фильма», – лукаво добавила она)?

Этим обращением к счастливым воспоминаниям мужа Сэнди Инграм и закончила свое письмо.

* * *

Тридцатого декабря 1988 года Эрика Инграм подала письменное заявление в полицию и прокуратуру, в котором она впервые детально описала свои воспоминания о сатанинском ритуальном насилии. «Это началось, когда мне было где-то около пяти, и длилось до двенадцати лет… Я помню, как мой отец вытащил меня из постели посреди ночи», – говорилось в начале ее заявления. Группа мужчин и женщин, в числе которых была ее мать, Джим Рэйби, Рэй Риш и одетая в мантию Верховная жрица, ждали их около сарая. На Эрике была только ночная рубашка, а на ее отце – «мантия и головной убор, вроде шлема с рогами, какие носили викинги».

В сарае все собрались вокруг стола, и каждый по очереди втыкал нож в младенца шестивосьми месяцев от роду. Кровавый обряд продолжался даже после того, как ребенок умер. Верховная жрица завернула труп «во что-то белое», а затем похоронила его в выкопанной в земле яме. «Они говорили мне, что со мной произойдет то же самое, – такими словами заканчивалось заявление Эрики. – Они также говорили: ты этого не вспомнишь. Они повторяли это снова и снова, будто заклинание».

Джули тоже стала вспоминать «всякий сатанизм», хотя ее воспоминания были совсем не такими яркими и детальными, как у сестры. Она вспоминала, как хоронила животных, но не могла с уверенностью сказать, были ли они принесены в жертву или умерли естественной смертью. В ответ на вопросы следователей она сказала, что не помнила, чтобы ей доводилось присутствовать на каких-либо церемониях, кроме церковных служб. Когда ее спросили, есть ли у нее шрамы, оставшиеся от пережитого насилия, она решительно закивала, пояснив, что у нее есть шрамы от ножевых ранений, нанесенных отцом и Джимом Рэйби. Но она наотрез отказывалась показать кому-либо эти отметины, потому что, по ее словам, они вызывали у нее чувство стыда… такого сильного стыда, что она отказывалась переодеваться в школьной раздевалке и никогда не носила купальник, не надев поверх него футболку.

В конце концов, под давлением адвокатов Джима Рэйби и Рэя Риша, Джули и Эрика согласились на осмотр у врача-женщины, специализирующегося на лечении травм, полученных в результате сексуального насилия. Доктор тщательно осмотрела их тела, но не обнаружила никаких отметин или шрамов.

* * *

Менее чем через месяц после встречи с доктором Питерсоном и следователями Вукичем и Шонигом Чед Инграм отозвал свое заявление. Вся эта сцена с ведьмой и пенисом и вос-

становленные воспоминания о том, как его насиловали Джим Рэйби и Рэй Риш, были всего-навсего кошмарными снами. И не более того.

* * *

Рассказы Эрики становились все более причудливыми и зловещими. Она утверждала, что отец заставлял ее заниматься сексом с козлами и псами. Ее мать тоже занималась сексом с животными, а отец фотографировал это. По словам Эрики, на нее неоднократно нападал Джим Рэйби, возможно, не меньше сотни раз. Она заявила, что после одного из таких нападений Рэйби ее мать и отец по очереди на нее испражнялись. Она описывала сатанинские оргии, жертвоприношения младенцев и жуткие аборты. Она говорила, что лично присутствовала на жертвоприношениях двадцати пяти (если не больше) младенцев, чьи крохотные изувеченные тела были захоронены в лесу за домом Инграмов. А однажды, вспоминала Эрика, члены культа сделали ей аборт при помощи вешалки и размазали кровавое, расчлененное тельце эмбриона по ее обнаженному телу.

* * *

Все более изощренные обвинения в сатанинском ритуальном насилии и человеческих жертвоприношениях привели обвинителей к Ричарду Офше – эксперту по культам и контролю над разумом и преподавателю социологии в Калифорнийском университете в Беркли.

– Вы когда-нибудь имели дело с сатанинскими культами? – спросил у Офше главный прокурор по делу Инграмов Гэри Тейбор во время их первого телефонного разговора. Тейбор пересказал основные детали дела, в том числе рассказы о сатанинском ритуальном насилии. Было очевидно, что он хочет услышать серьезный ответ, и Ричард Офше мог его дать.

– Нет, – ответил Офше, – и, если кто-то говорит вам, что имел с ними дело, он лжет, потому что нет никаких доказательств, что оккультисты, приносящие младенцев в жертву Сатане, в принципе существуют.

Офше знал все, что только можно, про слухи о сатанинском ритуальном насилии, которые распаляли воображение людей в маленьких городишках и в мегаполисах по всей стране. Он был знаком с теорией о том, что сатанинские культы «программируют» своих членов с помощью секретной технологии, известной лишь верховным жрецам и жрицам культа. Некоторые психотерапевты связывали эту дьявольскую методику с диссоциативным расстройством идентичности – заболеванием, которое если и существовало, то представляло собой явление столь же распространенное (Офше нравилось делать саркастичные замечания), как рождение сиамских близнецов с общей головой.

Офше сомневался, существует ли вообще диссоциативное расстройство идентичности как отдельная, самостоятельная диагностическая категория. По его мнению, куда более вероятно, что легко поддающиеся внушению люди начинают проявлять симптомы, на мысль о которых их непреднамеренно наводят психотерапевты. И все же полчища психотерапевтов и сотрудников правоохранительных органов заявляют, что из-за многократных случаев насилия, в особенности сатанинского ритуального насилия, личность человека может расколоться на бесконечное множество осколков. Воспоминания о насилии якобы часто остаются у альтер-личностей, которые вскоре хоронят их в подсознании. Это позволяет «личности-хозяину» и дальше справляться с повседневной жизнью.

Офше внимательно следил за множащимися заявлениями о пациентах ДРИ и посттравматического стрессового расстройства (с его точки зрения – еще один модный, но ложный диагноз), и уже собрал солидную коллекцию рассказов о сатанинском ритуальном насилии, в которых упоминалось распитие крови, каннибализм, ритуальные аборты, садистские пытки

и убийства. Он был хорошо знаком с причудливыми теориями, которыми объяснялось отсутствие шрамов, трупов или других реальных доказательств. Теория № 1: последователи культа действуют столь умело, что до верховных жрецов никакому чужаку не добраться (некоторые эксперты по ДРИ сравнивают структуру культа с иерархией Коммунистической партии). Теория № 2: талантливые пластические хирурги (которые тоже являются преданными последователями культа) умело скрывают раны, нанесенные во время различных пыток и ритуалов. Теория № 3: оставшиеся после абортов тела младенцев и кости умерщвленных жертв сжигаются в мини-крематориях в подвалах особняков, принадлежащих лидерам культов. Теория № 4: Все знания стираются из разума последователей культа при помощи секретных, высокоэффективных способов промывки мозгов. Теория № 5: полицейские и другие сотрудники правоохранительных органов, которые получают задание отыскать тела, никогда не находят никаких доказательств, потому что и сами входят в число сатанистов.

Но Офше хотелось бы знать: где же доказательства, которые могли бы подтвердить все эти чудные теории? Любому стоящему ученому нужны доказательства, прежде чем он позволит себе согласиться с чем-то, чего нельзя увидеть. Наука требует фактов. Наука требует наличия гипотезы, которую можно было бы опровергнуть (многие ученые верят в Бога, напомнил себе Офше, но это их личное дело). Между тем, насколько ему было известно, никто до сих пор не раскрыл никаких реальных, действующих сатанинских культов, убивающих младенцев, точно так же, как никто никогда не предъявлял плоти настоящего ангела или пришельца.

Офше был свидетелем некоторых диковинных происшествий за время работы с культами и вдохновленными их деятельностью гражданами, и не собирался оспаривать тот факт, что «нормальные» люди под влиянием сомнительных идей порой совершают жестокие, омерзительные поступки. Взять хотя бы Патрисию Херст, достойную женщину, чьим разумом столь успешно манипулировали, что она отождествила себя со своими похитителями и даже стала защищать их во время банковского ограбления. Однако Симбионистская армия освобождения, члены которой похитили Патрисию, существовала на самом деле. Пожар, в котором они погибли, показали по телевидению. Многие их действия, включая похищение, были задокументированными фактами. Но ни одно вещественное доказательство не подтверждало существования загадочного заговора сатанистов-каннибалов, распивающих кровь и убивающих младенцев.

«Но это реально, – ответил прокурор. – Против Инграма выдвинули обвинения две его взрослые дочери, и он признал свою вину не единожды, а много, много раз».

Признания ничуть не впечатлили Офше. Он только что закончил научную работу, в которой детально рассматривались случаи нескольких людей, прогнувшихся под давлением полицейских и признавшихся в преступлениях, которых они не помнили. Триста лет назад в Европе десятки тысяч женщин признавались, что были ведьмами, после чего их без долгих рассуждений сжигали на костре за их подлые, но так и не доказанные деяния. Многие из этих так называемых ведьм признавали свои грехи во время жестоких, безжалостных пыток, но еще больше было тех, кто по собственной воле каялся в своих злодеяниях и охотно показывал пальцем на родственников, друзей и соседей.

Веками страстная вера в Бога и дьявола поддерживала причудливые мифы о ведьмах, точно так же, как сегодня вера в существование жизни на других планетах заставляет толпы людей приходить к психотерапевтам с рассказами о том, как их похитили инопланетяне, чтобы проводить эксперименты над их половыми органами. Сколько людей, вроде Ширли Маклейн, чьи книжки читатели поглощают, словно попкорн, свято верят, что уже жили раньше – в телах принцесс, пиратов или личных свидетелей казни Иисуса Христа! Может, и эти воспоминания реальны?

И все же Офше не собирался просто отмести вероятность того, что существовала некая организованная сеть сатанистов. Что-то происходило, и он хотел понять, что именно это было

и откуда оно взялось. Если Пол Инграм действительно возглавлял сатанинский культ и тому можно было найти убедительные доказательства, Офше хотел участвовать в расследовании. Если же Пол Инграм признал свою вину, поддавшись давлению и внушению со стороны сотрудников полиции, желавших раскрыть преступление века, он тоже хотел бы в этом разобраться.

«Чем я могу быть полезен?» – спросил он прокурора.

* * *

Пол Инграм знал, что прокуратура связалась с Ричардом Офше, и он чрезвычайно охотно согласился рассказать этому седобородому профессору с темными добрыми глазами все, что тот хотел знать о его воспоминаниях и о том, как он извлекал их из памяти. К тому времени, в начале февраля 1989 года, Инграм перенес более двух месяцев интенсивных допросов, а его попытки добраться до потерянных воспоминаний переросли в регулярно повторяемый ритуал.

Первым делом он молился. Священник убедил его, что Господь явит ему правду, если Инграм будет исправно молиться, прежде чем приступать к процессу восстановления воспоминаний. После хорошего, долгого разговора с Богом он садился на кровать, закрывал глаза, начинал глубоко дышать и старался расслабиться. Это было проще делать ночью, когда другие заключенные укладывались спать и в тюрьме становилось относительно тихо, но Инграм старался делать упражнения на расслабление по многу раз и в течение дня.

Следующим этапом было «очищение разума». Инграм пытался вообразить, что он растворяется в теплом белом тумане – это упражнение на визуализацию попалось ему в одной журнальной статье. Отец Брейтан также советовал ему во время очищения разума использовать воображение. Брейтан предложил Инграму проводить не менее восьми часов в день, пытаясь увидеть истину мысленным взором.

«Представь, – говорил ему священник, – что это твой полноценный рабочий день». Брейтан не советовал Инграму читать вестерны или другие романы и даже говорил, что изучение Библии не должно мешать его экскурсам во внутренние чертоги разума.

Как только Инграму удавалось войти в этот теплый белый туман, он пытался задержаться в нем на несколько минут, терпеливо ожидая, когда его разум наполнится образами. Через какое-то время в его сознании снова начинали всплывать фрагменты воспоминаний. У него не было или почти не было контроля над этими эфемерными образами, и иногда они не имели никакого отношения к конкретным воспоминаниям, которые он пытался реконструировать.

Пока Инграм описывал характер этих причудливых, обрывочных, по большей части визуальных воспоминаний, Офше начали одолевать подозрения. Не путает ли Инграм фантазии с реальностью? В сознании Офше без конца всплывала фраза «механизм внушения». У Пола Инграма была проблема – большая проблема, а когда у человека есть проблемы, он подвержен влиянию людей, которые утверждают, что могут их решить. Чем более неуверен в себе и неуравновешен такой человек, тем легче на него повлиять. А Пол Инграм представлял собой дрожащий комок неуверенности и неуравновешенности. Ему не терпелось всем угодить, он беспокоился о безопасности семьи, с готовностью верил предписаниям Библии и советам психотерапевтов и отчаянно желал положить конец своим мукам.

Офше ничуть не сомневался, что Инграм визуализирует определенные события и что эти картинки кажутся ему отображением реально пережитого опыта. Но «настоящая» визуализация, сон наяву и галлюцинация – это не то же самое, что воспоминание о реальном событии, факт которого можно подтвердить. Как только Инграм согласился с базовой парадигмой (твои дочери говорят, что ты их изнасиловал; должно быть, твой разум вытеснил воспоминания об этом; если ты по-настоящему постараешься, ты сможешь найти эти воспоминания; признайся и истинно свободен будешь), он сразу начал искать для нее обоснования. Как только вымышленная история укоренилась в его разуме, она начала генерировать доказательства собствен-

ной правдивости. Домыслы Инграма легли в основу его «воспоминаний». Чем больше он фантазировал, тем глубже уверялся в собственной виновности и тем неудержимей его тянуло к признанию. Воображая, как все это могло произойти, он убеждал себя в том, что так оно и было. А отсутствие воспоминаний он объяснял себе загадочным механизмом, суть которого ему подробно разъяснили: вытеснением.

Зигмунд Фрейд в гробу бы перевернулся, подумал Офше. Все эти психотерапевты, разглагольствующие о вытеснении, заимствовали свои идеи из расплывчатых теоретических концепций, предложенных Фрейдом почти сотню лет назад. Детская травма – корень всех проблем, заявляют психотерапевты (ранний Фрейд). Травмированные дети часто вытесняют свои воспоминания в попытке избежать психической боли (Фрейд с натяжкой). А главная цель терапии заключается в том, чтобы вернуть вытесненные воспоминания и вытащить травмы наружу, туда, где их темные чары удастся развеять (расхожий Фрейд). Вытеснение стало некой волшебной панацеей, и лишь те психотерапевты, которые достаточно восприимчивы и сострадательны, чтобы его обнаружить, способны при помощи хитроумных методов со временем получить доступ к воспаленной памяти пациента и избавить его от мучительной боли, преследовавшей его всю жизнь.

По крайней мере, такова была идея. Но в нашей культуре, с ее гиперчувствительным отношением к темам инцеста и сексуального насилия, сложные теории Фрейда непозволительно упрощались и искажались. В результате люди заходили в кабинеты психотерапевтов и с самого порога слышали вопрос о том, подвергались ли они в детстве физическому, сексуальному или эмоциональному насилию. Если они ничего не могли вспомнить, их просили не переживать: такое бывает со многими жертвами насилия. А затем начинался процесс раскапывания похороненных воспоминаний при помощи бесчисленных инвазивных техник, таких как возрастная регрессия, управляемая визуализация, автоматическое письмо, работа со снами, работа с телом и так далее, всего и не перечесть.

Фрейд считал теоретически возможным, что человек способен вытеснить воспоминания о травматичном событии (и, в частности, связанные с этим событием эмоциональные ассоциации), но он стал бы рвать на себе бороду, услышав столь примитивные версии его лаконичных, изящных теорий. Даже предполагая, что у пациента сработал защитный механизм вытеснения, Фрейд никогда не стал бы использовать столь грубые бульдозерные методы, чтобы раскопать утерянное. На самом деле в какой-то момент Фрейд перестал гипнотизировать своих пациентов, осознав, что гипноз может служить причиной масштабных конфабуляций, результаты которых не имеют совершенно ничего общего с реальностью. Офше хотелось бы знать, почему психотерапевты не подхватили эту проницательную мысль Фрейда. Ведь и современные исследования не раз показывали, что формальный гипноз погружает пациента в состояние повышенной внушаемости, находясь в котором он может спутать визуализированные образы, галлюцинации или сны с воспоминаниями о реальных событиях.

Дело осложняется еще и тем, что загипнотизированные пациенты, как правило, абсолютно уверены, что такие псевдовоспоминания отражают реальные события и пережитый опыт. Как только пациент убеждает себя в том, что те или иные события имели место, он начинает верить в это настолько, что способен пройти тест на полиграфе. Ведь полиграф измеряет убежденность человека в том, что нечто является правдой или ложью, а вовсе не фактическую точность или достоверность описанного события.

Даже несмотря на то что современные психотерапевты знают о внушаемости пациента под гипнозом, многие наделяют этот метод магической целительной силой. Предполагается, что гипноз действует как некая сыворотка правды, которая позволяет утерянным воспоминаниям прорваться через невидимый, но устойчивый барьер, отделяющий сознание от подсознания. Это заблуждение вкупе с тем фактом, что большинство психотерапевтов обладают лишь

зачаточными знаниями о реконструктивной природе памяти, может привести к созданию ложных воспоминаний в ходе терапии.

«Я никогда не использую гипноз!» – могут возразить некоторые психотерапевты. Но, как демонстрирует дело Пола Инграма, совсем не обязательно применять стандартные методы, чтобы погрузить человека в транс. Необходим лишь легко поддающийся внушению пациент, у которого есть та или иная проблема. Инграм наглядно описал процесс самогипноза (расслабление, очищение разума, ментальные образы), а визуальный, раздробленный характер его «воспоминаний» явственно свидетельствует, что это были мнимые образы, порожденные трансовым состоянием, а вовсе не восстановленные из травматичного прошлого, реальные, достоверные воспоминания. При помощи хорошо отрепетированных и прилежно практикуемых методов релаксации и управления образами Инграм окунался в транс, погружаясь в состояние диссоциации и повышенной внушаемости.

Офше был знаком с таким понятием, как «личность пятого типа», которое обозначает набор психологических черт, типичных для легко поддающихся гипнозу индивидов. Герберт Шпигель, психиатр из Нью-Йорка, который какое-то время работал с пациенткой по имени Сибил, страдавшей от ДРИ, ввел в употребление выражение «синдром личности пятого типа». Под это определение подходят 5–10 % населения – люди, настолько легко поддающиеся гипнозу и внушению, что они способны мгновенно и почти незаметно перейти из нормального состояния в глубокий гипнотический транс. Люди с «синдромом личности пятого типа» чрезвычайно доверчивы и, по словам Шпигеля, «жаждут поддержки со стороны окружающих». Они проявляют твердую и неколебимую уверенность в добрых намерениях психотерапевта, с готовностью прислушиваются к любым советам, с маниакальной тщательностью заполняют пропуски в своих воспоминаниях и принимают противоречивую, маловероятную или попросту невозможную информацию как реальную и значимую.

Несмотря на свой вымышленный, фантастический характер, воспоминания, восстановленные под гипнозом, кажутся человеку с синдромом личности пятого типа самыми что ни на есть реальными. Даже вернувшись в нормальное состояние, такой человек воспроизводит эти воспоминания, невольно придавая им эмоциональную окраску и яростно отстаивая достоверность каждого эпизода. Искажение воспоминаний под гипнозом часто игнорируется или преуменьшается психотерапевтами, которые стремятся восстановить связь пациента с забытыми впечатлениями и эмоциями. Люди с синдромом личности пятого типа следуют «трансовой логике», встраивая в свои воспоминания алогичные и противоречивые факты. Не осведомленные об этом врачи (или, в случае Инграма, проводящие допрос полицейские) могут попасться в ловушку и поверить, что эти воспоминания реальны. Зачастую словами или жестами они ненамеренно подтверждают сказанное пациентом и дают ему разрешение на то, чтобы окончательно сохранить эти образы в долговременной памяти.

Чем больше Офше слушал Пола Инграма, тем больше он убеждался, что Инграм крайне подвержен внушению. Конечно, было и другое объяснение: что Инграм лжет, но Офше представить себе не мог, зачем бы этому человеку намеренно и осознанно подделывать воспоминания, которые разбили его семью, разрушили карьеру и репутацию и отправили его самого за решетку до конца жизни. Он запутался, это уж точно, но он не был сумасшедшим.

Внезапно и совершенно спонтанно Офше принял решение провести практический эксперимент, чтобы проверить свои догадки.

– Я разговаривал с одним из ваших сыновей и с одной из ваших дочерей, – сказал он Инграму, – и они рассказали мне кое-что. О том случае, когда вы заставили их заниматься сексом друг с другом, пока вы наблюдали. Вы это помните?

Казалось, Инграм в замешательстве. Он сказал Офше, что ничего не помнит об этом конкретном случае.

Офше заверил его, что это действительно произошло. Оба его ребенка все ясно помнили. Несколько минут Инграм молчал, обхватив голову руками. Он спросил: где это случилось? И получил ответ: в доме, где сейчас жила его семья.

– Попробуйте представить себе эту сцену, попробуйте увидеть, как это происходит, – предложил Офше, намеренно используя те же слова и фразы, которые употреблял Инграм, описывая процесс реконструкции воспоминаний.

Инграм закрыл глаза. Подумав пару мгновений, он сказал, что в его голове начинают «всплывать» какие-то образы и что он буквально «видит» себя участником той сцены, которую вкратце описал ему Офше.

Офше был поражен тем, что Инграм использовал исключительно настоящее время. Он словно проживал это «воспоминание» при помощи того, что Герберт Шпигель назвал «телескопическим восприятием времени», наблюдающимся у людей с синдромом личности пятого типа. Когда такого человека просят вернуться в прошлое, в какой-то более ранний момент его жизни, он, как правило, говорит о том, что видит, в настоящем времени. К примеру, вместо того чтобы сказать «Я стоял на углу улицы, когда вдруг услышал сирену», человек с синдромом личности пятого типа скажет «Я стою на углу улицы и слышу сирену». Субъективные переживания человека, который представляет себя непосредственной частью разворачивающейся перед ним сцены, усиливают эмоциональную актуальность и правдоподобность воспоминания.

На этом этапе Офше решил на время остановиться. Не было никаких сомнений, что Инграм крайне подвержен внушению, и Офше не хотел как-либо повлиять на его реакции. Он попросил Инграма вернуться в камеру и попытаться вспомнить дополнительные детали, «помолившись» об этом.

На следующий день Инграм сказал Офше, что ярко помнит, что произошло между его дочерью и старшим сыном, которых он идентифицировал как Эрику и Пола Росса. Прежде чем выслушать более детальное описание воспоминаний Инграма, Офше попросил его еще раз вернуться в камеру и подготовить письменное заявление. В это время Офше побеседовал с Эрикой. «Ваш отец когда-нибудь заставлял вас и одного из ваших братьев заниматься сексом, пока сам он наблюдал?» – спросил Офше. Эрика заверила его, что ничего подобного никогда не случалось.

Через несколько часов Пол Инграм протянул Офше напечатанное на трех страницах признание, дополненное диалогами. Читая этот документ, Офше в очередной раз поразился, что Инграм везде использовал настоящее время. «Похоже на киносценарий, – подумал он, – есть даже описание декораций».

> В спальне Эрики. Постели на двухъярусной кровати подготовлены ко сну. Общая комната Эрики и Джули. Я велю Полу-младшему и Эрике идти наверх… Велю им раздеться. Эрика говорит: «Но, папа…» А я отвечаю: «Просто раздевайся и не спорь». Они слышат мой тон, то, как я это говорю, и решают не возражать и раздеваются. Скорее всего, я загораживаю дверь, чтобы они не могли выйти…
>
> Я велю Эрике встать на колени и ласкать гениталии Пола. Когда у него встает, я велю ей взять его пенис в рот и начать ублажать его орально…
>
> Я велю ей лечь на пол. Поглаживаю ее половые органы, грудь и, возможно, ртом ласкаю ее вагину. Занимаюсь с ней вагинальным сексом. Пол за всем этим наблюдает. Если бы она не достигла оргазма, я стал бы стимулировать ее пальцами, пока этого не произойдет.
>
> Возможно, я сказал детям, что им следует научиться сексуальным актам, научиться правильно заниматься сексом. Важно, чтобы каждый получал от происходящего удовольствие.

> Возможно, я занимаюсь анальным сексом с Полом, этого четко не разобрать…
>
> Может быть, Пола и Эрику контролирую не только я. Похоже, они боятся Джима [Рэйби] или кого-то еще. Возможно, кто-то велел мне сделать это с детьми. У меня есть такое чувство.

Пол Инграм написал богатое и изобилующее деталями признание о том, чего никогда не было.

Офше перешел ко второму этапу своего эксперимента. Ему было необходимо определить, насколько испытуемый убежден в истинности своих воспоминаний. Верил ли Инграм на все сто процентов, что визуализированные им картинки были воспоминаниями, а не результатом конфабуляции, галлюцинациями или фрагментами снов, по крайней мере отчасти? Существовала ли вероятность, что он, по какой бы то ни было причине, намеренно подделал эти воспоминания? Сознавал ли он, что его четыре последовательных шага (молитва «о воспоминании», расслабление, очищение разума и визуализация) могли привести к диссоциации и погружению в транс? Ну и наконец, приходила ли ему в голову мысль, что наводящие вопросы следователей и их комментарии, возможно, влияли на образы, мелькающие в его сознании, или даже порождали их?

За этим последовал напряженный разговор, в ходе которого Офше рассказал Инграму, что всю эту сцену он выдумал. Офше обвинил Инграма во лжи и сообщил ему, что теперь у него есть возможность сказать правду и расставить все точки над i.

Инграм вел себя взволнованно и эмоционально. Описанные им образы были реальны, настаивал он, столь же реальны, как и все остальные воспоминания. Он говорил правду – такую, какой он ее помнил, и он не добавлял никаких ложных деталей намеренно или осознанно. Никто на него не влиял, он не терял контроля над своим сознанием и не пытался помочь сотрудникам управления или защитить своих дочерей, признаваясь в том, чего никогда не было. Инграм настаивал, что его воспоминания достоверны и что отраженная в них сцена произошла именно так, как он описывал.

Когда Ричард Офше вернулся в Калифорнию, его снова начало преследовать выражение «охота на ведьм». Триста лет тому назад в Сейлеме, штат Массачусетс, а также в XVI и XVII веках в Европе психически здоровые, рациональные люди убедили себя, что ведьмы творят вокруг них свою черную магию и якшаются с дьяволом. Теперь, на закате XX века, психически здоровые, рациональные люди паниковали из-за слухов, будто в их ряды проникли последователи культа убийц-сатанистов, которые приносили в жертву сотни эмбрионов и новорожденных младенцев, заставляли девушек заниматься сексом с животными и программировали разум добропорядочных прихожан, чтобы стереть любые воспоминания о содеянных ими грехах.

* * *

Сатана, хитрый, находчивый враг, угрожавший моральным устоям целого общества, жил и здравствовал в Олимпии. Миф о происках злых сил оказался настолько убедительным, что люди потеряли голову и начали нести полную чушь. Слухи и страхи часто оказываются лишь тонкой завесой, за которой скрываются предрассудки. Сатанисты, ведьмы, цыгане, евреи, гомосексуалисты, коммунисты – в сущности, не имело значения, кем именно был «демон», при условии, что он олицетворял собой зло в самых гротескных и ужасающих формах. Любые предрассудки начинаются с закрепления стереотипов и последующего проецирования страха перед происками дьявола на индивида, не подчиняющуюся общим нормам группу, воображаемое существо, политическую партию или целую расу.

Психически здоровые и разумные люди вновь попались в ловушку метафоры.

Офше был в ужасе оттого, насколько быстро разгорелось общественное негодование и с какой скоростью распространялся возникший конфликт. Эта современная охота на ведьм началась с церковного ретрита, на котором у девушки случился эмоциональный срыв, а авторитетный организатор предположил, что она подвергалась насилию. Со временем, благодаря контактам между психотерапевтами и сотрудниками правоохранительных органов, ее рассказы обросли подробностями, превратившись в объективную реальность, чему поспособствовали свежие ужастики, услышанные от сестры, и разглагольствования священника о сатанинских уловках и силе молитвы, способной привести человека к правде Божьей. Отсылки психолога к черной магии, бурные дискуссии о работе бессознательной половины нашего разума и слепая погоня следователей за «истиной» вдохнули жизнь в эти статичные образы, создав бесконечное трехмерное шоу ужасов.

И все это было полнейшим надувательством, массовой истерией, фабрикой слухов, которая вышла из-под контроля. Не существовало никаких культов или заговоров, никаких демонов или жрецов, никаких ритуалов с распитием крови или убийствами младенцев. Но в чем все-таки заключалась правда, уже никому не удалось бы разобраться. Похороненная под бесчисленными слоями фантазий, задавленная бесконечными обсуждениями она давным-давно умерла мирной, ничем не примечательной смертью.

Офше отослал свой отчет в прокуратуру, детально описав свои опасения по поводу этого расследования и выводы о том, что Пол Инграм не был виновен в преступлениях, в которых он сознался. Прокурор поначалу отказался передать этот отчет адвокатам Инграма, заявив, что отчет Офше нельзя признать «оправдательным доказательством». Но после поданных Офше жалоб председатель судебного состава велел обвинителям передать копию доклада Инграму и его адвокатам.

* * *

Двадцатого апреля 1989 года следователь Лорели Томпсон из департамента полиции Лэйси осмотрела Эрику и Джули Инграм, надеясь обнаружить шрамы, которые упустил врач. Свои выводы Томпсон изложила в «Дополнительном отчете по итогам обследования Эрики и Джули Инграм на наличие шрамов».

> В апреле 1989 года я попросила Эрику показать мне, в каком месте один из обвиняемых порезал ей живот. Она подняла свитер и указала на середину живота между грудью и пупком [sic]. Я не смогла разглядеть ни одного шрама. Я немного натянула кожу, чтобы убедиться, что шрам не скрыт волосками. И все же я ничего не увидела. Паула Дэвис [лучшая подруга Эрики] тоже находилась в это время в комнате. Она заявила, что ей кажется, будто она видит тонкую линию. Я отметила, что кожа на теле у Эрики была немного темнее, чем на лице. Она подтвердила, что недавно посещала солярий.
>
> Позже в этот же день я осмотрела плечи, область ключицы и верхнюю часть рук Джули. Я не увидела ни шрамов, ни отметин. На ней была майка, так что я отодвинула бретельку, чтобы осмотреть ее плечи полностью. Я спросила Джули, думает ли она, что шрамы были именно там. Она ответила, что нет.

В написанном 26 апреля 1989 года письме к прокурору Джули придерживалась прежней версии своего рассказа, настаивая на том, что у нее остались многочисленные шрамы от ран, нанесенных в ходе сатанинских ритуалов. Она пишет, что во время одного из ритуалов ее левую руку прибили гвоздем к полу; а в другой раз ее отец, Джим Рэйби и Рэй Риш истязали ее при помощи щипцов. Но эти пытки блекнут по сравнению с ее последним восстановленным

воспоминанием о матери: «Однажды, когда мне было около одиннадцати, моя мама раскрыла мое интимное место… и положила внутрь частичку мертвого ребенка, – пишет Джули. – Я вытащила ее, когда она ушла. Это была рука».

* * *

В конце концов прокуратура сняла все обвинения в сатанинских ритуальных изнасилованиях. Хотя расследование стоило налогоплательщикам 750 000 долларов, не было найдено никаких доказательств того, что на окраинах провинциального городка Олимпии тайно действовал культ дьяволопоклонников.

Пол Инграм под давлением жены и дочерей решил спасти то, что осталось от репутации семьи, признав себя виновным в изнасиловании третьей степени по шести пунктам обвинения. Через два дня после того, как Инграм признал свою вину, прокуратура сняла все обвинения с Джима Рэйби и Рэя Риша; эти двое пробыли в заключении сто пятьдесят восемь дней.

Вынесение окончательного приговора Инграму было отложено из-за зловещего письма для Джули, подписанного «Твой бывший отец Пол». «Как поживает моя неподражаемая малютка?» – достаточно невинно начиналось оно. Однако дружелюбный тон быстро сменился угрозами. «Ты рассорила нас навсегда… многие бы хотели твоей смерти, а некоторые охотятся на тебя».

Это письмо, как вскоре выяснилось, было подделкой. Джули написала его сама.

* * *

Жизнь Пола Инграма стала тихой и парадоксально мирной после того, как он признал вину. Его распорядок дня нарушали немногочисленные посетители, а непрерывный поток вопросов и намеков от следователей, адвокатов и психологов полностью иссяк. Но как только Инграм остался наедине со своими воспоминаниями, его уверенность в собственной виновности стала рушиться. Он углубился в изучение Библии и начал по кусочкам складывать собственную теорию о том, что с ним случилось во время «помешательства». Инграм полагал, что попал в ловушку сомнений и страхов и в состоянии этого смертного ужаса оказался неспособен увидеть правду. Как говорится во Втором послании к Тимофею 1: 7: «ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви, и целомудрия». На него напал дух боязни, и он потерял рассудок.

Из Посланий к ефесянам 6: 10–18, а особенно 6: 12 Инграм понял, что велась борьба за саму его душу. «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных». Без достаточного знания и понимания слова Божьего он не был готов участвовать в этой борьбе. Он так отчаянно пытался услышать голос Господа, что на самом деле поверил, будто слышит, как Господь разговаривает с ним, одобряя его попытки восстановить потерянные воспоминания. Но сейчас в одиночестве своей камеры он осознал, что Господь говорит «спокойным тихим голосом», и все, что он может ему сказать, уже записано в Библии.

* * *

В апреле 1990-го, приблизительно через год после того, как Инграм признал себя виновным, перед вынесением приговора он встал и заявил спокойно и четко: «Я стою перед вами и перед Господом. Я никогда не насиловал своих дочерей. Я не виновен в этих преступлениях».

Однако Инграм уже многократно признал себя виновным, и это неожиданное заявление судья попросту не принял всерьез. Инграма приговорили к двадцати годам заключения; по

прошествии двенадцати лет у него будет право на условно-досрочное освобождение. Как и следовало ожидать, все апелляции были отклонены. Признания, в отличие от воспоминаний, не растворяются со временем: записанные на диктофон, заверенные подписью и печатью, они навсегда остаются в целости и сохранности.

* * *

Пол Инграм верил, что Господь его освободит. Он нашел пример в книге Бытия: юного Иосифа продали в рабство в Египет его родные братья. По ошибке обвиненный и незаслуженно заключенный в тюрьму, Иосиф, несмотря ни на что, расцвел, поскольку верил во все, что делает Бог; в конце концов он счастливо воссоединился со своей семьей.

«Я верю, Господь меня освободит, оправдает, защитит от всех выдвинутых против меня обвинений», – пишет Инграм в письме от 16 февраля 1993 года. В это письмо он вложил записку от своего сына Чеда, который женился и учился в магистратуре. Это была первая весточка от сына за более чем три года. Обращаясь к отцу по номеру заключенного, Чед заявлял, что тот виновен и должен поплатиться за содеянное. Он закончил записку словами о том, что больше никогда ничего не хочет слышать от отца.

«Очевидно, он до сих пор полон горечи и гнева», – объясняет Инграм – хотя это явно сильное преуменьшение. В нескольких абзацах он описывает, чем занимаются другие члены семьи. Его старший сын, Пол Росс, живет в Орегоне, женат, у него есть маленькая дочь, первая внучка Пола. Джули пишет по крайней мере раз в год и хочет, чтобы семья воссоединилась; она сменила имя и работает в детском саду. Эрика живет в Калифорнии. Сэнди получила развод, сменила имя и теперь живет с младшим сыном Марком в другом городке. Она пишет Полу в тюрьму, но не упоминает события недавнего прошлого.

«Вся семья еще страдает из-за этой ситуации», – подводит итог Инграм, еще раз подчеркивая влияние судебного процесса и его последствий.

Буквально перед Рождеством 1993 года я получила еще одно напечатанное мелким шрифтом на четырех страницах письмо от Пола Инграма. «Этот, 1993-й, год стал поистине благословенным для наших семей, друзей, домочадцев», – пишет он. Его «осчастливили» многочисленные посетители, включая двух его братьев и трех сестер, которые провели с ним практически неделю, навестив его шесть раз. В октябре произошел «главный прорыв», когда младшая дочь Джули навестила его вместе с его родителями. «Джули – красивая молодая женщина, у нее, похоже, все хорошо. Она неохотно разговаривала о том, что произошло, но, по ее словам, она хочет, чтобы меня выпустили из тюрьмы».

«Бог поистине щедро одарил меня», – такими словами Пол Инграм закончил свое письмо. Признавая, что другим, вероятно, будет трудно понять, как он может быть так доволен своей жизнью, он объяснил, что у него есть только два варианта. «Я могу разозлиться и выплескивать свою злость на других, или же я могу благодарить Господа за все подарки судьбы, которыми Он одаривает меня, и делать все, что в моих силах, раз уж я оказался в такой ситуации».

Пол Инграм делает все возможное. Но, читая его письма и размышляя над его историей, я не могу не задаваться вопросом: разве так лучше? Была ли семья Инграма настолько больна и измучена, что заслужила такую жестокую публичную казнь? Конечно, это была не идеальная семья. Пол Инграм признает, что он не всегда был «хорошим» отцом. Иногда он кричал на детей и на словах запугивал их. Он вспоминает, как однажды дал Полу Россу подзатыльник и пнул его, как дал пощечину Джули, когда она набрала слишком много горячей воды в ванну Марка и случайно его ошпарила. Еще когда Джули убегала по подъездной дорожке и кричала, что хочет уйти из дома, он догнал ее и оттаскал за волосы.

Был еще несчастный случай с кровельным топором. Инграм помнит, как стоял на веранде за домом и кричал на Чеда и Пола Росса, которые стояли внизу на заднем дворе. Выяснилось,

что мальчики одолжили топор соседу, который рубил им дрова. Обнаружив, что лезвие затупилось, Инграм пришел в ярость и бросил топор на землю. Он упал прямо у ног мальчиков. Инграм говорит, что ни в коем случае не хотел навредить детям: он просто отреагировал, не подумав, в приступе гнева совершил непростительный поступок, который мог бы закончиться трагедией.

Чед тоже помнил инцидент с топором.

– Ты помнишь случай… когда твой папа на вас разозлился и бросил в вас топор? – спросил следователь Шониг во время одного из допросов.

– Да, я это помню, – ответил Чед.

– Что ты почувствовал, когда он это сделал? – спросил доктор Питерсон.

– Пожалуй, удивился, – ответил Чед. – Я не ожидал, что он его кинет.

– Удивился, когда в тебя кинули топор? – спросил Питерсон, в его тоне слышалось, что он ожидал более гневного ответа.

– Ну, я не думаю, что он хотел нам навредить, – объяснил Чед.

Воспоминания Пола Инграма оставляют мало сомнений, что физическое и эмоциональное насилие периодически имело место в доме Инграмов. Судя по всему, детям порой не хватало общения и нежности, порой они слышали крики и ругань, получали пинки. Нельзя забывать и историю с топором.

Было ли сексуальное насилие? Сейчас Пол Инграм настаивает, как и в самом начале, что он никогда не трогал детей, как он говорит, «непристойным образом». Сэнди Инграм, чьей первой реакцией на обвинения дочерей было удивление и недоверие, теперь убеждена, что они говорят правду. Чед, который изначально рассказывал следователям, что он «всегда чувствовал себя дома в безопасности», теперь настаивает, что отец виновен, и хочет, чтобы тот поплатился за свои преступления. Пол Росс, который сначала заявлял, что сам подвергался физическому насилию, но не помнил, чтобы отец сексуально насиловал кого-то из детей, отказался сотрудничать со следствием. Эрика и Джули настаивают на правдивости своих воспоминаний.

Несмотря на крах семьи и безрезультатные попытки подать апелляцию, Пол Инграм верит, что он будет реабилитирован. «Я верю, что правда выйдет наружу, и верю, что Бог полностью оправдает меня, а также других людей, замешанных в этом деле, – пишет он. – Будет достаточно сказать, что эти преступления никогда не совершались, кроме как в моем воображении и воображении других людей».

* * *

Мне в очередной раз вспоминается главный герой пьесы «Суровое испытание» Джон Проктор, который слишком поздно понял, что вера в дьявола создала собственную реальность. Здравомыслящий Проктор осмеливается явиться в приход Сейлема, чтобы противостоять своим обвинителям. Он требует доказательств, которые могли бы подтвердить заявления охотников на ведьм о том, что его жена будто бы прячет в их доме кукол – утыканных иголками кукол.

– Ваше превосходительство, – обращается он к губернатору, – в моем доме никогда кукол не было.

– Куклу можно спрятать от посторонних глаз, – говорит преподобный Пэррис, твердо веря, что он вносит вклад в спасение мира от жестоких выходок Сатаны.

Проктор в ярости.

– От посторонних глаз можно спрятать даже дракона с пятью головами. Но ведь его никто не видел, – возражает он.

Полный самодовольства, свойственного человеку, которому не нужно видеть, чтобы поверить, Пэррис произносит слова, которые решают судьбу Проктора:

– Ваше превосходительство, мы как раз и собрались здесь для того, чтобы обнаружить то, чего никто не видел.

13
Вопрос рая и ада

Если моим демонам придется покинуть меня, боюсь, с ними улетят и мои ангелы[15].
Райнер Мария Рильке

Опыт – это не то, что происходит с человеком, а то, что делает человек с тем, что с ним происходит.
Олдос Хаксли

Ближе к концу книги «Мы потратили сотню лет на психотерапию, а мир стал только хуже» психотерапевты Джеймс Хиллман и Стэн Пасси обсуждают одержимость инцестом и сексуальным насилием в современной культуре. Хиллман полагает, что инцест и насилие над детьми – явления «мифологические, архетипические» и поэтому «чрезвычайно важные». Ему интересно, почему, когда вокруг так много других проявлений жестокости и несправедливости, «этот синдром охватил консервативную американскую культуру сейчас, в конце тысячелетия?».

«Это вопрос об аде», – отвечает Пасси.

> Для ада не осталось места в нашей культуре… Мы отчаянно хотим его заново открыть, и я убежден, что мы и правда открываем его заново – в детстве! Наше детство… Поэтому все мы – священники, мы больше не психологи. Мы вытаскиваем людей из пасти ада.

Психотерапевты стали так слепы, соглашается Хиллман, именно потому что их миссия – вытащить пациентов из ада. Но каким образом ад переместился на землю и занял собой столь важный период нашей жизни? Пасси предполагает, что сравнение детства с адом зиждется на другой ненадежной метафорической конструкции – представлении о чистом и невинном внутреннем ребенке. «Таким образом, теперь мы имеем новый ад под названием “детство” и культ священника, чье ремесло – спасать людей от этого ада с единственной целью – восстановить чью-то утраченную невинность».

* * *

Путь к восстановлению утерянной невинности затягивает нас глубоко в мир метафор и мифов, где мы встречаем божественную чистоту внутреннего ребенка, ад детства и много других, глубоко символичных архетипов. К примеру, из «Мифа о неблагополучной семье» мы узнаем, что каждая семья в каком-то смысле неблагополучна и что семейные правила и традиции «убивают души людей». Из «Мифа о психическом детерминизме» мы узнаем, что наша личность, психика и поведение определяются событиями, произошедшими в детстве. Несмотря на то что мы можем думать, будто у нас есть свобода выбора, миф учит нас тому, что мы – живущие по сценарию, пассивные личности, которыми играют невидимые, не подконтрольные человеку силы.

Но даже в этом краю избытка метафор, где Зло персонифицируется, а Невинность неизбежно развращается, существует надежда на счастливый конец. Миф роста обещает, что мы можем «перерасти» наши комплексы и противоречия и превратиться в более зрелого, стабиль-

[15] Пер. С. Ильина.

ного, понимающего и любящего человека. Согласно «Мифу о полном восстановлении», у нас есть шанс спастись – наши раны можно вылечить, наши дыры – залатать, наши неблагопристойные желания – истребить, а наши души – очистить. Память представляется как компьютеризированный процесс, в котором каждое действие, выражение, эмоция и особенность поведения накладывают отпечаток на мягкую ткань сознания. Если мы хотим выяснить правду, то мы найдем ее (и излечимся), лишь отправившись в прошлое, столкнувшись лицом к лицу с нашими демонами и вернув себе утраченную невинность.

Отражают ли эти мифы реальность? Только если придать ей соответствующую форму и подстроить под миф. Когда мы задаем сложные вопросы об этих мифах и ставим под сомнение их метафорическую основу, тут же проявляется дисбаланс между фактами и вымыслом, а хрупкая теоретическая система расшатывается. Существует ли внутренний ребенок? Может ли человек в принципе быть абсолютно «чистым» и совершенным? Существует ли понятие идеальной семьи, которой можно было бы противопоставить неблагополучную? Всегда ли наше настоящее можно объяснить нашим прошлым? Способны ли психотерапевты точно определить, где выдумка, а где реальность в историях их пациентов? Если мы постоянно «растем», становимся ли мы чьим-то идеалом зрелости, «гармоничным» человеком – и все меньше и меньше самими собой? Оставляют ли травматичные воспоминания постоянный и неизгладимый след в нашем сознании?

Эти вопросы не делают нас противниками терапии, как и не ставят под сомнение реальность и ужас сексуального насилия над детьми. Мы лишь предполагаем, что нужно относиться к «буквальному» и «метафорическому» как к отдельным и отличным друг от друга понятиям. Если психотерапевты решают иметь дело с мифом и метафорой (а многие психотерапевты скажут вам, что истинный смысл чего-либо можно раскрыть только благодаря символам и воображению), то кажется разумным и рациональным принять во внимание, что же такое метафора: символическое представление чего-либо, а не его буквальное воссоздание. Если психотерапевт решает искать смысл в нашей истории (а многие психотерапевты считают, что не смогут вылечить наши психические раны, не обратившись к прошлому), значит, нужно воспринимать память как некий хитроумный механизм, где факт и выдумка неразрывно переплетены, и относиться к ней соответствующим образом.

«Память – это процесс реконструкции, в ходе которого к старым картинкам или идеям могут добавляться новые детали, тем самым качественно меняя воспоминание», – говорит психотерапевт Майкл Япко. «Если подумать, именно этим и занимаются психотерапевты – изменяют качество воспоминания. Пациент говорит: “Вот что со мной произошло, мне больно, это было мучительно”, а врач добавляет новый ракурс, новые идеи, новые рамки, которые полностью меняют представление об этом воспоминании».

Психотерапевты полагаются на гибкость памяти, чтобы помочь пациентам освежить и восстановить травмирующие истории из их жизни. Но что же происходит, когда и пациент, и психотерапевт ищут конкретный ответ в неопределенном прошлом? «Иногда психотерапевты поддаются желанию достичь определенности, – пишет Джудит Льюис Герман. – Ревностная убежденность в чем-либо способна с легкостью вытеснить открытость и любопытство… Психотерапевт должен помнить, что он – не искатель правды и что воспроизведение истории о травме – это не уголовное расследование. Его роль – быть сострадательным свидетелем, лишенным предрассудков, а не следователем».

Некоторые критики психотерапии считают, что представители этой профессии должны перестать обращаться к прошлому в поисках «правды». Маршалл Эдельсон, психоаналитик и профессор психиатрии в Йельском университете, утверждает, что следует прекратить попытки реконструировать прошлое пациента во время психоанализа, потому что «если возрождается некая история из прошлого, это история сознания пациента, которая с течением времени создает у человека символическое представление о “реальности” прошлого, настоящего и буду-

щего». Эдельсон использует собственную яркую метафору, чтобы показать, что настоящая и символическая реальность – это не одно и то же. «Между импульсом и реакцией, событием и поведением лежит деятельность сознания. Объектом исследования в психоанализе выступает создание символов, «поэма о деятельности мозга».

Если разум пациента играет с символами и воображением, создавая собственную поэму, пока психотерапевты среди метафор ищут реальные факты, кто-то непременно ошибется. Психотерапевт Дональд Спенс предупреждает, что психотерапевты часто неверно интерпретируют рассказанные пациентом истории, потому что не могут различить два вида правды. «Правду-рассказ путают с фактической правдой, а логичность рассказа порой заставляет нас поверить, будто все это действительно произошло, – пишет Спенс. – Когда в рассказе все сходится – это не обязательно значит, что пациент установил связь со своим прошлым, но этого хватает, чтобы его история звучала убедительно».

Возможно, само представление о психотерапии как о средстве для «установления связи с прошлым» следует пересмотреть. Несмотря на то что рассказываемые пациентами истории и предложенные психотерапевтами интерпретации нередко помогают понять смысл пережитого человеком опыта, не стоит путать «смысл» с «историей». Проблема заключается в том, что, будучи людьми, психотерапевты привносят в психотерапевтический процесс собственные предположения, предрассудки и ожидания. Предположение коварно – ни психотерапевт, ни пациент не подозревают, что оно творит свою магию под прикрытием настоящей терапии.

Психиатр Сэмюэл Газ предупреждает: «Психотерапия не предлагает ни единого способа контролировать предпосылки, из которых исходят врач и пациент, а также влияние интерпретаций и предположений психотерапевта на их общение. И, что особенно важно, психотерапевтический процесс не позволяет определить причинно-следственные связи между предметом исследования, рассматриваемым во время терапии, и клиническими проблемами пациента». Газ предполагает, что психотерапевты не дают себя труда вникнуть в этиологию – причины поведения – и довольствуются более простой и легкодостижимой целью: помочь клиенту «почувствовать себя лучше, меньше страдать от недееспособности и более эффективно справляться со своей жизнью».

Однако разве «почувствовать себя лучше» – это всегда главная цель терапии? Джеймс Хиллман, специалист по юнгианскому психоанализу, предполагает, что психотерапевтам, возможно, следовало бы сместить фокус с «исправления» – переработки, трансформации, восстановления или очищения – на более глубокую работу с имеющейся у пациента патологией, представляющей собой «окно в стене, через которое приходят демоны и ангелы». В чем смысл, суть, цель наших страданий? Почему мы чувствуем, что нас изнасиловали, будь это правдой или выдумкой? Какие события в нашем настоящем заставляют нас чувствовать себя жертвами, израненными, обиженными?

Если терапия сфокусируется на настоящем, она будет подталкивать пациента не уходить в себя, а двигаться к людям, чтобы нормально встроиться в общество, культуру и свое окружение. Хиллман так описывает эту возможность:

> Психотерапевты могли бы относиться к своему делу как к исследованию непосредственных социальных причин проблемы, даже продолжая оперировать понятиями насилия и виктимизации… Возможно, не нужно избавляться от ощущения, что вас изнасиловали, – возможно, это очень важно – чувство, что вас изнасиловали, чувство, что у вас нет сил. Однако вряд ли стоит думать, будто прошлое заставляет вас страдать так же, как настоящее, с его проблемами «работы», «финансов», «правительства», из которых складывается жизнь. И тогда комната для консультаций станет ячейкой революции, потому что мы начнем задавать вопрос: «Что на самом

> деле мешает мне жить в данный момент?» Для психотерапевтов разговор в подобном русле стал бы очень смелым шагом.

Травмы и страдания стали бы рассматриваться не как проявления «виктимизации», а как «вклад в духовное развитие». «Раны и шрамы формируют характер, – настаивает Хиллман. – Слово “характер”, по сути, означает “отмеченный или вырезанный четкими линиями”, вроде тех порезов, что наносятся во время ритуала посвящения».

Все мы «изранены» жизнью, поэтому возникает очень важный вопрос: что нам делать с этими ранами? Понимая, что память – своеобразная форма выдумки, психотерапевты могли бы советовать своим пациентам задать себе следующий вопрос: что моя память может сделать с моими воспоминаниями? Хиллман цитирует Фрейда, который сказал: «Дело в том, как вы вспоминаете, а не в том, что на самом деле произошло», желая подчеркнуть, что во время терапии специалист может так надавить на пациента, заставляя его вспоминать травмирующие события, что последний пострадает от *насилия со стороны этого воспоминания*. «Я не говорю, что дети не подвергаются насилию или сексуальным домогательствам, – объясняет Хиллман. – Их домогаются, их насилуют, и в большинстве случаев последствия для психики бывают ужасными. Но терапия еще больше усугубляет эти последствия тем, *как она к этому относится*. Вред приносит не сама травма, а ставшие травматичными воспоминания».

Ограничивая воспоминание точкой зрения беспомощного, пассивного ребенка, терапия запирает пациентов в болезненном прошлом, а не освобождает их от него. Когда мы возрождаем «травматичные воспоминания», насилие и надругательства всплывают в памяти снова и снова, а детство становится настоящим адом, из которого нельзя сбежать.

В своей книге «Травма и восстановление» Джудит Льюис Герман рассказывает историю о ветеране войны во Вьетнаме, которого мучили вопросы веры, утраты и горя. В отчаянии он обратился за помощью к священнику.

> Я не могу дать разумное объяснение тому, что Бог позволяет людям погибать. Я ходил к нескольким… священникам. Как-то раз я сидел с одним из них и сказал: «Святой отец, я не понимаю: как Господь допускает, чтобы убивали маленьких детей? Что это такое, эта война, вся эта бредятина? Столько моих друзей погибли…» Тот священник посмотрел мне в глаза и сказал: «Я не знаю, сын мой, я никогда не был на войне». И тогда я сказал: «Я не спрашиваю вас о войне, я спрашиваю о Боге».

Немногие обладают такой же мудростью, как этот мужчина, который понимает, что эти вопросы одновременно и буквальны, и метафоричны. Ему было больно, и он нуждался в помощи, но он спрашивал не об оружии, пулях, ужасе, жестокости, несправедливости и даже не о смерти. Он хотел знать о *Боге*. Но даже такое объяснение не раскрывает смысла метафоры, и мы можем совершенно справедливо спросить: что же он имел в виду под Богом? У писателя Никоса Казандзакиса есть частичный ответ:

> Мы узрели самое высокое кольцо спирали вращающихся в вихре сил. Мы назвали этот круг Господом. Мы могли дать ему любое другое имя, какое бы только захотели: Бездна, Тайна, Абсолютная Тьма, Абсолютный Свет, Материя, Святой Дух, Великое Отчаяние, Тишина.

Когда мы задаемся вопросами о нашей судьбе – когда мы интересуемся, что случилось в нашем прошлом, когда мы прилагаем все силы, чтобы вылечить раны наших тел, умов и душ, когда мы задаем вопросы о Боге или о других тайнах человеческой природы, – мы ищем смысл, понимание, способ измерить глубину нашего отчаяния и потенциал надежды. Объяснения и ответы обесценивают наш собственный опыт. На самом деле мы не хотим получить ответы; мы хотим поделиться пережитым.

Возможно, кабинет психотерапевта станет тем местом, где кто-то действительно видит нашу боль, признает и ценит наши воспоминания – результат непрерывного и бесконечно разнообразного взаимодействия между историей и воображением.

Примечания

2. Странное время

1. Разумеется, это метафорическое объяснение крайне упрощенно представляет комплекс неврологических и биохимических процессов, с которыми связано хранение и воспроизведение воспоминаний. В настоящее время нейробиологи составляют карты мозга и определяют, какие именно отделы активизируются, когда память человека задействуется тем или иным образом. Хотя эти исследования в конце концов дадут нам более точное представление о том, как работают механизмы, отвечающие за память, уже сейчас очевидно, что целостные воспоминания (например, воспоминание о дне вашей свадьбы или о том вашем дне рождения, когда вам исполнилось десять лет) хранятся не в каком-то определенном месте, а распределяются по всему мозгу. Чтобы узнать больше о физиологии памяти, см. гл. 6.

3. В состоянии транса

1. На самом деле родители Линн узнали о насилии лишь много лет спустя. «В тот момент мои родители не знали, что происходит, они узнали позже», – впоследствии вспоминала Линн.

6. Правда, которой никогда не было

1. По словам Гарри Маклина, автора книги «Однажды» (Once upon a Time), это одна из пяти разных версий, с помощью которых Эйлин объясняла, как к ней вернулось потерянное воспоминание.

2. У детективов остались разные воспоминания о том, сказал ли Франклин «с моей дочерью» или «с моими дочерьми». Его дочь Дженис обращалась в полицию пятью годами ранее с подозрениями в том, что ее отец мог быть причастен к убийству Сьюзан Нейсон.

7. Потерявшийся в торговом центре

1. Вероятно, гиппокамп отвечает только за «эпизодическую» память – память на события и переживания нашей жизни. «Процедурное научение», благодаря которому мы осваиваем навыки, такие как езда на велосипеде или завязывание шнурков, по-видимому, происходит при участии других частей мозга.

2. Оба родителя Розанны отрицают, что когда-либо ее насиловали.

3. Термин «расстройство множественной личности» постепенно заменяется на «диссоциативное расстройство идентичности» (ДРИ). Доктор Дэвид Шпигель, который возглавляет комитет Американской психиатрической ассоциации, ответственный за проверку исправленного и дополненного издания Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам, объясняет, что на самом деле пациенты, страдающие этим расстройством, «обладают одной неполноценной идентичностью, а не несколькими личностями», поэтому новый термин больше соответствует действительности. Комитет надеется, что благодаря его внедрению можно будет покончить с предрассудками и спорами вокруг РМЛ.

4. Такое невербальное общение при помощи жестов носит название идеомоторных сигналов. Один палец на правой руке используется как знак «да», другой палец на правой руке – как знак «нет», а палец на левой руке символизирует слово «стоп» (то есть перестаньте ставить процедуру под сомнение). Когда Энн находилась под гипнозом и в состоянии транса, ее психотерапевт использовал жесты, чтобы общаться с ней.

5. Мой разговор с доктором Гэнэуэем был воспроизведен с его помощью.

8. Разрушенная семья

1. Эта глава основана на реальной истории, но для того, чтобы защитить личные данные членов этой семьи, мы изменили некоторые факты и использовали псевдонимы. (Единственные люди, которых мы назвали их настоящими именами, – это Стив Моуэн, адвокат Дага Нейгла, и свидетели-эксперты Джон Юль и Элизабет Лофтус.) История пересказана на основе многочисленных юридических документов, в том числе приобщенных к материалам дела показаний, проведенных до слушания разговоров, записей психотерапевтов и показаний, полученных во время судебного заседания. В ходе интервью со Стивом Моуэном были подтверждены основные факты.

2. Год спустя психотерапевт призналась адвокату Дага Нейгла, что давила на последнего, пытаясь помочь ему вспомнить. Она считала, что, если Даг признает свою вину, он избежит тюремного заключения и в конце концов ему позволят вернуться домой и воссоединиться с семьей.

3. Это распространенная проблема. Записи психотерапевтов часто оказываются слишком краткими, чтобы на их основе можно было составить полное представление о том, что происходило во время сеансов.

9. В поисках воспоминаний

1. Поскольку тема вытеснения вызывает столько горячих споров, практикующие врачи и активисты, борющиеся за права ребенка, часто используют такие синонимы, как «потерянные», «похороненные» или «диссоциированные», имея в виду вытесненные воспоминания. Однако, как пишет психолог Дэвид Холмс, «вытеснение, как его ни назови, все равно остается вытеснением, и претензия по поводу доказательств относится ко всем синонимам этого слова».

2. *Lindsay S.* and *Read D.* Psychotherapy and memories of childhood sexual abuse: a cognitive perspective. Applied Cognitive Psychology. 1994. 8. P. 281–338.

3. Это доклад Совета по научным делам Американской медицинской ассоциации под названием «Научный статус метода обновления воспоминаний посредством гипноза». Он был полностью опубликован в следующем издании: Journal of the American Medical Association. 1985. April 4. Vol. 253. P. 1918–1923.

4. На самом деле жертвы, заявляющие о наличии вытесненных воспоминаний, иногда получают выплаты в размере 1 000 000 долларов и даже больше.

11. Хоть горшком назови

1. Из рассказов, в которых упоминаются ритуальное насилие, пытки и убийства, вытекает один очевидный вопрос: где же трупы? В большинстве случаев обвинения появляются в ходе терапии и никогда не обсуждаются за пределами врачебного кабинета. Соответственно, не предпринимается никаких попыток провести расследование. Если о деле докладывают в полицию или назначается судебное слушание, может вмешаться ФБР или другие правоохранительные органы. Однако, несмотря на бесчисленные расследования по всей стране, сотрудники правопорядка до сих пор не обнаружили никаких доказательств, которые могли бы лечь в основу теории о заговоре культистов, которые поклоняются Сатане и приносят в жертву младенцев. Кеннет Ланнинг, сотрудник ФБР и эксперт по ритуальному насилию, делает вывод, что ввиду нехватки доказательств теперь «настала очередь специалистов по психическому здоровью, а не сотрудников органов правопорядка объяснять, почему жертвы говорят о том, что, по-видимому, не может быть правдой». Дальнейшие комментарии ищите в разделе «Примечания».

2. Разговоры с Элен Басс были воспроизведены на основе моих записей и воспоминаний.

3. Фонд синдрома ложных воспоминаний (*англ.* False Memory Syndrome Foundation) – это организация, созданная для поддержки семей, пострадавших от обвинений в насилии, основанных на «вытесненных воспоминаниях». Согласно девизу фонда, его основная задача

заключается в следующем: «искать причины распространения синдрома ложных воспоминаний, работать в целях предотвращения новых случаев его проявления и оказывать помощь как его непосредственным, так и косвенным жертвам».

4. Травматическую амнезию следует отличать от вызванных заболеваниями, алкоголизмом или серьезными черепно-мозговыми травмами полных «провалов» памяти, которые вообще не позволяют воспоминаниям формироваться. При возникновении подобных провалов речь об извлечении воспоминаний не идет, поскольку последние попросту отсутствуют.

Слова благодарности

Мы выражаем глубочайшую благодарность всем тем, кто оказывал нам помощь и поддержку в течение трех лет, которые мы провели за работой над этой книгой. Мы в особенности благодарны:

– семьям и отдельным людям, которые поделились с нами своими историями. Многие из тех, с кем мы беседовали, попросили не упоминать их имен, боясь снова причинить боль близким. Мы не можем назвать их, но от этого не менее ценим их вклад;

– Реймонду и Ширли Соуза, Линн Прайс Гондольф, Лоре Пейсли, Мелоди Гэвиган, Филу и Сьюзан Хокстер, Чаку и Джун Ноа, Дженнифер и Памеле Фрейд и Полу Инграму, которые помогли нам многое понять о страданиях как обвинителя, так и обвиняемого;

– Стиву Моуэну, за юридические консультации и советы;

– Ричарду Офше, чье остроумие, мудрость и откровенность часто возвращали нам утраченный энтузиазм;

– Лоуренсу Райту, автору книги «Вспоминая Сатану»; Гарри Маклину, автору книги «Однажды»; Стефани Солтер (которая ведет колонку в сан-францисской газете Examiner и является соавтором серии статей «Похороненные воспоминания, разрушенные семьи» (Buried Memories / Broken Families), опубликованной в той же газете 4–9 апреля 1993 года) за то, что они любезно поделились с нами своими идеями и результатами своей работы;

– Элен Басс, Люси Берлинер, Карен Олио, Джеральду Босеку, Дэвиду Шпигелю, Джорджу Гэнэуэю, Полу Мак-Хью, Джозефу Барберу, Гейл Галик, Нельсону Кардвеллу, Рикардо Вайнштайну, Марше Лайнхан и Маргарет Хейген, за то, что они пролили свет на спорные вопросы, касающиеся психотерапии;

– Уильяму Кальвину, который проверял те разделы книги, где говорится о физиологических механизмах работы памяти;

– Национальному научному фонду США и Национальному институту психического здоровья за то, что они поддерживали исследования Элизабет Лофтус на тему гибкости человеческой памяти;

– студентам Вашингтонского университета, которые входили в состав исследовательской группы, работавшей над изучением вытесненных воспоминаний;

– Джейн Дистел, нашему прекрасному и неутомимому литературному агенту;

– Чарлзу Спайсеру, нашему издателю из St. Martin’s Press, который служит живым доказательством того, что независимые издатели в Нью-Йорке живы, здоровы и активно работают. Мы благодарны за это и за то, что он у нас есть;

– Айлин Бернштайн, Лонни Розенвальду и Диане Арнольд за их дружбу и поддержку;

– Мелинде Берджесс, которая помогла нам определиться с основной идеей этой книги и не раз напоминала о том, зачем мы ее пишем;

– Трейси Саймон за тщательную проверку рукописи и предложения по ее улучшению;

– Шерон Кауфман-Осборн, Крису Андерсону и Делорес Хамфрейз за предоставленные ими сведения о том, как протекают сеансы психотерапии;

– Кэлли Уоллинг, Джеки Пикрелл и Мишель Наччи за неоценимую помощь в сборе материала;

– Джеффри Лофтусу, Мэрианн Гэрри и Стиву Сеси, которые раз за разом щедро дарили нам свое время и сочувствие, когда письма, звонки или электронные сообщения становились особенно враждебными;

– Робин, Элисон и Бенджамину Спенсер, которые постоянно напоминают своей матери Кэти Кетчем о том, что нет ничего важнее семьи;

– Патрику Спенсеру, который своим терпением, чувством юмора, любовью и вниманием доказывает, что почти безупречные мужья и отцы и впрямь существуют;

– семье Элизабет Лофтус (членам семей Фишман, Брескин и Лофтус), которые заслуживают бесконечной благодарности и любви за то, что они объяснили ей, как важно бороться против несправедливости. Именно члены семьи Элизабет Лофтус впервые показали ей книги Эли Визеля. «Возможны случаи, когда мы не в силах предотвратить несправедливость, – писал Визель, – но нельзя допустить того, чтобы однажды мы отказались протестовать против нее».

Источники

1. Ткань наших снов

Дальнейшие подробности дела семьи Соуза ищите в главной статье номера журнала Newsweek от 19 апреля 1993 г.

2. Странное время

Дальнейшую информацию об исследованиях на тему гибкости памяти заинтересованные читатели могут найти в следующих источниках:

Loftus E. F. Eyewitness Testimony. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

Loftus E. F. Memory. Reading, MA: Addison-Wesley, 1980. (Reprinted by N. Y.: Ardsley Press, 1988.)

Loftus E. F. and *Ketcham K.* Witness for the Defense: The Accused, the Eyewitness, and the Expert Who Puts Memory on Trial. N. Y.: St. Martin's Press, 1991.

3. В состоянии транса

Рассказы других людей, восстановивших воспоминания и выдвинувших обвинения в сексуальном насилии:

Goldstein E. & Farmer K. True Stories of False Memories. Boca Raton, FL: SIRS Books, 1993.

4. Духи

Bass Ellen and *Davis Laura.* The Courage to Heal: A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse. N. Y.: Harper & Row, 1988.

Blume E. S. Secret Survivors: Uncovering Incest and its Aftereffects in Women, 1990. N. Y.: Ballantine.

6. Правда, которой никогда не было

Авторы глубоко признательны Гарри Маклину, автору книги «Однажды» (Once Upon a Time. HarperCollins, 1993), и доктору Дэвиду Шпигелю за их вклад в написание этой главы.

O'Brien Tim. The Things They Carried. N. Y.: Penguin Books, 1990. P. 203, 204.

Baddeley Alan. Human Memory: Theory and practice. Boston: Allyn & Bacon, 1990.

Klatzky Roberta L. Human Memory: Structures and Processes. San Francisco: Freeman and Co., 1980.

Zeckmeister Eugene B. and *Stanley E. Nyberg.* Human Memory: An Introduction to Research and Theory. Monterey, CA: Brooks / Cole Publishing, 1982.

Herman J. L. Father-Daughter Incest. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Miller A. The Drama of the Gifted Child. N. Y.: Basic Books, 1981. P. 111, 112.

Определение, данное Фрейдом термину «вытеснение» (*англ.* repression), взято из впервые опубликованного в 1915 г. «Стандартного издания всех психологических сочинений Зигмунда Фрейда» / In: *Strachey J.* (ed.) The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 14. L.: Hogarth Press, 1957. О случаях Элизабет фон Р. и мисс Люси рассказывается в следующем источнике: *Breuer J.* and *Freud S.* (1895). Studies on Hysteria. *Strachey* (1955). Vol. 2. Случай «человека-волка» описывается в следующем источнике: *Strachey* (1955). Vol. 17.

Erdelyi M. H. and *Goldberg B.* Let's Not Sweep Repression Under the Rug: Toward a Cognitive Psychology of Repression / In: *Kihlstrom J. F.* and *Evans F. J.* (eds.) Functional Disorders of Memory. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1979. P. 355–402.

Blume E. S. (1990). P. 67.

Bass & Davis (1988). P. 21, 22.

Poston C. & *Lison K.* Reclaiming Our Lives: Hope for Adult Survivors of Incest. N. Y.: Bantam, 1990.

Farmer S. Adult Children of Abusive Parents. N. Y.: Ballantine, 1989.

Davis L. The Courage to Heal Workbook: For Women and Men Survivors of Child Sexual Abuse. N. Y.: HarperCollins, 1990. P. 217.

Olio K. Memory retrieval in the treatment of adult survivors of sexual abuse // Transactional Analysis Journal. 1989. 19. P. 95, 96.

Случай Бетси описан в следующем источнике: *Frawley M. G.* From secrecy to self-disclosure: Healing the scars of incest / In: *Stricker G.* and *Fisher M.* (eds.) Self-disclosure in the Therapeutic Relationship. N. Y.: Plenum Press, 1990. P. 255.

Smith M. and *Pazder L., M. D.* Michelle Remembers. N. Y.: Pocket Books, 1980.

Bass & Davis. P. 137.

Rosenfeld A., *Nadelson C.* and *Krieger M.* Fantasy and reality in patients' reports of incest // Journal of Clinical Psychiatry. 1979. 40. P. 159–164.

Розенфельд и его соавторы утверждают: «Согласно предположению Литина и др., когда психотерапевт настаивает на том, что воспоминание пациента является выдумкой, это может заставить некоторых пациентов, действительно подвергавшихся насилию, прекратить сеансы психотерапии и вызвать у них симптомы психоза из-за неоднократного отрицания психотерапевтом реальности пережитого ими опыта». *Litin E. M., Giffin M., Johnson A.* Parental influence in unusual sexual behavior in children // Psychoanal Q. 1956. 25. P. 37–55.

Terr L. Too Scared to Cry. N. Y.: Basic Books, 1990. Определение подавления – р. 111, 112; Цитата об «ужасных событиях» – р. 170–172; «Воспоминание о травме – это снимок, сделанный при более ярком освещении…» – р. 170.

Terr L. Childhood Traumas: An Outline and Overview // Am J. Psychiatry. 1991. 148. 1. P. 10–20.

Комментарии Ленор Терр о связанной с поездом травме Стивена Кинга можно найти здесь: Too Scared to Cry. P. 251–260.

King S. Danse Macabre. N. Y.: Berkley, 1983. P. 83, 84.

Loftus E. and *Burns T.* Mental shock can produce retrograde amnesia // Memory and Cognition. 1982. 10. P. 318–323.

Loftus E. F. and *Banaji M.* Memory modification and the role of the media / In: *Gheorghiu V. A.*, *Netter P., Eysenck H. J.* and *Rosenthal R.* (eds.) Suggestibility: Theory and Research, Berlin: Springer-Verlag, 1989. P. 279–294.

Spiegel D. Dissociated or fabricated? Psychiatric issues in the case of the People vs. George Franklin // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1994. Oct. 42(4). P. 411–432.

Beyerstein B. Neuropathology and the legacy of spiritual possession // The Skeptical Inquirer, 1988. P. 248–262.

История Элен Райт: *Beyerstein*. P. 254, 255, цит. по: Clapp Was Ellen White merely an epileptic? // Christianity Today. 1982. 26: 56.

О Хильдегарде рассказывается в статье Бейерстейна (р. 258), цит. по: *Sacks O.* (1970). Migraine: The Evolution of a Common Disorder. L.: Faber & Faber, 1970. Ch. 3.

Sagan C. What's really going on? // Parade Magazine. 1993. March 7.

Franklin E. and *Wright W*. Sins of the Father. N. Y.: Crown, 1991.

Эйлин Франклин рассказывает, какую интерпретацию дал ее вытесненным воспоминаниям психотерапевт: «Я рассказала это Кирку главным образом затем, чтобы узнать, возможно ли забыть столь серьезное событие. Я также хотела, чтобы он помог мне справиться с этими воспоминаниями и, возможно, ослабить их влияние на меня. Рассказывая ему свою историю,

я расплакалась и так и не смогла унять слезы, пока не закончила. Как я и ожидала, Кирк проявил понимание и постарался меня успокоить. Он сказал мне, что теперь, когда я вытащила это воспоминание в свое сознание, оно больше не могло причинить мне боль. Он заверил меня, что я сделала значительный шаг вперед на пути к психическому здоровью… Кирк не считал меня сумасшедшей… Я испытала невероятное облегчение» (p. 111, 112). В книге «Слишком страшно, чтобы плакать» Терр пишет: «У детей и у невылеченных детей, которые становятся психически нездоровыми взрослыми, эти монотонные, буквальные, конкретные повторяющиеся сны, игры, сценки и визуализации представляют собой самые надежные из известных нам признаков детской травмы» (p. 279).

7. Потерявшийся в торговом центре

Подробнее о работе Пенфилда см.: *Loftus E. F.* and *Loftus G.* On the permanence of stored information in the human brain // American Psychologist. 1980. 35. P. 409–420.

Подробный рассказ о трагедии, произошедшей с Тони Конильяро, см.: *Anderson D.* Handcuffed in history to Tony C. // The New York Times. 1990. Feb. 27. P. B 9.

Pynoos R. S. and *Nader K.* Children's memory and proximity to violence // Journal of American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 1989. 28. P. 236–241.

Haugaard J. J., Reppucci N. D., Laurd J. and *Nauful T.* Children's definitions of the truth and their competency as witnesses in legal proceedings // Law and Human Behavior. 1991. 15. P. 253–272.

Clarke-Stewart A., Thompson W. and *Lepore S.* Manipulating children's interpretations through interrogation. 1989, April. (Работа, представленная на встрече Общества исследований и развития в Канзас-Сити, Миссури.) Комментарии к этому исследованию также можно найти в следующих источниках: *Goodman G. S.* and *Clarke-Stewart A.* Suggestibility in children's testimony: Implications for sexual abuse investigations / In: *Doris J.* (ed.) The Suggestibility of children's recollections. 1991. P. 92–105. Washington, D.C.: American Psychological Association Press. Комментарии к главе Макса Стеллара, Джона Брайхэма и Люси Макгог также включены в книгу Дорис и заслуживают внимательного прочтения.

Spanos N., Menary E., Gabora N., DuBreuil S. and *Dewhirst B.* Secondary Identity Enactments During Hypnotic Past-Life Regression: A Sociocognitive Perspective // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61. P. 308–320.

История Мэрилин ван Дербер пересказывается в статье «Самая темная тайна» (The Darkest Secret // People. 1991. June 10. P. 88–94).

История Розанны Барр Арнольд пересказывается в статье «Звезда заявляет об инцесте» (A star cries incest // People. 1991. October 7. P. 84–88) а также в следующем источнике: *Darton N.* The pain of the last taboo // Newsweek. 1991. October 7. P. 70–72.

Toufexis A. When can memories be trusted? // Time. 1991. October 28. P. 86–88.

Smiley J. A Thousand Acres. N. Y.: Ballantine Books, 1992. P. 228.

Petersen B. Dancing with Daddy: A Childhood Lost and a Life Regained. N. Y.: Bantam Books, 1992. P. 64, 65.

Collier D., Collier J. Deposition of plaintiff, Case № 711752. Superior Court, County of Santa Clara, California. 1991. December.

Rogers M. L. A case of alleged satanic ritualistic abuse. 1992. March (Работа, представленная на встрече Американского общества психологии и права в Сан-Диего.)

Ganaway G. K. Alternative hypotheses regarding satanic ritual abuse memories. 1991. August. (Работа, представленная на ежегодной встрече Американской психологической ассоциации в Сан-Франциско.)

Ganaway G. K. Historical versus narrative truth: Clarifying the role of exogenous trauma in the etiology of MPD and its variants // Dissociation. 1989. 2. P. 205–220.

Доктор Пол Мак-Хью также является автором многочисленных материалов о ДРИ и, наряду с доктором Гэнэуэем, – одним из самых красноречивых сторонников мнения об «искусственно созданном ДРИ». См.: *McHugh P. R.* Multiple personality disorder // Harvard Mental Health Letter. 1993. Vol. 10. P. 4–7. Доктор Мак-Хью рекомендует: «Упразднить услуги по погружению в состояние диссоциации и распределить пациентов по обычным психиатрическим отделениям. Игнорировать альтер-личности. Прекратить разговаривать с ними [с альтер-личностями], делать о них записи и обсуждать их на профессиональных конференциях. Обращать внимание на реальные проблемы и конфликтные ситуации, а не на фантазии. Если эти простые и всем понятные правила будут соблюдаться, множественные личности вскоре испарятся в воздухе, и можно будет приступить к психотерапии» (р. 6).

Подробнее о различных взглядах на ДРИ см.: *Braun B. G., Sachs R. G.* Recognition of possible cult involvement in MPD patients. 1988. October. (Работа, представленная на Пятой международной конференции на тему расстройства множественной личности и диссоциативных состояний в Чикаго, Иллинойс.)

Kluft R. P. Multiple personality disorder: A contemporary perspective // Harvard Mental Health Letter. 1993. October. Vol. 10. P. 5–7.

Weissberg M. Multiple personality disorder and iatrogenesis: The cautionary tale of Anna O. // The International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1993. Vol. XLI. P. 15–34.

Подробнее о трудностях в различении реальных и вымышленных событий см.: *Bonanno G. A.* Remembering and psychotherapy // Psychotherapy. 1990. 27. P. 175–185.

В письме от 4 апреля 1994 г. Джордж Гэнэуэй более подробно описал свои мысли по поводу феномена вытеснения и работы подсознания:

«Возможно, самое важное знание о памяти и реальности, которое можно вынести из всей написанной на протяжении последнего века клинической психоаналитической литературы, – это осознание того, что с самого детства у человека существует целый мир неосознанных фантазий, который называется «психической реальностью». Напряжение, порождаемое внутрипсихическими и межличностными потребностями, ведет к формированию желаний, тревог и неосознанных фантазий, которые постоянно оказывают влияние и давление на наши осознанные мысли, эмоции и модели поведения, искажая наше восприятие и воспоминания о личном опыте, потакая сотням уже существующих убеждений.

Психотерапевты и другие люди в настоящий момент вовлечены в спор о существовании феномена «мощного вытеснения», то есть способности человека годами хранить большие количества важной личной информации вне сферы сознательного, а затем извлекать ее во время сеансов терапии. Если предположить, что наши пациенты не лгут осознанно, когда говорят, что не “выдумали” свои воспоминания (а мне редко доводилось убеждаться в том, что пациент лжет), значит, псевдовоспоминания действительно не могут быть созданы без участия таких механизмов, как вытеснение или диссоциация. Воспоминания, появившиеся в результате конфабуляции, осознаются пациентом с такой легкостью, особенно когда он находится в состоянии транса, что кажется, будто они существовали всегда и ждали, когда их “обнаружат”. На этот крючок может попасться как пациент, так и психотерапевт. Должен быть некий неосознанный или “вытесненный” организационный элемент, который склеивает все эти кусочки и обрывки фактов и фантазий, чтобы в подсознании появился столь правдоподобный рассказ.

Если полностью отбросить понятие вытеснения и/или «бессознательного», как, вероятно, предпочитают делать некоторые исследователи в области социальной и когнитивной психологии, становится сложнее объяснить наличие целого спектра псевдовоспоминаний, которые наблюдаются у некоторых пациентов, особенно когда психотерапевты тщательно стараются избегать каких-либо наводящих вопросов или способствующих внушению предположений. На мой взгляд, некоторые материалы, которые спонтанно всплывают в разуме пациентов, когда те

находятся в состоянии забытья или во время обычного ночного сна, можно объяснить лишь наличием активной подсознательной психической жизни».

Neisser U. and *Harsch N.* Phantom flashbulbs: False recollections of hearing the news about Challenger / In: *Winograd E., Neisser U.* (eds.) Affect and Accuracy in Recall: Studies of «Flashbulb» Memories. N. Y.: Cambridge University Press. 1992. P. 9–31. Для более подробной информации о воспоминаниях-вспышках вообще см. весь том.

Другой взгляд на воспоминания о значимых событиях ищите в следующем источнике: *Wright D.* Recall of the Hillsborough Disaster over time: Systematic biases of «flashbulb» memories // Applied Cognitive Psychology. 1993. 7. P. 129–138.

См. также: *Loftus E. F.* and *Kaufman L.* Why do traumatic experiences sometimes produce good memory (flashbulbs) and sometimes no memory (repression)? / In: *Winograd E. and Neisser U.* (eds.) Affect and Accuracy in Recall: Studies of «Flashbulb» Memories. N. Y.: Cambridge University Press, 1992.

Cannon L. President Reagan: The Role of a Lifetime. N. Y.: Simon & Schuster, 1991.

Loftus E. F., Coan J. The construction of childhood memories / In: *Peters D.* (ed.) The Child Witness in Context: Cognitive, Social and Legal Perspectives. N. Y.: Kluwer, 1994.

Kaplan Helen Singer, M. D. Questions about sex (even the most adventurous Cosmo girls want answered) // Cosmopolitan. 1992. July. P. 150, 151.

8. Разрушенная семья

Во многих статьях, как научных, так и научно-популярных, пропагандируется идея о том, что инцест связан с определенными поколениями. См., к примеру: *Wells R. H.* There's no such thing as «mis-remembering» // Adolescence. 1994. January.

9. В поисках воспоминаний

Книги и статьи, использованные в этой главе, перечислены ниже.

Bass E., Thornton L. I Never Told Anyone: Writings by Women Survivors of Child Sexual Abuse. N. Y.: HarperPerennial, 1991. (Впервые опубликована издательством Harper в 1983 г.)

Bass E., Davis L. The Courage to Heal: A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse. N. Y.: Harper & Row, 1988.

Bishop-Milbradt M. Incest: A Book for Adult Survivors. Tacoma, WA: Pierce County Rape Relief, 1984. (В новой редакции *Terri Platt,* 1988.)

Blume E. S. Secret Survivors: Uncovering Incest and its Aftereffects in Women, N. Y.: Ballantine Books, 1990.

Bradshaw J. Homecoming. N. Y.: Bantam Books, 1990.

Bradshaw J. Discovering what we want // Lear's. 1992. July. 5. P. 49.

Bradshaw J. Incest: When you wonder if it happened to you // Lear's. 5. 1992. August. P. 43, 44.

Braun B. G., Sachs R. G. Recognition of possible cult involvement in MPD patients. 1988. October. (Работа, представленная на Пятой международной конференции на тему расстройства множественной личности и диссоциативных состояний в Чикаго, Иллинойс.)

Brenneis B. Can early trauma be reconstructed from dreams? On the relationship of dream content to trauma. Psychoanalytic Psychology. 1994. 11(4). P. 429–447.

Brewin C., Andrews B., Gotlib I. Psychopathology and early experience: A reappraisal of retrospective reports // Psychological Bulletin. 1993. Vol. 113. P. 82–98.

Briere J. Studying delayed memories of childhood sexual abuse // The Advisor. 5. 1992. P. 17, 18. (Издание Американского профессионального общества помощи детям, пережившим насилие.)

Briere J. Therapy for Adults Molested as Children: Beyond Survival. N. Y.: Springer Pub. Co., 1989.

Briere J., Conte J. Self-reported amnesia for abuse in adults molested as children // Journal of Traumatic Stress. 1993. Vol. 6. P. 21–31.

Claridge K. Reconstructing memories of abuse: A theory-based approach // Psychotherapy. 1992. Vol. 29. P. 243–252.

Courtois C. Healing the Incest Wound. N. Y.: Norton, 1988.

Courtois C. The memory retrieval process in incest survivor therapy // Journal of Child Sexual Abuse. 1992. Vol. 1 (1).

Davis L. The Courage to Heal Workbook: For Women and Men Survivors of Child Sexual Abuse. N. Y.: HarperCollins, 1990.

Davis P., Schwartz G. Repression and the inaccessibility of affective memories // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. № 1.

Dinges D. F., Whitehouse W. G., Orne E. C., Powell J. W., Orne M. T., Erdelyi M. H. Evaluating hypnotic memory enhancement (hyperamnesia and reminiscence) using multitrial forced recall // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1992. 18. P. 1139–1147.

Engel B. The Right to Innocence. N. Y.: Ivy Books, 1989.

Farmer S. Adult Children of Abusive Parents. N. Y.: Ballantine, 1989.

Forrest M. An interview with John Briere, Ph.D. // Treating Abuse Today. 1993. Vol. 3. № 1.

Forward S., Buck C. Betrayal of Innocence: Incest and its Devastation. N. Y.: Penguin Books, 1988.

Fredrickson R. Repressed Memories: A Journey to Recovery from Sexual Abuse. N. Y.: Simon and Schuster, 1992.

Gudjonsson G. Comment on «The use of hypnosis by the police in the investigation of crime: Is guided imagery a safe substitute?» // British Journal of Experimental and Clinical Hypnosis. 1985. Vol. 3. P. 37.

Herman J. L. Father-Daughter Incest. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Herman J. L. Trauma and Recovery. N. Y.: Basic Books, 1992.

Herman J. L., Schatzow E. Recovery and verification of memories of childhood sexual trauma // Psychoanalytic psychology. 1987. 4. P. 1–14.

Holmes D. The evidence for repression: An examination of sixty years of research / In: *Singer J.* (ed.) Repression and Dissociation: Implications for personality, theory, psychopathology and health. Chicago: Chicago University Press, 1990. P. 85–102. Холмс обновил свой обзор для публикации в журнале Harvard Mental Health Letter.

Howell R. J. A verified childhood memory elicited during hypnosis. American Journal of Clinical Hypnosis. 1965. 8. P. 141, 142. Психолог загипнотизировал пятнадцатилетнюю девушку и вернул ее на 11 месяцев назад, и тогда она вспомнила, как упала с высокой лестницы. Однако даже сам гипнотизер признал, что «очевидно, нет способа достоверно узнать, не слышала ли когда-либо пациентка об этом инциденте от родителей или бабушки».

Kaminer W. I'm Dysfunctional, You're Dysfunctional: The Recovery Movement and Other Self-help Fashions. Reading, MA: Addison-Wesley, 1992.

Laurence J.-R., Perry C. Hypnotically created memory among highly hypnotizable subjects // Science. 1983. 222. P. 523, 524.

Laurence J.-R., Nadon R., Nogrady H., and C. Perry. Duality, dissociation, and memory creation in highly hypnotizable subjects // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1986. 34. 4. P. 295–310.

Lew M. Victims No Longer: Men Recovering from Incest and Other Sexual Child Abuse. N. Y.: HarperCollins, 1988.

Lindsay S., Read D. Psychotherapy and memories of childhood sexual abuse // Applied Cognitive Psychology. 1994. August. P. 281–338.

Lynn S., Milano M. and *Weekes J.* Hypnosis and pseudomemories: The effects of prehypnotic expectancies // Journal of personality and social psychology. 1991. 60. P. 318–326.

Lynn S., Nash M. Truth in memory: Ramifications for psychotherapy and hypnotherapy // American Journal of Clinical Hypnosis. 1994. Vol. 36. P. 194–208.

Maltz W. The Sexual Healing Journey: A Guide for Survivors of Sexual Abuse. N. Y.: HarperCollins, 1992.

Maltz W., Holman B. Incest and Sexuality: A Guide to Understanding and Healing. N. Y.: Free Press, 1986.

McHugh P. R. Psychiatric misadventures // The American Scholar. 1992. 61. P. 491–510.

McHugh P. R. Psychotherapy Awry // The American Scholar. 1993. 62. P. 17–30.

McHugh P. R. Multiple personality disorder // Harvard Mental Health Letter. 1993. September. Vol. 10. P. 4–6.

Miller A. The Drama of the Gifted Child: The Search for the True Self. N. Y.: Basic Books, 1981.

Mulhern S. Satanism and psychotherapy: A rumor in search of an inquisition / In: *Richardson J. T., Best J., Bromley G.* (eds.) The Satanism Scare. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1991.

Nash M. What, if anything, is regressed about hypnotic age regression? A review of the empirical literature // Psychological Bulletin. 1987. 102. P. 42–52.

Nash M. Retrieval of childhood memories in psychotherapy. 1992. (Работа, представленная на ежегодной конвенции Американской психологической ассоциации в Вашингтоне.)

Neisser U. A case of misplaced nostalgia // American Psychologist. 1991. 46. 1. P. 34–36.

Olio K. A. Memory retrieval in the treatment of adult survivors of sexual abuse // Transactional Analysis Journal. 1989. Vol. 19. P. 93, 94.

Orne M. T. The use and misuse of hypnosis in court // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1979. 27. P. 311–341.

Poston C., Lison K. Reclaiming Our Lives: Hope for Adult Survivors of Incest. N. Y.: Bantam, 1990 (первое издание выпущено издательством Little, Brown в 1989 г.).

Roland C. Exploring childhood memories with adult survivors of sexual abuse: Concrete reconstruction and visualization techniques // Journal of Mental Health Counseling. 1993. October. Vol. 15. № 4.

Root M. Reconstructing the impact of trauma on personality / In: *Brown L., Ballou M.* (eds.) Personality and psychopathology: Feminist Reappraisals, N. Y.: The Guilford Press, 1992.

Rosenfeld A., Nadelson C. and *Krieger M.* Fantasy and reality in patients' reports of incest // Journal of Clinical Psychiatry. 1979. April. 40. P. 159–164.

Russell D. E. H. Sexual exploitation: Rape, child sexual abuse and sexual harassment. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.

Salter S. and *Ness C.* Buried Memories/Broken Families // San Francisco Examiner. 1993. April 4–9.

Sgroi S. M. Stages of recovery for adult survivors of child sex abuse / In: *Sgroi S. M.* (ed.) Vulnerable Populations: Sexual abuse treatment for children, adult survivors, offenders and persons with mental retardation. Vol. 2. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

Sherman S. J., Cialdini R. B., Schwartzman D. F. and *Reynolds K. D.* Imagining can heighten or lower the perceived likelihood of contracting a disease // Personality and Social Psychology Bulletin. 1985. 11. P. 118–127.

Singer M., Ofshe R. Thought reform programs and the production of psychiatric casualties // Psychiatric Annals. 1990. Vol. 20. P. 188–193. Маргарет Сингер также написала статью совместно с Ричардом Офше: *Ofshe R. J.* and *Singer M. T.* Recovered memory therapy and robust repression: influence and pseudomemories. International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1994. XLII (4). P. 391–410.

Smith M. Hypnotic memory enhancement of witnesses: Does it work? // Psychological Bulletin. 1983. 94. P. 387–407.

Summit R. Misplaced attention to delayed memory // The Advisor. 1992. 5. P. 21–25. *Tavris C.* The Mismeasure of Woman. N. Y.: Simon and Schuster, 1992.

Tavris C. Beware the incest-survivor machine // The New York Times Book Review. 1993. January 3. (См. также: Real Incest and Real Survivors: readers respond // The New York Times Book Review. 1993. February 14.)

Terr L. What happens to early memories of trauma? A study of 20 children under age five at the time of documented traumatic events // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 1988. 27. P. 96–104.

Terr L. Too Scared to Cry: How trauma affects children… and ultimately us all, N. Y.: Basic Books, 1990.

Van der Kolk B. and *O. Van der Hart* The intrusive past: The flexibility of memory and the engraving of trauma // American Imago. 1991. 48. P. 425–454.

Weekes J. R., Lynn S. J., Green J. P. and *Brentar J. T.* Pseudomemory in hypnotized and task-motivated subjects // Journal of Abnormal Psychology. 1992. 101. P. 356–360.

Williams L. M. Adult memories of childhood abuse: Preliminary findings from a longitudinal study // The Advisor. 1992. 5. P. 19, 20.

Yapko M. When Living Hurts. N. Y.: Brunner/Mazel, 1988.

Yapko M. Disturbance of temporal orientation as a feature of depression / In: *Yapko M.* (ed.) Brief Therapy Approaches to Treating Anxiety and Depression. Brunner/Mazel, 1989.

Yapko M. Trancework: An introduction to the Practice of Clinical Hypnosis (2nd ed.). N. Y.: Brunner/Mazel, 1990.

Yapko M. Suggestibility and repressed memories of abuse. A survey of psychotherapists' beliefs // American Journal of Clinical Hypnosis. 1994. 36. P. 163–171. Возможно, читателям также будет интересно прочесть комментарии П. Б. Блум, Д. М. Ивин, Э. Лофтус и др., М. Гравитс, С. Дж. Линн и др., которыми сопровождается статья Япко, опубликованная в том же номере журнала American Journal of Clinical Hypnosis.

Yapko M. Suggestions of Abuse. N. Y.: Simon & Schuster, 1994.

11. Хоть горшком назови

Kathy Slobogin. Guilt by Memory // CNN Special Assignment. 1993. May.

Nathan D. Cry Incest // Playboy. 1992. October. Vol. 39. № 10.

Альтернативный взгляд на культовое ритуальное насилие см.: *Rose E.* Surviving the Unbelievable: A first-person account of cult ritual abuse // Ms. 1993. January/February. Vol. III. № 4.

Ланнинг, примечание: *Lanning K. V.* Ritual abuse: A law enforcement view or perspective // Child Abuse & Neglect. 1991. 15. P. 171–173. Полный контекст комментария Ланнинга: «Вот уже по крайней мере восемь лет американские правоохранительные органы напряженно расследуют обвинения жертв ритуального насилия. Нет или почти нет доказательств, подтверждающих те обвинения, которые касаются массовых эпизодов торговли детьми («выращивании» младенцев на продажу), человеческих жертвоприношений и организованных сатанинских заговоров. Настала очередь специалистов по психическому здоровью, а не сотрудников органов правопорядка объяснять, почему жертвы говорят о том, что, по-видимому, не может быть правдой. Специалисты по психическим заболеваниям должны принять вероятность того, что по крайней мере отчасти события, о которых рассказывают эти жертвы, попросту не происходили в действительности и что эту область должны изучить и исследовать рационально настроенные, объективно рассуждающие ученые-социологи.

Wielawski I. Unlocking the secrets of memory // Los Angeles Times. 1991. October 3.

Taylor B. What if sexual abuse memories are wrong? // Toronto Star. 1992. May 16; *Taylor B.* True or False? // Toronto Star. 1992. May 18.

Goleman D. Childhood Trauma: Memory or Invention? // The New York Times. 1992. July 21. P. B 5.

Sauer M., Okerblom J. Haunting Accusations, San Diego Union-Tribune. 1992. Sept. 13, 14, 15.

Даррел Сиффорд написал ряд статей на тему ложных обвинений, все они были опубликованы в газете Philadelphia Inquirer: Accusations of sex abuse, years later. 1991. November 24; When tales of sex abuse aren't true. 1992. Jan. 5; Perilous journey: The labyrinth of past sexual abuse. 1992. Feb. 13; Her mission: Heal families, don't blame. 1992. Feb. 23.

Ofshe R., Watters E. Making Monsters // Society. 1993. March/April. P. 4–16.

Berliner L., Loftus E. Sexual abuse accusations: Desperately seeking reconciliation // Journal of Interpersonal Violence. 1992. 7. P. 570–578.

Подробнее об антероградной амнезии см. книги о работе человеческой памяти, упомянутые в примечаниях к главе 6. См. также: *Loftus E. F.* Memory. Reading, MA: Addison-Wesley, 1980. (Репринтное издание – Ardsley Press, 1988.)

Случай ПН обсуждался в следующем источнике: *Schacter D. L., Wang P. L., Tulving E.* and *Freedman M.* Functional retrograde amnesia: A quantitative case study // Neuropsychologia. 1982. 20. P. 523–532.

Другие исследования Шактера на тему амнезии можно найти в следующем источнике: *Schacter D. L.* Amnesia observed: Remembering and forgetting in a natural environment // Journal of Abnormal Psychology. 1983. 92. P. 236–242; *Schacter D. L.* and *Kihlstrom J. F.* Functional amnesia / In: *Boller F., Grafman J.* (eds). Handbook of Neuropsychology. 1989. 3. P. 209–231.

Diagnostic and Statistical Manual – 3rd edition, revised.

Whitley G. The seduction of Gloria Grady // D Magazine. 1991. October. P. 45–49, 66–71.

Tavris C. Beware the incest-survivor machine // The New York Times Book Review (1993. January 3. См. также: Real incest and real survivors: Readers respond // The New York Times Book Review. 1993. February 14).

Robinson K. Memories of Abuse // Seattle Weekly. 1993. August 11. Письма к издателю были опубликованы в колонке «Письма» (Letters) 25 августа 1993 г. Статья о вытесненных воспоминаниях была написана Карен С. Питерсон и опубликована в газете USA Today 31 августа 1992 г., P. D 1.

12. Изгнание демонов

Ричард Офше занимает должность преподавателя социологии в Калифорнийском университете в Беркли. Его исследования главным образом посвящены методам воздействия и социального контроля. В 1979 г. Офше совместно с коллегами получил Пулитцеровскую премию за разоблачение организации Synanon.

Состоящая из двух частей статья Лоуренса Райта о деле Пола Инграма «Вспоминая Сатану», опубликованная 17 и 24 мая 1993 г. в еженедельнике The New Yorker, в дальнейшем была расширена и превратилась в одноименную книгу, ставшую сенсацией. Рецензия на эту книгу появилась в журнале Newsweek 4 апреля 1994 г. «Это чрезвычайно ценная притча, рассказанная вдумчиво, сдержанно и сочувственно, – отмечает критик.– "Вспоминая Сатану" отправляет Райта прямиком в ряды передовых американских журналистов».

Ofshe R. Coerced confessions: The logic of seemingly irrational action // Cultic Studies Journal. 1989. 6. P. 1–15.

Офше неоднократно писал о деле Инграма. См.: *Ofshe R. J.* Inadvertent hypnosis during interrogation: False confession due to dissociative sate, misidentified multiple personality and the

satanic cult hypothesis // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1992. XL. P. 125, 126.

Ofshe R., Watters E. (1993, March/April). Making monsters // Society. P. 4–16.

См. также: *Watters E.* The devil in Mr. Ingram // Mother Jones. 1991. 16. P. 30–33, 65–68.

Spiegel H. The Grade 5 Syndrome: The highly hypnotizable person // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1974. 22. P. 303–319.

Подробнее о синдроме личности пятого типа см.: *Mulhern S.* Satanism and psychotherapy: A rumor in search of an inquisition / In: *Richardson J. T., Best J. M.* and *Bromley D. G.* (eds.). The Satanism Scare, San Francisco: Aldine, 1991.

Watters E. Doors of memory // Mother Jones. 1993/ Jan. – Feb. P. 24–29, 76, 77.

13. Вопрос рая и ада

Комментарии Хиллмана и Пасси можно найти в следующем источнике: *Hillman J., Ventura M.* We've Had a Hundred Years of Psychotherapy and the World's Getting Worse. N. Y.: Harper, San-Francisco, 1992. P. 187–199.

Фраза «семейные правила… убивают человеческие души» приписывается автору книг по самопомощи Джону Брэдшоу в великолепной статье о движении за помощь жертвам насилия: *Rieff D.* Victim's All? Recovery, codependency, and the art of blaming somebody else // Harper's Magazine. 1991. October. P. 49–56. Рифф цитирует следующие слова Брэдшоу: «От экспертов мы слышим, что приблизительно 96 % семей по всей стране являются в той или иной степени проблемными» (p. 51).

Выступление доктора М. Япко на презентации компании Grand Rounds в больнице Чартер 4 ноября 1992 г.

Herman J. Trauma and Recovery, N. Y.: Basic Books, 1992. P. 180.

Мы выражаем глубокую благодарность доктору медицины С. Б. Газу и Спенсеру Т. Олину, преподавателю психиатрии медицинского факультета Вашингтонского университета в Сент-Луисе, Миссури, за познавательную главу «Психотерапия и медицинская модель» (Psychotherapy and the medical model) из его книги «Почему психиатрия является частью медицины» (Why Psychiatry is a Branch of Medicine, N. Y.: Oxford University Press, 1992). Работа доктора Газа познакомила нас с идеями Дональда Спенса, Маршалла Эдельсона и других специалистов, которые стремятся пролить свет на пробелы и слабости современной психотерапии. Цитаты из работ Спенса и Эдельсона позаимствованы из книг Газа.

История о вьетнамском ветеране и священнике пересказывается в следующем источнике: *Herman, J. Trauma and Recovery*. N. Y.: Basic Books, 1992. P. 55.

Высказывание Никоса Казандзакиса цит. по: *Sagan C.* Broca's Brain: Reflections on the Romance of Science. N. Y.: Random House, 1979. P. 281.